

Клавелл Джеймс
Clavell James
Король крыс

Сайт «Военная литература»: militera.lib.ru

Издание: Клавелл Дж. Король крыс.

Оригинал: Clavell J. King Rat.

Клавелл Дж. Король крыс. 1962

Аннотация издательства: Весна 1945-го. Сингапур. Лагерь для военнопленных англичан, американцев и австралийцев. Условия жизни, оскорбляющие достоинство человека, убивающие его физически. Этот роман Джеймса Клавелла о том, как жить, как выжить и как при этом остаться человеком, не перейти ту невидимую черту, за которой — потеря самого себя, нравственных ориентиров, а в итоге — смерть.

Содержание

Предисловие	Книга вторая	Книга третья	Книга четвертая
Книга первая	Глава 9	Глава 15	Глава 19
Глава 1	Глава 10	Глава 16	Глава 20
Глава 2	Глава 11	Глава 17	Глава 21
Глава 3	Глава 12	Глава 18	Глава 22
Глава 4	Глава 13		Глава 23
Глава 5	Глава 14		Глава 24
Глава 6			Глава 25
Глава 7			Глава 26
Глава 8			Примечания

Тем, кто был там, и кого сейчас нет.

Тем, кто был там и живет сейчас.

Ему. Но в большей степени — ей.

Была война. Лагерь Чанги и Утрам Роуд существовали. Остальная часть романа — плод абсолютного вымысла, и всякое сходство с умершим или ныне живущим персонажем случайно.

Чанги — жемчужина на восточной оконечности острова Сингапур, радужно переливающаяся под сводом тропического неба. Он был расположен на небольшом возвышении, окруженный кольцом джунглей, за которыми раскинулась сине-зеленая морская гладь, уходящая в бесконечность до самого горизонта.

Вблизи Чанги терял свою красоту и превращался в то, чем был на самом деле, — отвратительную, страшную тюрьму. Тюремные бараки посреди

выжженных солнцем площадок, окруженные возвышающимися над ними стенами.

За стенами, внутри бараков, ярусами были расположены камеры, рассчитанные на содержание двух тысяч пленных. Сейчас в камерах, в проходах между ними, в каждом закоулке и в каждой щели находилось около восьми тысяч человек. В большинстве своем это были англичане и австралийцы, немного новозеландцев и канадцев — остатки армий, принимавших участие в военной кампании на Дальнем Востоке.

Помимо всего прочего, эти люди были еще и преступниками. Преступление их было страшным. Они проиграли войну. И выжили.

Двери камер были распахнуты, двери бараков не запирались, огромные ворота, разрезающие стены, открыты настежь, и люди могли входить и выходить почти свободно. Но все равно ощущение скученности и нехватки пространства не исчезало.

За воротами проходила гудронированная дорога. Через сотню ярдов к западу дорогу перегораживали ворота, оплетенные колючей проволокой, а за ними располагалось караульное помещение, заполненное вооруженными ничтожествами из армии победителей. Потом дорога весело уходила дальше и в конце концов терялась в растущем городе Сингапуре. Но для заключенных дорога на запад заканчивалась в сотне ярдов от главных ворот.

В направлении на восток дорога шла вдоль стены, потом поворачивала на юг и снова шла вдоль стены. По обеим сторонам дороги стояли ряды длинных, примитивных хижин. Все они были одинаковыми — шестьдесят шагов в длину, со стенами из сплетенных листьев кокосовых пальм, грубо прибитых к столбам, и крышами из листьев тех же пальм, слой за слоем накладываемых поверх листьев, уже тронутых плесенью. Каждый год добавлялся или должен был добавляться новый слой. Потому что солнце, дожди и насекомые подтачивали крышу и разрушали ее. Вместо окон и дверей — проемы. Хижины имели длинные свесы для защиты от солнца и дождя. Бетонные сваи защищали эти хилые постройки от наводнений, а также от змей, лягушек, слизней и улиток, скорпионов, многоножек, жуков и клопов — всех возможных видов ползающих тварей.

В этих хижинах жили офицеры.

К югу и востоку от дороги стояли четыре ряда бетонных бараков, двадцать в ряд, обращенные друг к другу тыльными сторонами. В них жили старшие офицеры — майоры, подполковники и полковники.

Дорога поворачивала на запад, снова следуя вдоль стены, и выходила на еще один ряд хижин. Здесь была расквартирована часть пленных, которая не поместилась в основной тюрьме.

И в одной из них, меньшей по размерам, чем остальные, жили американские военнослужащие — двадцать пять человек.

Там, где дорога вновь поворачивала на север, прижимаясь к стене, находились лагерные огороды. Остальные огороды, которые являлись основным источником пропитания лагеря, лежали дальше к северу, за дорогой, напротив лагерных ворот. Дорога шла дальше через небольшой огород и через двести ярдов упиралась в караульное помещение.

По периметру всей истекающей потом зоны, размером примерно полмили на полмили, шел забор из колючей проволоки. Его легко можно было разрезать. Легко преодолеть. Он не охранялся. Никаких прожекторов. Никаких часовых с пулеметами. Но что из того, что вам удалось бы выбраться за ограду? Родной дом лежал за морями, за горизонтом, за бесконечным океаном или враждебными джунглями. За проволокой жила беда — и для тех, кто сбежал, и для тех, кто остался.

Сейчас, когда шел 1945 год, японцы научились перекладывать заботы по управлению лагерем на самих пленных. Японцы отдавали приказы, а офицеры несли ответственность за их выполнение. Если лагерь не доставлял беспокойства, все было в порядке. Но просьба о еде была беспокойством. Просьба о лекарствах — тоже. Любая просьба — беспокойство. То, что заключенные были живы, тоже являлось беспокойством.

Для заключенных Чанги был больше, чем тюрьма. Чанги был местом, где нужно начинать все сначала.

Книга первая

Глава 1

— Я достану этого проклятого ублюдка, даже если сдохну при этом. — Лейтенант Грей был рад наконец высказать вслух то, что у него накопило на душе. Злоба, прозвучавшая в голосе лейтенанта, заставила сержанта Мастерса оторваться от своих грез. Он думал о бутылочке ледяного австралийского пива и стейке с жареным яйцом сверху, о своем доме в Сиднее, о своей жене, ее грудях и запахе ее тела. Сержант не потрудился проследить, на кого смотрит лейтенант, выглядывая из окна. Он знал, кому предназначался этот взгляд, направленный в сторону полуобнаженных мужчин, бредущих по грязной тропинке вдоль колючей проволоки. Но его удивила вспышка злобы в голосе Грея. Обычно начальник военной полиции Чанги был молчалив и неприступен, как любой англичанин.

— Поберегите силы, лейтенант, — устало отреагировал Мастерс, — скоро япошки расправятся с ним.

— К чертовой матери япошек, — бросил Грей. — Я хочу поймать его сам. Я хочу, чтобы он сидел в этой тюрьме. А когда я разберусь с ним, хочу отправить его в Утрам Роуд.

— В Утрам Роуд? — Мастерс был ошеломлен.

— Конечно.

— Черт возьми, я понимаю, что вам хочется поймать его, — согласился Мастерс, — но я бы никому не пожелал подобного.

— Ему надлежит быть только там. Именно туда я собираюсь посадить его. Потому что он вор, лжец, мошенник и паразит. Кровосос, который кормится за наш счет.

Грей поднялся и подошел поближе к окну душного барака военной полиции. Он отмахнулся от мух, которые тучей поднялись с дощатого пола, и прищурился от полуденного солнца, сжигавшего утоптанную землю.

— Ей-богу, — сказал он, — я сквитаюсь с ним за всех нас.

«Удачи тебе, приятель, — подумал Мастерс. — Ты, может, и поймаешь Кинга, если кто-нибудь вообще может это сделать. У тебя достанет ненависти». Мастерс не любил офицеров и не жаловал военную полицию. Грея же он презирал, потому что тот выдвинулся в офицеры из рядовых и старался скрыть это.

Но Грей был не одинок в своей ненависти. Все население Чанги ненавидело Кинга. Они ненавидели его за мускулистое тело, за ясный блеск синих глаз. В этом сумеречном мире полуживых людей не было ни упитанных, ни хорошо сложенных, крепко сбитых, плотных телом мужчин. Были только лица, на которых выделялись глаза, и тела, от которых остались кожа и кости. Люди отличались друг от друга только возрастом, чертами лица и ростом. И только Кинг во всем этом мире питался как настоящий мужчина, курил то, что подобает мужчине, спал столько, сколько надо мужчине, видел мужские сны и выглядел как настоящий мужчина.

— Эй, — рявкнул Грей. — Капрал! Подойди сюда!

Кинг понял, что Грей следит за ним, как только он обогнул угол тюрьмы, и не потому, что разглядел лейтенанта в темноте хижины военной полиции, а потому что знал Грея как человека привычки, а когда имеешь врага, нужно знать, как он себя ведет. Кинг знал о Грее столько, сколько любой человек может знать о другом.

Он сошел с тропинки и подошел к обособленно стоящей хижине, выделяющейся из множества других.

— Вы хотели видеть меня, сэр? — сказал Кинг, отдавая честь.

Улыбка его была вкрадчивой. Солнечные очки скрывали презрение, светившееся в его глазах.

Из окна Грей смотрел сверху вниз на Кинга. Напряженное выражение его лица скрывало ненависть.

— Куда ты направляешься?

— К себе в хижину, сэр, — ответил терпеливо Кинг, одновременно просчитывая про себя варианты: допустил ли он где-то ошибку, стукнул ли кто-нибудь лейтенанту, что происходит с Греем?

— Где ты взял эту рубашку?

Кинг купил рубашку накануне у майора, который хранил ее в течение двух лет до того дня, когда вынужден был продать ее, чтобы получить деньги и купить еду. Кингу нравилось опрятно и хорошо одеваться. Все остальные не могли себе этого позволить, и поэтому он был доволен, что сегодня на нем была чистая и новая рубашка, брюки с отглаженными складками, чистые носки, начищенные ботинки и шляпа без пятен. Его забавляло, что Грей был наг, если не считать трогательно заплатанных шорт, сандалий на деревянной подошве и зеленого берета танковых войск, сильно порченного плесенью.

— Я купил ее, — сказал Кинг. — Уже давно. Нет закона, запрещающего покупать что-либо здесь или где-нибудь еще, сэр.

Грей почувствовал дерзость в слове «сэр».

— Ладно, капрал, заходи сюда!

— Зачем?

— Хочу немного поболтать, — саркастически объяснил Грей.

Кинг сдержал себя, поднялся по ступенькам в комнату и подошел к столу.

— Теперь что, сэр?

— Выверни карманы.

— Зачем?

— Делай, что тебе говорят. Ты знаешь, у меня есть право обыскать тебя в любое время. — Грей позволил продемонстрировать свое презрение к Кингу. — На это согласился даже твой командир.

— Только потому, что вы настояли на этом.

— Имею на то основание. Выверни карманы!

Кинг устало согласился. В конце концов, ему нечего было прятать. Платок, расческа, бумажник, одна пачка сигарет, табакерка, полная невыделанного яванского табака, рисовая бумага для скручивания сигарет, спички. Грей убедился в том, что в карманах ничего нет, потом открыл бумажник. В нем было пятнадцать американских долларов и около четырех сотен сингапурских долларов, выпускаемых японцами.

— Где ты взял эти деньги? — бросил Грей, обливаясь, как всегда, потом.

— Выиграл в карты, сэр.

Грей невесело рассмеялся.

— У тебя полоса везения. Она тянется почти уже три года. Не так ли?

— Вы уже закончили со мной, сэр?

— Нет. Дай мне взглянуть на твои часы.

— Они есть в списке...

— Я сказал — дай мне посмотреть на твои часы!

Кинг угрюмо расстегнул на запястье браслет из нержавеющей стали и вручил часы Грею.

Несмотря на свою ненависть к Кингу, Грей почувствовал укол зависти. Часы были водонепроницаемыми, противоударными, самозаводящимися. Фирма «Остер Ройял». Наиболее ценный предмет в Чанги, такой же ценный, как золото. Он перевернул часы и посмотрел на цифры, выбитые в стали, потом подошел к стене, снял с нее список вещей Кинга, автоматически стряхнул с бумаги муравьев и тщательно сверил номер часов «Остер Ройял» в списке.

— Он совпадает, — заметил Кинг. — Не беспокойтесь, сэр.

— Я не беспокоюсь. Это тебе следует беспокоиться.

Он отдал часы, которые могли обеспечить еду почти на полгода. Кинг надел часы и стал собирать со стола бумажник и остальные вещи.

— Ах да. Твой перстень! — заявил Грей. — Давай-ка проверим и его.

Но и перстень укладывался в перечень. Он проходил под названием «Золотой перстень с печаткой клана Гордон». Наряду с описанием был приведен образец печати.

— Как это у американца оказался перстень с печаткой Гордона? — Грей задавал подобный вопрос много раз.

— Я выиграл его в покер, — сказал Кинг.

— Необыкновенная у тебя память, капрал, — сказал Грей и отдал перстень. Он наверняка знал, что и перстень, и часы окажутся в порядке. Он использовал обыск только как повод. Он чувствовал непреодолимое, почти мазохистское желание побыть некоторое время рядом со своей жертвой. Он также знал, что Кинга не так просто напугать. Многие пытались поймать его и потерпели поражение, потому что тот был сообразителен, осторожен и очень хитер.

— Почему это, — резко спросил Грей, неожиданно закипая от зависти при виде часов, перстня, сигарет, спичек и денег, — у тебя столько добра, а у остальных ничего нет?

— Не знаю, сэр. Думаю, просто везет.

— Где ты взял эти деньги?

— Выиграл в карты, сэр. — Кинг всегда был вежлив. Он всегда говорил «сэр» офицерам и отдавал им честь. Английским и австралийским офицерам. Но он знал, что они чувствовали степень его презрения к слову «сэр» и отданию чести. Это было не по-американски. Человек остается человеком, независимо от происхождения, воспитания или звания. Если ты уважаешь его, ты говоришь «сэр». Если нет, значит нет, и возражают против этого только сукины дети. Черт с ними!

Кинг надел перстень на палец, застегнул карманы и отряхнул пыль с рубашки.

— Это все, сэр? — Он заметил вспышку гнева в глазах Грея.

Грей перевел взгляд на Мастерса, который нервно следил за ними.

— Сержант, принеси мне воды.

— Воды?

Мастерс устало подал ему фляжку с водой, висевшую на стене.

— Прошу вас, сэр.

— Это вчерашняя вода, — заявил Грей, хотя знал, что это не так. — Налей свежей.

— Я могу поклясться, что уже менял воду в ней, — сказал Мастерс. Потом, покачив головой, вышел.

Грей молчал, а Кинг, расслабившись, ждал. Ветер шевелил листья кокосовых пальм, которые возвышались над джунглями сразу за забором. Это предвещало дождь. На востоке уже собирались черные тучи, готовые вскоре застлать собой все небо. Вскоре они превратят пыль в болото, и станет легче дышать в насыщенном влагой воздухе.

— Не желаете сигарету, сэр? — предложил Кинг, протягивая пачку.

Грей последний раз курил настоящую сигарету два года тому назад, в день своего рождения. В свой двадцать второй день рождения. Он уставился на пачку, страстно желая одну сигарету, нет, все сигареты сразу!

— Нет, — угрюмо отказался он. — Я не хочу твоих сигарет.

— Не возражаете, если я закурю, сэр?

— Возражаю!

Не отрывая глаз от лица Грея, Кинг спокойно вытащил сигарету из пачки. Он прикурил и глубоко затянулся.

— Вынь сигарету изо рта! — приказал Грей.

— Конечно, сэр. — Перед тем как выполнить приказ, Кинг сделал длинную, медленную затяжку. Потом ожесточенно заметил:

— Я не собираюсь подчиняться вашим приказам, и нет закона, который запрещает мне курить тогда, когда мне захочется. Я — американец и плевать хотел на всех, кто размахивает этим чертовым Юнион Джеком [1](#). Вам на это тоже было указано! Оставьте меня в покое, сэр!

— Я слежу за тобой, капрал, — взорвался Грей. — Скоро ты сделаешь промашку, а когда ты сделаешь ее, я поймаю тебя, а потом посажу вон туда. — Его палец трясся, когда он показывал на грубую клетку из бамбука, служившую в качестве камеры. — Вот место, где тебе следует быть.

— Я не нарушаю никаких законов...

— Тогда откуда ты берешь деньги?

— Играю в карты.

Кинг придвинулся ближе к Грею. Он контролировал свой гнев, но сейчас был опаснее обычного.

— Никто не дает мне ничего. То, что у меня есть, я заработал сам. Как я это сделал, касается только одного меня.

— До тех пор, пока я — начальник военной полиции, это касается не только тебя. — Кулаки Грея сжались. — За последние месяцы было украдено много лекарств. Может быть, тебе известно что-нибудь о них?

— Ну, вы... послушайте, — яростно возразил Кинг. — Я за свою жизнь ни одной вещи не украл! Я никогда в своей жизни не торговал лекарствами, и не забывайте об этом! Черт побери, если бы вы не были офицером, я бы...

— Но я офицер и хочу дать тебе понять это. Клянусь Богом, я сделаю это! Думаешь, ты чертовски сильный. Ну, я заставлю тебя понять, что это не так!

— Я скажу вам одно. Когда мы выберемся из этого дерьмового Чанги, найдите меня, и я вручу вам вашу голову.

— Я не забуду сделать это. — Грей старался успокоить бешено стучащее сердце. — Но помни, до этого я буду следить за тобой и ждать. Я никогда не слышал о везении, которое когда-нибудь не кончается. И твоему придет конец!

— А вот и нет, сэр!

Но Кинг знал, что в словах лейтенанта много правды. Ему везло. Очень везло. Но везение обеспечивается упорным трудом, расчетом и кое-чем еще, а не только риском. По крайней мере риск должен быть рассчитан. Как вот, например, сегодня с этим бриллиантом... Целых четыре карата. Наконец он узнал, как добраться до него. Когда он будет готов к этому. А если он справится с этим делом, оно будет последним, и не надо больше рисковать, по крайней мере здесь, в Чанги.

— Твоему везению настанет конец, — злорадно заявил Грей. — И знаешь, почему? Потому что ты такой же, как и все преступники. Ты слишком жаден...

— Я не обязан выслушивать эту чушь от вас, — с яростью перебил его Кинг. — Я не больше преступник, чем...

— Даты и есть преступник! Ты все время нарушаешь закон.

— Черта с два! Может быть, японский закон...

— К дьяволу японский закон! Я имею в виду закон лагеря. Он гласит, что торговля запрещена. Это то, чем ты занимаешься?

— Докажите это!

— И докажу со временем. Ты совершишь всего лишь одну ошибку. А потом посмотрим, как ты выживешь вместе с остальными. В моей клетке. А после нее я лично прослежу, чтобы тебя отправили в Утрам Роуд.

Кинг почувствовал, как похолодели его сердце и живот.

— Боже! — сдавленно произнес он. — Вы такой мерзавец, что можете сделать это!

— В твоем случае, — ответил Грей, на губах которого появилась пена, — это доставит мне удовольствие. Япошки ведь твои друзья!

— Ну, ты сукин сын! — Кинг сжал здоровый кулак и придвинулся к Грею.

— Эй, что здесь происходит? — Это сказал полковник Брент, взбегая по ступенькам и входя в хижину. Это был невысокий человек, рост которого едва дотягивал до пяти футов. Борода его была завязана под подбородком по сикхскому обычаю. В руках он держал офицерскую тросточку. На его армейской фуражке не хватало козырька, и вся она была заштопана мешковиной; по центру фуражки сверкала, как золотая, эмблема полка, гладкая от полировки в течение долгого времени.

— Ничего... ничего, сэр. — Грей отмахнулся от мушиного роя, пытаясь справиться со своим дыханием. — Я просто... обыскивал капрала.

— Да ладно. Грей, — раздраженно оборвал его полковник Брент. — Я слышал, что вы говорили об Утрам Роуд и япошках. Вы имеете полное право обыскать и допросить его, это всем известно, но у вас нет причины угрожать ему или оскорблять. — Он повернулся к Кингу; лоб полковника был покрыт каплями пота.

— Теперь вы, капрал. Вам надо благодарить судьбу, что я не сделаю дисциплинарного доклада капитану Брафу относительно вас. О чем вы думаете, когда расхаживаете в подобной одежде? Этого достаточно, чтобы свести с ума любого! Напрашиваетесь на неприятности?

— Да, сэр, — сказал Кинг, внешне спокойный, но мысленно проклинаящий самого себя за то, что потерял контроль над собой, — именно на это его и провоцировал Грей.

— Посмотрите на мою одежду, — продолжал полковник Брент. — Как, черт побери, вы считаете, я должен себя чувствовать?

Кинг не ответил. Он думал: «Это твоя проблема. Мак... Ты следишь за собой, я слежу за собой...» На полковнике была только набедренная повязка, сделанная из половины саронга, обернутая вокруг талии — наподобие национальной

шотландской юбки, а под повязкой уже ничего не было. В Чанги Кинг был единственным мужчиной, который носил трусы. У него их было шесть пар.

— Думаете, я не завидую вашим ботинкам? — раздраженно спросил полковник Брент. — Когда у меня есть всего лишь эти проклятые штуки.

На нем были сандалии утвердившегося образца — кусок деревяшки с прикрепленной к ней полоской ткани для ступни.

— Не могу знать, сэр, — ответил Кинг со скрытой покорностью в голосе, столь приятной для офицерского уха.

— Верно. Совершенно верно. — Полковник Брент повернулся к Грею. — Я считаю, что вы должны извиниться перед ним. Вы совершили ошибку, угрожая ему. Мы ведь должны быть справедливы, не так ли. Грей? — Он вытер пот, выступивший на его лице.

Грею понадобилось сделать над собой огромное усилие, чтобы оборвать ругательства, от которых подрагивали его губы.

— Я приношу извинения. — Произнесено это было тихо и раздраженно, отчего Кингу едва удалось подавить улыбку.

— Очень хорошо. — Полковник кивнул, потом взглянул на Кинга. — Ладно, — продолжил он, — можете идти. Но, одеваясь подобным образом, вы напрашиваетесь на неприятности. Винить вам надо только самого себя!

— Благодарю вас, сэр. — Кинг ловко козырнул.

Выйдя на солнце, он облегченно вздохнул и снова обругал себя. Боже, он чуть было не сорвался! Был близок к тому, чтобы ударить Грея, а это было бы действием сумасшедшего. Надо прийти в себя. Он остановился у тропинки и закурил. Проходившие мимо люди видели сигарету и вдыхали ее запах...

— Проклятый парень, — заявил наконец полковник, по-прежнему глядя в окно и вытирая пот со лба. Потом обратился к Грею:

— Послушайте, Грей, вы и в самом деле спятили, если провоцируете его подобным образом.

— Виноват. Я... я считаю, что он...

— Кем бы он ни был, офицер и джентльмен не должен вести себя подобным образом. Плохо, очень плохо, не так ли?

— Да, сэр. — Грею нечего было добавить.

Полковник хрюкнул, потом поджал губы.

— Совершенно верно. Удачно я проходил мимо. Нельзя допустить, чтобы офицер скандалил с простым солдатом. — Он снова выглянул в дверь, ненавидя Кинга, страстно желая его сигарету. — Проклятый человек, — сказал он, не глядя на Грея, — недисциплинированный. Как и все американцы. Дурная компания. Они обращаются к своим офицерам по имени. — Он вздернул брови. — И офицеры играют в карты с рядовыми. Господи, спаси мою душу. Хуже австралийцев, а те — сброд, какого поискать. Несчастье! Совсем не похоже на индийскую армию. Что вы говорите?

— Ничего, сэр, — сказал Грей тонким голосом.

Полковник Брент быстро повернулся.

— Я не имел в виду, — ну. Грей, — только потому, что... — Он запнулся, и внезапно в его глазах появились слезы. — Почему, почему они поступили так? — судорожно произнес он. — Почему, Грей? Я... мы все любили их.

Грей пожал плечами, хотя ради приличия он должен был посочувствовать.

Полковник замялся, потом повернулся и вышел из хижины. Он шел, наклонив голову, по щекам его текли тихие слезы.

Когда в 1942 году пал Сингапур, солдаты полковника перешли на сторону врага, японцев, почти все до единого человека, и принялись отыгрываться на своих английских офицерах. Эти солдаты стали первыми охранниками военнопленных, некоторые из них были хуже зверей. Офицеры не знали покоя. Потому что они были из одного полка, из других индийских полков их было мало. Гуркхи [\[2\]](#) сохраняли преданность даже под пыткой и оскорблениями. Полковник Брент оплакивал своих людей, людей, за которых он должен был бы умереть, людей, за которых он все еще умирал.

Грей посмотрел ему вслед, потом увидел Кинга, курящего у тропинки.

— Я рад, что с этого момента — либо я тебя, либо ты меня! — прошептал он сам себе.

* * *

Он сел на скамью, и его кишечник пронзила болезненная судорога, напомнив о том, что дизентерия еще не покинула его тело.

— К черту все это, — тихо произнес он, проклиная полковника Брента и принесенное извинение.

Вернулся Мастерс с флягой, полной воды, и протянул ее лейтенанту. Тот сделал глоток, поблагодарил его и начал придумывать план уничтожения Кинга. Но голод, овладевший им в ожидании завтрака, заставил Грея отключиться.

В воздухе раздался слабый стон. Грей бросил быстрый взгляд на Мастерса, который даже не заметил, что простонал, следя за непрерывным движением ящериц, стремительно преследовавших насекомых или совокупляющихся.

— У тебя дизентерия. Мастерс?

Мастерс слабо отмахнулся от мух, которые облепляли его лицо.

— Нет, сэр. У меня не было ее в течение по крайней мере пяти недель.

— Энтерит?

— Нет, слава Богу. Клянусь. Просто амеба. И малярии у меня не было почти три месяца, мне очень везет, я вполне здоров.

— Да, — согласился Грей. И добавил как бы в раздумье:

— Ты выглядишь здоровым. — Но Грей знал, что вскоре ему придется подыскивать замену Мастерсу. Он снова посмотрел на Кинга, следя за тем, как тот курит, испытывая приступ тошноты из-за желания закурить.

Мастерс снова застонал.

— Что с тобой творится, черт возьми? — сердито бросил Грей.

— Ничего, сэр. Ничего. Должно быть, я...

Но попытка закончить предложение оказалась непосильной, и слова Мастерса потонули в жужжании мух. Мухи царствовали днем, москиты ночью. Тишина не наступала никогда. Как же можно жить без мух, москитов и людей? Мастерс старался вспомнить, но это оказалось непосильным для него. Поэтому он остался сидеть неподвижно, едва дыша; он был лишь оболочкой человека. Душа его тревожно металась.

— Ладно, Мастерс, можешь идти, — разрешил Грей. — Я буду ждать сменщика. Кто он?

Мастерс заставил себя собраться с мыслями и через минуту сказал:

— Блу... Блу... Уайт.

— Бога ради, приди в себя, — резко бросил Грей. — Капрал Уайт умер три недели назад.

— О, виноват, сэр, — слабо откликнулся Мастерс. — Извините, я должно быть... Я... э-э-э... я думаю, что придет Петерсон. Помми{3}, то есть я имею в виду англичанин. Пехотинец, мне кажется.

— Ладно. Можешь идти завтракать. Но не задерживайся и возвращайся.

— Слушаюсь, сэр.

Мастерс надел плетеную шляпу с большими полями, отдал честь и, шаркая ногами, вышел из хижины, подтягивая на бедрах лохмотья, оставшиеся от брюк. «Боже, — подумал Грей, — за пятнадцать шагов слышно, как он воняет...» Им как раз собирались выдать немного мыла.

Но он знал, что воняет не только от Мастерса. Все остальные тоже воняют. Если ты не моешься шесть раз в день, запах пота висит вокруг тебя, как саван. И, думая о саване, он снова подумал о Мастерсе и о тех признаках его состояния, которые заметил; может быть, и Мастерс тоже знал об этом, так что какой смысл мыться?

Грей видел много смертей. Он с горечью подумал о своем полке и о войне. «Черт побери, — чуть было не закричал он, — мне уже двадцать четыре года, а я все еще лейтенант! А война идет везде — по всему миру. Продвижения по службе происходят ежедневно. Столько возможностей! А я в этом вонючем лагере для военнопленных и все еще лейтенант. О Боже! Если бы только нас не отправили в Сингапур в сорок втором году. Если бы мы попали туда, куда предполагалось сначала, — на Кавказ. Если бы мы только...»

— Хватит, — сказал он сам себе вслух. — Ты так же плох, как Мастерс, ты, проклятый дурак.

В лагере считалось нормальным, если человек иногда разговаривал сам с собой. Лучше выговориться, всегда говорили врачи, чем копить все внутри себя — это путь к безумию.

Не все так уж плохо, особенно днем. Можно перестать думать о своей прежней жизни, об ее основном содержании-еде, женщинах, доме, еде, еде, женщинах, еде. Но ночи — это самое страшное. Ночами человек грезит. Грезит об еде и женщинах. О своей женщине. А если дать себе волю, то вскоре грезы могли доставлять большее удовольствие, чем пробуждение, а если проявишь беспечность, то будешь грезить наяву, и дни превратятся в ночи, а ночи в дни. И тогда останется только смерть. Спокойная. Тихая. Умереть так просто. Жить было мучительно. Для всех, кроме Кинга. Тот мучений не испытывал.

Грей по-прежнему следил за ним, пытаясь расслышать, что тот говорил человеку рядом с ним, но Кинг был слишком далеко. Грей постарался опознать другого человека, но не смог. По повязке на руке он мог определить, что тот майор. Согласно приказу японцев, все офицеры обязаны были носить на левой руке повязку с указанием их звания. Всегда. Даже, если они ходили нагишом.

Черные ливневые тучи быстро собирались на небе. На востоке сверкнула молния, но солнце продолжало палить. Зловонный ветерок на мгновение поднял пыль, потом дал ей улечься.

Грей автоматически заработал бамбуковой хлопушкой для мух. Проворное, наполовину бессознательное движение кисти, и еще одна муха упала на землю, искалеченная. Убить муху было жестом легкомыслия. Изуродовать ее, чтобы тварь помучилась и в крошечной мере разделила бы твои собственные страдания. Изуродовать ее, и она будет беззвучно кричать до тех пор, пока не появятся муравьи и другие мухи, чтобы подраться из-за ее живой плоти.

Но Грей не получил обычного удовольствия от слежки за мучением мучителя. Его мысли были сосредоточены на Кинге.

Глава 2

— Видит Бог, — говорил майор Кингу с наигранным оживлением, — потом наступило время, когда я попал в Нью-Йорк. В тридцать третьем году. Замечательное время. Штаты — такая прекрасная страна. Я когда-нибудь рассказывал вам о своем путешествии в Олбани? В то время я был младшим офицером...

— Да, сэр, — устало подтвердил Кинг. — Вы рассказывали мне об этом. — Он чувствовал, что устал быть вежливым, и по-прежнему ощущал на себе глаза Грея. Хотя он в совершенной безопасности и не боялся, ему хотелось уйти с солнца, убраться с глаз лейтенанта. Да и дел полно. Дьявольщина, майор никак не может добраться до сути.

— Прошу прощения, сэр. Рад был поговорить с вами.

— О, подождите минутку, — быстро проговорил майор Бэрри и нервно огляделся вокруг, ощущая любопытные взгляды проходивших мимо мужчин, чувствуя их молчаливый вопрос: о чем это он толкует с Кингом? — Я... э... э... э, могу ли я поговорить с вами с глазу на глаз?

Кинг оценивающе разглядывал его.

— Мы и так говорим с глазу на глаз. Если вы будете говорить тише...

От смущения майор вспотел. Но он старался поймать Кинга в течение нескольких дней. Такую хорошую возможность жалко было терять.

— Но ведь хижина начальника военной полиции...

— Какое отношение имеют копы к частному разговору? Я не понимаю, сэр.

Кинг был спокоен.

— Не нужно... э... э... э... ну, полковник Селларс сказал, что вы можете помочь мне.

У майора Бэрри вместо правой руки была культя, которую он все время почесывал, трогал ее и теребил.

— Не окажете ли вы... не продадите ли вы кое-что для нас, то есть я имею в виду — для меня? — Он подождал, чтобы рядом никого не было. — Это зажигалка, — прошептал Бэрри. — Ронсоновская зажигалка. В отличном состоянии.

Теперь, когда он добрался до цели, майор почувствовал некоторое облегчение. Но одновременно он почувствовал себя нагим, произнося эти слова перед американцем, под солнцем, стоя на тропинке.

— Кто владелец? — спросил Кинг после минутного раздумья.

— Я. — Майор, удивленный, посмотрел на него. — Господи, не думаете ли вы, что я украл ее? Господи, я бы никогда такого не сделал. Я хранил ее все это время, но сейчас, ну, нам пришла пора ее продать. Все в группе согласны. — Он облизал пересохшие губы и погладил культю. — Пожалуйста. Вы сделаете это? Вы можете получить за нее хорошую цену.

— Торговля противозаконна.

— Да, но прошу вас — пожалуйста! Вы можете доверять мне.

Кинг повернулся так, чтобы его спина была обращена к Грею, а лицо к ограде — на тот случай, если Грей в состоянии читать по губам.

— Я пришлю кого-нибудь после завтрака, — спокойно сказал он. — Паролем будут слова: «Лейтенант Олбани приказал мне повидать вас». Понятно?

— Да, — майор Бэрри колебался, сердце его колотилось. — Когда вы сказали?

— После завтрака. После ленча.

— А, хорошо.

— Отдайте ее этому человеку. А когда я осмотрю ее, я свяжусь с вами. Пароль прежний.

Кинг стряхнул пепел с сигареты и бросил окурочек на землю. Он уже было собрался наступить на него, когда заметил выражение лица майора.

— О! Хотите окурочек?

Майор проворно нагнулся и схватил его.

— Благодарю. Большое спасибо.

Он открыл маленькую жестянку с табаком, осторожно содрал бумагу с окурка, высыпал полдюйма табака в сухие листья и перемешал их.

— Это дает прекрасный запах, — сказал он, улыбаясь. — Я сделаю из этого по крайней мере добрых три сигареты.

— Увидимся, сэр, — сказал Кинг, отдавая честь.

— О, хм, ну... — Майор не вполне знал, как начать. — Не считаете ли вы, — нервно начал он, понижая голос, — что, ну... отдать ее незнакомому человеку просто так... откуда мне знать... ну, что все будет в порядке?

— Во-первых, пароль, — холодно сказал Кинг, — во-вторых, моя репутация. И еще одно: я поверил вам, что вещь не краденая. Может быть, нам стоит забыть об этом?

— О нет, прошу понять меня правильно, — быстро заговорил майор. — Я ведь просто спросил. Зажигалка — это все, что у меня осталось. — Он пытался улыбнуться. — Благодарю. После завтрака. Как вы считаете, сколько времени вам потребуется, чтобы... э... продать ее?

— Так скоро, как смогу. Условия обычные. Я получаю десять процентов от продажной цены, — жестко заявил Кинг.

— Конечно. Спасибо и еще раз благодарю за табак.

Теперь, когда все было сказано, майор Бэрри почувствовал, что с его души свалилась огромная тяжесть. Если все сойдет удачно, думал он, торопливо спускаясь с холма, мы получим шестьсот или семьсот долларов. При экономном расходовании хватит на еду в течение многих месяцев. Он ни разу не вспомнил о человеке, которому принадлежала зажигалка и который отдал ее ему на хранение, когда много месяцев назад попал в госпиталь, чтобы никогда не вернуться. Это в прошлом. Сегодня зажигалка принадлежит ему. Она была его. Он может ее продать.

Кинг знал, что Грей следил за ним все это время. Возбуждение от совершения сделки прямо против хижины военной полиции улучшило его самочувствие. Довольный собой, он зашагал вверх по небольшому склону, автоматически отвечая на приветствия людей — офицеров и солдат, англичан и австралийцев, которых он знал. Наиболее значительные лица удостоивались специального приветствия, другим он дружески кивал.

Кинг знал об их злобной зависти, но это совершенно не трогало его. Он привык к ней; она забавляла его и увеличивала его значимость. И он был доволен, когда люди называли его королем. Он был горд как мужчина, как американец. Только

ловкостью и умом он создал свой мирок. Сейчас он обозревал этот мирок и был совершенно удовлетворен.

Он остановился около хижины номер двадцать четыре, где жили австралийцы, и просунул голову в окно.

— Эй, Тинкер! — позвал он. — Я хочу, чтобы ты побрил меня и сделал маникюр.

Тинкер Белл был маленького роста, с коричневой кожей и жилистым телом, маленькими и темными глазками, нос у него шелушился. По своей профессии он был стригалем овец, но в Чанги стал лучшим парикмахером.

— По какому случаю? У тебя что, день рождения? Я делал тебе маникюр позавчера.

— Ну, так я хочу и сегодня.

Тинкер пожал плечами и выпрыгнул из окна. Кинг откинулся на стуле под защитой свеса крыши, расслабился. Тинкер повязал ему простыню вокруг его шеи и заставил принять нужное положение.

— Посмотри на это, приятель, — сказал он и сунул маленький обмылок под нос Кингу. — Понюхай.

— Вот это да, — ухмыляясь, отозвался Кинг. — Это же настоящее мыло «Мак Кой».

— Не знаю, о чем ты говоришь, приятель! Но это «Красные фиалки» Ярдли! Мой приятель спер его, когда был на работах. Прямо из-под носа у чертовых япошек. Оно стоило мне тридцать долларов, — добавил он, подмигивая и удваивая цену. — Если хочешь, я буду держать его специально для тебя.

— Вот что я скажу тебе. Я буду платить тебе пять баксов каждый раз вместо трех, пока мыло не кончится, — предложил Кинг.

Тинкер быстро прикинул. Возможно, обмылка хватит на восемь раз, может быть, на десять.

— Разрази меня гром, приятель. Я только-только верну свои деньги.

— Ты попался, Тинк, — проворчал Кинг. — Я могу купить по весу, пятнадцать долларов за кусок.

— Проклятье! — взорвался Тинкер в притворной ярости. — Приятель принимает меня за молокососа! Так не пойдет!

Он яростно превратил горячую воду и ароматно пахнущее мыло в пену. Потом рассмеялся.

— Ты настоящий король {4}, приятель.

— Да, — удовлетворенно согласился Кинг. Он и Тинкер были старыми друзьями.

— Готов, приятель? — спросил Тинкер, подняв кисточку с пеной.

— Конечно. — Тут Кинг заметил Текса, идущего по тропинке. — Подожди минуту. — Эй, Текс! — окликнул он.

Текс посмотрел в сторону хижины, увидел Кинга и легкой походкой направился к нему.

— Да? — Текс был долговязым юнцом с большими ушами, кривым носом и спокойными глазами. Ростом он был высок, очень высок.

Не дожидаясь приказаний, Тинкер отошел в сторону, чтобы не слышать разговора, когда Кинг поманил Текса поближе к себе.

— Сделаешь кое-что для меня? — спросил он тихо.

— Конечно.

Кинг вынул бумажник и извлек оттуда десятидолларовую банкноту.

— Пойди найди полковника Брента. Маленький такой парень, с бородой, завязанной под подбородком. Отдай ему это.

— Ты знаешь, где он должен быть?

— За углом тюрьмы. Сегодня его черед следить за Греем.

Текс ухмыльнулся.

— Слышал, у вас была ссора.

— Этот сукин сын обыскал меня.

— Бандит, — сухо заметил Текс, почесывая светлый ежик на голове.

— Да, — рассмеялся Кинг. — И скажи Бренту, чтобы он не опаздывал следующий раз. Но тебе следовало бы быть там, Текс. Господи, этот Брент — настоящий артист. Он даже заставил Грея извиниться.

Кинг ухмыльнулся, потом добавил еще пятерку.

— Скажи ему, что это за извинение.

— О'кей. Это все?

— Нет. — Он сказал ему пароль и объяснил, где найти майора Бэрри; потом Текс ушел, а Кинг уселся поудобнее. День в целом оказался очень прибыльным.

* * *

Грей торопливо шел по грязной тропинке, затем поднялся по ступенькам в хижину номер шестнадцать. Почти подоспело время завтрака, и он был болезненно голоден.

Люди уже выстраивались в раздраженную очередь за едой. Грей быстро прошел к своей кровати, взял два котелка, кружку, ложку, вилку и присоединился к очереди.

— Почему завтрак еще не принесли? — устало спросил он человека впереди.

— Откуда, черт побери, мне знать? — резко бросил Дейв Девен. Его произношение выдавало выпускника одного из привилегированных учебных заведений — Итона, Хэрроу или Чартерхауза — он был высокий, как бамбук.

— Я просто поинтересовался, — раздраженно сказал Грей, презируя Девена за его произношение и происхождение.

После часового ожидания принесли еду. Человек поднес два бачка к началу очереди и поставил их на землю. Раньше в бачках было по пять галлонов высокооктанового бензина. Сейчас один из них был наполовину наполнен рисом — сухим, прозрачным. Другой был полон супа.

Сегодня был суп из акулы, по крайней мере одну акулу разрезали унцию за унцией в суп для десяти тысяч человек. Суп был теплым, на вкус слегка отдавал рыбой, в нем плавали кусочки баклажанов и капусты. Какая-то сотня фунтов на десять тысяч человек. В супе в основном плавали листья, красные и зеленые, горькие, но тем не менее питательные, выращенные так заботливо на лагерном огороде. Суп был приправлен солью, порошком карри и красным перцем.

Каждый человек из очереди молчаливо выходил вперед, следя за тем, сколько получил человек впереди него и человек за ним, сравнивая их порции с той, которую получил он сам. Но сейчас, спустя три года, размеры порций были одинаковыми. Чашка супа на человека.

При раздаче рис испускал пар. Сегодня был яванский рис, рассыпчатый, лучший рис в мире. Чашка риса на человека, кружка чая.

Каждый уносил еду и ел молча, быстро и мучительно страдая при этом. Долгоносики в рисе являлись добавкой к еде, а из супа спокойно вылавливали

червей или насекомых. Но большинство не глядело на суп после первого быстрого взгляда, которым определяли, есть ли в нем кусок рыбы.

Сегодня после раздачи осталось немного еды, проверили список, и три человека в начале списка получили добавку и возблагодарили сегодняшний день. С едой было покончено, завтрак завершен, а обеду предстояло быть на закате.

Но, хотя выдавали только суп и рис, у человека в лагере мог оказаться кусок кокосового ореха, половина банана, или кусок сардины, или ниточка консервированного мяса, или даже целое яйцо, которое можно перемешать с рисом. Яйцо было роскошью. Раз в неделю, если лагерные куры неслись согласно плану, яйцо выдавали каждому пленному. Это был великий день. Немногим пленным давали по яйцу каждый день, но никто в лагере не хотел оказаться среди этих избранных.

— Эй, парни, послушайте! — Капитан Спенс стоял в центре хижины, но его голос можно было слышать и снаружи. Он был дежурным офицером на этой неделе, начальником хижины, маленький загорелый человек с характерными чертами лица. Он подождал, пока все вошли в хижину.

— Нам надо дать дополнительно десятерых парней в бригаду для работы в лесу, завтра. — Он проверил свой список и стал выкликать имена, потом поднял голову.

— Марлоу? — Ответа не последовало. — Кто-нибудь знает, где Марлоу?

— Думаю, что он со своей группой, — отозвался Эварт.

— Передайте ему, что на завтра он записан в бригаду, работающую на аэродроме.

— Ладно.

Спенс закашлялся. Сегодня его особенно мучила астма; когда приступ кашля прошел, он продолжил:

— Комендант лагеря сегодня утром опять встречался с японским генералом. Он просил увеличить пайки и выдать лекарства. — Спенс прокашлялся и продолжил ровным голосом в наступившей мгновенно тишине:

— Он получил обычный отказ. Порция риса остается равной четырем унциям на человека в день.

Спенс выглянул наружу и проверил, находятся ли оба наблюдателя на своих местах. Он понизил голос, и все окружающие слушали в напряженном ожидании.

— Союзнические силы находятся примерно в шестидесяти милях от Мандалая {5}, по-прежнему активно наступая. Они обратили япошек в бегство. Союзники по-прежнему наступают в Бельгии, но погода очень плохая. Снежные бури. На Восточном фронте та же погода, но русские рвутся, как будто за ними гонятся черти, и ожидается, что Краков будет взят через несколько дней. У янки в Маниле дела идут хорошо. Они находятся около... — тут он замешкался, стараясь вспомнить название, — мне кажется, около реки Агно на Лусоне {6}. Это все новости. Но они хорошие.

Спенс был рад, что на этом его роль закончилась. Он заучивал информацию наизусть ежедневно на собраниях ответственных за хижину, и всякий раз, когда вставал, чтобы повторить ее публично, его прошибал холодный пот, а в желудке сосало. В один прекрасный момент осведомитель мог передать врагу, что он — один из тех пленных, которые передают новости, а Спенс знал, что он недостаточно стоек, чтобы хранить молчание. Или когда-нибудь японцы могут услышать, как он выступает перед пленными, и тогда, тогда...

— Это все, парни. — Спенс отошел к своей койке, чувствуя приступ тошноты. Он снял брюки и вышел из хижины с полотенцем, перекинутым через руку.

Солнце палило нещадно. До дождя оставалось еще часа два. Спенс перешел через асфальтированную дорогу и встал в очередь к душе. Ему всегда надо было принимать душ после передачи новостей, потому что от него начинало остро вонять потом.

* * *

— Все в порядке, приятель? — спросил Тинкер.

Кинг посмотрел на свои ногти. Они были хорошо обработаны. После прикладывания горячих и холодных полотенец кожа на его лице стала упругой и остро пахла лосьоном.

— Отлично, — сказал он, расплачиваясь с Тинкером. — Благодарю, Тинк.

Кинг встал, надел шляпу, кивнул Тинкеру и полковнику, который терпеливо дожидался очереди постричься. Оба человека, не отрываясь, смотрели ему вслед.

Кинг быстро шагал по тропинке, мимо скопления хижин, направляясь к себе домой. Он испытывал приятное чувство голода.

Хижина американцев стояла отдельно от других, достаточно близко к стенам. Поэтому во второй половине дня она была в тени. Кроме того, рядом проходила тропинка, которая являлась центральной жизненной артерией лагеря, да и забор из колючей проволоки был довольно близко. Все было сделано правильно. Капитан Браф из ВВС США, старший по чину американский офицер, настоял на

том, чтобы американские рядовые жили в одной хижине. Большинство американских офицеров предпочло бы находиться вместе с рядовыми: им было трудно жить среди иностранцев, но этого им не позволили. Японцы приказали офицерам жить отдельно от рядовых. Военнопленные других национальностей находили это трудно переносимым, причем австралийцы страдали от этого меньше, чем англичане.

Кинг думал о бриллианте. Эту сделку будет непросто проверить, а проверить ее необходимо. Подойдя к хижине, он заметил молодого человека, сидящего на корточках и быстро говорящего по-малайски с каким-то туземцем. Кожа его была сильно загорелой, под ней были отчетливо видны мускулы. Широкие плечи. Узкие бедра. На теле человека был только саронг, но человек к такой одежде привык. Черты его лица были резкими, и хотя он был тощ по меркам Чанги, его движения были изящны, а сам он был весел.

Малаец — крохотный, черно-коричневый, — напряженно слушал ритмичную речь молодого человека, потом рассмеялся, показав зубы, испорченные употреблением бетеля, и ответил, подчеркивая мелодичную речь движениями руки. Человек присоединился к его смеху и прервал его потоком слов, не обращая внимания на пристальный взгляд Кинга.

Кинг мог уловить только отдельные слова, потому что его знание малайского было плохим, и ему приходилось обходиться смесью малайского, японского и пиджин-инглиш {7}. Он прислушивался к раскатистому смеху, зная, что здесь это редкая вещь. Когда человек смеется, можно заметить, что он смеется от души. Это случалось очень редко и казалось абсурдным.

Кинг в задумчивости вошел в хижину. Ее обитатели коротко взглянули на него и добродушно приветствовали. Он ответил так же коротко. Но они понимали друг друга.

Дино дремал на своей койке. Он был аккуратным невысоким человеком с темной кожей и темными волосами, преждевременно тронутыми сединой, и скрытыми светлыми глазами. Кинг почувствовал на себе его взгляд, кивнул и увидел улыбку Дино. Но глаза Дино не улыбались.

Сидящий в дальнем углу хижины Курт оторвался от штанов, которые пытался залатать, и сплунул на пол. Это был низкорослый мужчина зловещего вида, с желто-коричневыми зубами, похожий на крысу: он всегда плевал на пол, и никто не любил его, потому что он никогда не мылся. Почти в центре хижины Байрон Джонс III и Миллер были заняты бесконечной партией в шахматы. Оба были голыми. Когда торговое судно Миллера было торпедировано два года тому назад, он весил двести восемьдесят восемь фунтов. Рост его был равен шести футам семи дюймам. Сейчас он тянул только на сто тридцать три фунта, и складки кожи на его животе свисали как щит над его половыми органами. Голубые глаза Миллера вспыхнули, когда он потянулся и взял коня. Байрон

Джонс III быстро убрал коня, и теперь Миллер увидел, что его ладья находится под угрозой.

— Твоя песенка спета, Миллер, — сказал Джонс, почесывая болячки на ногах, образующиеся при работе в джунглях.

— Пошел к черту!

— Военные моряки всегда в чем-нибудь обходят торговых, — рассмеялся Джонс.

— Однако вы, ублюдки, сами себя утопили. Да еще линейный корабль!

— Да, — согласился задумчиво Джонс, тербя глазную повязку и вспоминая о гибели своего корабля «Хьюстон» — о гибели своих приятелей и о потере глаза.

Кинг прошел по всей хижине. Макс по-прежнему сидел рядом с его койкой, к которой цепью был прикреплен большой черный ящик.

— Все в порядке. Макс, — сказал Кинг. — Спасибо. Ты свободен?

— Конечно.

У Макса было сильно потасканное лицо. Он был родом из Нью-Йорка, жил в Вест-Сайде и жизни учился на улицах с младенчества. У него были карие беспокойные глаза.

Привычным жестом Кинг вынул жестянку и дал Максиму щепотку необработанного табака.

— Вот здорово! Спасибо, — сказал Макс. — Ах да, Ли просил передать тебе, что он постирал твои вещи. Сегодня он на завтраке — мы во второй смене, но просил передать тебе.

— Благодарю. — Кинг вынул пачку «Куа»[\[8\]](#), и на мгновение в хижине воцарилась тишина. Прежде чем Кинг достал спички, Макс щелкнул местной кремниевой зажигалкой.

— Благодарю, Макс. — Кинг глубоко затянулся. Потом, сделав паузу, спросил:

— Тебе нравится «Куа»?

— Бог мой, да, — ответил Макс, не обращая внимания на иронию в голосе Кинга. — Что-нибудь еще нужно сделать?

— Я позову тебя, если ты мне будешь нужен.

Макс пересек хижину и сел на свою веревочную койку около входа. Все глаза видели сигарету, но никто не сказал ни слова. Она принадлежала Макс. Макс заработал ее. Когда настанет их день сторожить вещи Кинга, ну, может быть, они тоже получают сигарету.

Дино улыбнулся Макс, который подмигнул в ответ. Они разделят сигарету после завтрака. Они всегда делились всем тем, что находили, воровали или зарабатывали. Макс и Дино были одним целым.

И то же самое было во всем Чанги. Люди объединялись и питались группами. По двое, по трое, редко по четыре человека. Одиночка никогда бы не смог быстро передвигаться, находить что-нибудь годное в пищу, разжечь костер, приготовить еду и съесть ее. Трое человек — оптимальная группа. Один добывает еду, другой караулит то, что достал первый, а еще один — в резерве. Когда тот, кто в резерве, мог, он тоже добывал кормежку или караулил. Все делилось на троих: если ты достал яйцо или украл кокосовый орех, нашел банан, находясь в рабочей группе, — все шло в общий котел. Закон, как и все естественные законы, был прост. Выжить можно только благодаря совместным усилиям. Было смертельно опасно утаивать что-либо от группы, потому что тебя изгоняли из нее, если об этом становилось известно. А выжить в одиночку было невозможно.

Но у Кинга не было группы. Ему было достаточно самого себя. Его кровать стояла в наиболее удобном углу хижины, под окном, где можно было уловить самый слабый ветерок. Ближайшая кровать стояла на расстоянии восьми футов. Кровать Кинга была добротной. Металлическая, пружины упругие, а матрас набит капком [\[9\]](#). Кровать была застелена двумя одеялами, и из-под верхнего одеяла, рядом с отбеленной солнцем подушкой, выглядывали чистые простыни. Над кроватью, туго натянутая на столбах, висела противомоскитная сетка. Она была безукоризненной.

У Кинга был также стол и два легких стула, и коврики с каждой стороны кровати. На полке за кроватью лежали его бритвенные принадлежности — бритва, помазок, мыло, лезвия, а рядом с ними — тарелки и чашки, самодельная электрическая плитка, кухонные и столовые принадлежности. На стене в углу висела его одежда: четыре рубашки, четыре пары брюк и четыре пары шорт. На полке лежало шесть пар носков и трусов. Под кроватью стояли две пары туфель, тапочки для душа и блестящая пара индийских сандалий.

Кинг сел на один из стульев и проверил, все ли на месте. Он заметил, что волосы, которые он аккуратно пристроил на бритве, отсутствовали. «Сволочи! — подумал он. — Какого черта я должен подвергаться риску подцепить их заразу?!» Но ничего не сказал вслух, просто отметил про себя, что бритву надо в будущем запирать.

— Привет, — поздоровался Текс. — Ты занят?

«Занят» было еще одним паролем. Это слово означало: «Готов ли ты взять посылку?»

Кинг улыбнулся, утвердительно кивнул, и Текс осторожно передал ему ронсоновскую зажигалку.

— Спасибо, — сказал Кинг. — Хочешь сегодня мой суп?

— Верное дело, — ответил Текс и ушел.

Кинг лениво рассматривал зажигалку. Как и говорил майор, она была почти новой. Непоцарапанной. Срабатывала каждый раз. И очень чистая. Он раскрутил винт, удерживающий камень, и проверил его. Это был дешевый местный камень, почти сносившийся, поэтому он открыл ящик для сигар на полке, нашел коробку с ронсоновскими камнями и вставил новый в зажигалку. Кинг нажал на рычажок, и зажигалка сработала. Он осторожно отрегулировал фитиль и остался доволен результатом. Зажигалка не была подделкой, и наверняка за нее можно будет получить восемьсот-девятьсот долларов.

Со своего места он видел молодого человека и малайца... Они по-прежнему оживленно болтали.

— Макс, — позвал он тихо.

Макс поспешил к нему.

— Да?

— Видишь вон того парня? — спросил Кинг, кивая на окно.

— Какого? Малайца?

— Нет. Другого. Приведи его ко мне, ладно?

Макс выскочил из окна и пересек дорожку.

— Эй, англичанин! — грубо окликнул он молодого человека. — Кинг хочет видеть тебя. — И ткнул большим пальцем в сторону хижины. — Сейчас же.

Молодой человек уставился на Макса широко раскрытыми глазами, потом проследил за направлением его большого пальца, указывающего на хижину американцев.

— Меня? — спросил он недоверчиво, переведя взгляд на Макса.

— Да, тебя, — нетерпеливо ответил Макс.

— Зачем?

— Откуда мне знать, черт побери?

Молодой человек нахмурился, глядя на Макса. Лицо его напряглось. Подумав секунду, он повернулся к Сулиману, малайцу.

— Нанти-лах, — произнес он.

— Бик, туан, — ответил Сулиман, приготовившись ждать. Потом добавил по-малайски:

— Будь начеку, туан. И иди с Богом.

— Я не боюсь, мой друг, но спасибо тебе за заботу, — сказал человек, улыбаясь. Он встал и последовал за Максом в хижину.

— Вы хотели меня видеть? — спросил он, подходя к Кингу.

— Привет, — откликнулся Кинг, улыбаясь. Он заметил настороженные глаза молодого человека. Это доставило ему удовольствие, потому что такое выражение глаз было редкостью. — Садитесь. — Кивком головы он отпустил Макса. Остальные, не дожидаясь указаний, отошли в сторону, чтобы дать Кингу возможность поговорить наедине.

— Давайте, садитесь, — радушно предложил Кинг.

— Благодарю.

— Хотите сигарету?

Глаза молодого человека расширились, когда он увидел, что ему предлагают «Куа». Поколебавшись, взял. Его удивление возросло, когда Кинг щелкнул ронсоновской зажигалкой, но он попытался скрыть его и глубоко затянулся сигаретой.

— Вот хорошо. Очень хорошо, — сказал он, наслаждаясь. — Благодарю.

— Как вас зовут?

— Марлоу. Питер Марлоу. — Потом иронически добавил :

— А вас?

Кинг рассмеялся. «Хорошо, — подумал он, — у парня есть чувство юмора, и он не из тех, кто лижет задницу». Отметив это про себя, Кинг спросил:

— Вы англичанин?

— Да.

Кинг никогда раньше не встречал Питера Марлоу, но в этом не было ничего необычного, ведь десять тысяч лиц были так похожи друг на друга. Он молча рассматривал Марлоу, и в ответ его изучали холодные голубые глаза.

— «Куа» — лучшие сигареты здесь, — сказал наконец Кинг. — Конечно, их нельзя сравнить с «Кэмел». Американская марка. Лучшая в мире. У вас они когда-нибудь были?

— Да, — ответил Марлоу, — но на мой вкус они слегка суховаты. Моя марка — это «Голд Флейк». — Потом вежливо добавил:

— Как я полагаю, это дело вкуса.

Снова наступило молчание. Питер Марлоу ждал, пока Кинг скажет, зачем он хотел его видеть. Марлоу подумал, что ему нравится Кинг, несмотря на его репутацию. Питеру нравились искры юмора, блеск в глазах Кинга.

— Вы очень хорошо говорите по-малайски, — сказал Кинг, кивая в сторону терпеливо ожидающего малайца.

— Думаю, не очень плохо.

Кинг подавил раздражение, вызванное неизменной английской привычкой принижать свои достоинства.

— Вы выучили его здесь? — терпеливо допытывался Кинг.

— Нет. На Яве. — Марлоу нерешительно огляделся по сторонам. — У вас тут подходящее местечко.

— Люблю жить с удобствами. Как вам этот стул?

— Хороший. — В глазах мелькнуло удивление.

— Стоил мне восемьдесят баксов, — гордо объяснил Кинг. — Год назад.

Марлоу пристально посмотрел на Кинга, пытаясь понять, не шутит ли он, называя ему такую цену, но лицо Кинга выражало только довольство и очевидную гордость. «Странно, — подумал он, — говорить подобные вещи незнакомому человеку».

— Он очень удобен, — подтвердил он, скрывая смущение.

— Я собираюсь завтракать. Хотите составить мне компанию?

— У меня только что был... завтрак... — осторожно ответил Марлоу.

— Вероятно, вы можете съесть еще что-нибудь, например, яйцо.

После этого Питер Марлоу не мог больше скрывать свое удивление и широко открыл глаза. Кинг улыбнулся и решил, что стоило пригласить его поесть, чтобы увидеть подобную реакцию. Он опустился на колени перед своей черной коробкой и осторожно отпер ее.

Ошеломленный Марлоу уставился на содержимое коробки. Полдюжины яиц, пакеты с кофейными зернами. Стеклянные банки с очень вкусными восточными сладостями. Бананы. По крайней мере фунт яванского табака. Десять или одиннадцать пачек «Куа». Стеклянная банка, полная риса. Другая банка с бобами. Масло. Много лакомств, завернутых в банановые листья. Он уже несколько лет не видел такого изобилия.

Кинг вынул масло, два яйца и запер коробку. Когда он оглянулся на Питера Марлоу, увидел, что глаза его снова стали настороженными, а лицо спокойным.

— Как вам подать яйцо? Поджарить?

— Мне кажется, будет нечестным, если я приму предложение. — Питеру было трудно говорить. — Я имею в виду, что вы не предлагаете яйца просто так.

Кинг улыбнулся. Это была добрая улыбка, и Питеру стало легче.

— Не думайте об этом. Отнесите это на счет «руки помощи из-за океана» — ленд-лиза.

Вспышка раздражения промелькнула на лице англичанина, мускулы его челюсти затвердели.

— В чем дело? — резко спросил Кинг.

— Ничего, — помолчав, ответил Марлоу. Он посмотрел на яйцо. Ему не полагалось яйца в течение шести дней. — Если вы считаете, что я не введу вас в расход, я хотел бы яичницу.

— Будет сделано, — сказал Кинг. Он понимал, что где-то допустил ошибку, потому что раздражение гостя было неподдельным. «Непонятные люди эти иностранцы, — думал он. — Никогда не знаешь, как ониотреагируют». Он поставил электроплитку на стол и включил вилку в розетку.

— Здорово, а? — сказал он весело.

— Да.

— Это Макс собрал ее для меня, — сказал Кинг, кивая в сторону выхода.

Питер взглянул туда. Чувствуя, что на него смотрят. Макс поднял голову.

— Тебе что-нибудь нужно?

— Нет, — ответил Кинг. — Просто рассказываю ему, как ты сделал спираль для плитки.

— А! Она работает нормально?

— Конечно.

Питер встал и, высунувшись из окна, крикнул по-малайски:

— Я прошу тебя не ждать, увидимся завтра, Сулиман.

— Очень хорошо, туан, да будет мир с тобой.

— И с тобой тоже. — Питер улыбнулся и снова сел, а Сулиман ушел.

Кинг аккуратно разбил яйца и выпустил их содержимое в нагретое масло. Желток был яркого цвета, окружающее его желе брызгалось, потрескивало, и начало схватываться, и сразу же шипенье заполнило всю хижину. Эти звуки захватили умы, захватили сердца и вызвали выделение желудочного сока. Но никто ничего не сказал и ничего не сделал. Не считая Текса. Он заставил себя встать и уйти из хижины.

Многие, проходя по тропинке мимо, чувствовали этот аромат, и это вызывало новые приступы ненависти к Кингу. Запах потянулся вниз, по склону холма, и достиг хижины военной полиции. Грей и Мастерс сразу поняли, откуда он тянется.

Испытывая тошноту, Грей встал и пошел к двери. Он собирался обойти лагерь, чтобы не чувствовать этого запаха. Потом передумал и вернулся.

— Пошли, сержант, — сказал он. — Нанесем визит американцам. Сейчас самое время проверить то, что рассказывал Селларс.

— Хорошо, — сказал Мастерс, почти сломленный запахом.

— Чертов ублюдок мог бы по крайней мере готовить до завтрака, а не после, когда до обеда еще пять часов.

— Американцы сегодня во второй смене. Они еще не ели.

В американской хижине ее обитатели продолжали заниматься своими делами. Дино постарался заснуть, Курт продолжил шить, возобновилась игра в покер, а Миллер и Байрон Джонс III возобновили свою нескончаемую партию в шахматы. Но шипение яичницы разрушило душевное спокойствие, отчего Курт вогнал иголку себе в палец и грязно выругался, Дино утратил охоту спать, а Байрон Джонс III потрясенно наблюдал, как Миллер забрал его королеву паршивой пешкой.

— Господи, — сказал Байрон Джонс Щ, не обращаясь ни к кому, поперхнувшись. — Хотел бы я, чтобы пошел дождь.

Никто не ответил. Потому что никто ничего не слышал, кроме шипения и потрескивания.

Кинг был тоже сосредоточен. Он наблюдал за сковородой. Он гордился, что лучше него никто не может пожарить яичницу. По его мнению, яичница должна готовиться профессионалом, и быстро, хотя и не слишком.

Кинг оторвался от стряпни и улыбнулся Марлоу, но глаза последнего были прикованы к яйцам.

— Бог мой, — сказал он тихо, и это прозвучало, как молитва, а не как богохульство. — Так замечательно пахнет.

Кинг был доволен.

— Подождите, пока я кончу. И тогда поймете, что это самая растреклятая яичница, из всех, которые вы вообще когда-либо видели. — Он осторожно поперчил яйца, потом добавил соли. — Вам нравится готовить? — спросил он.

— Да, — ответил Питер Марлоу. Его собственный голос звучал совершенно незнакомо для него самого. — Для своей группы большую часть готовки делаю я.

— Как вам хочется, чтобы вас звали? Пит? Питер?

Питер Марлоу скрыл свое удивление. Только проверенные и верные друзья зовут тебя по имени, как еще можно тогда отличить друзей от просто знакомых? Он взглянул на Кинга, но увидел дружелюбное выражение его лица и, вопреки самому себе, сказал:

— Питер.

— Откуда вы родом? Где ваш дом?

«Вопросы, вопросы, — подумал Питер Марлоу. — Потом он захочет знать, женат ли я или сколько у меня на счету в банке». Любопытство подсказывало ему принять вызов Кинга, и он чуть ли не ругал самого себя за проявленный интерес. На него умиротворяюще действовало великолепие шипящей яичницы.

— Портчестер, — ответил он. — Это маленькая деревушка на южном побережье. В Хемпшире.

— Вы женаты, Питер?

— А вы?

— Нет. — Кинг продолжил бы, но яичница была готова. Он снял сковородку с плитки и кивнул Марлоу. — Тарелка сзади вас, — сказал он. Потом, очень гордый, добавил:

— Взгляните сюда!

Это была лучшая яичница из тех, которые когда-либо видел Марлоу, поэтому он сделал Кингу самый большой комплимент, который мог позволить себе англичанин.

— Неплохо, — бесстрастно сказал он. — Я считаю, что совсем неплохо, — и взглянул на Кинга, сохраняя такое же безразличие на лице, как и в голосе, и тем самым подчеркивая похвалу.

— О чем, черт возьми, вы говорите, сукин вы сын? — яростно воскликнул Кинг. — Это самая лучшая яичница, которую вы когда-либо видели в своей жизни!

Питер Марлоу был потрясен. В хижине повисла мертвая тишина. Она была взорвана неожиданным свистом. Дино и Миллер мгновенно вскочили и бросились к Кингу, а Макс встал у порога. Миллер и Дино задвинули кровать Кинга в угол, сняли коврики и засунули их под матрас. Потом они пододвинули другие кровати ближе к кровати Кинга так, что теперь, как и каждый пленный в Чанги, Кинг получил пространство размером четыре на шесть футов. В дверном проеме стоял лейтенант Грей. За ним нервно шагал сержант Мастерс.

Американцы уставились на Грея, и, замешкавшись на минуту, что позволило им прийти в себя, все встали. После такой же оскорбительной паузы Грей небрежно отдал честь и сказал:

— Вольно.

Питер Марлоу был единственным, кто не шевельнулся и продолжал сидеть.

— Встаньте, — прошипел Кинг, — он накажет вас на всю катушку. Встаньте! — По своему богатому опыту он понял, что Грей находится во взвинченном состоянии. В кои-то веки Грей не сверлил Кинга взглядом. Глаза лейтенанта целиком сосредоточились на Питере Марлоу, и даже Кинг вздрогнул.

Не торопясь, Грей прошелся по хижине, до тех пор, пока не дошел до Питера Марлоу. Оторвав от него взгляд, он в течение нескольких долгих секунд пристально смотрел на яичницу. Потом взглянул на Кинга и снова на Марлоу.

— Вы ведь далеко от дома, не так ли, Марлоу?

Марлоу вынул свою коробочку с табаком и положил щепотку табака на кусочек листа. Он свернул самокрутку и поднес ее к губам. Долгая пауза подействовала на Грея как пощечина.

— О, старина, не знаю, — мягко ответил Марлоу. — Разве вы не считаете, что англичанин всегда дома, где бы он ни был?

— Где ваша повязка?

— На поясе.

— Считается, что она должна быть на рукаве. Таков приказ.

— Это японские приказы. Мне они не нравятся, — возразил Марлоу.

— Это также и лагерные приказы, — ответил Грей.

Их голоса были совершенно спокойными. Американцам казалось, что они лишь слегка раздражены, но Грей понял, как обстоят дела. Понял это и Питер Марлоу. Это было объявлением войны между ними. Марлоу ненавидел японцев, а Грей, по его мнению, являлся их представителем, потому что Грей претворял в жизнь лагерные приказы, которые также были и японскими приказами. Безжалостно. Между ними существовала и более глубокая ненависть, врожденная классовая ненависть. Питер Марлоу знал, что Грей презирает его за происхождение и произношение, которые были предметом зависти Грея, но которые для него недостижимы.

— Наденьте ее! — Грей имел право приказать сделать это.

Марлоу пожал плечами, вытащил повязку и прицепил ее около левого локтя. На повязке было обозначено его звание. Капитан Королевских военно-воздушных сил.

Глаза Кинга расширились. Господи, он же офицер, подумал Кинг, а я хотел было попросить его...

— Очень жаль прерывать ваш завтрак, — говорил Грей. — Но, кажется, кто-то что-то потерял.

— Что-то потерял? — Господи, чуть было не закричал Кинг. Ронсон! О, мой Бог, кричал его страх. Избавься от этой чертовой зажигалки.

— В чем дело, капрал? — спросил Грей, заметив пот, выступивший на лице Кинга.

— Здесь жарко, не так ли? — вяло произнес Кинг. Он чувствовал, как его накрахмаленная рубашка набухает от пота. Он понимал, что против него

фабрикует дело. И что Грей играет с ним. Про себя он быстро прикинул, не рискнуть ли сбежать, но между ним и окном находился Марлоу, и Грей мог легко поймать его, а бегство означало признание вины.

Он видел Грея, говорящего что-то, и понял, что балансирует между жизнью и смертью.

— Что вы сказали, сэр? — и слово «сэр» не прозвучало оскорбительно, потому что Кинг смотрел на Грея с недоумением.

— Я сказал, что полковник Селларс сообщил о краже золотого перстня! — злобно повторил Грей.

На мгновение Кинг почувствовал облегчение. Дело вовсе не в Ронсоне! Паника из-за ничего! Просто этот чертов перстень Селларса. Он продал его три недели назад по просьбе Селларса и получил мизерную прибыль. Итак, значит, Селларс сообщил о краже? Лживый сукин сын.

— Вот это да, — усмехнувшись, сказал он, — вот это здорово, крепко. Украден. Можете ли вы себе это представить!

— Да, я могу, — резко сказал Грей. — А вы?

Кинг промолчал, но ему хотелось улыбаться. Дело не в зажигалке. Он спасен!

— Вы знаете полковника Селларса? — осведомился Грей.

— Немного, сэр. Я играл с ним в бридж, раз или два. — Сейчас Кинг был совершенно спокоен.

— Он когда-нибудь показывал вам перстень? — неутоимо наступал Грей.

Кинг основательно покопался в памяти. Полковник Селларс показывал ему перстень дважды. Один раз, когда просил Кинга продать перстень для него, второй раз, когда он ходил оценивать перстень.

— О, нет, сэр, — невинно сказал он. Кинг знал, что он в безопасности. Свидетелей не было.

— Вы уверены, что никогда не видели его? — сказал Грей.

— О, да, сэр.

Грею внезапно стало плохо от этой игры в кошки-мышки, и его затошнило от голода из-за яичницы. Он бы сделал все что угодно, все что угодно, хотя бы за половину яичницы.

— Не найдется ли у вас огонька. Грей, старина? — сказал Питер Марлоу. Он не захватил с собой своей кустарной зажигалки. А ему хотелось закурить. Очень хотелось. Его нелюбовь к Грею иссушила ему губы.

— Нет. «Надо иметь свою зажигалку», — сердито подумал Грей, собираясь уходить. И тут он услышал, как Питер Марлоу говорит Кингу:

— Могу ли я воспользоваться вашей ронсоновской зажигалкой?

Грей медленно повернулся. Марлоу улыбался Кингу.

Казалось, что эти слова повисли в воздухе. Потом раскатились по всем углам хижины.

Потрясенный Кинг стал искать спички, чтобы потянуть время.

— Она в вашем левом кармане, — сказал Марлоу.

И в это мгновение Кинг жил, умер и родился снова.

Люди в хижине не дышали. Потому что им предстояло увидеть, как из Кинга делают отбивную. Им предстояло увидеть, как Кинга поймают, схватят и уведут, что было самым невозможным из всех невозможных вещей. И тем не менее — вот Грей, рядом с ним Кинг и рядом человек, который подставил Кинга — и положил его как ягненка на жертвенник Грея. Кто-то из мужчин пришел в ужас, кто-то злорадствовал, некоторые были огорчены, а Дино со злостью подумал: «Господи, ведь завтра мой черед охранять ящик!»

— Почему бы тебе не дать ему прикурить? — предложил Грей. Чувство голода прошло, и ему на смену пришло чувство воодушевления. Грей знал, что в списке не было ронсоновской зажигалки.

Кинг вынул зажигалку и дал Питеру прикурить. Пламя, на котором ему предстояло сгореть, было чистым и ровным.

— Благодарю, — улыбнулся Питер Марлоу и только сейчас осознал чудовищность своего поступка.

— Итак, — произнес Грей, забирая зажигалку. Слово прозвучало торжественно, окончательно и яростно.

Кинг не ответил, потому что не могло быть ответа. Он просто ждал, и сейчас, когда он был приговорен, страха он не ощущал, только ругал себя за глупость. Человек, который погиб по своей собственной глупости, не имеет права называться человеком. И не имеет права называться королем, потому что сильнейший всегда верховодит, применяя не только силу, а пользуясь хитростью, силой и удачей одновременно.

— Откуда у вас эта штука, капрал? — Вопрос Грея прозвучал ласково.

Желудок Питера Марлоу вывернулся наизнанку, мысль его отчаянно работала, а потом он произнес:

— Зажигалка моя. — Он понимал, что звучит неубедительно, поэтому быстро прибавил:

— Мы играли в покер. Я проиграл ее. Как раз перед завтраком.

Грей, Кинг и все остальные уставились на него в изумлении.

— Вы что сделали? — переспросил Грей.

— Проиграл ее, — повторил Марлоу. — Мы играли в покер. У меня был стрит [{10}](#). Расскажите ему, — резко сказал он Кингу, отдавая ему инициативу.

Кинг еще не пришел в себя, но реакция его не подвела. Рот открылся, и он сказал:

— Мы играли в «стад» [{11}](#). У меня был фул и...

— Какой был расклад?

— Двойка на тузах, — вмешался без колебаний Питер Марлоу.

Что, черт возьми, означает «стад»? — спрашивал он сам себя.

Кинг вздрогнул, несмотря на замечательную способность к самоконтролю. Он уже собирался сказать «короли или дамы» и знал, что Грей заметил эту дрожь.

— Вы лжете, Марлоу!

— Ну, Грей, старина, что за выражения? — Питер Марлоу тянул время. — «Что, черт возьми, означает «стад»?»

— Это была трагедия, — сказал Питер Марлоу, наслаждаясь острыми ощущениями страшной опасности. — Я думал, что моя карта сильнее. У меня был стрит. Вот почему я поставил зажигалку. Расскажите вы ему, — резко бросил он Кингу.

— По каким правилам играют в «стад», Марлоу?

Тишину разорвал гром, прогремевший на горизонте. Кинг открыл рот, но Грей остановил его.

— Я спросил Марлоу, — угрожающе заявил он.

Питер не знал, что говорить. Он взглянул на Кинга, и, хотя по его глазам ничего нельзя было понять, Кинг понял.

— Давайте, — быстро проговорил Марлоу. — Давайте покажем ему.

Кинг немедленно потянулся за картами и без колебания начал:

— Она была у меня в прикупе... Грей в ярости обернулся.

— Я просил, чтобы Марлоу рассказал мне. Еще одно твое слово, и я посажу тебя под арест.

Кинг промолчал. Он только молился, чтобы этой зацепки оказалось достаточно.

«Прикупная карта» — запечатлелось в глубинах памяти Марлоу. И он вспомнил. Сейчас он вспомнил правила и начал разыгрывать Грея.

— Ну, — начал он обеспокоенно, — это похоже на любую другую игру в покер. Грей.

— Объясните мне просто, как надо в него играть! — Грей решил, что он поймал их на лжи.

Питер Марлоу посмотрел на него жестким взглядом. Яичница начала остывать.

— Что вы пытаетесь доказать, Грей? Любому дураку известно, что четыре карты кладутся рубашкой вниз, а одна наоборот — та, что в прикупе.

Вздых пронесся по хижине. Грей понял, что сейчас он уже ничего не может поделать. Его довод должен быть весомее доводов Марлоу, и он знал, что даже здесь, в Чанги, ему надо играть тоньше.

— Ладно, — сказал он угрюмо, переводя взгляд с Кинга на Марлоу. — Любой дурак знает это. — И отдал зажигалку Кингу. — Прослежу, чтобы она была внесена в список.

— Да, сэр. — Сейчас, когда все кончилось, Кинг позволил себе расслабиться.

Грей в последний раз посмотрел на Питера Марлоу, — во взгляде его читались одновременно надежда и угроза.

— Старые школьные друзья весьма гордились бы вами сегодня, — бросил он с презрением и пошел к выходу из хижины, сопровождаемый Мастерсом, шаркающим ногами.

Марлоу посмотрел вслед Грею, а когда Грей выходил из хижины, обратился чуть громче, чем нужно, к Кингу, по-прежнему следя за Греем.

— Могу я воспользоваться вашей зажигалкой, моя сигарета погасла? — Но Грей не сбился с шага и не оглянулся. Надежный парень, угрюмо подумал Марлоу, хорошие нервы — надежный товарищ, которого надо иметь рядом с собой в смертельном бою. И враг, которого надо ценить.

Кинг присел. Питер Марлоу забрал зажигалку из его ослабевшей руки и прикурил. Кинг нащупал пачку «Куа», сунул сигарету в рот, не замечая ее. Марлоу нагнулся за зажигалкой и щелкнул ею. Кингу понадобилось много времени, чтобы сосредоточить свой взгляд на пламени, и тогда он увидел, что рука Марлоу трясется так же, как и его собственная. Он оглядел хижину, в которой люди застыли как статуи, не отрываясь глядя на него. Он почувствовал холодок от пота на плечах и влажность рубашки.

Снаружи донеслось звяканье мисок. Дино встал и с надеждой посмотрел на улицу.

— Завтрак, — радостно воскликнул он. Немая сцена кончилась, люди покидали хижину с посудой в руках. Остались только Питер Марлоу и Кинг.

Глава 3

Оба сидели некоторое время, приходя в себя. Потом Марлоу сказал нетвердо:

— Боже, нас почти поймали!

— Ага, — согласился Кинг после паузы. Он непроизвольно содрогнулся вновь, потом вынул две десятидолларовые бумажки и положил их на стол.

— Вот, — сказал он, — это за сегодня. Но с сегодняшнего дня вы на довольствии. Двадцать в неделю.

— Что?

— Я буду платить вам двадцать в неделю. — Кинг минуту подумал. — Думаю, что вы правы, — сказал он, приятно улыбаясь. — Это стоит большего. Пусть будет тридцать. — Потом бросил взгляд на нарукавную повязку и добавил:

— Сэр.

— Вы можете по-прежнему звать меня Питером, — сказал Марлоу раздраженно. — И запомните: я не хочу ваших денег. — Он встал и собрался уходить. — Благодарю за сигарету.

— Эй, подождите-ка минутку, — сказал удивленный Кинг. — Какой черт в вас вселился?

Питер Марлоу посмотрел на Кинга, и глаза его гневно вспыхнули.

— За кого вы, черт возьми, принимаете меня? Заберите ваши деньги и засуньте их куда-нибудь.

— Мои деньги чем-нибудь не хороши?

— Нет. Только ваши манеры!

— С какого времени манеры стали иметь что-то общее с деньгами?

Марлоу резко развернулся, чтобы уйти. Кинг вскочил и встал между ним и выходом.

— Минутку, — сказал он напряженно. — Мне кое-что надо узнать. Почему вы покрыли меня?

— Ну, это очевидно, не так ли? Из-за меня вы влипли. Я не мог бросить вас. За кого вы меня принимаете?

— Не знаю. И пытаюсь это выяснить.

— Это была моя ошибка. Извините.

— Вам не за что извиняться, — резко сказал Кинг. — Это была моя ошибка. Я повел себя глупо. Это к вам не имеет отношения.

— Неважно. — Лицо Марлоу было таким же холодным, как и его глаза. — Но, должно быть, вы считаете меня полным дерьмом, если полагаете, что я позволил бы вас распять. И еще большим дерьмом, если думаете, что я хочу денег от вас за свою неосторожность. Я ни у кого их не беру!

— Присядьте на минутку. Прошу вас.

— Зачем?

— Потому что я хочу поговорить с вами, черт возьми.

У входа топтался Макс с котелками варева для Кинга.

— Прошу прощения, — сказал он осторожно, — вот твой завтрак. Хочешь чая?

— Нет. Сегодня Текс ест мой суп. — Он взял котелок с рисом и поставил его на стол.

— О'кей, — сказал Макс, по-прежнему пребывая в нерешительности и не понимая, хочет ли Кинг, чтобы кто-нибудь набил морду этому сукину сыну.

— Ладно, Макс. И скажи остальным, чтобы нас оставили одних на минутку.

— Конечно. — Макс согласно удалился. Он решил, что Кинг поступает очень умно, действуя без свидетелей, если собирается поколотить офицера.

Кинг снова посмотрел на Марлоу.

— Я прошу вас. Сядьте на минутку. Прошу вас.

— Ладно, — холодно согласился Питер.

— Послушайте, — терпеливо начал Кинг, — Вы спасли меня от петли, помогли мне, и это справедливо, если я помогаю вам. Я предложил вам монеты, хотел отблагодарить вас. Если вы не хотите, хорошо, но я не хотел обидеть вас. Если обидел, приношу свои извинения.

— Ладно, — смягчившись, сказал Марлоу. — У меня дурной нрав. Я не понял.

Кинг протянул руку.

— Поладили.

Они пожали руки.

— Вы не любите Грея, правда? — осторожно спросил Кинг.

— Нет.

— Почему?

Питер пожал плечами. Кинг небрежно разделил рис и вручил ему большую часть порции.

— Давайте поедим.

— Ну а вы-то как? — спросил Марлоу, глядя изумленными глазами на свою порцию.

— Я не голоден. У меня пропал аппетит. Господи, чуть было не влипли. Я думал, что нам обоим конец.

— Да, — согласился Марлоу, начиная улыбаться. — Повеселились, не так ли?

— Что?

— Вот это развлечение. Мне кажется, ничего похожего не переживал за последние годы. Опасное развлечение.

— Я многого в вас не понимаю, — заявил Кинг робко. — Вы хотите сказать, что вы получили удовольствие от происшедшего?

— Конечно. А вы нет? Я думаю, что это почти равносильно ощущению от полета на «Спитфайере». Вы понимаете, иногда вам страшно, но и в то же время не страшно, а во время полета и после него вам весело.

— Думаю, вы просто не в себе.

— Если вы не получали удовольствия от этой сцены, тогда какого черта старались утопить меня с помощью стада? Я был почти мертв от страха.

— Я не старался утопить вас. За каким дьяволом мне это нужно было делать?

— Чтобы сделать игру более острой и проверить меня.

Кинг с мрачным видом вытирал лицо и руки.

— Думаете, я сделал это намеренно?

— Конечно. Я сделал то же самое, когда заставил вас отвечать на вопросы.

— Давайте разберемся откровенно. Вы проверяли мои нервы? — судорожно выдохнул Кинг.

— Конечно, старина, — ответил Марлоу. — Я не понимаю, в чем вопрос.

— Господи, — бросил Кинг, снова покрываясь нервным потом. — Мы едва не сели в тюрьму, а вы развлекаетесь! — Кинг сделал паузу, чтобы совладать с дыханием. — Сумасшествие, чистое сумасшествие, а когда вы заколебались, после того как я подбросил вам зацепку в виде прикупа, я решил, что мы оба покойники.

— Грей тоже так решил. Я с ним просто играл. Я только разделался с ним побыстрее, потому что яичница остывала. А такую яичницу каждый день не встретишь. Честное слово.

— Мне показалось, вы сказали, что яичница нехороша.

— Я сказал, что она неплоха. — Марлоу заколебался. — Послушайте. Когда говорят «неплохо», это означает что-то исключительное. Это способ сделать парню комплимент, не смущая его.

— Да вы не в своем уме! Вы рисковали моей головой и своей собственной для того, чтобы увеличить риск, и вы взбеленились, когда я предложил вам денег без всяких условий, и еще вы говорите «неплохо», уверенные, что это замечательно. Боже, — добавил он, ошеломленный, — мне кажется, я туповат или что-то в этом роде.

Он поднял глаза, увидел озадаченное выражение лица Марлоу и начал хохотать. Марлоу тоже засмеялся, и вскоре они оба истерически хохотали.

В хижину заглянул Макс, а за ним остальные американцы.

— Кой черт в него вселился? — ахнув, спросил Макс. — Я уж было решил, что он вколачивает его грязную голову в плечи.

— Мадонна, — ахнул Дино. — Сначала Кинга чуть было не изрубили на кусочки, а сейчас он заливается вместе с парнем, который подставил его.

— Чушь какая-то. — В животе у Макса все дрожало с тех пор, как раздался предупредительный свист.

Кинг выглянул из хижины и увидел уставившихся на него людей. Он вытащил начатую пачку сигарет.

— Держи, Макс. Пусти по кругу. Празднуем.

— Здорово. Вот спасибо, — Макс взял пачку. — Красота. Все висело на волоске. Мы все рады за тебя.

Кинг наблюдал за ухмылками людей. Некоторые были добродушными, и он запомнил их, другие улыбались через силу, и он также распознал их. Вслед за Максом все повторяли слова благодарности.

Макс выпроводил всех наружу и начал делить полученное богатство.

— Это шок, — тихо сказал он. — Наверняка. Как от разрыва снаряда. Он в любую минуту оторвет голову этому англичанину. — Он посмотрел в сторону хижины, откуда донесся еще один взрыв хохота, и пожал плечами. — Он спятил, и не удивительно.

— Ради Бога, — говорил Питер Марлоу, держась за живот. — Давайте поедим. Если я не поем сейчас, я вообще есть не смогу.

И они стали есть. Еда прерывалась приступами смеха. Марлоу пожалел, что яичница остыла, но смех согрел кушанье, оно было великолепным.

— Здесь не хватает немного соли, вы так не считаете? — сказал Питер, подчеркнуто бесстрастно.

— Смотри-ка, мне тоже так кажется. Я думал, что достаточно посолил. — Кинг нахмурился, повернулся, чтобы взять соль, и тогда заметил прищуренные глаза.

— Что еще, черт возьми? — спросил он, невольно начиная смеяться.

— Господи, это была шутка. У вас, американцев, не очень-то сильно развито чувство юмора, правда?

— Идите к черту! И Бога ради, хватит ржать!

Когда они съели яичницу, Кинг поставил вариться кофе на плитку и стал искать сигареты. Потом вспомнил, что отдал их, поэтому присел и отпер черную коробку.

— Эй, попробуйте вот это, — сказал Питер Марлоу, протягивая коробочку с табаком.

— Спасибо, но я не выношу эту дрянь. Она раздражает мне горло.

— Попробуйте. Табак обработан. Я научился этому у яванцев.

Кинг с сомнением взял коробочку. В ней был все тот же дешевый табак, но не обычного соломенно-желтого цвета, а темно-золотой, не сухой, как обычно, а влажный и плотный; от смеси против ожидания сильно пахло сладким табаком.

Кинг нашел свою пачку рисовой бумаги и взял щедрую щепотку обработанной травы. Он свернул неряшливую самокрутку и отщипнул выступающие концы, небрежно роняя липший табак на пол.

«Проклятье, — думал Марлоу, — я предложил ему попробовать, а не хватать столько». Он подумал, что ему нужно было бы подобрать остатки табака и положить их обратно в коробочку, но не сделал этого. «Некоторые вещи делать не пристало», — подумал он снова.

Кинг щелкнул зажигалкой, и они оба ухмыльнулись при виде ее.

Кинг сделал осторожную затяжку, потом еще одну. Потом затянулся глубоко.

— Но ведь это же здорово, — сказал он удивленно. — С «Куа» не сравнить... но это... — Он запнулся и поправился:

— Я имею в виду, что это неплохо.

— Совсем неплохо, — засмеялся Питер Марлоу.

— Как, черт возьми, вы этого добились?

— Секрет фирмы.

Кинг понял, что в своих руках он держит золотую жилу.

— Я догадываюсь, что это долгий и сложный процесс, — скромно сказал он.

— О, на самом деле, это очень просто. Вы просто пропитываете необработанный табак чаем, потом отжимаете чай. Потом вы посыпаете это небольшим количеством белого сахара и все перемешиваете, а когда смесь пропитается сахаром, аккуратно жарите табак на сковородке на малом огне. Постоянно перемешивайте смесь, или она будет испорчена. Вам надо не

пропустить момент, когда она будет готова. Она должна быть не слишком сухая и не слишком влажная.

Кинг был удивлен, что Питер Марлоу так просто рассказал ему способ изготовления, не обговорив предварительно условия сделки. Он, думал Кинг, конечно, только распаляет мой аппетит. Не может быть, чтобы это делалось так просто, иначе все бы делали это. А он, вероятно, понимает, что я единственный, с кем можно проверить это дело.

— И все? — спросил Кинг, улыбаясь.

— Да. Тут и вправду нечего добавить.

Кинг представил, как можно наладить процветающее дело. И при этом законное.

— Я думаю, что каждый в вашей хижине так обрабатывает табак.

Марлоу покачал головой.

— Я делаю его только для своей группы. Месяцами я водил их за нос, рассказывая разного рода байки, но они так и не смогли разузнать, как именно нужно это делать.

Кинг растянул рот в улыбке.

— Тогда вы единственный, кому известен этот способ!

— Да нет, — ответил Марлоу, и сердце Кинга упало. — Это туземный способ. Он известен по всей Яве.

Кинг просветлел.

— Но здесь-то никто его не знает, верно?

— Не знаю. Я, право, об этом никогда и не задумывался.

Кинг пускал дым из ноздрей, перебирая в уме возможности. Да, сказал он сам себе, у меня сегодня и вправду удачный день.

— Вот что я скажу вам, Питер. У меня к вам деловое предложение. Вы покажете, как это точно делается, а я беру вас в долю... — Кинг заколебался. — Десять процентов.

— Что?

— Ладно. Двадцать пять.

— Двадцать пять?

— Ладно, — согласился Кинг, глядя с растущим уважением на Марлоу. — С вами трудно договориться, и это замечательно. Я организую все дело. Мы будем закупать оптом. Нам предстоит организовать производство. Вы будете следить за выпуском, а я буду заниматься сбытом. — Он протянул руку. — Мы будем партнерами, прибыль точно поровну, пятьдесят на пятьдесят. Договорились?

Марлоу уставился на руку Кинга. Потом посмотрел ему в лицо.

— Нет, не договорились, — решительно сказал он.

— Черт побери! — взорвался Кинг. — Это самое выгодное предложение, которое вам когда-либо делали. Что может быть выгоднее? Я вкладываю монеты. Мне придется... — Неожиданная мысль заставила его запнуться. — Питер, — сказал он, помолчав, обиженный, но не показывающий это внешне, — никто не должен знать, что мы партнеры. Вы только покажете мне, как это делается, а я прослежу за тем, чтобы вы получали свою долю. Вы можете доверять мне.

— Я знаю это, — сказал Марлоу.

— Тогда пятьдесят на пятьдесят. — Кинг просиял.

— Нет, не пойдет.

— Боже, — сказал Кинг, почувствовав, что напряжение растет. Но он сдержал себя и подумал о сделке. И чем больше он думал... Он оглянулся по сторонам, чтобы убедиться в том, что никто не подслушивает. Потом понизил голос и хрипло сказал:

— Шестьдесят на сорок. Я никому другому ничего подобного бы не предложил. Шестьдесят на сорок — вот так.

— Нет, не согласен.

— Нет? — взорвался потрясенный Кинг. — Мне ведь надо что-то заработать на сделке. Что, черт возьми, вы хотите получить? Сразу наличными?

— Я не хочу ничего, — ответил Питер Марлоу.

— Ничего? — Кинг устало сел, ошарашенный.

Питер Марлоу был озадачен.

— Вы знаете, — сказал он нерешительно, — я не понимаю, почему вас так волнуют некоторые вещи. Этот способ обработки не мой, и я не могу его продавать. Это простой туземный способ. Я не могу ничего с вас брать. Это

было бы не правильно. Совершенно. И в любом случае я... — тут Марлоу запнулся и быстро спросил:

— Вы хотите, чтобы я вам сейчас его показал?

— Минутку. Вы имеете в виду, что ничего не просите у меня за показ способа? Ведь я предложил вам сделку шестьдесят на сорок! Ведь я сказал вам, что могу заработать на сделке! — Марлоу кивнул. — Это сумасшествие, — беспомощно заключил Кинг. — Что-то не так. Я не понимаю.

— Нечего понимать, — сказал Марлоу, едва заметно улыбаясь — Считайте, что у вас солнечный удар.

Некоторое время Кинг рассматривал его.

— Ответите вы прямо на прямой вопрос?

— Да, конечно.

— Это из-за меня, не так ли?

Слова повисли в жарком воздухе.

— Нет, — сказал Марлоу, нарушая тишину.

Оба они говорили друг другу правду.

* * *

Часом позже Питер Марлоу следил за тем, как Текс приготавливает вторую партию табака. На этот раз Текс делал это без его помощи, а Кинг кудхтал вокруг как старая курица.

— Вы уверены, что он положил достаточно сахара? — беспокойно спросил Кинг у Марлоу.

— Совершенно достаточно.

— Через какое время табак будет готов?

— Ты как считаешь, Текс?

Текс улыбнулся Марлоу и распрямился во весь свой нескладный рост, равный шести футам трем дюймам.

— Через пять, может, через шесть минут.

Марлоу встал.

— Где у вас тут «одно место»?

— Уборная? Сзади, — показал Кинг. — Но не могли бы вы потерпеть, пока Текс не кончит? Я хочу убедиться, что он все правильно сделает.

— Текс замечательно справляется, — ответил Марлоу и вышел.

Когда он вернулся, Текс снял сковородку с плитки.

— Готово, — сказал он нервно и посмотрел на Марлоу, чтобы убедиться, правильно ли он оценил готовность.

— Совершенно правильно, — сказал Марлоу, рассматривая обработанный табак.

Кинг возбужденно свернул самокрутку из рисовой бумаги. То же сделали Марлоу и Текс. Они прикурили от ронсоновской зажигалки. Снова облегченно рассмеялись. Потом наступила тишина, потому что каждый из них оценивал качество.

— Очень хороший, — решительно сказал Марлоу. — Я же говорил тебе, что это совсем просто, Текс.

Текс вздохнул с облегчением.

— Совсем неплохо, — проговорил Кинг задумчиво.

— Проклятье, что ты говоришь, — вспыхивая, сказал Текс. — Он чертовски хорош!

Марлоу и Кинг зашлись в хохоте. Они объяснили почему, и Текс тоже стал хохотать.

— Нам надо придумать название марки табака. — Кинг помолчал. — Придумал. Как насчет того, чтобы назвать табак «Три короля»? Один король в честь королевских ВВС, другой в честь Текса, техасского короля, а один — в мою честь.

— Неплохо, — сказал Текс.

— Мы откроем производство завтра утром.

— Я завтра на работах, — покачал головой Текс.

— Черт с ними. Я пошлю Дино вместо тебя.

— Не стоит. Я попрошу его сам. — Текс встал и улыбнулся Марлоу. — Рад был познакомиться с вами, сэр.

— Забудьте слово «сэр», хорошо? — сказал Марлоу.

— Конечно. Спасибо.

Марлоу проследил взглядом, как тот уходил.

— Забавно, — сказал он тихо Кингу. — Я никогда раньше не видел столько улыбок в одной хижине.

— Почему бы не улыбаться? Все могло быть гораздо хуже. Вас сбили, когда вы летали над хребтом?

— Вы имеете ввиду трассу Калькутта — Чингин? Над Гималаями?

— Да. — Кинг кивнул головой в сторону коробочки для табака. — Наполните ее.

— Спасибо. Я сделаю это, если вы не против.

— Когда вы окажетесь без табака, приходите в любое время и угощайтесь.

— Благодарю вас, я так и поступлю. Вы очень добры. — Марлоу захотелось еще раз закурить, но он понимал, что курит слишком много. Если он закурит еще раз, тогда голод будет чувствоваться еще более болезненно. Лучше потерпеть. Он посмотрел на закат и дал себе слово, что не закурит раньше, чем тень сдвинется на два дюйма. — Меня совсем не сбили. Мой самолет повредили, когда был налет на Яву. Я не смог подняться. Очень обидно, — добавил он, пытаясь скрыть горечь.

— Это не так уж и плохо, — сказал Кинг. — Вы могли быть в самолете. Вы живы, а это самое главное. На чем вы летали?

— На «Харрикейне». Это одноместный истребитель. Но мой обычный самолет был «Спит» — «Спитфайер».

— Я слышал о них, но никогда не видел. Вы, ребята, наверняка, вызывали у немцев тошноту?

— Да, — мягко согласился Марлоу. — Мы уж старались.

— Вы не принимали участия в битве за Британию, не так ли? — Кинг был удивлен.

— Нет. Я получил свои крылышки в 1940-м. Как раз вовремя.

— Сколько лет вам было?

— Девятнадцать.

— Хм, глядя на вас, я уж было решил, что вам по крайней мере тридцать восемь, а не двадцать четыре!

— Да ладно, братец! — рассмеялся Марлоу. — Сколько вам лет?

— Двадцать пять. Сукин сын, — сказал Кинг. — Лучшие годы жизни, а я заперт в этой вонючей тюрьме.

— Непохоже, что вы заперты. И мне кажется, что вам совсем неплохо.

— Как ни считай, а мы все-таки под замком. Как долго это еще продлится?

— Мы заставили немцев отступить. Это представление скоро закончится.

— Вы верите в это?

Питер Марлоу пожал плечами. «Осторожно, — сказал он себе, — ты никогда не был достаточно осторожен».

— Да, я так думаю. По слухам никогда нельзя судить.

— А наша война? Как насчет нас?

Поскольку вопрос был задан другом, Марлоу говорил не опасаясь.

— Думаю, что наша война будет длиться вечность. Ну, япошек мы, конечно, разобьем, в этом я сейчас уверен. Но что касается нас, здесь? Не думаю, что мы выберемся.

— Почему?

— Ну, я не считаю, что японцы когда-нибудь сдадутся. Это означает, что нам придется высаживаться на их острова. А когда это случится, мне кажется, они нас всех здесь убьют. Если болезни не прикончат нас к тому времени.

— За каким чертом им это надо?

— Ну, я считаю, чтобы сэкономить время. Думаю, по мере того, как петля все туже станет затягиваться вокруг Японии, они начнут протягивать свои щупальца. Зачем тратить время на несколько тысяч пленных? Япошки совершенно по-иному, чем мы, относятся к жизни. А мысль о том, что наши войска находятся на их территории, сведет их с ума. — Голос Питера звучал невыразительно и спокойно. — Думаю, наша песенка спета. Надеюсь, конечно, что ошибаюсь. Но думаю, именно так и будет.

— Ну и обнадежил, сукин сын, — кисло пробормотал Кинг, и когда Марлоу рассмеялся, сказал:

— Над чем, черт побери, вы смеетесь? Кажется, вы всегда смеетесь не там, где надо.

— Простите, плохая привычка.

— Давайте посидим на улице. Мухи замучили. Эй, Макс, — позвал Кинг. — Не хочешь ли прибраться?

Появился Макс и занялся уборкой, а Кинг и Марлоу легко вылезли в окно. Непосредственно под окном Кинга стояли столик и скамейка под навесом из брезента. Кинг сел на скамейку. Марлоу уселся на корточки по туземному обычаю.

— Никогда не мог так сесть, — заметил Кинг.

— Очень удобно. Я привык на Яве.

— Как это вы научились так хорошо говорить по-малайски?

— Я некоторое время жил в деревне.

— Когда?

— В 1942 году. После прекращения огня.

Кинг терпеливо ждал продолжения, но больше ничего сказано не было. Он подождал еще, потом спросил:

— Как получилось, что вы жили на Яве в деревне после прекращения огня в 1942 году, если к тому времени все были в лагере для военнопленных?

Марлоу от души рассмеялся.

— Извините. Не о чем особенно рассказывать. Мне пришло не по вкусу мысль о лагере. На самом деле, когда война закончилась, я заблудился в джунглях и случайно набрел на эту деревню. Меня пожалели. Я прожил там месяцев шесть.

— И как там было?

— Прекрасно. Туземцы очень добры. Я был один из них. Одевался, как яванец, покрасил кожу в темный цвет, вы понимаете, глупость, конечно, потому что мой рост и глаза выдали бы меня, работал на рисовых полях.

— Вы там были в одиночестве?

Помолчав, Марлоу сказал:

— Я был там единственным европейцем, если вы это имеете в виду. — Он окинул взглядом лагерь: тусклое солнце, пробивающееся сквозь пыль и ветер, подхватывающий и крутивший вихри этой пыли. Эти вихри напомнили ему о ней.

Он посмотрел на восток, на беспокойное небо. И она была частью неба. Поднялся небольшой ветер и покачал верхушками кокосовых пальм. И она была частью ветра, пальм и облаков над ними.

Питер Марлоу отогнал эти мысли и стал следить, как за проволокой бредет корейский солдат, обливаясь потом в остывающем пекле. Форма часового была потрепанной и грязной, а фуражка такой же помятой, как и его лицо, винтовка косо висела за спиной. Он был настолько некрасив, насколько прекрасна была она.

Марлоу еще раз посмотрел наверх, оглядывая небесную даль. Только тогда он чувствовал себя свободным, свободным от замкнутого пространства, наполненного мужчинами, мужскими запахами, мужской грязью и мужскими разговорами. «Без женщин, — беспомощно думал Марлоу, — мужчины становятся лишь безжалостной пародией на человека».

И сердце его обливалось кровью в этом солнечном пекле.

— Эй, Питер! — Кинг смотрел на склон холма, рот его был широко раскрыт от изумления.

Марлоу посмотрел в направлении взгляда Кинга, и его передернуло, когда он заметил приближающегося Шона.

— Боже! — Он хотел прошмыгнуть в окно и скрыться, но понял, что это вызовет еще больше подозрений. Поэтому он мрачно ждал, едва дыша. Ему показалось, что у него есть хороший шанс остаться незамеченным, потому что Шон был глубоко поглощен разговором с командиром эскадрильи Родриком и лейтенантом Френком Перришом. Они склонили головы и что-то серьезно обсуждали.

Потом Шон посмотрел мимо Френка в сторону и, увидев Марлоу, остановился.

Родрик и Френк тоже остановились. Увидев Марлоу, они все встревожились, но ничем эту тревогу не выдали.

— Привет, Питер, — крикнул Родрик. Он был высоким аккуратным человеком с тонкими чертами лица, такой же высокий и опрятный, как Френк — высокий и неряшливый.

— Привет, Род! — ответил Марлоу.

— Я мигом, — тихо бросил Шон Родрику и пошел к Кингу и Питеру Марлоу. Сейчас, когда первое потрясение прошло, Шон приветливо улыбался.

Марлоу почувствовал прилив ярости. Он встал и стал ждать. Он чувствовал, как глаза Кинга сверлят его.

— Привет, Питер, — сказал Шон.

— Привет, Шон.

— Ты такой худой, Питер.

— А я и не знал. Но не более, чем остальные. Я совершенно здоров. Спасибо.

— Я так давно не видел тебя. Почему ты не зайдешь в театр? Там всегда можно перехватить что-нибудь поесть, ты же знаешь меня, я никогда не ем много. — Шон обнадеживающе улыбнулся.

— Благодарю, — сказал Питер Марлоу, мучаясь от смущения.

— Ну я знаю, что ты не придешь, — грустно сказал Шон, — но тебе там всегда рады. — Наступила пауза. — Я ни разу тебя больше не видел.

— О, ну ты же понимаешь, как обстоят дела, Шон. Ты занят во всех представлениях, а у меня все хорошо, я занят на работах и разными прочими делами.

Как и Питер Марлоу, Шон был в саронге, но в отличие от саронга Марлоу, который был заношенным и сильно вылинявшим, одеяние Шона было новым, белого цвета, а кайма была расшита голубым и серебряным узором. И еще на Шоне был местный баджу — жакет с короткими рукавами, заканчивающийся у талии, плотно подогнанный и подчеркивающий выпуклости груди. Кинг зачарованно уставился в наполовину распахнутый вырез баджу.

Шон заметил Кинга, бледно улыбнулся, поправил прическу, слегка растрепанную ветром, и забавлялся, пока Кинг смотрел на него. Шон улыбался про себя и возбуждался, в то время, как лицо Кинга вспыхнуло краской.

— Э, жарковато становится, а? — спросил Кинг, чувствуя себя неловко.

— Я думаю, да, — любезно сказал Шон, не страдающий от жары и как всегда не потеющий, даже если жара нестерпима.

Наступило молчание.

— Да, прости, — произнес Марлоу, увидев, как Шон смотрит на Кинга и терпеливо ждет, пока его представят. — Ты знаком... Шон рассмеялся.

— Боже мой, Питер. Ты в расстроенных чувствах. Конечно же, я знаю, кто твой друг, хотя мы никогда не встречались, — Шон протянул руку. — Как поживаете? Познакомиться с Кингом — такая честь!

— Э, спасибо, — сказал Кинг, едва касаясь руки, такой маленькой по сравнению с его собственной. — Хотите, э, закурить?

— Спасибо, но я не курю. Но, если вы не против, я возьму сигаретку. Даже две, если можно? — Шон кивнул в сторону тропинки. — Род и Френк курят, и я знаю, что они будут рады.

— Конечно, — сказал Кинг. — Конечно.

— Благодарю. Очень мило с вашей стороны.

Вопреки своему желанию Кинг почувствовал тепло улыбки Шона. Вопреки самому себе он сказал, что думал.

— Вы были великолепны в «Отелло».

— Спасибо, — радостно сказал Шон. — Вам понравился «Гамлет»?

— Да. А я никогда особенно не увлекался Шекспиром.

Шон рассмеялся.

— Это в самом деле похвала. Мы сейчас ставим новую пьесу. В основном она написана Френком и должна получиться очень смешной.

— Даже если она самая обыкновенная, то будет знаменитой, а вы будете великолепны, — сказал Кинг, чувствуя себя более непринужденно.

— Как мило с вашей стороны. Спасибо, — Шон посмотрел на Марлоу, и глаза его еще сильнее заблестели. — Но боюсь, Питер не согласен с вами.

— Хватит, Шон, — сказал Марлоу.

Шон не смотрел на Марлоу, он не отводил взгляда от Кинга и улыбался, но под улыбкой таилась ярость. — Питеру я не нравлюсь.

— Хватит, Шон, — резко сказал Марлоу.

— Почему? — разразился Шон. — Ты презираешь людей с отклонениями, кажется, так ты называешь гомосексуалистов. Ты выразил свое отношение совершенно ясно. А я не забыл!

— И я тоже!

— Ну, вот это уже что-то! Мне не нравится, когда меня презирают, и менее всего, когда презираешь меня ты!

— Я сказал, хватит! Сейчас не время и не место. И мы это уже обсуждали, и ты все высказал прежде. Я извинился. Я не хотел тебя обидеть!

— Да. Но ты по-прежнему ненавидишь меня. Почему? Почему?

— Это не так.

— Тогда почему ты всегда избегаешь меня?

— Так лучше. Ради Бога, Шон, оставь меня в покое.

Шон уставился на Марлоу, а потом успокоился так же внезапно, как рассердился.

— Извини, Питер. Ты, вероятно, прав. Я глупо себя веду. Это просто потому, что мне бывает одиноко время от времени. Хочется просто поговорить.

Шон потянулся и коснулся руки Марлоу.

— Извини. Я хотел, чтобы мы снова стали друзьями.

Питер Марлоу ничего не мог ответить.

Шон замялся.

— Ну, я думаю, мне лучше идти.

— Шон, — окликнул его Родрик с тропинки, — мы уже опаздываем.

— Я сейчас приду. — Шон еще раз посмотрел на Марлоу, потом вздохнул и протянул руку Кингу. — Рад был встретиться с вами. Прошу извинить мое дурное поведение.

Кингу не удалось избежать повторного рукопожатия.

— Рад был познакомиться с вами.

Шон колебался, глаза его были сумрачными и ищущими.

— Вы друг Питера?

Кинг почувствовал, что все услышали, когда он, запинаясь, произнес:

— Э, конечно, да, думаю, что так.

— Странно, не правда ли, что одно и то же слово имеет столько значений. Но, если вы его друг, не сбивайте его, пожалуйста, с пути истинного. У вас дурная репутация, а я бы не хотел, чтобы у Питера были неприятности. Я очень люблю его.

— Э, да, конечно. — Колени Кинга были ватными, спины он не чувствовал. Но обаяние улыбки Шона пронизывало его насквозь. Ничего похожего он раньше не испытывал.

— Представления — это лучшее, что есть в лагере, — сказал он. — Здорово скрашивают жизнь. А вы — лучшее, что есть там.

— Спасибо. — А потом повернулся к Марлоу. — Это действительно делает жизнь стоящей. Я очень рад. И мне нравится в них участвовать. Питер, это действительно делает жизнь стоящей.

— Да, — согласился раздраженный Марлоу. — Я рад, что все в порядке.

Шон в последний раз нерешительно улыбнулся, потом быстро повернулся и поспешно ушел.

— Будь я проклят! — Кинг сел.

Марлоу тоже сел. Он достал коробочку с табаком и свернул сигарету.

— Если бы не знать, что он мужчина, можно было бы поклясться, что он женщина, — заявил Кинг. — Красивая женщина.

Марлоу устало кивнул.

— Он не похож на остальных трудяг, — сказал Кинг, — это совершенно точно. Нет, сэр. Совсем не похож. Боже, в нем есть что-то, чего не... — Кинг запнулся, попытался найти слово и беспомощно продолжил. — Не знаю, как сказать. Он... он, черт побери, женщина! Помните, как он играл Дездемону? Боже мой, да готов поспорить, что от его вида в женском наряде у каждого парня в Чанги становилось тесно в штанах. Нельзя винить человека за то, что его вводят в соблазн. Я соблазнен, как и другие. И если мужчина говорит обратное, он наверняка врет. — Потом поднял глаза на Марлоу и внимательно стал рассматривать его.

— О, Бога ради, — раздраженно бросил Марлоу. — Вы что, считаете меня тоже гомиком?

— Нет, — спокойно сказал Кинг. — Мне вообще-то все равно. По крайней мере настолько, насколько меня это касается.

— Ну так я не гомик.

— Звучит чертовски убедительно, — с ухмылкой заметил Кинг. — Что, поссорились с любовником?

— Убирайтесь к дьяволу!

Спустя минуту Кинг вкрадчиво спросил:

— Вы давно знаете Шона?

— Он был в моей эскадрилье, — неохотно сказал Марлоу, — и я был выделен приглядывать за ним. Я очень близко узнал его. — Он погасил горящий кончик своей сигареты и высыпал остатки табака в коробочку. — Короче говоря, он был моим лучшим другом и очень хорошим летчиком. — Питер посмотрел на Кинга. — Он мне очень нравился.

— Был ли он таким прежде?

— Нет.

— О, я понимаю, что в то время он не одевался как женщина, но черт возьми, должны же были проявляться его склонности.

— Шон никогда так себя не вел. Он был очень красивым, ласковым парнем. В нем не было ничего от женщины, просто он отличался некоторым... состраданием.

— Вы видели его когда-нибудь голым?

— Нет.

— Это существенно. Никто другой не видел тоже. Даже полураздетым.

Шону была отведена в театре отдельная клетушка; ни у кого другого в Чанги такой привилегии не было. Даже у Кинга. Но Шон никогда не спал там. Мысль о Шоне, который находился один в комнате с замком на двери, была слишком опасной из-за того, что многие в лагере не скрывали свою похоть, а у остальных она была готова выплеснуться наружу. Поэтому Шон спал всегда в одной из хижин, но переодевался и мылся в отдельной комнате.

— Что произошло между вами? — спросил Кинг.

— Я чуть было не убил его. Однажды.

Разговор внезапно прекратился. Оба собеседника внимательно прислушались. Ничего, что-то вроде вздоха, неясного ощущения. Кинг быстро оглянулся по сторонам. Не увидев ничего необычного, он встал и влез в окно. Марлоу последовал за ним. Мужчины в хижине тоже прислушивались. Кинг пристально

посмотрел в направлении угла тюремного здания. Вроде бы все было в порядке. Пленные по-прежнему сновали туда-сюда.

— В чем дело? — тихо спросил Кинг.

— Не знаю, — ответил, прислушиваясь, Марлоу. Люди по-прежнему перемещались по лагерю, но скорость почти незаметно увеличилась.

— Эй, посмотрите-ка, — прошептал Текс.

К ним, вверх по склону, огибая угол тюрьмы, шел капитан Браф. Потом за ним появились другие офицеры, направляясь к хижинам, где содержался рядовой состав.

— Могут быть неприятности, — кисло сказал Текс.

— Возможно, это обыск, — сказал Макс.

В мгновение ока Кинг встал на колени, отпирая черную коробку. Марлоу торопливо бросил:

— Увидимся позже.

— Держите, — сказал Кинг, бросая ему пачку. — Ну, а увидимся вечером, если хотите.

Марлоу выскочил из хижины и побежал вниз по склону. Кинг выдернул трое наручных часов, которые были спрятаны в кофейных зернах. Минуту подумав, он встал на стул и запихал часы в листья на крыше. Он знал, что все видели его новый тайник, но ему было все равно, потому что с этим теперь ничего нельзя было сделать. Потом он запер черную коробку, и в этот момент в дверях появился Браф.

— Ладно, парни, давайте выходите.

Глава 4

Питер Марлоу думал только о своей фляге с водой, пока проталкивался через потный муравейник пленных, строящихся вдоль асфальтированной дороги. Он изо всех сил пытался вспомнить, наполнил ли он флягу, но не был уверен в этом.

Он взбежал по ступенькам в хижину. Но хижина уже была пуста, а в дверях стоял грязный корейский охранник. Марлоу знал, что ему не позволят пройти, поэтому развернулся, нырнул под свес крыши и перебежал к другому входу в хижину. Он успел проскочить к своей койке и схватить флягу до того, как его заметил охранник.

Кореец мрачно выругался, подошел и знаком приказал положить флягу обратно. Но Питер Марлоу торжественно отдал ему честь и заговорил на малайском, который понимали многие охранники.

— Здравствуйте, господин. Возможно, нам придется долго ждать, и я прошу вас разрешить мне взять мою флягу, потому что у меня дизентерия. — Говоря это, он потряс флягу. Она была полной.

Охранник вырвал флягу у него из рук и подозрительно обнюхал ее. Потом вылил немного воды на пол, сунул флягу Марлоу, снова обругал его и показал рукой на выстроившихся на улице людей.

Марлоу поклонился, чувствуя облегчение, и побежал в строй к своей группе.

— Где тебя носили черти, Питер? — спросил Спенс, раздраженный приступами дизентерии.

— Все в порядке, я здесь. — Сейчас, когда у Марлоу была его фляга, он был настроен легкомысленно. — Давай, Спенс, строй ребят, — сказал он, подначивая его.

— Иди к черту. Парни, стройтесь. — Спенс пересчитал людей и потом спросил:

— Где Боне?

— В госпитале, — объяснил Эварт. — Ушел туда сразу после завтрака. Я сам отвел его.

— Почему, черт возьми, ты мне раньше об этом не сказал?

— Ради Бога, я проработал весь день на огородах! Цепляйся к кому-нибудь другому!

— Да успокойся ты, черт побери!

Но Питер Марлоу не слушал ругательства, болтовню и сплетни. Он надеялся, что полковник и Мак тоже прихватили свои фляги.

Когда группа была пересчитана, капитан Спенс подошел к подполковнику Селларсу, который лично нес ответственность за четыре хижины, и козырнул.

— Шестьдесят четыре человека, как и должно быть, сэр. Девятнадцать здесь, двадцать три в госпитале, двадцать два на работах.

— Хорошо, Спенс.

Когда Селларс получил данные по своим четырем хижинам, он передал их дальше полковнику Смедли-Тейлору, отвечающему за десять хижин. Потом

Смедли-Тейлор передал свои сведения дальше. Следующий офицер передал их своему начальству, и эта операция повторялась по всему лагерю, внутри тюрьмы и вне ее, до тех пор, пока общие данные не доходили до коменданта лагеря. Тот сложил количество людей в лагере с количеством людей в госпитале и количеством пленных, занятых на работах, а потом доложил общие цифры капитану Йошима, японскому представителю. Йошима обругал коменданта лагеря, так как в списке не хватало одного человека.

Паника на час охватила лагерь, пока отсутствующего человека не нашли на кладбище. Полковник доктор Рофер из королевской медицинской службы накинулся на своего помощника, полковника доктора Кеннеди, который пытался объяснить, как трудно быстро составить отчет, после чего полковник Рофер обругал его вторично и сказал, что это является его обязанностью. Потом Рофер отправился с повинной к коменданту лагеря, который выбранил его за плохую работу, а потом комендант лагеря пошел к Йошима и постарался вежливо объяснить, что человек был найден, но трудно без задержки выдавать правильные цифры. А Йошима обругал коменданта за плохую работу и напомнил ему его ответственность: если он не умеет уследить за несложными расчетами, возможно, пришла пора возложить на какого-нибудь другого офицера обязанность командира лагеря.

Пока строй пленных то тут то там взрывался раздражением, корейские охранники обыскивали хижины, особенно офицерские. В них, по мнению охраны, должен был быть спрятан радиоприемник — связующая ниточка с живым миром, надежда людей. Охране хотелось найти приемник, как это уже было пять месяцев назад. Но и охрана, и пленные изнемогали от жары, и обыск был поверхностным.

Пленные обливались потом и отчаянно ругались. Несколько человек упали в обморок. Дизентерийные больные вереницей бежали в уборные. Те, которым было очень плохо, здесь же садились на корточки или ложились на землю, отдаваясь боли. Здоровые не замечали вони. Она была привычным делом, так, как привычны были непрерывное снование в уборные, да и сам процесс ожидания.

Через три часа обыск окончился. Людей распустили. Они хлынули в хижины и в тень, задышавшись, улеглись на койки или отправились в душевые, раздраженно дожидаясь, пока вода снимет головную боль.

Питер Марлоу вышел из душа. Он обмотал саронг вокруг пояса и направился в бетонное бунгало, где жили его друзья, его группа.

— Puki'mahly! — ухмыльнулся Мак. Майор Маккой был непокладистым шотландцем невысокого роста с хорошей выправкой. Двадцать пять лет, проведенных в джунглях Малайзии, оставили глубокие следы на его лице, свое дело сделали и любовь к выпивке, и нескончаемая карточная игра, и приступы лихорадки.

— 'Mahlu senderis, — ответил Питер Марлоу, с удовольствием присаживаясь на корточки. Малайские непристойности всегда забавляли его. У этих слов не было дословного перевода на английский, потому что «ruki» означало определенную часть женского тела, а «'mahku» — «срамной».

— Ублюдки, неужели вы не можете хоть один раз поговорить на хорошем английском? — сказал полковник Ларкин. Он лежал на своем матрасе на полу. Ларкин задыхался из-за жары, а голова болела из-за перенесенной малярии.

Мак подмигнул Питеру Марлоу.

— Мы все время ему объясняем, но в его тупую башку ничего не лезет. Полковник безнадежен!

— Верно, приятель, — согласился Питер Марлоу, копируя австралийское произношение Ларкина.

— За каким чертом я с вами двоими связался, — устало простонал Ларкин, — я так и не пойму.

Мак ухмыльнулся.

— Потому что он лентяй, правда, Питер? Мы с вами всю работу делаем, а он сидит и притворяется, что встать не может, и все из-за того, что у него легкий приступ малярии.

— Ruki'mahly. И дайте мне попить, Марлоу.

— Слушаюсь, сэр, господин полковник! — Он протянул Ларкину свою флягу с водой. Когда Ларкин увидел ее, он улыбнулся, преодолевая боль.

— Все в порядке, дружище Питер? — тихо спросил он.

— Да. Господи, я на какое-то время голову потерял.

— Мак и я тоже.

Ларкин отхлебнул воды и бережно вернул флягу.

— Вы хорошо себя чувствуете, полковник? — Питера Марлоу смутил цвет лица Ларкина.

— Проклятье, — сказал Ларкин. — Нет ничего, что не могла бы вылечить бутылка пива. Завтра поправлюсь.

Питер Марлоу кивнул.

— Лихорадка у вас по крайней мере прошла, — сказал он. Потом, с подчеркнутой небрежностью, вытащил пачку «Куа».

— Бог мой, — одновременно ахнули Мак и Ларкин. Марлоу вскрыл пачку и дал каждому по сигарете.

— Подарок от Деда Мороза!

— Где вы, черт возьми, их взяли, Питер?

— Подождите, давайте немножко покурим, — мрачно сказал Мак, — перед тем, как услышим плохие новости. Он, возможно, продал наши тюфяки или что-нибудь в этом роде.

Марлоу рассказал им про Кинга и Грея. Они слушали с растущим изумлением. Затем поведал историю с обработкой табака, они слушали молча, пока он не упомянул про предложенные ему проценты.

— Шестьдесят и сорок! — радостно выпалил Мак. — Шестьдесят и сорок, о. Бог мой!

— Да, — сказал Питер Марлоу, не правильно истолковав реакцию Мака. — Представьте себе! Так или иначе, я просто показал ему, как это делается. Кажется, он удивился, когда я ничего не взял взамен.

— Вы отдали способ даром? — Мак был ошеломлен.

— Конечно. Что-нибудь не так. Мак?

— Почему?

— Ну, я не мог вступать в сделку. Марлоу не торговцы. — Питер говорил так, как будто он имел дело с маленьким ребенком, — Это просто невозможно, старина.

— Бог мой, да у вас была прекрасная возможность заработать, и вы ее отвергли с тупой ухмылкой. Я полагаю, вам ясно, что, если бы за этим делом стоял Кинг, у вас хватило бы денег, чтобы покупать удвоенные пайки с сегодняшнего дня и до страшного суда. Почему вы, черт побери, не держали рот на замке, и не рассказали мне, и не дали мне возможности...

— О чем вы говорите. Мак? — резко вмешался Ларкин. — Парень все сделал верно, зачем ему связываться с Кингом.

— Но...

— Ничего, кроме этого, — сказал Ларкин.

Мак мгновенно остыл, ругая себя за вспышку. Он вымученно рассмеялся.

— Я просто разыгрывал вас, Питер.

— Вы уверены, Мак? Бог мой, — грустно сказал Марлоу. — Я что, сглупил? Я не мог позволить себе унизиться.

— Да нет, паренек, это я просто так, шутил. Расскажите-ка нам, что еще было.

Питер Марлоу рассказал им о том, что произошло, все время задавая себе вопрос, не допустил ли он какой-нибудь ошибки. Мак был его лучшим другом, практичным, никогда не терявшим самообладания. Он рассказал им про Шона, а когда кончил, почувствовал себя лучше. Потом он ушел. Была его очередь кормить кур.

Когда он вышел, Мак сказал Ларкину:

— Черт... я виноват. Не из-за чего было срываться.

— Не вините себя, приятель. Он витает в облаках. У этого парня несколько странные представления. Никогда нельзя угадать наверняка. Может быть, Кингу все-таки пригодятся его способности.

— Ага, — задумчиво сказал Мак.

Питер Марлоу нес котелок, полный обрывков листьев. Он прошел мимо уборных к клеткам, где держали кур для лагеря.

Там были и большие клетки и маленькие, клетки для одной тощей курицы и большая клетка для ста тридцати кур — они были собственностью всего лагеря. Яйца от этих кур шли в общий котел. Другие клетки принадлежали отдельным группам или были собственностью нескольких групп, которые объединяли свои средства. Только Кинг был единоличным владельцем.

Клетку для кур группы Питера Марлоу построил Мак. В ней находилось три курицы — богатство группы. Ларкин купил этих кур семь месяцев назад, когда в группе была продана последняя ценная вещь — золотое обручальное кольцо Ларкина. Он не хотел продавать его, но Мак в то время был болен, и у Марлоу была дизентерия, а за две недели до этого лагерный рацион был снова урезан. И поэтому Ларкин продал кольцо. Но не через Кинга, а через одного из своих людей, Тини Тимсена, австралийского торговца. На эти деньги было куплено четыре курицы у китайца, который получил у японцев право торговать в лагере, а вместе с курами — две банки сардин, две банки сгущенного молока и пинту оранжевого пальмового масла.

Курицы оказались хорошими и исправно неслись. Но одна из них сдохла, и они съели ее. Они собрали кости, положили их в горшок вместе с внутренностями,

ногами, головой и зеленой папайей, которую Мак стащил, когда был на работах, и потушили все вместе. В течение недели они были сыты.

Ларкин открыл одну из банок со сгущенным молоком в тот же день. Они съедали по ложке молока каждый день, пока оно не кончилось. Сгущенное молоко не портилось от жары. В тот день, когда из банки уже нельзя было ничего выскрести, они вскипятили в ней воду и выпили варево. Оно было очень вкусным.

Две банки сардин и последняя банка сгущенного молока были запасом группы. На очень черный день. Банки хранились в тайнике, который постоянно охранялся одним из членов группы.

Перед тем как отпереть запор на дверце курятника, Питер Марлоу оглянулся по сторонам, чтобы убедиться, что никто не подглядывает, как он открывается. Он открыл дверцу и увидел два яйца.

— Спокойно, Нонья, — сказал он, обращаясь к их бесценной курице. — Я не собираюсь дотрагиваться до тебя.

Нонья высиживала семь яиц. Им потребовалась огромная воля, чтобы оставить яйца под курицей, но, если им повезет, они получат семь цыплят, а если эти семь цыплят вырастут и станут настоящими курами или петухами, то тогда их выводок будет огромным, и они смогут выделить одну курицу для постоянного высиживания яиц. И им больше никогда не нужно будет бояться палаты номер шесть.

В палате номер шесть содержали слепых: пленных, лишившихся зрения из-за бери-бери^{12}. Любые витамины были волшебным средством против этой постоянной угрозы, а яйца — незаменимым и доступным продуктом. По этой причине комендант лагеря вымаливал, надоедал и требовал больше яиц у японских властей. Но в основном на человека приходилось только одно яйцо в неделю. Некоторые пленные получали дополнительное яйцо каждый день, но к тому времени это было уже бесполезно.

Именно поэтому курятники охранялись круглосуточно кем-нибудь из офицеров. Именно поэтому воровство лагерных кур или кур, принадлежавших группам, являлось тягчайшим преступлением. Однажды пленного, которого застали с задушенной курицей, забили до смерти те, кто поймал его. Власти постановили, что это убийство было оправданно.

Стоя в конце клетки, Питер Марлоу восхищался курами Кинга. Их было семь, откормленных и громадных по сравнению со всеми другими. В его клетке был и петух — предмет гордости лагеря. Его кличка была Сансет. От него получалось прекрасное потомство, и всякий мог взять его на племя. Кинг установил и цену: лучший цыпленок в выводке.

Даже кур Кинга берегли и охраняли наравне с остальными.

Марлоу наблюдал, как Сансет повалил курицу в пыль и взгромоздился на нее. Курица выбралась из пыли и стала бегать с кудахтаньем и к тому же клюнула другую курицу. Питер Марлоу презирал себя за то, что наблюдал за курами. Он знал, что это проявление слабости. Он знал, что будет вспоминать Нья и что его будет охватывать болезненное желание.

Он вернулся к курятнику, проверил, надежно ли заперт замок, и ушел в бунгало, бережно неся два яйца.

— Питер, ну и парень! — ухмыльнулся Мак. — Сегодня у нас удачный день!

Питер Марлоу вытащил пачку «Куа» и разделил сигареты на три кучки.

— Мы разыграем две из них.

— Возьмите их все, Питер, — сказал Ларкин.

— Нет, мы их разыграем. Младшая карта проигрывает.

Мак проиграл и притворился недовольным.

— Чтоб тебе пусто было, — буркнул он.

Они осторожно разломали сигареты и ссыпали табак в свои коробочки, перемешав его с обработанным яванским табаком, какой у них был. Потом поделили свои порции на четыре части, и три из них положили в другую коробочку и отдали их Ларкину на хранение. Иметь столько табака было искушением.

Внезапно разверзлись небеса и начался потоп.

Питер Марлоу снял свой саронг, аккуратно свернул его и положил на постель Мака.

Ларкин задумчиво произнес:

— Питер, поосторожнее с Кингом. Он может быть опасен.

— Конечно. Не беспокойтесь. — Питер Марлоу шагнул под ливень. Через секунду Мак и Ларкин разделись и последовали за ним, присоединившись к другим голым пленным, упивающимся стремительными потоками воды.

Их тела с радостью ощущали силу потока, легкие жадно вбирали прохладный воздух, головы светлели.

И вонь Чанги была смыта.

Глава 5

После дождя мужчины сидели, наслаждаясь недолгой прохладой и дожидаясь, когда принесут еду. Вода капала с крыши и извергалась по канавам, пыль превратилась в грязь. А солнце величаво сияло в ослепительно голубом небе.

— Боже, — признательно сказал Ларкин, — жить стало легче.

— Да, — согласился Мак.

Они сидели на веранде. Мысленно Мак был далеко отсюда, на своей каучуковой плантации в Кедахе, там, на севере.

— Жара более чем стоящая вещь, она заставляет вас ценить прохладу, — сказал он тихо, — Как лихорадка.

— Малайя — вонючка, дождь — вонючка, жара — вонючка, малярия — вонючка, клопы — вонючка, мухи — вонючка, — заявил Ларкин.

— Не в мирное время, парень. — Мак подмигнул Питеру Марлоу. — И не в деревне, не так ли, Питер?

Марлоу ухмыльнулся. Он почти все рассказал им о своей жизни в деревне. Он знал, что о нерассказанном Мак догадывался, потому что он прожил взрослую часть жизни на Востоке и любил его в той же степени, в какой Ларкин ненавидел.

— Это я понимаю, — грубовато согласился Ларкин, и все они улыбнулись.

Они разговаривали мало. Все уже было говорено-переговорено. Все, о чем они хотели говорить.

Они просто терпеливо ждали. Когда подошло время, они отправились каждый в свою очередь, а потом вернулись в бунгало. Суп был съеден быстро. Питер Марлоу включил самодельную электроплитку и сжарил одно яйцо. Они сложили свои порции риса в миску, он положил яйцо на рис, слегка посолив и поперчив его. Он размельчил его так, чтобы белок и желток равномерно перемешались с рисом, потом разделил рис на порции, и они ели с наслаждением.

Затем Ларкин собрал миски — сегодня была его очередь, и они снова сели на веранде, дожидаясь вечерней переклички.

Питер Марлоу лениво следил за передвижением пленных по улице, наслаждаясь ощущением сытости в желудке, когда увидел приближающего Грея.

— Добрый вечер, полковник, — сказал Грей Ларкину, четко отдавая честь.

— Добрый вечер. Грей, — вздохнул Ларкин. — Кто на этот раз?

Появление Грея всегда означало неприятности.

Грей взглянул на Питера Марлоу. Ларкин и Мак почувствовали их взаимную враждебность.

— Полковник Смедли-Тейлор просил меня передать, сэр, — сказал Грей. — Двое ваших подчиненных подрались — капрал Таунсенд и рядовой Гёбл. Я посадил их в камеру.

— Хорошо, лейтенант, — мрачно буркнул Ларкин. — Вы можете выпустить их. Скажите, чтобы явились ко мне с рапортом сюда, после переклички. Я всыплю им по первое число! — Он сделал паузу. — Вам известно, из-за чего они подрались?

— Нет, сэр. Но думаю, что причиной была игра в орел — решка.

«Нелепая игра, — думал Грей. — Кладут две монетки на палку и подбрасывают их вверх, заключая пари, упадут ли монеты одновременно лицевыми сторонами или обратными сторонами, либо одна лицевой и одна обратной».

— Возможно, вы правы, — проворчал Ларкин.

— Вы бы могли запретить игру. Всегда возникают неприятности, когда...

— Запретить орел — решку? — резко оборвал его Ларкин. — Если я сделаю это, они сочтут меня сумасшедшим. Они не обратят внимания на этот смехотворный приказ и будут совершенно правы. Азартные игры — составная часть жизни австралийцев, вам следовало бы уже понять это. Орел — решка дает возможность австралийцам отвлечься, а драка иногда тоже не мешает. — Он встал и потянулся, борясь с приступом лихорадки. — Азартные игры для австралийцев — то же самое, что воздух. Да любой австралиец ставит шиллинг-другой на азартную игру. — Голос его стал раздраженным. — Я сам люблю иногда сыграть в орел — решку.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Грей. Он видел Ларкина и других австралийских офицеров вместе со своими подчиненными, возящихся в пыли, возбужденных и сквернословящих как и простые рядовые.

— Передайте полковнику Смедли-Тейлору, что я разберусь с ними. Будь я проклят!

— Жаль, что получилось так с зажигалкой Марлоу, сэр, — сказал Грей, внимательно глядя на Ларкина.

Взгляд Ларкина стал твердым и враз посуровел.

— Ему следовало быть более осторожным. Не так ли?

— Да, сэр, — сказал Грей, помолчав некоторое время. Всем стало ясно, что он хотел сказать. «Ну, — подумал он, — стоит попытаться. К дьяволу Ларкина, к дьяволу Марлоу, время есть». Он уже собирался отдать честь и уйти, когда неожиданная мысль потрясла его. Он не выдал своего возбуждения и как бы между прочим сказал:

— Да, кстати, сэр. Ходят слухи, что у одного из ваших австралийцев есть кольцо с бриллиантом. — Он позволил паузе затянуться. — Вам не приходилось слышать об этом?

Глаза Ларкина, глубоко сидящие под кустистыми бровями, задумчиво остановились на Маке, прежде чем он ответил.

— До меня тоже доходили такие слухи. Насколько мне известно, это не относится к моим людям. А в чем дело?

— Просто проверяю, сэр, — объяснил Грей, напряженно улыбаясь. — Вы, конечно, понимаете, что такое кольцо может оказаться динамитом. И для его владельца, и для многих людей. — Потом добавил:

— Лучше было бы держать его под замком.

— Я так не считаю, старина, — возразил Марлоу, и в слове «старина» слышалась скрытая злость. — Это было бы самое худшее из всего, что можно сделать, если бриллиантовое кольцо, конечно, существует, в чем я сомневаюсь. Если место, где оно находится, будет известно, многие парни захотят взглянуть на него. И японцы в любом случае конфискуют его, как только услышат о его существовании.

— Я тоже так думаю, — задумчиво проворчал Мак.

— Пусть уж остается там, где оно есть. В неизвестном месте. Возможно, это просто еще одна сплетня, — сказал Ларкин.

— Надеюсь, что так, — ответил Грей, уже уверенный в том, что его предчувствие правильно. — Но сплетня кажется вполне достоверной.

— К моим подчиненным она не имеет отношения. — Ларкин лихорадочно соображал. Казалось, что Грей что-то знает. Кто же это мог быть? Кто?

— Если вам что-нибудь станет известно, сэр, может быть, вы дадите мне знать? — Грей бросил презрительный взгляд на Питера Марлоу. — Я хочу предупредить неприятность. — И, четко отдав Ларкину честь, кивнув Маку, он вышел.

В бунгало наступило долгое задумчивое молчание.

— Интересно, почему он спросил об этом? — Ларкин посмотрел на Мака.

— Да, — сказал Мак. — Мне тоже интересно. Вы заметили, как засветилось его лицо?

— Совершенно верно! — бросил Ларкин, черты его лица заострились. — Грей прав в одном. Бриллиант может стоить немалой крови.

— Это только слух, полковник, — сказал Питер Марлоу. — Никто бы не смог сохранить столь дорогую вещь так долго. Это невозможно.

— Я надеюсь, что вы правы, — нахмурился Ларкин. — Молю Бога, чтобы у моих ребят его не оказалось.

Мак потянулся. Голова болела, и он чувствовал, как приближается приступ лихорадки. «Да, — подумал он спокойно, — наверно, дня три у меня еще есть». Лихорадка была у него так часто, что стала такой же привычной частью его жизни, как и дыхание. Сейчас она повторялась раз в два месяца. Он вспомнил, что в 1942 году должен был уйти в отставку по настоянию врача. Когда малярия добирается до твоей селезенки, пора домой, старина, домой в Шотландию, назад, к прохладной погоде. Купить маленькую ферму около Киллина с видом на красоты озера Лох-Тей. Тогда можно выжить.

— Да, — произнес устало Мак, ощущая груз своих пятидесяти лет. Потом сказал вслух то, о чем они все думали:

— Но если бы нам достался этот крошечный чертов камушек, нам бы хватило его на призрачное существование, не опасаясь будущего. Совсем не опасаясь.

Ларкин скрутил сигарету, закурил, сделав глубокую затяжку. Потом передал ее Маку, который покурив и передал сигарету Питеру Марлоу. Когда они почти докурили, Ларкин сбил горящий конец и высыпал остатки табака в коробочку. Он нарушил тишину.

— Пожалуй, пойду пройдуся.

— Саламат, — улыбнулся Питер Марлоу, что означало «Да будет с тобой мир».

— Саламат, — изобразил на своем сером лице улыбку Ларкин и вышел на солнце.

* * *

Пока Грей поднимался по склону к хижине военной полиции, голова его горела от возбуждения. Он пообещал себе, что как только доберется до хижины и выпустит австралийцев, он скрутит сигарету, чтобы отпраздновать это событие.

Его вторая сигарета за сегодняшний день, хотя у него осталось яванского табака всего на три сигареты, а выдача должна была быть на следующей неделе.

Он прошагал по ступенькам и кивнул сержанту Мастерсу.

— Можешь их выпустить!

Мастерс снял тяжелый засов с двери бамбуковой клетки, и перед Греем замерли два угрюмых человека.

— После переключки вы должны явиться с рапортом к полковнику Ларкину.

Двое козырнули и ушли.

— Чертовы смутьяны, — буркнул Грей.

Он присел, вынул коробочку с табаком и бумагу. В этом месяце он был расточительным. Грей купил целую страницу из Библии. Из этой бумаги получались самые лучшие сигареты. Хотя он и не был религиозным человеком, все-таки это было похоже на святотатство — пускать Библию на раскурку. Грей прочитал строки на обрывке, из которого он собирался скрутить сигарету.

«И отошел сатана от лица Господня, и поразило Иова проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его. И взял он себе черепицу, чтобы скоблить себя ею, и сел в пепел. И сказала ему жена его...»

Жена! За каким чертом попало мне на глаза это слово? Грей выругался и перевернул обрывок.

Первое предложение на другой стороне гласило: «Для чего не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из чрева?»

Грей подскочил, когда в окне просвистел брошенный камень, ударился о стенку и стукнулся об пол.

Камень был завернут в кусок газеты. Грей поднял его и метнулся к окну. Но вокруг никого не было. Грей сел и расправил бумагу. По краю обрывка было написано:

«Давайте договоримся. Я принесу Кинга на тарелочке, если вы закроете глаза на то, что я буду немножко приторговывать, когда вы получите его. Если сделка состоялась, выйдите на улицу из хижины на минуту, держа этот камень в левой руке. Потом избавьтесь от другого полицейского. Ребята говорят, что вы честный коп, поэтому я верю вам».

— Что в ней написано, сэр? — спросил Мастерс, уставясь на бумагу слезящимися глазами.

Грей скомкал обрывок.

— Кто-то считает, что мы слишком усердно работаем на японцев, — резко сказал он.

— Чертов ублюдок. — Мастерс подошел к окну. — Черт побери, они думают, без нас здесь кто-нибудь поддержал бы дисциплину? От педерастов житья бы не было.

— Это верно, — согласился Грей. Бумажной комочек был как живой в его руке. «Если это настоящее предложение, — думал он, — Кинга можно будет одолеть».

Принять решение было непросто. Ему предстояло выполнить свою часть сделки. Он обязан держать свое слово. Он был честным копом и немало гордился своей репутацией. Грей знал, что он все отдаст за то, чтобы увидеть Кинга в бамбуковой клетке, лишенного его нарядов, даже если придется слегка прикрыть глаза на нарушение правил. Ему было интересно, кто из американцев мог быть стукачом. Все они ненавидели Кинга, завидовали ему, но кто мог стать Иудой, кто подвергает себя риску быть разоблаченным, зная, какими будут последствия? Кем бы этот человек ни был, он никогда не будет таким же опасным, как Кинг.

Поэтому он вышел наружу с камнем в левой руке и внимательно рассматривал проходивших мимо людей. Но никто не подал никакого знака.

Он выбросил камень и отпустил Мастерса. Потом сел и стал ждать. Он уже перестал надеяться, когда в окно влетел еще один камень со следующей запиской:

«Проверяйте жестянку в канаве около шестнадцатой хижины. Дважды в день, утром и после переклички. Она будет служить нам для связи. Сегодня ночью он будет торговать с Турасаном».

Глава 6

Этой ночью Ларкин лежал на своем тюфяке под противомоскитной сеткой, мрачно размышляя о капрале Таунсенде и рядовом Гёбле. Он видел их после переклички.

— Какого черта вы устроили драку? — спрашивал он неоднократно, и всякий раз они оба угрюмо отвечали:

— Орел — решка. — Но Ларкин инстинктивно чувствовал, что они лгут.

— Я хочу знать правду, — сказал он сердито. — Давайте, вы же приятели. Итак, почему вы подрались?

Но оба упрямо не отрывали глаз от земли. Ларкин спрашивал их по очереди, но всякий раз каждый из них хмурился и отвечал:

— Орел — решка.

— Ладно, ублюдки, — наконец сказал он сердито. — Я даю вам последний шанс. Если вы не расскажете мне, я исключу вас из своего полка. Насколько я понимаю, тогда вы не сможете выжить.

— Но, полковник, — ахнул Гёбл. — Вы не сделаете этого!

— Я даю вам тридцать секунд, — зловеще сказал Ларкин. И люди поняли, что он имеет в виду. Они знали, что слово Ларкина было законом в его полку, потому что Ларкин был для них как отец. Быть исключенным означало одно — они перестанут существовать для своих товарищей, а без товарищей они умрут.

Ларкин подождал минуту. Потом сказал:

— Хорошо. Завтра...

— Я расскажу вам, полковник, — выпалил Гёбл. — Этот чертов педик обвинил меня в том, что я украл еду у своих товарищей. Он сказал, что я украл...

— А ты и украл, поганый ублюдок!

Только отданная злобным голосом полковника команда «Смирно» удержала их от новой драки.

Капрал Таунсенд первым рассказал свою версию происшедшего.

— В этом месяце я отбываю наряд на кухне. Сегодня нам надо было приготовить еду для ста восьмидесяти восьми человек...

— Кто отсутствует? — спросил Ларкин.

— Билли Донахью, сэр. Он ушел в госпиталь сегодня днем.

— Ладно.

— Хорошо, сэр. Сто восемьдесят восемь человек по сто двадцать пять грамм риса в день дает двадцать три с половиной килограмма. Я всегда сам хожу на склад с приятелем и слежу за тем, как развешивают рис, а затем приношу его, чтобы быть уверенным в том, что мы получили по справедливости. Ну, сегодня я следил за взвешиванием, когда меня скрутила боль в животе. Поэтому я попросил вот этого Гёбла отнести рис на кухню. Он мой лучший приятель, поэтому я решил, что могу доверять ему...

— Я не брал ни одного проклятого зернышка, ты, ублюдок. Перед Богом клянусь, что...

— У нас не хватило риса, когда я вернулся! — закричал Таунсенд. — Не хватило почти полфунта, а это — целых две порции.

— Я знаю, но я не...

— Гири были точными. Я проверил их перед твоим проклятым носом!

Ларкин прошел вместе с ними, проверил гири и убедился, что они точные. Не вызывало сомнений, что вниз по склону холма было отправлено нужное количество риса, потому что каждое утро нормы публично взвешивались подполковником Джоунсом. Ответ был только один.

Гёбл, спотыкаясь, исчез в темноте, всхлипывая, а Ларкин обратился к Таунсенду.

— Держи рот на замке.

— Даю слово, полковник, — сказал Таунсенд. — Если австралийцы узнают об этом, они разорвут его на части. И справедливо! Я не рассказал об этом только по одной причине — он был моим лучшим другом. — Глаза его неожиданно наполнились слезами. — Проклятье, полковник, мы вместе поступили на военную службу. Мы прошли через Дюнкерк, и вонючий Ближний Восток, и через всю Малайю. Я знал его большую часть моей жизни и готов был поставить свою жизнь об заклад...

Сейчас, думая об этом снова и снова, в полусонном состоянии, полковник Ларкин содрогнулся. «Как человек мог совершить такое? — беспомощно спрашивал он сам себя. — Как?» Гёбл — один из его подчиненных, которого он знал много лет и который даже работал в его офисе в Сиднее!

Он закрыл глаз и забыл про Гёбла.

Он выполнил свой долг, а его долг состоял в том, чтобы защищать большинство. Он позволил своим мыслям переключиться на свою жену Бетти, готовящую стейк с поджаренным яйцом сверху, свой дом с видом на залив, свою маленькую дочь, он думал о том, что будет делать после войны. Но когда? Когда?

* * *

Грей осторожно поднялся по ступенькам хижины номер шестнадцать, как вор в ночи, и прошел к своей кровати. Он стянул брюки, скользнул под противомосkitную сетку и лежал голым на матрасе, очень довольный собой. Он только что видел, как Турасан, корейский охранник, прошмыгнул за угол хижины американцев и под брезентовый навес, видел, как Кинг воровато

выпрыгнул из окна, чтобы присоединиться к Турасану. Грей недолго прятался в укромном уголке. Он проверял информацию доносчика. Еще не было необходимости хватать Кинга. Не надо. Пока не надо. Теперь известно, что осведомитель говорил правду.

Грей ворочался на кровати, расчесывая ногу. Его натренированные пальцы поймали клопа и раздавили его. Он услышал звук, когда клоп лопнул, и почувствовал тошнотворный сладкий запах крови, которая была в клопе — его собственной крови.

В поисках неизбежной дырки вокруг его сетки гудели тучи moskitov. В отличие от большинства офицеров Грей отказался превращать свою кровать в двухэтажные нары, потому что ему была противна мысль о необходимости спать с кем-то над или под ним, хотя нары и давали дополнительное пространство.

Противомоскитные сетки висели на проволоке, которая по всей длине делила хижину пополам. Даже во сне пленные были связаны друг с другом. Когда один человек поворачивался или натягивал сетку, чтобы более плотно подоткнуть ее под пропитавшийся потом тюфяк, все сетки слегка покачивались, и каждый чувствовал, что он находится в окружении других людей.

Грей раздавил еще одного клопа, но его мысли были далеко. Этой ночью чувство счастья переполняло его. Наконец объявился стукач, теперь можно ловить Кинга, и до кольца с бриллиантом он доберется и до Марлоу. Он был очень доволен, потому что разгадал загадку.

Все просто, повторял он про себя. Ларкин знает, у кого кольцо. Единственный человек в лагере, который в состоянии организовать продажу, — это Кинг, только его связи годятся для такого дела. Ларкин не пошел бы к Кингу, поэтому послал Марлоу. Марлоу должен быть посредником.

Кровать Грея качнулась, когда тяжелобольной Джонни Хокинс спросонья споткнулся об нее, направляясь в уборную.

— Поосторожнее, Бога ради! — бросил Грей раздраженно.

— Извините, — сказал Джонни, пробираясь на ощупь к двери.

Через несколько минут Джонни проковылял обратно.

Вслед ему было сказано несколько сонных ругательств. Как только Джонни добрал до койки, ему надо было идти опять. На этот раз Грей не обратил внимания на то, как затряслась его кровать, потому что был поглощен своими мыслями, прогнозируя возможные действия врага.

* * *

Питер Марлоу бодрствовал, сидя на жестких ступеньках хижины номер шестнадцать под безлунным небом, пропуская темноту через свои глаза, уши и мозг. С места, где он сидел, ему были видны две дороги: одна, которая делила лагерь пополам, и другая, огибающая стены тюрьмы. Японские и корейские охранники и военнопленные в одинаковой степени пользовались обеими дорогами. Питер Марлоу нес караул с северной стороны.

Он знал, что сзади него капитан авиации Кокс так же внимательно вглядывается в темноту, предупреждая опасность. Кокс следил за южным направлением.

Восток и запад не было нужды прикрывать, потому что к хижине номер шестнадцать можно было подойти только с севера или юга.

Из хижины и отовсюду неслись звуки, издаваемые людьми, спящими мертвым сном, — стоны, странный смех, храп, хмыканье, сдавленные полувскрики, смешивающиеся с тихим шепотом бодрствующих. Было приятно сидеть прохладной ночью на холме над дорогой. Все было спокойно.

Питер Марлоу дернулся, как собака, сделавшая стойку. Он почувствовал приближение корейского охранника раньше, чем разглядел его в темноте, а к тому времени, когда Питер действительно заметил его, он уже успел дать предупредительный сигнал.

В самом дальнем конце хижины Дейв Девен не расслышал первого свистка, потому что был поглощен своим занятием. Когда он услышал второй свист, более настойчивый, он ответил на него, резко разъединил иголки, лег на койку и затаил дыхание.

Охранник с винтовкой на плече, ссутулившись, шел через лагерь, не замечая ни Питера Марлоу, ни других. Он чувствовал на себе их глаза. Он ускорил шаг и мечтал скорее убраться от этой ненависти.

Прошла вечность, прежде чем Питер Марлоу услышал сигнал отбоя, поданный Коксом, и снова расслабился, не прекращая прощупывать темноту ночи.

В дальнем конце хижины Девен перевел дыхание. Он осторожно приподнялся под плотной противомоскитной сеткой на верхних нарах. С бесконечным терпением он вновь соединил две иголки с концами изолированного провода, подключенного к сети. После поиска, потребовавшего огромного напряжения сил, он почувствовал, как иголки прошли через выеденные жучком отверстия в брус. Эти брусья через равные промежутки шли вдоль хижины и служили главной поперечиной нар. Капли пота скатились по его подбородку и упали на брус, пока он нащупывал две другие иголки, присоединенные к наушнику, и снова после мучительного поиска вслепую нащупал отверстия, предназначенные для них, и ловко вставил иголки в брус. Наушник ожил.

«...и наши войска быстро продвигаются сквозь джунгли по направлению к Мандалаю. Мы передавали последние известия. Говорит Калькутта. Коротко о новостях: американские и английские войска заставляют противника отступать в Бельгии и на центральном участке фронта в направлении Сент-Губерта в условиях сильнейших снежных бурь. В Польше русские войска находятся в двадцати милях от Кракова. На Филиппинах американские войска, наступая на Манилу, захватили плацдарм за рекой Агно. Днем американские Б-29 бомбили Формозу. Потерь нет. В Бирме победоносные английская и индийская армии находятся в тридцати милях от Мандалая. Следующие новости в 6 утра по калькуттскому времени».

Девен тихо откашлялся и почувствовал, как провод питания слегка дернулся, а потом освободился, когда Спенс на соседней койке вытащил свои иголки из розетки. Девен быстро разъединил свои четыре иголки и спрятал их в швейные принадлежности. Он вытер лицо от пота и почесал клопные укусы. Потом отсоединил провод на наушнике, осторожно закрепил выводы и сунул наушник в специальный карман в бандаже у себя под яичками. Он застегнул штаны, сложил вдвое провод, пропустил его через петли для ремня и завязал узлом. Девен нащупал кусок тряпки, вытер руки, потом аккуратно посыпал пылью крошечные отверстия в бруске, замазывая их и маскируя.

Он откинулся на койке на минутку, чтобы собраться с силами, и почесался. Успокоившись, откинул сетку и прыгнул на пол. Ночью он никогда не пристегивал свой протез, поэтому нащупал костыли и тихо пошел к двери. Он прошел мимо койки Спенса, не обратив на него никакого внимания. Таково было правило. Нельзя позволить себе быть неосторожными. Костыли скрипели, и в десятиmillionный раз Девен снова подумал о своей ноге. Она не слишком волновала его сейчас, хотя культя страшно болела. Врачи сказали, что вскоре придется снова укоротить ее. Ему это уже делали дважды, первый раз была настоящая операция ниже колена в 1942 году, когда он подорвался на сухопутной мине. Второй раз выше колена, без анестезии. Воспоминание об этом заставило Девена стиснуть зубы и поклясться, что он никогда не согласится на это снова. Но в этот раз, в последний, все будет не так уж и плохо. Здесь, в Чанги, были анестезирующие средства. Это будет в последний раз, потому что культя была не слишком большая.

— О, привет, Питер, — сказал он, чуть было не наткнувшись на него. — Не заметил тебя.

— Привет, Дейв.

— Правда, чудесная ночь? — Девен осторожно спускался по ступенькам. — Мочевой пузырь капризничает.

Питер Марлоу улыбнулся. Если Девен говорил эти слова, значит, новости были хорошими.

Если он говорил «Я протек», это означало, что в мире ничего не произошло. Если он говорил «Кишки довели меня сегодня ночью», это означало, что где-то серьезные неприятности. Если он говорил «Подержи-ка секундочку костыли», это означало большую победу.

Хотя Питер Марлоу должен был бы услышать подробные новости завтра, выучить их вместе со Спенсом и пересказать обитателям других хижин, но ему хотелось узнать их сегодня, поэтому он снова уселся на свое место, наблюдая, как Девен прыгает на костылях в уборную, чувствуя симпатию и уважение к этому человеку. Скрипя костылями, Девен дошел до места. Писсуар был сделан из согнутого куска гофрированного железа. Девен наблюдал, как его моча льется, извиваясь тонкой струйкой, к нижнему концу писсуара, потом с пеной низвергается из заржавленного носика в большой бочонок, смешиваясь с нечистотами на поверхности жидкости. Он вспомнил, что завтра будет день уборки. Этот сосуд вынесут и вместе с другими такими же отнесут на огороды. Нечистоты смешают с водой, потом эту смесь осторожно разольют черпак за черпаком под корни заботливо выращиваемых и охраняемых пленными растений, которые шли в лагерный котел. Это удобрение заставит стать еще более сочными овощи, которые они ели.

Девен ненавидел овощи. Но это была еда, а человеку нужно есть.

Ветерок охлаждал потную спину и принес с собой острый запах моря, находящегося за три мили, за три световых года от лагеря.

Девен думал о том, как надежно работает приемник. Он был очень доволен собой, вспомнив, как аккуратно он отколол тонкую планку от верхней части бруса и выдолбил там отверстие глубиной в шесть дюймов. Как тайно все это было сделано. Как ему потребовалось пять месяцев, чтобы собрать приемник, работая по ночам и в предрассветные часы, а отсыпаясь днем. Как искусно была подогнана крышка, так что ее очертаний после присыпания пылью нельзя было рассмотреть даже при тщательном обыске. И как невидимы были отверстия для иголок, когда их посыпали пылью.

Мысль о том, что он. Дейв Девен, первый в лагере узнавал новости, наполняла его огромной гордостью и ощущением значимости. Несмотря на отсутствие ноги. Однажды он услышит, что война кончилась. Не только европейская война. Их война. Война на Тихом океане. Благодаря ему лагерь связан с внешним миром, и он знал, что страх, пот и боль в сердце стоят того. Только он, Спенс, Кокс и Питер Марлоу да еще два английских полковника точно знали, где на самом деле спрятан приемник. Это было мудро, потому что чем меньше людей посвящено в тайну, тем меньше опасность.

Опасность, конечно же, существовала. Всегда присутствовали назойливо любопытные глаза, глаза, которым нельзя было доверять. Всегда существовала опасность, что на тебя донесут. Была и опасность непреднамеренной утечки.

Когда Девен вернулся обратно, Марлоу уже был в своей койке. Девен заметил, что Кокс по-прежнему сидит на ступеньках в дальнем конце, но это было обычным делом: дежурные не должны расходиться одновременно. Культя Девена начала нестерпимо чесаться, но не она сама, а нога, которой не было. Он забрался к себе на койку, закрыл глаза и помолился. Он всегда молился перед сном. Сон не приходил; перед его глазами как живой возник славный старина Том Коттон, австралиец, которого поймали с другим приемником и которого под охраной отправили в тюрьму Утрам Роуд. Он вспомнил, как в широкополой плетеной шляпе, лихо сдвинутой на один глаз, он хрипло распевает «Вальсирующую Матильду», а хор поет «Покарай япошек». Но мысленно Девен представлял, что именно его, а не Томми Коттона, уводили под охраной. Он уходил, охваченный малодушным страхом.

— О, Боже, — сказал сам себе Девен, — дай мне твоего мужества. Я так боюсь, я такой трус.

* * *

Кинг был занят тем, что любил больше всего на свете. Он считал пачку совершенно новых банкнот. Доход от продажи.

Турасан вежливо светил своим карманным фонариком, луч которого был тщательно затенен и направлен на стол. Они были в «магазине», как называл это место Кинг, рядом с хижинкой американцев. Сейчас с брезентового навеса свисал почти до земли еще один кусок брезента, закрывая стол и скамейки от вездесущих глаз. Японцы запрещали торговлю между пленными и охранниками — таков был лагерный приказ.

На лице Кинга было написано выражение «надул-в-делке». Он считал деньги с мрачным видом.

— О'кей, — вздохнул он наконец, когда общая сумма оказалась равной пяти сотням. — Ичи-бон!

Турасан кивнул. Он был маленьким, приземистым человеком с круглым лунообразным лицом и полным ртом золотых зубов. Винтовку китаец небрежно прислонил к стенке хижины. Он взял паркеровскую авторучку и тщательно осмотрел ее еще раз. Белое пятнышко было на месте. Перо было золотым. Он поднес ручку поближе к лучу света и прищурился, чтобы еще раз прочесть надпись, выгравированную на перо: «14 карат».

— Ичи-бон, — буркнул он наконец и втянул воздух между передними зубами. На его лице было написано то же выражение «надул-в-делке». Он скрывал, что доволен. Пятьсот японских долларов были отличной ценой за ручку, и он знал, что легко получит за нее вдвое больше у китайцев в Сингапуре.

— Ты, чертов ичи-бон, торгаш, — угрюмо сказал Кинг. — На следующей неделе, возможно, будут часы. Но не будет этих чертовых вонгов, не будет никакой торговли. Я должен заработать немного вонгов.

— Оцень много вонгов, — сказал Турасан, кивая на пачку денег. — Мозет, скоро цасы?

— Может быть.

Турасан предложил закурить. Кинг взял сигарету и позволил Турасану поднести огонь. Потом Турасан в последний раз всосал в себя воздух и улыбнулся золотой улыбкой. Он вскинул винтовку на плечо, вежливо поклонился и растворился в ночи.

Кинг курил, сияя от счастья. Хорошая работа, думал он. Пятьдесят баксов за ручку, сто пятьдесят человеку, который сработал белое пятнышко и выгравировал надпись на перо. Доход триста долларов. То, что с пера через неделю сойдет краска, совершенно не волновало Кинга. Он знал, к тому времени Турасан продаст перо какому-нибудь китайцу.

Кинг через окно влез в хижину.

— Спасибо, Макс, — сказал он тихо, так как большинство американцев уже спало. — Вот держи, можешь идти. — Он вытащил из пачки две десятидолларовые банкноты. — Отдашь другую Дино.

Он обычно не платил своим людям так много за такую короткую по времени работу. Но сегодня он проявил щедрость.

— Здорово! Спасибо, — Макс поспешил наружу, сказал Дино, что работа закончена, и дал ему десятидолларовую бумажку.

Кинг поставил кофейник на плитку. Он разделся, повесил брюки, а рубашку, трусы и носки бросил в корзину с грязным бельем. Кинг натянул чистую, прожаренную на солнце набедренную повязку, и проскользнул под противомосkitную сетку.

Дождаясь, пока закипит вода, он подвел итог дневной работе. Сначала Ронсон. Он заставил майора Бэрри спустить цену до пятисот пятидесяти долларов минус пятьдесят пять долларов, которые составляли его десятипроцентные комиссионные, и зарегистрировал зажигалку у капитана Брафа как «выигранную в покер». Она стоила по крайней мере девять сотен. Так что сделка была выгодной. При растущей инфляции, думал он, нужно вкладывать максимальное количество денег в товары.

Прежде чем запустить производство по обработке табака, Кинг договорился о сбыте. Все пошло так, как он задумал. Все американцы согласились заняться

сбытом, и отношения Кинга с его австралийскими и английскими партнерами были испорчены. Но это было нормально. Он уже договорился о покупке двадцати фунтов необработанного яванского табака у Али, китайца, который имел право торговать в лагерной лавке, и получил табак с хорошей скидкой. Договорились, что на австралийской кухне им каждый день будут предоставлять одну из печей на час, так, чтобы вся партия табака могла быть приготовлена одновременно под наблюдением Текса. Поскольку все люди работали за комиссионное вознаграждение, затраты Кинга включали только стоимость табака. Завтра обработанный табак пойдет в продажу. Он организовал все так, что чистая прибыль будет составлять сто процентов. Это было справедливо.

Теперь, когда производство табака запущено, Кинг мог энергично взяться за дело, связанное с бриллиантом...

Шипение закипающего кофейника оторвало Кинга от размышлений. Он выскользнул из-под противомоскитной сетки и отпер черный ящик. Кинг насыпал в воду три полные ложки кофе и добавил щепотку соли. Когда вода покрылась пеной, снял кофейник с плитки и подождал, пока кофе отстоится.

Хижина наполнилась запахом кофе, дразня людей, которые еще не спали.

— Боже, — произвольно сказал Макс.

— В чем дело. Макс? — спросил Кинг. — Не можешь заснуть?

— Нет. Слишком много мыслей у меня в голове. Я думаю, мы можем до черта заработать на этом табаке.

Текс тревожно заерзал, вдыхая аромат кофе.

— Этот запах напоминает мне о разведочных работах на нефть.

— Как это? — Кинг налил в кофейник холодной воды, чтобы осадить гущу, потом бросил полную ложку сахара в свою кружку и наполнил ее кофе.

— Самое приятное в буровых работах наступает утром. После длинной тяжелой ночной смены на буровой вышке. Когда перед рассветом сидишь со своими дружками с первой дымящейся чашкой яванского кофе. А кофе горячий и сладкий, и в то же время чуточку горький. И можно видеть, как над Техасом, над путаницей нефтяных вышек встает солнце. — Последовал долгий вздох. — Вот это жизнь, парни.

— Я никогда не был в Техасе, — сказал Кинг. — Был везде, но не в Техасе.

— Это благословенная Богом земля.

— Хочешь кофе?

— Ты же знаешь. — Текс тут же оказался рядом, со своей кружкой. Кинг налил себе кофе по второму разу. Потом дал полчашки Тексу.

— Макс?

Макс тоже получил свои полчашки. Он быстро выпил кофе.

— Я приготовлю это для тебя утром, — сказал он, забирая кофейник с гущей.

— О'кей. Спокойной ночи, ребята.

Кинг снова проскользнул под сетку и убедился, что она плотно подсунута под матрас. Потом с удовольствием лег между простынями. Он видел, как в другом конце хижины Макс добавил в гущу воды и поставил кофейник рядом со своей койкой настаиваться. Он знал, что Макс повторно заварит гущу на завтрак. Сам Кинг не любил повторно заваренный кофе. Он был слишком горек. Но ребята утверждали, что он хорош. Если Макс хотел повторно заварить его, что ж, отлично, подумал он, соглашаясь. Кинг не любил объедки.

Он закрыл глаза и переключился мыслями на бриллиант. Он наконец понял, кто его владелец, как добраться до камня, а сейчас, когда удачный случай свел его с Питером Марлоу, он понял, как надо организовать эту крайне сложную сделку.

Как только ты понял человека, повторял Кинг, узнал его ахиллесову пяту, ты знаешь, как себя вести с ним, как подключить его к твоим планам. Да, предчувствие не обмануло его, когда он впервые увидел Питера Марлоу, сидящего на корточках, как индус в пыли, и болтающего по-малайски. Предчувствиями в этом мире надо пользоваться.

Сейчас, думая о своем разговоре с Питером Марлоу после переключки, Кинг почувствовал, как его заливают теплом от предвкушения удачи.

— Ничего не происходит в этой вшивой тюрьме, — невинно сказал Кинг, когда они безлунным вечером сидели под свесом крыши.

— Точно, — согласился Питер Марлоу. — Отвратительно. Один день совершенно такой же, как и все остальные. От этого можно спятить.

Кинг согласно кивнул головой и прихлопнул москита.

— Я знаю парня, который очень хорошо развлекается.

— Ну! Что же он делает?

— Он ночью пролазит через проволоку.

— Боже мой, он напрашивается на неприятности. Должно быть, он сумасшедший!

Но Кинг заметил огонек возбуждения, вспыхнувший в глазах Питера Марлоу. Он молча ждал.

— Зачем он делает это?

— В основном только для потехи.

— Вы имеете в виду развлечение?

Кинг кивнул.

Питер Марлоу тихо присвистнул.

— Не думаю, что у меня хватило бы на это духу.

— Иногда этот тип ходит в малайскую деревню.

Питер Марлоу взглянул за проволоку, в мыслях уносясь в деревню, которая, как все они знали, была расположена на побережье в трех милях отсюда. Однажды Марлоу забрался в самую верхнюю камеру тюрьмы и подобрался к крошечному зарешеченному окошку. Он увидел панораму джунглей и деревушку, гнездившуюся на берегу. В тот день в море было много кораблей. Рыбацкие лодки и вражеские военные корабли, большие и малые, казались островками на водной глади моря. Он не мог оторвать взгляда, очарованный близостью моря, и стоял, уцепившись за прутья решетки до тех пор, пока руки его держали. Немного отдохнув, он собирался опять влезть к окошку и снова выглянуть. Но он больше не сделал этого. Никогда. Эта картина доставляла слишком большую боль. Он почти всю жизнь прожил у моря. Уезжая от него, он чувствовал себя потерянным. Сейчас он снова был недалеко от моря. Но оно было недостижимо.

— Очень опасно доверять всей деревне, — сказал Питер Марлоу.

— Нет, если вы с ними знакомы.

— Верно. Этот человек действительно ходит в деревню?

— Он мне так говорил.

— Я не думаю, что даже Сулиман пойдет на такой риск.

— Кто?

— Сулиман. Малаец, с которым я разговаривал сегодня днем.

— Кажется, что это было месяц тому назад, — заметил Кинг.

— Так оно и есть, не правда ли?

— Какого черта такой парень, как Сулиман, делает в этой тюрьме? Почему он не унес ноги, когда война кончилась?

— Его поймали на Яве. Сулиман подрезал каучуковые деревья на плантации Мака. Мак — это один из членов моей группы. Ну, батальон Мака — это был малайский полк — вывели из Сингапура и послали на Яву. Когда война кончилась, Сулиману пришлось остаться с батальоном.

— Черт, он ведь мог исчезнуть. Их ведь миллионы на Яве...

— Яванцы сразу обнаружили бы его и, может быть, выдали.

— А как же насчет зоны совместного процветания? Вы же знаете, как это — Азия для азиатов?

— Боюсь, это пустые слова. Яванцам много пользы это тоже не принесло. Особенно если они не подчинялись приказам.

— Что вы имеете в виду?

— В 42-м году, осенью, я был в лагере рядом с Бандунгом, — сказал Питер Марлоу, — в горах Явы, в центре острова. Тогда вместе с нами там было полно солдат с островов Альбон и Менадон и много яванцев, они служили в голландской армии. Ну а яванцам было трудно в лагере, потому что многие из них были из Бандунга и их жены и дети жили сразу за оградой лагеря. Долгое время они имели обыкновение выбираться наружу и проводить там ночь, а перед рассветом возвращаться в лагерь. Он слабо охранялся, поэтому это было несложным делом. Хотя для европейцев это было опасно, потому что яванцы могли выдать вас японцам, и судьба ваша была бы решена. Однажды японцы отдали приказ, что любой, пойманный вне лагеря, будет расстрелян. Яванцы, конечно же, решили, что это относится ко всем, кроме них. Кроме того, им сообщили, что через пару недель их все равно выпустят. Однажды утром семерых из них поймали. На следующий день нас построили. Весь лагерь. Яванцев поставили к стенке и расстреляли. Прямо перед нами, вот так. Семь тел похоронили с военными почестями там, где они упали. Потом япошки развели небольшой палисадник вокруг могил. Они посадили цветы, обнесли всю площадку белым кантом и установили надпись на малайском, японском и английском: «Эти люди погибли за свою страну».

— Да вы шутите!

— Отнюдь. Но самое забавное, что именно японцы поставили почетный караул около могилы. После этого каждый японский охранник, каждый японский офицер, проходя мимо «святости», отдавал честь. Каждый. И в то же время каждый военнопленный должен был встать и кланяться, если в пределах

видимости появлялся любой японский солдат. Если вы не делали этого, то получали прикладом винтовки по голове.

— Непонятно.

— Для них понятно. Таков восточный склад ума. Для них все абсолютно понятно.

— Черт возьми, непонятно. Совсем непонятно!

— Вот почему я не люблю их, — задумчиво произнес Питер Марлоу. — Я боюсь их, потому что у вас нет критериев для того, чтобы оценивать их поступки. Они ведут себя так, как не должны были бы. Никогда.

— Я в этом не разбираюсь. Они знают цену деньгам, и вы можете в большинстве случаев доверять им.

— Вы имеете в виду бизнес? — рассмеялся Питер Марлоу. — Ну, мне про это ничего не известно. Но что касается самих людей... А, вот еще. В другом лагере на Яве, — они все время перемещали нас с места на место, не так как на Сингапуре, — тоже недалеко от Бандунга, был японский охранник, более человечный. Он не бросался на пленных, как большинство из них. Этого человека мы привыкли называть Санни{13}, потому что он всегда улыбался. Санни любил собак. И он всегда ходил по лагерю, окруженный полдюжиной собак. Его любимицей была овчарка — сука. Однажды эта собака принесла щенков, щенки были самыми смышленными из всех, которых мы когда-либо видели, а Санни был почти самым счастливым японцем на земле, он учил щенков, смеялся и играл с ними. Когда они научились ходить, он сделал для них поводки из бечевки и ходил по лагерю, таща их за собой. Однажды он тащил за собой щенков, и один из них сел на задние лапы. Знаете, как ведут себя щенки, когда устают, они просто садятся. Поэтому Санни немного его протащил, потом рванул по-настоящему. Щенок взвизгнул, но с места не сдвинулся.

Питер Марлоу сделал паузу и свернул сигарету. Потом продолжил:

— Санни ухватился за бечевку и начал раскручивать щенка у себя над головой. Он, наверно, дюжину раз крутанул его, хохоча так, как будто это была величайшая шутка в мире. Потом, когда визжащий щенок набрал скорость, он крутанул его последний раз и отпустил бечевку. Щенок пролетел, должно быть, футов пятьдесят в воздухе. А когда он ударился о твердую, как железо, землю, то лопнул как спелый помидор.

— Подонок!

Спустя минуту Питер Марлоу сказал:

— Санни подошел к щенку, посмотрел на него, потом залился слезами. Один из наших ребят раздобыл лопату и закопал то, что осталось, и все это время Санни терзался своим горем. Когда могила была разглажена, он вытер слезы, дал пленному пачку сигарет, ругал его в течение пяти минут, со злостью пнул прикладом винтовки в пах, потом поклонился могиле, поклонился ударенному человеку и зашагал прочь, сияя от счастья, в сопровождении других щенков и собак.

— Быть может, он был просто сумасшедшим. Сифилитиком. — Кинг медленно покачал головой.

— Нет, Санни таким не был. Кажется, что японцы ведут себя как дети, но у них мужские тела и мужская сила. Они просто смотрят на вещи так, как это делают дети. Их видение жизни не прямое, как у нас, а искаженное.

— Я слышал, что после капитуляции на Яве было скверно, — сказал Кинг, чтобы заставить собеседника продолжать рассказ. Ему понадобился почти час, чтобы Питер Марлоу разговорился, и сейчас он хотел, чтобы тот почувствовал себя непринужденно.

— В каком-то смысле да. Конечно, на Сингапуре было больше ста тысяч солдат, поэтому японцам надо было быть чуть осторожнее. По-прежнему существовала субординация, и многие соединения остались нерасформированными. Японцы наступали всюду в направлении Австралии и не слишком тревожились, если военнопленные вели себя прилично и сами организовывались в лагеря. Некоторое время то же самое происходило на Яве и Суматре. Они хотели нажать и оккупировать Австралию, а потом всех нас сослать туда в качестве рабов.

— Вы сумасшедший, — заявил Кинг.

— О, нет. Это сказал мне японский офицер после того, как меня схватили. Но когда их наступление было остановлено в Новой Гвинее, они принялись наводить порядок в своем расположении. На Яве нас было не очень много, поэтому они могли позволить себе грубо обращаться с нами. Они говорили, что у нас нет офицерской чести, ведь мы позволили взять себя в плен. Поэтому они не хотели считать нас военнопленными. Они постригли нас и запретили носить офицерские знаки различия. В конце концов нам разрешили опять «стать» офицерами, хотя так и не разрешили отрастить волосы. — Питер Марлоу улыбнулся. — Как вы попали сюда?

— Обычное дерьмо. Мы строили летную полосу. На Филиппинах. Нам пришлось спешно сматываться оттуда. Первое судно, на которое мы смогли сесть, направлялось сюда, поэтому мы сели на него. Мы считали, что Сингапур так же неприступен, как и Форт-Нокс. К тому времени, когда мы добрались сюда, японцы были уже в Джохоре. Началась паника, и все парни ушли с последним конвоем из Сингапура. Я же решил, что это рискованное

мероприятие. Конвой подорвался в море. Я поработал головой — и вот я жив. В большинстве случаев погибают только болваны.

— Не думаю, что у меня достало бы ума не ехать, если бы представилась такая возможность, — признался Питер Марлоу.

— Нужно заботиться только о себе, Питер. Никто больше этого делать не будет.

Питер Марлоу надолго задумался. Из темноты ночи долетали обрывки разговоров. Иногда гневные ругательства. Шепот. Гудели тучи moskitov. Издалека доносилась скорбная переключка паровозных гудков. Пальмы, четко выделяющиеся на фоне темного неба, шевелили листьями. Сухая ветка отвалилась от вершины пальмы и с треском упала в джунгли.

Питер Марлоу нарушил молчание.

— Этот ваш друг. Он действительно ходит в деревню?

Кинг посмотрел в глаза Питеру Марлоу.

— Вы хотите пойти? — спросил он тихо. — В следующий раз, когда я пойду?

Слабая улыбка тронула губы Питера Марлоу.

— Да.

* * *

Резкое крещендо москита заставило Кинга вскочить. Он нашел фонарик и осветил сетку изнутри. На сетке сидел москит. Кинг ловко прихлопнул его. Потом дважды проверил, нет ли дырок в сетке, и снова лег.

Через минуту он выкинул все мысли из головы. Сон быстро и спокойно овладел Кингом.

* * *

Питер Марлоу все еще не мог заснуть на своей койке, почесывая клопиные укусы. Слова Кинга вызвали слишком много воспоминаний...

Он вспомнил корабль, на котором его, Мака и Ларкина привезли с Явы год назад.

Японцы приказали коменданту Бандунга, одного из лагерей на Яве, предоставить тысячу человек для вывода на работы. Пленных должны были послать в другой лагерь неподалеку на две недели, обеспечив их хорошей едой — двойными пайками и сигаретами. Потом их должны были перевести в другое место. Прекрасные условия для работы.

Многие пленные напросились на работы из-за двухнедельного срока. Некоторым приказали. Мак записал себя, Ларкина и Питера Марлоу.

— Никогда ничего нельзя угадать заранее, парни, — уговаривал он, когда они обругали его. — Если бы мы могли добраться до какого-нибудь крошечного острова. Я и Питер знаем язык. Да и хуже, чем здесь, там не будет.

Поэтому они решили поменять известное зло на неизвестное.

Корабль был крошечным грузовым пароходом. У сходней было много охранников и два японца, одетых в белое, с лицами, закрытыми белыми масками. За их спинами висели большие сосуды, а в руках были опрыскиватели, подключенные к сосудам. Все военнопленные и их пожитки были опрысканы, чтобы не занести яванских микробов на чистое судно.

В маленьком трюме на корме были крысы, вши и фекалии. Пространство в центре трюма было размером двадцать на двадцать футов. Вокруг трюма, прикрепленные к корпусу судна, от палубы до самого верха шли пять рядов широких полок. Расстояние между полками было три фута, а их ширина — десять футов.

Японский сержант показал пленным, как нужно сесть на полках, скрестив ноги. Пять человек в затылок друг другу, пять человек в затылок друг другу, потом еще пять человек в затылок друг другу. До тех пор, пока все полки не были забиты.

Когда начались испуганные протесты, сержант заявил, что таким способом перевозят японских солдат, а если это подходит для славной японской армии, то вполне подойдет и для белых отбросов. Первые пять человек исчезли, задыхаясь в удушающей темноте, под угрозой револьвера, а толпа пленных, спускавшихся в трюм, нажимала и заставила остальных забираться на полки. На этих пленных нажимали, в свою очередь, сзади идущие. Колено к колену, спина к спине, бок к боку. Не поместившиеся пленные, почти сто человек, стояли, стиснутые, на маленькой площадке размером двадцать на двадцать футов, радуясь, что они не попали на полки. Люки все равно еще не были задраены, и в трюм заглядывало солнце.

Сержант повел вторую колонну, в которой были Ларкин, Мак и Питер Марлоу, в носовой трюм, и его тоже стали забивать пленными.

Когда Мак добрался до насыщенного парами дна трюма, он судорожно вдохнул и потерял сознание. Питер Марлоу и Ларкин подхватили его и под оглушительный шум, с руганью, пробились по трапу назад, на палубу. Охранник попытался затолкать их обратно. Питер Марлоу кричал, умолял и показывал на трясущееся лицо Мака. Охранник пожал плечами и дал им пройти, кивнул головой в сторону носа.

Ларкин и Питер Марлоу локтями и руганью освободили место и уложили Мака.

— Что мы будем делать? — спросил Питер Марлоу Ларкина.

— Пойду и постараюсь найти врача.

Рука Мака уцепилась за Ларкина.

— Полковник. — Его глаза слегка приоткрылись и он быстро прошептал:

— Со мной все в порядке. Мне нужно было как-то вытащить нас из трюма. Христа ради, делайте вид, что вы огорчены, и не бойтесь, если я изображу припадок.

Поэтому они ухаживали за Маком, который горячечно стонал, дрался и выплевывал воду, которую они подносили к его губам. Он выделял все это до тех пор, пока судно не отчалило. Теперь даже палубы были забиты людьми.

На судне не хватало места, чтобы все могли одновременно сесть. Но, поскольку за всем были очереди — за водой, рисом, в уборные, каждый военнопленный на какое-то время мог сесть.

Той ночью шторм трепал судно в течение шести часов. Все пленные, которые находились в трюме, пытались сдержать рвоту, а те, что были на палубе, пытались укрыться от стремительных потоков воды.

На следующий день море было спокойным, небо залито солнцем. За борт упал один пленный. Те, кто был на палубе, и пленные, и охрана, долгое время следили за тем, как он тонул в кильватерной струе судна. После этого за борт никто не падал.

На второй день трех мертвецов погребли в море. Несколько японских охранников выстрелили из винтовок, чтобы придать похоронам военный характер. Служба была краткой — надо было стоять в очередях.

Путешествие продлилось четыре дня и пять ночей. Для Мака, Ларкина и Питера Марлоу оно окончилось без приключений.

* * *

Питер Марлоу лежал на своем влажном тюфяке, страстно желая заснуть. Но его мозг бесконтрольно метался, вылавливая из глубины ужасы прошлого и страхи перед будущим. Воспоминания, которые лучше отогнать от себя. Не надо вспоминать сейчас, когда ему так одиноко. Не надо вспоминать о ней.

Уже рассветало, когда он наконец заснул. Но даже тогда сон его был мучителен.

Глава 7

Дни сменялись днями и текли монотонной вереницей. Однажды вечером Кинг пришел в лагерный госпиталь в поисках Мастерса. Он нашел его на веранде одной из хижин. Тот лежал на вонючей кровати в полубессознательном состоянии, глаза его были прикованы к стене.

— Привет, Мастерс, — сказал Кинг, убедившись в том, что никто не подслушивает. — Как себя чувствуешь?

Мастерс смотрел на него, не узнавая.

— Чувствую себя?

— Конечно.

Прошла минута, прежде чем Мастерс пробормотал:

— Не знаю. — Струйка слюны сбежала по его подбородку.

Кинг вынул свою коробочку с табаком и наполнил им пустую табачную коробку, которая лежала на столе рядом с кроватью.

— Мастерс, — сказал Кинг. — Спасибо за то, что сообщил мне.

— Сообщил?

— Сообщил мне о том, что ты прочитал на куске газеты. Я только хотел поблагодарить тебя, дать тебе немного табака.

Мастерс напрягся, вспоминая.

— А...а! Нехорошо шпионить за приятелем. Дерьмо, полицейский шпик!

Потом он умер.

Подошел доктор Кеннеди и аккуратно натянул грубую простыню на голову Мастерса.

— Твой друг? — спросил он Кинга, его усталые глаза смотрели холодно из-под косматых бровей.

— В какой-то степени, полковник.

— Ему повезло, — заметил врач. — Сейчас он уже не чувствует боли.

— Это один из способов смотреть на вещи, сэр, — ответил Кинг вежливо. Он взял со стола табак и высыпал его снова в свою коробочку. Мастерсу он больше не понадобится. — От чего он умер?

— От отсутствия желания жить. — Доктор подавил зевок. Зубы его были грязными, волосы висели прямыми сальными прядями, а руки были розовыми и безукоризненно чистыми.

— Вы имеете в виду волю к жизни?

— Это один из способов смотреть на вещи. — Доктор сердито взглянул на Кинга. — Это единственное, от чего ты не сможешь умереть, не так ли?

— Черт возьми, нет, сэр.

— Что делает тебя таким непобедимым? — спросил доктор Кеннеди, ненавидя это огромное тело, которое излучало здоровье и силу.

— Я не понял вас, сэр.

— Почему с тобой все в порядке, а с остальными нет?

— Мне просто повезло, — сказал Кинг и собрался уходить. Но доктор ухватил его за рубашку.

— Это нельзя объяснить просто удачей. Нельзя. Может быть, ты дьявол, посланный, чтобы подвергнуть нас испытанию? Ты кровопийца, лжец и вор...

— Послушайте, вы. Я никогда ничего не крал и никого не обманывал в своей жизни, так что увольте!

— Тогда скажи мне, как это у тебя получается? Как? Это все, что я хочу знать. Разве ты не понимаешь? Ты являешься ответом для всех нас. Ты либо добро, либо зло, и я хочу понять, что ты есть.

— Вы сошли с ума, — сказал Кинг, вырывая руку.

— Ты можешь помочь нам...

— Помогите себе сами. Я забочусь о себе. Вы позаботьтесь о себе. — Кинг заметил, как белый халат доктора Кеннеди болтался на его тощей груди. — Вот, — сказал он, давая ему остаток пачки «Куа». — Покурите. Это хорошо успокаивает нервы, сэр. — Он повернулся на каблуках и крупным шагом зашагал на улицу. Он ненавидел госпитали. Он ненавидел вонь, болезни и беспомощность докторов.

Кинг презирал слабость. Этот доктор, подумал он, припадочный какой-то, сукин сын. Этот псих долго не протянет. Как и Мастерс, бедолага! Хотя, может быть, все-таки он не был бедолагой — он был Мастерсом, но он был слабым и поэтому ни к черту не годился. Мир — это джунгли, выживают сильнейшие,

слабые умирают. Либо ты, либо кто-то другой. Это было справедливо. Иного пути нет.

Доктор Кеннеди уставился на сигареты, благословляя свою удачу. Он закурил одну. Все его тело впитывало сладость никотина. Потом он прошел в палатку к Джонни Карстерсу, кавалеру ордена «За безупречную службу», капитану 1-го танкового полка, который был почти трупом.

— Держи, — сказал он, давая ему сигарету.

— А вы-то как, доктор Кеннеди?

— Я не курю, никогда не курил.

— Счастливчик. — Джонни закашлялся от дыма и вместе с мокротой отхаркнул немного крови. От кашля сжался его кишечник, отчего струёй изверглась кровавая жидкость, так как мышцы заднего прохода давно ослабли.

— Док, — сказал Джонни, — пожалуйста, наденьте на меня ботинки. Я должен встать.

Старый доктор поискал ботинки. Разглядеть что-либо было трудно, потому что ночник в палате был тускл и тщательно затемнен.

— Нет здесь никаких ботинок, — сказал он, глядя близоруко на Джонни, который сел на край кровати.

— Ох! Ну тут уж ничего не поделаешь.

— Какие они были?

Слезы тоненькой ниточкой потекли из глаз Джонни.

— Я берег эти ботинки. В них я всю жизнь проходил. Единственное, что у меня осталось.

— Хочешь еще сигарету?

— Докуриваю, спасибо.

Джонни снова лег на свою изгаженную постель.

— Жалко мне ботинок, — сказал он.

Доктор Кеннеди вздохнул, снял свои ботинки без шнурков и надел на ноги Джонни.

— У меня есть еще пара, — соврал он, стоя босиком. Спина его болела.

Джонни пошевелил пальцами ног, наслаждаясь ощущением грубой кожи. Он сделал попытку взглянуть на них, но это оказалось непосильным для него.

— Я умираю, — сказал он.

— Да, — ответил врач. Было время — да было ли оно когда-нибудь? — когда он был обязан соблюдать правила поведения врача у постели умирающего. Сейчас в этом не было смысла.

— Довольно бессмысленно, не правда ли, док? Двадцать два года — и ничего. Из небытия в небытие.

Дуновение ветерка принесло в палату надежду на скорое наступление рассвета.

— Спасибо за то, что одолжили мне ботинки, — сказал Джонни. — Это то, что я всегда сам себе обещал. У мужчины должны быть ботинки.

Он умер.

Доктор Кеннеди снял ботинки с Джонни и обулся.

— Санитар, — крикнул он, увидев одного из них на веранде.

— Слушаю, сэр, — жизнерадостно сказал Стивен, подходя к врачу и держа в левой руке бадью с испражнениями.

— Пришлите похоронную команду забрать еще одного. Ах да, вы можете занять место сержанта Мастерса.

— У меня просто рук на все не хватит, полковник, — возразил Стивен, ставя на пол бадью. — Я должен принести три судна для коек десятой, двадцать третьей и сорок седьмой. А бедному полковнику Хаттону так неудобно. Я только было собрался сменить ему повязки. — Стивен посмотрел на кровать и покачал головой. — Ничего, кроме покойников...

— Такова работа, Стивен. По крайней мере мы можем похоронить их. И чем скорее, тем лучше.

— Я тоже так думаю. Бедные ребята. — Стивен вздохнул и изящно промокнул пот на лбу чистым носовым платком. Потом положил платок в карман белого медицинского комбинезона, подхватил бадью, слегка покачнувшись под ее весом и вышел.

Доктор Кеннеди презирал его, презирал его жирные черные волосы, его выбритые подмышки и выбритые ноги. В то же время он не мог винить его. Гомосексуализм был способом выжить. Мужчины дрались из-за Стивена, делились с ним пайками, угощали сигаретами, делали все, лишь бы временно

попользоваться его телом. А что же, задавал сам себе вопрос доктор, такого отвратительного в этом? Когда вы думаете о «нормальной половой жизни», клинически это так же отвратительно.

Жесткой рукой он рассеянно почесал мошонку, потому что зуд сегодня был нестерпим. Он непроизвольно коснулся своего полового органа. Он был бесчувственный. Дряблый.

Доктор вспомнил, что уже несколько месяцев у него не было эрекции. Это только из-за плохого питания. Не надо волноваться. Мы выйдем отсюда, будем нормально питаться, все станет на свои места. Мужчина в сорок три года все еще мужчина.

Вернулся Стивен с похоронной командой. Тело положили на носилки и унесли. Стивен поменял единственную простыню. Тут же внесли другие носилки и помогли новому больному лечь на кровать.

Доктор Кеннеди автоматически пощупал его пульс.

— Завтра начнется приступ, — сказал он. — Это просто малярия.

— Да, доктор. — Стивен бодро взглянул на врача. — Дать ему хинина?

— Конечно, дать хинина!

— Простите, полковник, — едко сказал Стивен, вскидывая голову. — Я всего лишь задавал вопрос. Полагается, что только врачи уполномочены назначать лекарства.

— Ну, так дайте ему хинина и ради Бога, Стивен, перестаньте притворяться проклятой бабой.

— Как! — Браслеты Стивена звякнули, когда он задрал нос и повернулся спиной к больному. — Довольно несправедливо бросаться на человека, доктор Кеннеди, когда он старается сделать лучше.

Доктор Кеннеди обругал бы Стивена, но в этот момент в палату вошел доктор Прудомм.

— Добрый вечер, полковник.

— А, привет. — Доктор Кеннеди благодарно повернулся к нему, понимая, что было бы глупостью ругаться со Стивеном. — Все в порядке?

— Да. Можно вас на минутку?

— Конечно.

Прудомм был маленьким, спокойным человеком с куриной грудью, руки его были покрыты пятнами — следами многолетней работы с химикатами. Голос у него был серьезный и спокойный.

— Завтра две операции по поводу аппендицита. Одного только что притащили в пункт первой помощи.

— Ладно. Я осмотрю их перед тем, как уходить.

— Хотите оперировать? — Прудомм посмотрел в дальний конец палаты, где Стивен держал таз перед больным, которого рвало.

— Да. Дайте мне чем-нибудь заняться, — сказал Кеннеди. Он пристально всмотрелся в темный угол. При тусклом свете затененной лампы хорошо видны были длинные изящные ноги Стивена и изгиб его ягодиц, выделяющихся под облегающими шортами.

Чувствуя на себе их пристальные взгляды, Стивен посмотрел в их сторону и улыбнулся.

— Добрый вечер, доктор Прудомм.

— Привет, Стивен, — ласково сказал Прудомм.

К своему ужасу доктор Кеннеди увидел, что Прудомм все еще смотрит на Стивена.

Прудомм повернулся к Кеннеди, заметив его потрясение и отвращение.

— Ах да, кстати, я закончил вскрытие человека, которого нашли в выгребной яме. Смерть наступила от удушья, — добавил он.

— Если вы находите сначала голову человека на полпути до дна ямы, то более чем ясно, что смерть наступила от удушья.

— Верно, доктор, — легко согласился Прудомм. — Я указал в свидетельстве о смерти: самоубийство из-за нарушения душевного равновесия.

— Тело опознано?

— О да. Сегодня днем. Он был австралийцем. Пленного звали Гёбл.

Доктор Кеннеди потер лицо.

— Я бы не расстался с жизнью таким образом. Ужасно.

Прудомм кивнул, и его взгляд переключился на Стивена.

— Я вполне согласен. Его, конечно, могли бросить в яму.

— Нашли какие-нибудь насильственные признаки на теле?

— Никаких.

Доктор Кеннеди постарался заставить себя не обращать внимания на то, как Прудомм смотрит на Стивена.

— Убийство это или самоубийство, способ ужасен. Ужасен! Думаю, что мы никогда не узнаем, как было дело.

— Сегодня днем, как только человек был опознан, было короткое расследование. Доказано, что несколько дней тому назад его поймали на воровстве пайков, причитающихся какой-то хижине.

— О! Понятно.

— Как бы там ни было, я хочу сказать, что он заслужил это, не так ли?

— Думаю, что да. — Доктору Кеннеди хотелось продолжить этот разговор: ему было одиноко, но он видел, что Прудомм интересуется только Стивеном.

— Ну, — сказал он, — я лучше пойду с обходом. Хотите присоединиться?

— Благодарю, но я должен подготовить больных к операции.

Выходя из палаты, доктор Кеннеди краем глаза заметил, как Стивен легко коснулся Прудомма, проходя мимо, а тот ответил незаметной лаской. Он услышал смешок Стивена и увидел, как тот открыто ответил на эту ласку.

Их бесстыдство потрясло доктора. Он знал, что должен вернуться в палату и приказать им разойтись, и отдать их под трибунал. Но он слишком устал, поэтому просто прошел в дальний конец веранды.

Воздух был спокоен, ночь темна и беззвучна, луна как гигантская дуговая лампа свисала с небесных стропил. Люди все еще ходили по тропинке, но все были молчаливы. Все ждало наступления рассвета.

Кеннеди посмотрел вверх, на звезды, пытаясь прочесть в них ответ на свой постоянный вопрос. Когда же, о Боже, наступит конец этому кошмару?

Но ответа не было.

* * *

Питер Марлоу сидел в офицерском нужнике, наслаждаясь красотой неверного рассвета и удовлетворительной работой кишечника. Первое было делом обычным, второе — редким.

Он всегда занимал задний ряд, когда входил в уборную. Во-первых, по-прежнему ненавидел облегчаться на людях, а во-вторых, не переносил чужого присутствия за своей спиной, а кроме того, наблюдать за другими было развлечением.

Выгребные ямы были двадцать пять футов глубиной, два фута в диаметре и удалены друг от друга на расстоянии шести футов. Двадцать рядов, спускающихся по склону, по тридцать штук в ряд. Каждое очко оборудовано деревянной крышкой и подвижной заслонкой.

В центре стояло единственное деревянное сиденье. Обычное очко. Этим преимуществом пользовались полковники. Остальным приходилось сидеть на корточках, по-туземному, поставив ноги по обеим сторонам дыры. Не было предусмотрено никаких ограждений — вся уборная была открыта небу и лагерю.

На сиденье в одиноком величии восседал полковник Семсен. Он был гол, не считая изношенной до лохмотьев широкополой шляпы. Он всегда носил эту шляпу, что было его причудой. Он снимал ее, когда брил голову, или массировал ее, или втирал кокосовое масло или какую-то непонятную мазь для восстановления волос. Он подцепил неизвестное заболевание, и все его волосы на голове выпали в один день — брови и ресницы тоже. Остальная часть тела была покрыта шерстью, как у обезьяны.

Мужчины расселись по нужнику на максимальном удалении друг от друга. Каждый принес флягу с водой. Каждый отмахивался от постоянно роящихся мух.

Питер Марлоу снова сказал сам себе, что сидящий на корточках обнаженный облегчающийся мужчина — самое отвратительное в мире зрелище, может быть, самое душераздирающее.

Поскольку день только наступил, поднимался легкий туман, золотые лучики разбегались по бархатному небу. Земля была влажной из-за прошедших прошлой ночью дождей, ветерок ласкал прохладой, он принес запах морской соли и красного жасмина.

«Да, — довольно подумал Питер Марлоу, — день будет хорошим».

Закончив, он наклонил флягу, по-прежнему сидя на корточках, и смыл остатки кала, ловко работая пальцами левой руки. Всегда только левой. Правая рука служила для еды. У туземцев нет слов, обозначающих левую или правую руку, только рука для кала и рука для еды. Все пленные пользовались водой, потому

что бумага, любой клочок бумаги был ценностью. Все пленные, за исключением Кинга. У него была настоящая туалетная бумага. Он дал кусок Питеру Марлоу, и тот поделил ее в своей группе, потому что она великолепно подходила для самокруток.

Питер Марлоу встал, снова подпоясал свой саронг и пошел в хижину, предвкушая завтрак. На завтрак, как всегда, будет рисовая каша и слабый чай, но сегодня у группы был еще и кокосовый орех — еще один подарок Кинга.

За те немногие дни, прошедшие после знакомства с Кингом, они стали большими друзьями. Узы дружбы частично поддерживались едой, частично табаком, частично помощью — Кинг за два дня вылечил сальварсаном тропические язвы на лодыжках Мака, а они гноились в течение двух лет. Питер Марлоу знал также, что, хотя трое из них доброжелательно относились к благосостоянию и помощи Кинга, их приязнь к нему была в основном вызвана самим Кингом. Когда вы находились с ним рядом, он излучал силу и уверенность. Все начинали чувствовать себя лучше и сами становились сильнее, казалось, что вы черпали силу из магии, исходившей от него.

— Он чародей! — непроизвольно сказал вслух Питер Марлоу.

Когда он вошел, большинство офицеров в хижине номер шестнадцать еще спали или лежали на койках, дожидаясь завтрака. Он вытащил из-под подушки кокосовый орех, взял скребок и большой малайский нож — мачете. Потом вышел и сел на скамейку. Ловкий удар мачете расколол орех на две совершенно равные половинки. Он слил молоко в котелок и начал осторожно выскребать одну половинку ореха. Кусочки белой мякоти посыпались в молоко.

Вторую половинку ореха он вычистил в отдельную посудину, сложил мякоть в кусок москитной сетки и осторожно выжал в чашку густой сладкий сок. Сегодня была очередь Мака добавлять сок в кашу на завтрак.

Питер Марлоу подумал о том, какая замечательная еда-остаток от кокоса. Богат протеином и совершенно безвкусен. Однако положи в него зубчик чеснока, и он становится весь прочесноченным, четверть сардины, и он весь как бы становился сардиной, а его оболочка придаст аромат многим чашкам с рисом.

Неожиданно почувствовал, что ему безумно хочется съесть орех. Он был так голоден, что не услышал подходящих охранников. Он не чувствовал их присутствия до тех пор, пока они с угрожающим видом не встали в дверях хижины и все пленные поднялись.

Слова Йошима, японского офицера, разорвали тишину.

— В этой хижине есть приемник.

Глава 8

Иошима ждал пять минут, пока кто-нибудь заговорит.

Дейв Девен думал о том, какая сволочь могла выдать их или кто допустил промах. Кто? Питер Марлоу? Кокс? Спенс? Полковники?

А уж потом им овладел ужас, ужас, не правдоподобно связанный с облегчением, что наконец этот день настал. Страх Питера Марлоу был таким же удушающим. От кого исходит утечка? От Кокса? От полковников? Ведь даже Мак и Ларкин не знают то, что знаю я. Господи! Утрам Роуд! Кокс оцепенел. Краешком глаза следя за уклончивыми взглядами остальных, он прислонился к койке, и только прочность столбов спасала его от падения.

Подполковник Селларс был лично ответствен за эту хижину, и его брюки были липкими от страха, когда он вошел в хижину вместе со своим адъютантом, капитаном Форестом. Он козырнул, а лицо его с двойным подбородком было красным и потным.

— Доброе утро, капитан Иошима...

— Утро не доброе. Здесь есть радио. Радио запрещено приказом японской армии. — Иошима был мал ростом, хрупок и необыкновенно опрятен. Сабля самурая висела на его широком поясе. Высокие, до колен, башмаки были начищены до зеркального блеска.

— Мне ничего об этом не известно. Нет. Ничего, — вспыхнул Селларс. — Вы! — Дрожащий палец ткнул в Девена. — Вам что-нибудь известно об этом?

— Нет, сэр.

Селларс повернулся и осмотрел обитателей хижины.

— Где приемник?

Молчание.

— Где приемник? — Он был почти в истерике. — Где приемник? Я приказываю немедленно отдать его. Вы знаете, что мы все несем ответственность за выполнение приказов императорской армии.

Молчание.

— Я всех вас предаю военному трибуналу, — визжал он, дрожа подбородком. — Вы все получите по заслугам. Вы! Ваше имя?

— Капитан Марлоу, сэр.

— Где приемник?

Потом Селларс заметил Грея.

— Грей! Вы, кажется, являетесь начальником военной полиции! И если здесь есть приемник, только вы несете за это ответственность. Вы должны были доложить об этом властям. Я отдам вас под трибунал, и это будет записано в вашем послужном списке...

— Я ничего не знаю о приемнике, сэр.

— Черт подери, вы должны знать о нем, — визжал Селларс с искаженным и красным лицом. Он помчался в тот конец хижины, где жили пять американских офицеров.

— Браф! Что вам известно об этом?

— Ничего. И надо говорить «капитан Браф», полковник!

— Я не верю вам. Вы, проклятые американцы, всегда приносите неприятности. Вы недисциплинированный сброд...

— Я не собираюсь слушать эту вашу проклятую чушь!

— Не смейте говорить со мной подобным образом! Добавляйте слово «сэр» и стойте по стойке «смирно».

— Я старший американский офицер и не собираюсь выслушивать оскорбления ни от вас, ни от кого-то другого. У американцев нет радио, это я знаю. В этой хижине нет радио, и это я знаю. И если бы оно было, вы думаете, я так и сказал бы вам, полковник?

Селларс повернулся и, пыхтя, прошел в середину хижины.

— Тогда мы обыщем хижину. Каждый стоит у своей койки. Внимание! Пусть Бог поможет тому, у кого приемник. Я лично прослежу, чтобы его наказали по закону, вы, мятежные свиньи...

— Заткнитесь, Селларс.

Все замерли, когда в хижину вошел полковник Смедли-Тейлор.

— Здесь есть приемник, и я пытаюсь...

— Заткнитесь.

Измощенное лицо Смедли-Тейлора было напряженным, когда он шел к Йошимуе, который наблюдал за Селларсом с удивлением и презрением.

— В чем дело, капитан? — спросил он, понимая, что происходит.

- В хижине есть радио, — сказал Йошима и добавил насмешливо:
- В соответствии с положениями Женевской конвенции военнопленные...
- Мне прекрасно известен моральный кодекс, — сказал Смедли-Тейлор, стараясь отводить глаза от столбов, стоящих через равные промежутки вдоль хижины. — Если вы считаете, что здесь есть радио, пожалуйста, сделайте обыск. Или если вы знаете, где оно, пожалуйста, возьмите его, и дело будет сделано. У меня очень много дел сегодня.
- Ваша обязанность исполнять закон...
- Моя обязанность — исполнение цивилизованного закона. Если вы ссылаетесь на закон, вы должны сами исполнять его. Дайте нам пищу и медикаменты, которые нам положены!
- Когда-нибудь вы зайдете слишком далеко, полковник.
- Когда-нибудь я умру. Возможно, от апоплексического удара, пытаюсь выполнять смехотворные правила, введенные некомпетентной администрацией.
- Я доложу генералу Шима о вашей дерзости.
- Извольте. А потом спросите его, кто распорядился, чтобы каждый человек в лагере ловил ежедневно двадцать мух, чтобы их собирали, пересчитывали и чтобы я ежедневно приносил их в ваш офис.
- Ваши старшие офицеры постоянно жалуются на увеличение смертных случаев от дизентерии. Мухи — разносчики дизентерии...
- Вам не следует напоминать мне о мухах и количестве смертей, — резко сказал Смедли-Тейлор, — дайте нам химические препараты и разрешите очистить окружающую территорию. Таким образом мы будем контролировать здоровье всего острова Сингапур.
- Пленным не положено...
- Это ваша норма на дизентерию не экономична. Это ваша норма на малярию высока. До того как вы пришли сюда, на Сингапуре не было малярии.
- Может быть. Но мы победили вашу тысячную армию и тысячами взяли вас в плен. Ни один мужчина, дорожащий своей честью, не позволит, чтобы его взяли в плен. Все вы животные, и обращаться с вами нужно соответственно.
- Я знаю, что есть японцы, которых взяли в плен на Тихом океане.
- Откуда вы это знаете?

— Слухи, капитан Иошима. Знаете, как это бывает. Явно ложные. Ложью является и то, что японских кораблей уже нет на морях, и то, что Японию бомбили, и то, что американцы захватили Гуадал-канал, Гуам, и Рабаул, и Окинаву, и то, что они сейчас готовы атаковать Японские острова...

— Вранье! — Иошима схватился за свою саблю самурая у пояса и на дюйм вытащил ее из ножен. — Вранье! Императорская японская армия выигрывает войну и скоро захватит Австралию и Америку. Новая Гвинея в наших руках, и японская армада как раз сейчас на пути в Сидней.

— Несомненно, — Смедли-Тейлор повернулся спиной к Иошиму и оглядел хижину. К нему были обращены белые лица. — Пожалуйста, выйдите на улицу, — тихо приказал он.

Его приказ был молчаливо выполнен.

Когда хижина опустела, он повернулся к Иошиму.

— Пожалуйста, сделайте обыск.

— А если я найду радио?

— Все в руках Божьих.

Как-то сразу Смедли-Тейлор почувствовал груз своих пятидесяти четырех лет. Он сгибался под гнетом своей ответственности. Он с радостью приносил пользу и рад был оказаться здесь как раз вовремя, когда он был нужен, и рад был выполнить свои обязанности. Но теперь ему предстояло найти предателя, а когда найдет, должен будет наказать его. Этот человек заслуживал смерти, потому что, если приемник будет обнаружен, Девену придется умереть. «Господи, хоть бы его не нашли, — думал он в отчаянии, — это ведь единственная ниточка, связывающая нас с остальными миром. И если есть Бог на небесах, пусть Он не позволит найти приемник. Пожалуйста».

Но в одном Иошима был прав. У него не хватило мужества умереть как подобает солдату — либо в бою, либо при побеге. Он жив, но его мучила память, память о том, что алчность, жажда власти и ложь были причиной поражения на востоке и неисчислимых сотен тысяч бессмысленных смертей.

«Но если бы я умер, — думал он, — что бы было с моей милой Мейси, и сыном Джоном, который служил в уланах, и сыном Перси, который служив в авиации, и Труды, которая так рано вышла замуж, так рано забеременела и так рано овдовела. Никогда я не увижу их, не дотронусь до них и не почувствую вновь тепло дома».

«Все в руках Божьих», — снова сказал он, но как и он сам, слова эти были старыми и очень грустными.

Иошима отрывисто отдавал приказания четырем охранникам. Они оттащили койки из углов хижины и расчистили место. Затем втащили на это место койку Девена. Иошима зашел в угол и стал рассматривать стропила и крышу и необработанные доски под ней. Он обыскивал тщательно, но Смедли-Тейлор вдруг понял, что для него даже лучше, что он знает место, где находится тайник.

Он вспомнил вечер, когда много месяцев назад они пришли к нему. «На вашу ответственность, — сказал он тогда. — Если вас поймают, значит, поймают, и это будет концом. Я не смогу сделать ничего, чтобы помочь вам. Ничего». Он позвал Девена и Кокса и сказал спокойно: «Если приемник обнаружат, попытайтесь не впутывать в это дело других. Попробуйте какое-то время продержаться. Потом вы должны будете сказать, что это я приказал вам сделать приемник. Я приказал вам сделать это». Потом он отпустил их, благословил на свой лад и пожелал им удачи.

И вот теперь все они терпели неудачу. Он с нетерпением ждал, когда Иошима начнет осматривать столб, ему была противна мучительная игра в кошки-мышки. Он чувствовал скрытое отчаяние людей, стоящих на улице. Ему оставалось только ждать.

Наконец и сам Иошима устал от игры. Его раздражала вонь в хижине. Он подошел к койке и тщательно обыскал ее, рассматривая сантиметр за сантиметром. Но не видел никаких распилов. Нахмурившись, он еще раз обошел ее, трогая дерево длинными чуткими пальцами. И ничего не нашел.

Сначала он подумал, что его дезинформировали. Но поверить в это он не мог, потому что информатору еще не заплатили.

Он пролаял команду, и корейский охранник отстегнул штык и передал его Иошима рукояткой вперед.

Иошима постучал по бревну, прислушиваясь к глухому звуку. Ага, ну вот он и нашел его. Постучал снова. Снова глухой звук. Но щелей найти он не мог. Со злостью он ткнул штыком в дерево.

И крышка отвалилась.

— Ну вот.

Иошима был счастлив, что нашел радио. Генерал будет доволен. Так доволен, что, может быть, переведет его в боевую часть, потому что его Bushido{14} восставал против того, чем он занимался — оплачивать информаторов и общаться с этими скотами.

Смедли-Тейлор шагнул вперед, потрясенный остроумным устройством тайника и терпением человека, делавшего его. «Я должен как-то выгородить Девена, —

думал он. — Это мой долг, который превышает служебного долга. Но что я могу сказать?»

— Кто хозяин этой койки? — спросил Иошима.

Смедли-Тейлор пожал плечами и притворился, что он тоже хочет это выяснить.

Иошима было жаль, правда жаль, что у Девена только одна нога.

— Не хотите ли сигарету? — сказал он, протягивая ему пачку «Куа».

— Благодарю, — Девен взял сигарету и предложенный огонь, но не почувствовал вкуса курева.

— Как ваше имя? — спросил Иошима вежливо.

— Капитан Девен, пехота.

— Как вы потеряли ногу, капитан Девен?

— Я... я подорвался на mine. В Джохоре, к северу от шоссе.

— Это вы сделали радио?

— Да.

Смедли-Тейлор забыл свой собственный страх, вызывающий испарину.

— Я приказал капитану Девену сделать его. Я несу за это ответственность. Он выполнял мой приказ.

Иошима глянул на Девена.

— Это правда?

— Нет.

— Кто еще знает о радио?

— Никто. Это была моя идея, и я сделал его. Один.

— Прошу вас сядьте, капитан Девен.

Потом Иошима презрительно кивнул в сторону Кокса, который сидел, всхлипывая от ужаса.

— Как его имя?

— Капитан Кокс, — ответил Девен.

— Посмотрите на него. Отвратительно.

Девен затянулся сигаретой.

— Мне так же страшно, как и ему.

— Вы контролируете себя. Вы храбрый человек.

— Я боюсь даже больше, чем он. — Девен неловко дохромал до Кокса, с трудом сел рядом с ним. — Все в порядке, старина, — сказал он сочувственно, положив руку на плечо Кокса. — Все в порядке.

Потом посмотрел на Йошиму.

— Кокс получил военный крест за Дюнкерк, когда ему еще не было двадцати. Теперь он другой человек. Сломленный вашими мерзавцами за три года.

Йошима сдержал желание ударить Девена. Но кодекс чести действует, когда стоишь перед мужчиной, даже если он враг. Он повернулся к Смедли-Тейлору и приказал ему собрать шесть человек с коек, ближайших к койке Девена. Остальные должны оставаться в строю под охраной до следующих распоряжений.

Шесть человек стояли перед Йошимой. О приемнике знал только Спенс, но, как и все остальные, он отрицал это.

— Берите койку и следуйте за мной, — приказал Йошима.

Когда Девен нащупал свой костыль, Йошима помог ему подняться.

— Благодарю, — сказал Девен.

— Хотите еще сигарету?

— Нет, спасибо.

Йошима колебался.

— Мне было бы очень приятно, если бы вы взяли пачку.

Девен пожал плечами и взял ее, потом проковылял в свой угол и нагнулся за металлическим протезом.

Йошима выкрикнул приказание, и один из корейских охранников подобрал протез и помог Девену сесть.

Пальцы его не дрожали, пока он пристегивал протез. Он встал, подобрал костыли и минуту смотрел на них. Потом бросил их в угол хижины. Проковылял к койке и посмотрел на радио.

— Я очень горжусь им, — сказал он, отдал честь Смедли-Тейлору и вышел из хижины.

Маленькая процессия вплелась в молчание Чанги. Иошима возглавлял ее, стараясь идти со скоростью, которую позволяла Девену его нога. Рядом с ним шли Смедли-Тейлор и Кокс, заплаканный и не замечающий своих слез. Другие два охранника остались с обитателями хижины номер шестнадцать.

Они ждали до одиннадцати часов. Вернулся Смедли-Тейлор и другие шесть человек. Девен и Кокс не вернулись. Они остались в помещении охраны, и на другое утро их должны были отправить в лагерь Утрам Роуд. Людям разрешили разойтись. У Питера Марлоу от солнца раскалывалась голова. Он приковылял в бунгало; после душа Ларкин и Мак помассировали ему голову и дали поесть.

Когда он поел, Ларкин вышел из хижины и сел около асфальтовой дороги. Питер Марлоу устроился в дверном проеме, в котором не было двери, спиной к комнате.

Ночь стремительно наступала. Безлюдье царило в Чанги, и люди, которые проходили в разных направлениях, казались еще более одинокими.

Мак зевнул.

— Думаю, завалюсь-ка я, приятель. Лягу пораньше.

— Ладно, Мак.

Мак пристроил москитную сетку вокруг своей койки и заправил ее под матрас. Он завязал на лбу тряпку, впитывающую пот, потом вытащил флягу Питера Марлоу из фетрового чехла и отстегнул потайную пластинку у основания. Он взял крышки и основания своей собственной фляги и фляги Ларкина, потом осторожно положил их друг на друга. Внутри каждой фляги была путаница проводов, конденсатор и лампа.

Из верхней фляги он осторожно вытянул вилку с шестью зубцами вместе с проводом и ловко соединил ее с вилкой из средней фляги. Потом вилку с четырьмя зубцами из средней фляги соединил с нужной розеткой в последней фляге.

Его руки дрожали, а колени тряслись, потому что проделывать это в полутьме, лежа, опираясь на один локоть и заслоняя своим телом фляги, было страшно неудобно.

Ночь ложилась на землю, усиливая духоту. Начали мучить москиты.

Когда все фляги были соединены вместе, Мак вытянулся, чтобы отдохнула спина, и вытер скользкие руки. Потом вытянул наушник из потайного места в верхней фляге и проверил места соединений, чтобы убедиться в их надежности. Изолированный провод к источнику питания был тоже спрятан в верхней фляге. Он размотал его и проверил, плотно ли припаяны иголки к концам провода. Он снова вытер пот и быстро проверил все соединения; делая это, он думал о том, что радио выглядит таким же безупречным и ловко сделанным, как и два года назад, когда он тайком сделал его на Яве, пока Ларкин и Питер Марлоу стояли на страже.

Шесть месяцев потребовалось, чтобы рассчитать и смастерить его. Только нижняя часть фляги могла быть использована, в верхней части должна была быть вода. Поэтому он должен был не только уложить радио в три крошечных неподвижных узла, но и поместить их в водонепроницаемые контейнеры, а потом впаять их во фляги. Все трое носили фляги восемнадцать месяцев. Они дожидались такого дня, как сегодня.

Мак встал на колени и вставил иглы в розетку провода, который соединял потолочную лампу с сетью.

Потом он покашлял, прочищая горло. Питер Марлоу поднялся и убедился, что вблизи никого нет. Он быстро выкрутил лампочку и повернул выключатель. Потом прошел к двери и остался там.

Он видел, что Ларкин был все еще на посту, карауля с противоположной стороны, и дал сигнал, что все спокойно.

Когда Мак услышал его, он включил звук, нацепил наушник и стал слушать.

Секунды превращались в минуты. Питер Марлоу дернулся назад, испугавшись, когда услышал стон Мака.

— В чем дело, Мак? — прошептал он.

Мак высунул голову из-под москитной сетки, лицо его было серым.

— Он не работает, парни, — сказал он. — Эта зараза не работает.

Книга вторая

Глава 9

Шестью днями позже Макс поймал крысу. В хижине американцев.

— Посмотрите-ка на эту мерзавку, — ахнул Кинг. — Самая большая крыса из всех, что я видел!

— Господи, — отозвался Питер Марлоу. — Следите за тем, чтобы она не отгрызла вам руку.

Все окружили крысу. Макс торжествовал, держа в руках бамбуковую метлу.

У Текса была бейсбольная бита. Питер Марлоу держал еще одну метлу. Остальные вооружились палками и ножами.

Только Кинг был не вооружен, но не отводил глаз от крысы и был готов выскочить из хижины.

Когда Макс в первый раз закричал, он сидел в своем углу, болтая с Питером Марлоу, и вскочил на ноги вместе с остальными. Это произошло сразу после завтрака.

— Берегись! — крикнул Кинг, предвидя внезапную попытку крысы вырваться на свободу, с яростью ударил ее, но промахнулся.

Другая метла нанесла ей скользкий удар, на мгновение перевернув тварь на спину. Но крыса вскочила снова, забилась в угол и, развернувшись, шипела, оскаливая и показывая игольчато-острые зубы.

— Господи, — сказал Кинг. — Я уж думал, мерзавка ускользнет на этот раз.

Крыса была волосатая, почти в фут длиной, с голым хвостом, который у основания был толщиной с большой палец мужской руки. Маленькие глаза-бусинки рыскали из стороны в сторону. Они были коричневые и отвратительно мерзостные. Голова, сходящая на острое конусообразное рыло, узкая пасть, большие, очень большие резцы. На взгляд в ней было около двух фунтов. Злобная и очень опасная тварь.

Макс тяжело дышал от напряжения; глаза его сосредоточились на крысе.

— Боже правый, — сплюнул он. — Я ненавижу крыс. Мне противно даже смотреть на них. Давайте прикончим ее. Приготовились?

— Секундочку, Макс, — вмешался Кинг. — Не торопись. Она удрать не может. Я хочу посмотреть, что она будет делать.

— Она попытается еще раз удрать, вот что, — сказал Макс.

— Ну, так мы ее поймаем. Зачем спешить? — Кинг посмотрел снова на крысу и ухмыльнулся. — С тобой кончено, тварь. Ты — покойник.

Как будто поняв его слова, крыса бросилась на Кинга, оскалив зубы. Только град яростных пинков и воплей заставил ее вернуться на место.

— Эта тварь может разорвать на части, если достанет до тебя зубами, — сказал Кинг. — Никогда не знал, что они такие шустрые.

— Эй, — сказал Текс. — Может быть, нам стоит ее оставить?

— О чем ты говоришь?

— Мы можем ее оставить. Как талисман. Когда нам нечего будет делать, мы сможем выпускать ее и гоняться за ней.

— Эй, Текс, — вмешался Дино. — В этом что-то есть. Ты хочешь сказать, что так поступали в старину? С лисицами?

— Глупости, — вмешался Кинг. — Эту тварь стоит прикончить. Нельзя мучить ее, даже если это и крыса. Она не сделала тебя ничего плохого.

— А хоть и так. Но крысы паразиты. Они не имеют права на жизнь.

— Конечно, имеют, — сказал Кинг. — Если бы не они... ну, они же питаются падалью, как микробы. Если бы не было крыс, весь мир превратился бы в вонючую кучу мусора.

— Черт, — сказал Текс. — Крысы уничтожают посевы. Быть может, эта тварь сожрала мешок риса. Она такая раздувшаяся.

— Да, — злобно согласился Макс. — Один раз они сожрали почти тридцать фунтов.

Крыса снова рванулась на свободу. Она проскочила мимо окружавших ее людей и побежала по хижине. Просто чудом ее снова удалось загнать в угол.

— Лучше ее прикончить. В следующий раз нам может так не повезти, — тяжело дыша, сказал Кинг.

Потом его вдруг осенило вдохновение.

— Минутку, — сказал он, когда все начали сужать кольцо вокруг крысы.

— Что?

— У меня идея. — Он быстро повернулся к Тексу. — Давай одеяло. Быстро.

Текс подскочил к своей кровати и сорвал одеяло.

— Сейчас, — объяснил Кинг, — вы с Максом одеялом накройте крысу.

— Что?

— Мне она нужна живая. Давайте, действуйте, — рявкнул Кинг.

— А почему моим одеялом? Ты с ума сошел? Оно у меня единственное!

— Я дам тебе другое. Только поймите эту тварь.

Все вытаращили глаза на Кинга. Текс пожал плечами. Он и Макс растянули одеяло и, используя его как щит, стали сходить в угол. Остальные держали наготове метлы, чтобы крыса не ускользнула. Потом Текс и Макс рывком кинулись вниз, и крыса оказалась в складках материала. Зубами и когтями она пыталась вырваться на свободу, но Макс скатал одеяло, и оно превратилось в извивающийся ком. Все были взбудоражены этой охотой.

— Спокойно, — приказал Кинг. — Макс, держи ее. И следи, чтобы она не выбралась. Текс, поставь-ка яванского кофейку. Мы все глотнем его.

— В чем идея-то? — поинтересовался Питер Марлоу.

— Крыса слишком хороша, чтобы просто выпустить ее, но сначала выпьем кофе.

Когда они сидели за кофе, Кинг поднялся.

— Ну вот, парни. Теперь слушайте. У нас есть крыса, так?

— Ну и? — Миллер был в недоумении, как и все.

— У нас ведь жрать нечего, верно?

— Конечно, но...

— О, господи, — с отвращением сказал Питер Марлоу. — Не хотите ли вы предложить нам ее съесть?

— Конечно, нет, — ответил Кинг. Потом просиял ангельской улыбкой. — Мы не собираемся это делать. Но вокруг полно таких, которые хотели бы купить немного мяса...

— Мясо крысы? — Глаза Байрона Джонса III выкатились из орбит.

— Ты спятил, если считаешь, что кто-то купит крысиное мясо! Конечно, нет, — раздраженно отреагировал Макс.

— Никто не купит мясо крысы. Но, предположим, мы этого не скажем. — Кинг подождал, пока сказанное дошло до умов, потом добродушно продолжил:

— Предположим, мы никому не скажем. Это мясо выглядит как и любое другое. Мы скажем, что это кролик...

— В Малайе, старина, нет никаких кроликов, — оборвал его Питер Марлоу.

— Ну, я думал о животном, которое подходит по размерам.

— Я считаю, — сказал Питер Марлоу после секундного раздумья, — что вы можете назвать ее белкой — или, я знаю, — просиял он. — Олень. Вот точно, олень...

— Господи, да олень гораздо больше, — возмутился Макс, по-прежнему держа шевелящееся одеяло. — Я подстрелил одного в Аллеганах [{15}](#)...

— Я не этот вид оленя имел в виду. Я имел в виду Rusa tikas. Они крошечные, около восьми дюймов в высоту и весят примерно два фунта. Размером как раз с крысу. Туземцы считают их лакомством, — Он рассмеялся. — Rusa tikas переводится как «мышиный олень».

Кинг удовлетворенно потер руки.

— Отлично, приятель! — Он оглядел комнату. — Мы будем продавать окорочка Rusa tikas. И это не будет брехней.

Все рассмеялись.

— Повеселились, а теперь давайте уьем эту проклятую крысу и продадим ее окорока, — предложим Макс. — Эта тварь в любую минуту может выскочить. И будь я проклят, если она меня не укусит.

— Мы поймали одну крысу, — сказал Кинг, не обращая на него внимания. — И все, что нам надо сейчас сделать, это узнать, самец или самка в наших руках. Потом поймаем крысу противоположного пола. Мы посадим их вместе. Заметано, как мы будем раскручивать это дело?

— Дело? — переспросил Текс.

— Конечно. — Кинг радостно оглянулся по сторонам. — Парни, мы открываем ферму по разведению крыс. На те деньги, которые мы сделаем, купим себе цыплят — а простакі могут и tikas поест. До тех пор пока никто из вас не проболтается, все будет нормально.

Наступило недоуменное молчание. Потом Текс робко сказал:

— Но где мы будем держать крыс, пока они размножаются?

— В щели для укрытия. Где же еще?

— Ну а если воздушный налет? Нам самим может понадобится щель.

— Мы отгородим один конец. Вполне достаточно, чтобы держать в нем крыс. — Глаза Кинга сверкали. — Ты только подумай. Мы сможем продавать пятьдесят таких больших тварей в неделю. Да у нас в руках золотая жила. Ты же знаешь старую поговорку: «Плодовитый, как крыса»...

— Как часто они плодятся? — спросил Миллер, рассеянно почесываясь.

— Не знаю. Кто-нибудь знает? — Кинг подождал, но все отрицательно покачали головами. — Где, черт побери, узнать об их особенностях?

— Я знаю, — заявил Марлоу. — На занятиях у Вексли.

— А что это?

— Вексли преподает ботанику, зоологию, такие вот предметы. Мы можем поинтересоваться у него.

Они задумчиво посмотрели друг на друга. И неожиданно заплодировали. Макс едва удерживал извивающееся одеяло под крики: «Следи за нашим сокровищем, ты, неуклюжий дурак!», «Не выпускай ее, ради Бога!», «Осторожней, Макс!»

— Ладно, держу я эту тварь, — Макс рывкнул, чтобы утихомирить крикунов, потом кивнул Питеру Марлоу.

— Для офицера ты парень что надо. Значит, мы идем учиться.

— О, нет, ты не пойдешь, — решительно вмешался Кинг. — Тебе есть что делать.

— Что?

— Добыть другую крысу. Противоположного пола. Я и Питер будем добывать информацию. Теперь давайте за дело!

Текс и Байрон Джонс III подготовили противовоздушную щель. Она была устроена непосредственно под хижиной и представляла собой яму глубиной шесть, шириной четыре и длиной тридцать футов.

— Отлично, — возбужденно сказал Текс. — Помещение для тысячи таких тварей.

Им потребовалось несколько минут, чтобы придумать, как надежно закрыть траншею. Текс отправился воровать проволочную сетку, из которой делали загон для кур, а Байрон Джонс III за досками. Джонс ухмыльнулся, вспомнив о нескольких прекрасных досках, принадлежавших группе англичан, которые не очень строго охраняли их. Когда вернулся Текс, у него уже был готов каркас.

Гвозди были вынуты из крыши хижины, молоток уже давно «позаимствовали» у какого-то беспечного механика гаража вместе с ключами, отвертками и массой других полезных вещей.

Как только заслонка была установлена, Текс привел Кинга.

— Хорошо, — одобрил Кинг, осмотрев загон. — Очень хорошо.

— Будь я проклят, но не понимаю, как вы умудрились сделать ее, — сказал Питер Марлоу. — Вы так быстро работаете.

— Если надо что-то сделать, мы это делаем. Это по-американски. — Кинг кивком головы приказал Тексу привести Макса.

Макс забрался под хижину и осторожно выбросил крысу в загон. Та закрутилась и стала предпринимать отчаянные попытки вырваться. Не найдя выхода, она забилась в угол и яростно зашипела.

— Она выглядит вполне здоровой, — ухмыльнулся Кинг.

— Эй, нам надо назвать ее, — предложил Текс.

— Это нетрудно. Назовем ее Адамом.

— Да, ну а если это девушка?

— Тогда будет Евой. — Кинг выбрался из-под хижины. — Давайте, Питер, займемся делом.

Урок в классе командира эскадрильи Вексли уже начался, когда они в конце концов разыскали его.

— Слушаю вас, — удивленно спросил Вексли, рассматривая Кинга и незнакомого молодого офицера, стоящих около хижины на солнце и наблюдающих за ним.

— Мы подумали, — смущенно начал Питер Марлоу, — мы подумали, что, быть может, э, мы позанимаемся с вами. Если, конечно, не помешаем, — добавил он быстро.

— Позанимаетесь? — Вексли был ошеломлен. Это был унылый человек с одним глазом на лице, обтянутом пергаментной кожей и покрытом пятнами и шрамами, полученными, когда он падал на землю вместе со своим бомбардировщиком. В его классе было только четыре ученика — придурков, не проявляющих интереса к его предмету. Он понимал, что продолжает вести занятия только из-за бесхарактерности: проще притвориться, что преподавание идет успешно, чем бросить его. В начале он горел энтузиазмом, но сейчас

понял, что это притворство. Но, если он бросит класс, цели в жизни у него не будет.

Когда-то давно в лагере был организован университет. Университет Чанги. Проводились занятия. По приказу высокого начальства.

«Полезно для солдат, — было сказано. — Нужно дать им какое-нибудь дело. Пусть занимаются самосовершенствованием. Нужно заставить их чем-нибудь заняться, тогда не будет неприятностей».

Открыли языковые курсы, по искусству, технике. Среди первоначального количества пленных, равного ста тысячам человек, нашелся по крайней мере один специалист в любой области.

Познание мира. Великая возможность. Расширение горизонтов. Изучение ремесел. Подготовка к Утопии, которая должна наступить, когда эта проклятая война кончится и все снова станет на место. Университет Чанги был организован по типу афинского. Никаких классных комнат. Только преподаватель, который находил себе место в тени и собирал вокруг себя студентов.

Но пленные Чанги были обычными людьми, то есть бездельниками. Они говорили: «Завтра я пойду на занятия», все же посетив раз-другой и выяснив, что знания даются с трудом, начинали прогуливать. Потом в душе убеждали себя: «Завтра начну все сначала. Завтра начну готовиться к будущей жизни. Нельзя терять время. Завтра я точно начну учиться».

Но в Чанги, как и везде, существовало только сегодня.

— Вы и вправду хотите у меня заниматься? — недоверчиво переспросил Вексли.

— Вы уверены, что мы не доставим вам никаких хлопот, сэр? — вежливо спросил Кинг.

С возросшим интересом Вексли встал и освободил им место в тени.

Он был рад видеть новичков. И сам Кинг! Боже мой, вот это удача! Кинг на его занятиях! «Быть может, мы сумеем раздобыть сигарет».

— Замечательно, парень, замечательно. — Он тепло пожал протянутую руку Кинга. — Командир эскадрильи Вексли!

— Рад познакомиться с вами, сэр.

— Капитан авиации Марлоу, — представился Питер Марлоу и пристроился в тени.

Вексли, нервничая, дождался, пока они расселись, и рассеянно прижимал большой палец к тыльной стороне руки, считая секунды, пока медленно заполнится вмятина на его коже. «Пеллагра сама возмещает потерянное», — подумал он. И размышления о собственном истощении заставили его вспомнить о китах, и его выпуклые глаза заблестели.

— Ну, сегодня я хочу рассказать о китах. Что вы знаете о китах?.. О, — протянул он восторженно, когда Кинг вытащил пачку «Куа» и предложил ему закурить.

Кинг пустил пачку по кругу.

Четверо учеников взяли сигареты и подвинулись, чтобы освободить больше места для Кинга и Питера Марлоу. Их разбирало любопытство, какого черта делает здесь Кинг. По существу, им было все равно — ведь он угостил их настоящей сигаретой.

Вексли продолжал свой рассказ о китах. Он любил китов. Он любил их до самозабвения.

— Киты, без сомнения, высшая форма жизни, до которой поднялась природа, — сказал он, очень довольный тем, как звучит его голос. Вексли заметил, как Кинг нахмурился. — У вас вопрос?

— Ну да. Киты — это интересно, но как насчет крыс?

— Простите, — вежливо спросил Вексли.

— Вы очень интересно рассказывали о китах, сэр, — сказал Кинг. — Я просто интересуюсь крысами, вот и все.

— Что именно интересно вам знать?

— Я просто поинтересовался, знаете ли вы о них что-нибудь? — сказал Кинг. Ему некогда было долго засиживаться да и чего ради ходить вокруг да около.

— Он хочет сказать, — быстро вмешался Питер Марлоу, — что, если киты в своих инстинктах ведут себя почти как люди, это ведь относится и к крысам, верно?

Вексли покачал головой и сказал с отвращением:

— Грызуны ведут себя совершенно по-иному. Так, значит, о китах...

— Чем они отличаются? — спросил Кинг.

— Я рассказывал о грызунах в весеннем семестре, — раздраженно сказал Вексли. — Отвратительные животные. В них нет ничего привлекательного.

Ничего. Итак, рассмотрим синего кита, — снова поспешно завелся Вексли. — Это самый большой из всех китов. Длиной более ста футов и весом не менее ста пятидесяти тонн. Самое большое из всех живущих сейчас и когда-то живших на Земле животных. Самое сильное животное из существующих в природе. Что касается его брачных привычек... — добавил Вексли громче, потому что знал: обсуждение половой жизни всегда заставляет слушателей просыпаться. — Их процесс спаривания происходит замечательным образом. Самец начинает возбуждаться, выбрасывая великолепные фонтаны. Он колотит по воде хвостом около самки, которая с терпеливым вожделением дожидается его, находясь на поверхности океана. Потом он ныряет вглубь и выскакивает из воды, затем падает обратно, оглушительно работая хвостовыми плавниками, взбивая в пену воду, кипящую на поверхности. — Он чувственно понизил голос. — Потом он плавно скользит к самке и начинает щекотать ее своими плавниками.

Несмотря на озабоченность относительно крыс, даже Кинг стал внимательно прислушиваться.

— Потом он прекращает ухаживания и снова ныряет, оставляя тоскующую самку на поверхности, оставляя ее, возможно, навсегда. — Вексли сделал драматическую паузу, — Но нет. Он не покидает ее. Он исчезает примерно на час, уходит в глубины океана, набирается сил, а потом снова стремительно мчится к поверхности, выскакивая из воды, и, подобно удару грома, грохается вниз, окруженный чудовищным облаком брызг. Он кругами приближается все ближе к своей подруге, крепко сжимая ее обеими плавниками, и до изнеможения растрчивает на ней свое огромное желание.

Вексли тоже изнемогал от великолепной картины спаривающихся гигантов. Ах, какое счастье для начитанного человеческого существа оказаться свидетелем их любви, побывать там... Он очнулся от видений и продолжал:

— Спаривание происходит примерно в июле, в теплых водах. Детеныш весит при рождении пять тонн, и длина его равна пяти футам. — Он привычно рассмеялся. — Представляете! — На лицах появились вежливые улыбки, а потом Вексли выдал факт, всегда вызывающий радостное хихиканье. — И если вы представили это и размер детеныша, задумайтесь о весьма здоровой штуке, с помощью которой кит размножается!

Снова появились вежливые улыбки, пленные, постоянно посещающие занятия, слышали этот рассказ много раз.

Вексли продолжал рассказывать, как детеныш в течение семи месяцев вскармливается матерью, которая кормит его молоком из двух огромных сосков, расположенных в задней части ее брюха.

— Можете не сомневаться, — сказал он восторженно, — длительное кормление грудью под водой имеет свои проблемы.

— Крысы тоже кормят свое потомство? — Кинг быстро вскочил.

— Да, — горестно сказал командир эскадрильи. — А сейчас о серой амбре...

Побежденный Кинг вздохнул и выслушал лекцию Вексли об амбре и кашалотах, о зубатых китах, белых китах, карликовых китах, дельфинах, нарвалах, китах-убийцах, горбачах, финвалах, серых китах и, наконец, о гренландских китах. К этому времени все слушатели, кроме Питера Марлоу и Кинга, исчезли. Когда Вексли кончил, Кинг задал простой вопрос.

— Я хочу знать все о крысах.

— О крысах? — простонал Вексли.

— Закуривайте, — добродушно предложил Кинг.

Глава 10

— Ладно, парни, угомонитесь, — сказал Кинг. Он дождался, пока в хижине наступила тишина, а часовой у дверей занял свое место. — У нас проблемы.

— Грей? — спросил Макс.

— Нет. Дело в нашей ферме. — Кинг повернулся к Питеру Марлоу, который сидел на краю кровати. — Расскажите им, Питер.

— Ну, — начал Питер Марлоу, — кажется, что крысы...

— Расскажите с самого начала.

— Все?

— Конечно. Расскажите то, что вы знаете, и тогда мы сможем обсудить положение.

— Ладно. Ну, мы нашли Вексли, он сказал нам, цитирую: «*Rattus norvegicus*, или норвежская крыса — иногда называется *Mus decumanus*...»

— На каком это языке? — вмешался Макс.

— Господи, это латынь. Любому дураку это известно, — сказал Текс.

— Ты знаешь латынь, Текс? — изумился Макс.

— Нет, черт возьми, но это проклятые названия всегда даются на латинском...

— Бога ради, парни, — сказал Питер. — Вы хотите слушать или нет? — Потом кивнул Питеру Марлоу, чтобы тот продолжал.

— Ну, Вексли подробно описал их, волосатые, хвост голый, вес до четырех фунтов, в этой части света вес крысы обычно достигает двух фунтов. Крысы спариваются беспорядочно в любое время...

— Что, черт возьми, это означает?

— Самец покрывает без разбору любую самку, — нетерпеливо вмешался Кинг, — и не существует никаких брачных сезонов.

— Вы хотите сказать, у них все как у нас? — Джонс был приятно удивлен.

— Да. Предполагаю, что так, — сказал Питер Марлоу. — В любом случае, самец будет спариваться в любое время, а самка может иметь до двенадцати пометов в год, примерно двенадцать крысят в каждом помете, но может быть и четырнадцать. Молодые крысята рождаются слепыми и беспомощными через двадцать два дня после зачатия. — Он тщательно подбирая слова. — Крысята прозревают на четырнадцатый-семнадцатый день и достигают половой зрелости за два месяца. Они прекращают размножаться в два года, стареют — в три.

— Ну и ну! — воскликнул Макс радостно, нарушив благоговейную тишину. — У нас наверняка будут проблемы. Ну, если молодняк начинает размножаться через два месяца, а у нас их четырнадцать, ну скажем, для круглого счета десять крысят на помет, посчитайте сами. Пусть в первый день у нас десять штук приплода. Еще десять на тридцатый день, на шестидесятый день первая пара дает приплод, и мы получим пятьдесят. На девяностый день мы получим еще пять размножающихся пар и еще пятьдесят крысят. На сто двадцатый день у нас будет двести пятьдесят пар и еще пятьдесят и новая группа из двухсот пятидесяти. Боже правый, да это будет шестьсот пятьдесят штук за пять месяцев. Еще через месяц у нас будет около шести тысяч пятисот...

— Боже, мы попали на золотую жилу! — воскликнул Миллер, яростно почесываясь.

— Ни черта у нас не будет, — оборвал их Кинг. — Если кое-что не учтем. Первое, мы не можем держать их всех вместе. Они жрут друг друга. Мы должны отделить самцов от самок, за исключением времени, когда они должны спариваться. Еще одно — они будут драться между собой все время. Это означает, что нам надо отделять самцов от самцов и самок от самок.

— Ну так мы их разделим. Что в этом сложного?

— Ничего, Макс, — терпеливо продолжал Кинг. — Но нам надо сделать клетки и все организовать. Это будет непросто.

— Черт, — сказал Текс. — Мы можем построить кучу клеток, никаких проблем.

— Ты считаешь, Текс, нам удастся держать ферму в тайне? Пока мы будем строить клетки?

— А почему бы нет!

— Да, еще одно, — сказал Кинг. Он был доволен, как развиваются события. Эта работа нравилась ему — ничего не надо делать, только ждать. — Они будут жрать все подряд, живое илидохлое. Все что угодно. Так что проблем со снабжением у нас не будет.

— Но они мерзкие твари и страшно воняют, — сказал Байрон Джонс III. — У нас вони и так достаточно. А тут под хижиной будет что-то вроде выгребной ямы. А, кроме того, крысы — переносчики чумы!

— Может быть, это особый род крысы, как особый москит является переносчиком малярии, — сказал Дино, с надеждой оглядывая компанию своими темными глазами.

— Крысы могут переносить чуму, точно, — сказал Кинг, пожимая плечами, — и они переносят многие человеческие болезни. Но это ничего не значит. На этом деле мы заработаем состояние, а вы, ублюдки, только и делаете, что ноете. Это не по-американски.

— Господи, а как с этой чумой? Откуда нам знать, будут они здоровые или нет? — привередливо спросил Миллер.

Кинг рассмеялся.

— Мы спрашивали Вексли об этом, и он сказал, цитирую: «Вы об этом узнаете скоро. Когда помрете». Конец цитаты. Черт, да они, как цыплята. Держите их в чистоте, хорошо кормите и получите хорошее племя. Не о чем беспокоиться.

И они принялись обсуждать свою ферму, как они ее будут обустраивать, какие перед ними открываются возможности при условии, что они не будут есть продукт со своей фермы. Так они сидели довольно долго. Потом в хижину вошел Курт, и у него в руках извивалось одеяло.

— Я поймал еще одну, — сказал он кисло.

— Точно?

— Точно. Пока вы, сволочи, болтали, я делом занимался. Это сука. — Курт сплюнул на пол.

— Откуда ты знаешь?

— Я посмотрел. Я повидал достаточно крыс на торговом флоте. А другая крыса самец. Я разглядел и это.

Все они забрались под хижину и смотрели, как Курт пустил Еву в траншею. Две крысы сразу же порочно склеились друг с другом, и мужчины с трудом удержались от аплодисментов.

Первого помета оставалось ждать недолго. Мужчины проголосовали, чтобы Курт присматривал за фермой, и тот был доволен.

Он знал, что таким образом заработает свою долю. Конечно, он присмотрит за крысами. Еда есть еда. Курт понимал, что он выживет так же, как и другие.

Глава 11

Через двадцать два дня Ева родила. В соседней клетке Адам рвал зубами железную сетку, чтобы добраться до живой еды и почти ухитрился прорваться, но Текс как раз вовремя заметил дыру. Ева кормила потомство. Крысятам дали имена: Каин, Авель, Грей, Алликуйя, Бьюла, Мейбл, Джант, Принцесса, Маленькая Принцесса, а еще Большая Мейбл, Большая Джант и Большая Бьюла. Мужские имена были розданы без труда. Но никто из мужчин не захотел, чтобы имена их подруг, сестер или матерей были даны крысам-самкам. Даже имена тещ вызывали у некоторых мужчин добрые чувства и напоминали о прошлом. Потребовалось три дня, пока договорились относительно имен Бьюла и Мейбл.

Когда крысятам исполнилось пятнадцать дней, их посадили в отдельные клетки. Кинг, Питер Марлоу, Текс и Макс дали Еве отдохнуть полдня, а потом посадили ее в клетку к Адаму. Было осуществлено зачатие второго помета.

— Питер, — сказал Кинг добродушно, когда они забрались через люк в хижину, — мы скоро разбогатеет.

Кинг настоял на том, чтобы сделать люк. Он знал, что большая суета под хижинной вызовет излишнее любопытство. Для успеха фермы было жизненно важно, чтобы все оставалось в тайне. Даже Мак и Ларкин ничего о ней не знали.

— Где все сегодня? — спросил Питер Марлоу, закрывая за собой люк. В хижине был только Макс, лежащий на своей койке.

— Бедных недотеп заставили выйти на работы. Текс в госпитале. Остальные где-то болтаются.

— Пожалуй, и я пойду где-нибудь поболтаюсь тоже. Мне надо кое о чем поразмыслить.

Кинг понизил голос.

— У меня для вас кое-что есть, над чем надо поразмышлять. Завтра ночью мы идем в деревню. — Потом рывкнул Макс. — Эй, Макс, ты знаком с Праути? Австралийским майором? Из хижины номер одиннадцать.

— Старик? Конечно, знаком.

— Он не старик. Ему не больше сорока.

— Для меня сорок лет — это страшная древность. Мне нужно еще восемнадцать лет, чтобы дорасти до этого возраста.

— Удачи тебе, — сказал Кинг. — Иди, повидайся с Праути. Скажи, что я послал за ним.

— И дальше?

— А дальше ничего. Просто сходи повидаться с ним и посмотри, чтобы рядом не толкался Грей или кто-нибудь из его соглядатаев.

— Иду, — неохотно сказал Макс и оставил их одних.

Питер Марлоу смотрел за проволоку, пытаясь представить себе берег моря:

— Я начал сомневаться, не изменили ли вы своего решения.

— Насчет того, чтобы взять вас с собой?

— Да.

— Не беспокойтесь, Питер. — Кинг налил кофе и протянул чашку Питеру Марлоу. — Хотите позавтракать со мной?

— Не знаю, как, черт возьми, у вас это получается, — пробурчал Питер Марлоу. — Все голодают, а вы приглашаете меня на завтрак.

— У меня есть немного бобов.

Кинг отпер свой черный сундук, вынул пакет с маленькими зелеными бобами и передал его Питеру Марлоу.

— Пожалуйста, помойте их.

Пока Питер Марлоу мыл под краном бобы, Кинг открыл банку мясных консервов и аккуратно вывалил ее содержимое на тарелку.

Вернулся Питер Марлоу с бобами. Они были тщательно промыты от шелухи и залиты чистой водой. «Отлично, — подумал Кинг. — Питеру не нужно

повторять дважды». И воды в алюминиевом котелке было точно столько, сколько надо — в шесть раз больше объема бобов.

Он поставил котелок на горячую плитку, добавил большую ложку сахара и две щепотки соли. Потом положил туда полбанки консервов.

— Сегодня у вас день рождения? — спросил Питер Марлоу.

— Почему?

— Бобы и консервы, все сразу.

— Вы просто не правильно смотрите на вещи.

Питер Марлоу подвергался танталовым мукам, вдыхая аромат и слушая бульканье похлебки. Последние недели были тяжелыми. После того как обнаружили приемник, лагерю пришлось трудно. Японский комендант «с сожалением» урезал лагерные пайки из-за «плохого урожая», поэтому все группы подъели свои крошечные запасы. Никто не роптал, ведь других репрессий не последовало. Только уменьшение пайков.

В группе Питера Марлоу недостаток пищи хуже всего сказался на Маке. Уменьшение пайков и бесполезность их спрятанного во фляге приемника.

— Черт побери, — выругался Мак через несколько недель безуспешных попыток обнаружить неисправность. — Это бесполезно, парни. Не разобрав эту чертову штуку, я ничего не могу сделать. Все как будто в порядке. Без инструментов и батареек я не могу найти поломку.

Потом Ларкин каким-то образом раздобыл крошечную батарейку, и Мак, собрав остатки сил, снова стал пробовать, проверять и перепроверять. Вчера во время работы он судорожно вдохнул и потерял сознание, оказавшись в сильной малярийной коме. Питер Марлоу и Ларкин отнесли его в госпиталь и уложили на кровать. Доктор сказал, что это просто малярия, но с таким настроением, как у него, болезнь может стать опасной.

— В чем дело, Питер? — спросил Кинг, заметив, как тот неожиданно помрачнел.

— Просто вспомнил о Маке.

— Что с ним?

— Вчера мы отправили его в госпиталь не ахти в каком состоянии.

— Малярия?

— Главным образом, да.

— Еще что-нибудь?

— Ну, с лихорадкой все не так плохо. Но не это главное. У него бывают периоды страшной депрессии. Тревожится за свою жену и сына.

— Все женатые парни испытывают то же самое.

— Не совсем так, как Мак, — грустно объяснил Питер Марлоу. — Понимаете, незадолго до того, как японцы высадились в Сингапуре, Мак посадил жену и сына на корабль, уходящий с последним конвоем. Потом его соединение отправилось на Яву на каботажном судне. Когда он добрался до Явы, то узнал, что весь конвой был потоплен или пленен. Как бы там ни было — никаких доказательств — только слухи. Поэтому он не знает, сумели ли они уцелеть. То ли они погибли. То ли живы. А если живы, где они. Его сын был совсем младенцем, ему было только четыре месяца.

— Ну, сейчас ему три года и четыре месяца, — уверенно сказал Кинг. — Правило номер два: никогда не волнуйся о том, что ты не в состоянии изменить. — Он вынул пузырек с хинином из черной коробки, отсчитал двадцать таблеток и дал их Питеру Марлоу.

— Держите. Они вылечат его малярию.

— Но, а вы-то как?

— У меня их полно. Не думайте об этом.

— Не могу понять, почему вы так щедры. Вы даете нам еду и лекарства. А мы что вам даем в ответ? Ничего. Я не понимаю этого.

— Вы мой друг.

— Боже, я чувствую себя неловко, когда столько беру у вас.

— Наплюйте на это. Держите, — Кинг начал разливать похлебку. Семь ложек себе и семь Питеру Марлоу. В котелке осталась примерно четверть приготовленного.

Они быстро съели первые три ложки, чтобы заглушить голод, потом не спеша прикончили остальное, наслаждаясь отличным качеством еды.

— Хотите еще? — Кинг ждал.

«Как хорошо я знаю вас, Питер? Я знаю, что вы могли бы съесть еще тонну. Но вы откажетесь. Даже, если на карту будет поставлена ваша жизнь».

— Нет, благодарю. Сыт. По самое горло.

«Хорошо, когда ты знаешь своего друга», — подумал Кинг. Надо быть осторожным. Он проглотил еще ложку. Не потому, что он хотел еще похлебки. Но так надо сделать, или Питер Марлоу будет чувствовать себя неловко. Затем отставил котелок с остатками еды.

— Сверните мне сигаретку, хорошо?

Кинг бросил на стол табак и бумагу и занялся делами. Он вывалил остатки консервов в похлебку и перемешал ее. Потом разлил ее по двум котелкам, накрыл их и поставил в сторонку.

Питер Марлоу протянул ему свернутую сигарету.

— Сверните себе тоже, — сказал Кинг.

— Благодарю.

— Боже, Питер, не ждите приглашений. Вот, набейте свою коробку.

Он забрал коробку у Питера Марлоу и доверху набил ее табаком «Три короля».

— Как вы думаете готовить табак? Ведь Текс в госпитале, — спросил Питер Марлоу.

— Никак, — выдохнул дым Кинг. — Нас обошли. Австралийцы узнали способ и сбили цены.

— А, чертовски неудачно. Откуда они могли узнать?

— Во всяком случае, это была молниеносная и выгодная операция.

— Я не понимаю.

— Вы вкладываете деньги и быстро завершаете дело. Маленькие вложения ради быстрого получения прибыли. Я покрыл расходы в течение двух недель.

— Но вы говорили, что вам понадобятся месяцы, чтобы вернуть вложенные деньги.

— Это была всего лишь уловка. Для посторонних.

Остроумная уловка. Способ заставить людей поверить во что-то. Люди всегда хотят получить что-нибудь даром. Поэтому вам надо заставить их поверить, что они обкрадывают вас, что вы простофиля, а они, покупатели, чертовски хитры. Вот пример. «Три короля». Распространители, которые были первыми покупателями, поверили, что они мои должники, и думали, что если будут упорно трудиться в течение первого месяца, то смогут стать моими партнерами и без труда будут жить на мои деньги. Они считали меня дураком, который

подарит им такую возможность после первого месяца. Но я знал, что способ украдут и дело долго не продлится.

— Как вы узнали об этом?

— Это было ясно. И я это запланировал. Я сам выдал этот способ.

— Вы это сделали?

— ...Ну, конечно, же. Я продал способ за кое-какие сведения.

— Ну, понять это можно. Вы могли делать то, что вы считали нужным. Но как насчет людей, которые работали, продавали табак?

— Что вы имеете в виду?

— Вы вроде обманули их. Заставили работать в течение месяца почти бесплатно, а потом вы выбили почву у них из-под ног.

— Черта с два. Они заработали на этом немного баксов. Они держали меня за придурка, а я просто перехитрил их, вот и все. Это бизнес. — Он откинулся на кровать, забавляясь наивностью Питера Марлоу.

Тот нахмурился, пытаясь разобраться.

— Когда кто-нибудь начинает говорить о бизнесе, это выше моего понимания, — признался Марлоу. — Я чувствую себя таким идиотом.

— Послушайте. Очень скоро вы научитесь торговать лучше их, — рассмеялся Кинг.

— Сомневаюсь.

— Вы заняты сегодня вечером? Ну, скажем, через час после заката?

— Нет, а что?

— Не могли бы вы попереводить для меня?

— Охотно. Кто будет собеседником, малаец?

— Кореец.

— О! — И тут же, спохватившись, добавил:

— Конечно.

Кинг отметил отвращение Питера Марлоу, но для него это было неважно. Он всегда считал, что человек имеет право на свою точку зрения. А до тех пор пока эта точка зрения не вступила в конфликт с его собственными целями, нужно принимать ее.

В хижину вошел Макс и рухнул на койку.

— Целый час не мог разыскать этого сукиного сына. Потом нашел-таки его на огороде. Боже, из-за той мочи, которую они используют в качестве удобрений, это сукино место воняет, как гарлемский бордель в летний день.

— Ну ты как раз тот ублюдок, который воспользовался бы услугами такого борделя.

Кинг говорил грубо, и раздражение в его голосе поразило Питера Марлоу.

Улыбка и усталость Макса испарились.

— Господи, да я ничего не имел в виду. Это просто к слову пришлось.

— Тогда зачем поминать Гарлем? Ты хотел сказать, что там воняет как в борделе. Отлично. Все они воняют одинаково. Не важно, бордель ли это для черных или для белых. — Кинг говорил холодно и сердито, а лицо его ожесточилось.

— Да ладно. Извини. Я ничего такого не хотел сказать.

Макс забыл, что Кинг болезненно воспринимал резкие высказывания о неграх. Господи, когда живешь в Нью-Йорке, Гарлем всегда рядом, как бы ты к нему ни относился. И там есть бордели, а в них цветные девки, которые очень хороши, если хоть изредка имеешь их. «Все равно, — горько подумал он, — будь я проклят, но никак мне не понять, почему он так переживает из-за черномазых».

— Я ничего не имел в виду, — снова сказал Макс, пытаясь не смотреть на еду. Он почувствовал ее запах еще по дороге в хижину. — Я разыскал его и передал твое поручение.

— Ну?

— Он, э, дал мне кое-что для тебя, — сказал Макс и взглянул на Питера Марлоу.

— Ну, давай же, господи!

Макс терпеливо ждал, пока Кинг внимательно рассматривал часы, заводил их и прикладывал к уху.

— Что ты хочешь, Макс?

— Ничего. Э, хочешь я помою твою посуду?

— Да. Сделай это, а потом катись к черту отсюда.

— Конечно.

Макс собрал грязные тарелки и смиренно вынес их на улицу, давая себе слово, что настанет день, когда он расквитается с Кингом. Питер Марлоу молчал. «Странно, — подумал он. — Странно и дико. У Кинга крутой нрав. Это прекрасно, но в большинстве случаев опасно. Если ты уходишь на задание, важно знать, какой человек твой напарник. В таком тонком деле, каким, возможно, будет поход в деревню, важно быть уверенным в том, кто прикрывает твой тыл».

Кинг осторожно отвинтил заднюю крышку часов. Они были водонепроницаемыми, из нержавеющей стали.

— Угу! — сказал Кинг. — Я так и думал.

— Что?

— Это подделка. Взгляните.

Питер Марлоу внимательно осмотрел часы.

— Мне кажется, они в порядке.

— Конечно. Но это не то, за что их выдают. За «Омегу». Корпус хороший, но механизм старый. Какой-то ублюдок подменил механизм.

Кинг привернул на место крышку, потом оценивающе взвесил часы на руке.

— Понимаете, Питер. Это именно то, о чем я вам и говорил. Надо быть осторожным. А теперь допустим, я продал эти часы как настоящую «Омегу», не зная, что они поддельные, тогда у меня были бы серьезные неприятности. Но, поскольку я знаю об этом заранее, я могу прикрыть себя. Слишком осторожным тоже нельзя быть. — Он улыбнулся.

— Давайте-ка выпьем еще по чашке кофейку, дела идут на лад.

Его улыбка исчезла при виде Макса, вернувшегося с чистыми котелками и убравшего их на место. Макс ничего не сказал, просто подобострастно кивнул и снова вышел.

— Сукин сын, — сказал Кинг.

* * *

Грей до сих пор не пришел в себя с того дня, как Йошима нашел приемник. Шагая по разбитой тропинке по направлению к складу, он скорбно размышлял о своих новых обязанностях, возложенных на него комендантом лагеря в присутствии Йошимы и позже уточненных полковником Смедли-Тейлором. Грей знал, что, хотя официально он и должен выполнять новые приказы, фактически ему предстояло закрыть глаза и ничего не делать. «Матерь Божья, — подумал он, — что бы я ни сделал, я буду не прав».

Спазм в желудке заставил его остановиться и подождать, пока боль пройдет. Это была не дизентерия, а всего лишь понос. Болезнь, от которой он страдал, была не малярией, а только приступом тропической лихорадки, более легкой, но и более коварной, которая появлялась и исчезала, когда заблагорассудится. Он был очень голоден. У него не было запасов еды, ни одной жестянки с консервами, оставленной про запас, и не было денег, чтобы купить хоть чего-нибудь съестного. Он существовал на пайке без каких-либо добавок, а его было недостаточно, совершенно недостаточно.

«Когда я выберусь отсюда, — подумал Грей, — клянусь Богом, я никогда не буду голодать. У меня будет тысяча яиц и тонна мяса, сахар, кофе, чай, рыба. Мы весь день будем готовить: Трина и я, а когда не будем готовить или есть, то будем заниматься любовью. Любовью? Нет, они просто будут причинять друг другу боль. Эта сучка Трина со своими заявлениями «Я очень устала», или «У меня голова болит», или «Боже милосердный, еще раз?», или «Хорошо, я считаю, что все-таки должна», или «Мы можем сейчас заняться любовью, если ты хочешь», или «Оставь меня в покое хоть раз», когда все и так случалось не очень часто, и почти каждый раз он заставлял себя сдерживаться и мучился. Иногда она произносила сердитое «Ну ладно». Потом включался свет, и она вылезала из постели и мчалась в ванную, чтобы «приготовиться». Он видел красоту ее тела сквозь просвечивающую ткань, пока дверь не закрывалась. Затем он ждал, ждал, ждал до тех пор, пока свет в ванной не гас и она не возвращалась обратно в комнату. Ей всегда требовалась вечность, чтобы дойти от двери до кровати. Он любовался ее совершенной красотой, прикрытой шелком, и чувствовал только холод в ее глазах, когда она смотрела на него. Он не мог смотреть ей в глаза и проклинал себя. Потом она ложилась рядом с ним, и все быстро кончалось в тишине: она вставала, шла в ванную и мылась так, как будто он осквернил ее своей любовью. Вода бежала из душа вечность, и когда она возвращалась обратно, от нее пахло духами, и он снова проклинал себя, неудовлетворенный, за то, что взял ее против ее желания. Так было всегда. За шесть месяцев их совместной жизни, за отпуск, продолжавшийся двадцать один день, они девять раз причиняли боль друг другу. И никогда больше он не имел с ней физической близости.

Он попросил ее выйти за него замуж через неделю после того, как они познакомились. Их брак нельзя было с самого начала назвать удачным. Ее мать ненавидела его за то, что он женился на ее единственной дочери, когда она только-только начала работать и была слишком молодой для замужества. Ей

было восемнадцать лет. Его родители просили подождать с женитьбой, война, может быть, скоро кончится, а у тебя нет денег и она не из очень «хорошей» семьи. Он окидывал взглядом свое отчее гнездо и видел обшарпанный дом среди тысяч других обшарпанных домов, окруженных искривленными трамвайными линиями Стретхема; он видел: комнаты в доме крошечные, родители его ограниченные люди из низов общества, а их любовь искривлена, как трамвайные линии.

Они поженились месяц спустя. Грей выглядел молодцевато в своей форме и при шпаге (взятой напрокат за почасовую оплату). Мать Трины не пришла на скучную церемонию, проведенную в спешке между объявлениями о воздушной тревоге. На лицах его родителей было неодобрение, а их поцелуи были неискренними. Трина расплакалась, и свидетельство о браке было мокрым от слез.

Той ночью Грей узнал, что Трина не девственница. Конечно, она вела себя так, как будто она была таковой и в течение многих дней умоляла: «Пожалуйста, милый, я так легко ранима, будь терпелив». Но она не была девственницей и это огорчило Грея. Особенно оскорбляло ее вранье. Но он притворялся, что не понял ее обмана.

В последний раз он видел Трину за шесть дней до того, как его отправили за океан. Они были в своей квартире, он лежал на кровати, наблюдая за тем, как она одевается.

— Ты знаешь, куда вас отправляют? — спросила она.

— Нет, — сказал Грей. День прошел плохо, ссора накануне ночью была удручающей, а желание обладать ею и сознание того, что его отпуск заканчивается сегодня, подавляли.

Он поднялся и стал позади нее, найдя руками ее грудь, чувствуя ее упругость, желая ее.

— Нет!

— Трина, не могли бы мы...

— Не валяй дурака. Ты же знаешь, что представление начинается в половине девятого.

— Времени полно...

— Бога ради, Робин, не надо! Ты размажешь мне краску на лице!

— Черт с ней, с твоей краской, — сказал он. — Меня завтра не будет здесь.

— Может быть, это и к лучшему. Я не считаю тебя очень добрым или очень внимательным.

— А каким я по-твоему должен быть? Что плохого в том, что муж добивается своей жены?

— Прекрати орать. Господи, нас услышат соседи.

— Пусть слышат, ей-богу! — Он двинулся к ней, но она захлопнула перед ним дверь в ванную.

Когда она снова вошла в комнату, она была холодной и благоухающей. На ней был бюстгальтер, нижняя юбка, трусики и чулки на узеньком поясе. Она взяла вечернее платье и начала натягивать его.

— Трина, — начал он.

— Нет.

Он стоял рядом с ней, колени его дрожали.

— Извини меня, что я... я кричал.

— Не важно.

Он наклонился, чтобы поцеловать ее в плечи, но она отодвинулась.

— Я вижу, ты опять пил, — сказала она, морща нос.

Тогда он взорвался.

— Я выпил всего лишь одну рюмку, будь ты проклята, — заорал он, сорвал с нее платье, бюстгальтер и швырнул ее на кровать. Он срывал с нее одежду до тех пор, пока она не оказалась раздетой догола, не считая обрывков чулок, которые остались на ее ногах. И все это время она лежала не шевелясь, глядя на него в упор.

— О, боже, Трина, я люблю тебя, — беспомощно прохрипел он, отходя от нее и ненавидя себя за то, что он сделал и что чуть было не сделал.

Трина подобрала обрывки своей одежды. Как будто бы во сне он смотрел, как она вернулась к зеркалу, села перед ним и начала поправлять косметику и снова и снова мурлыкать один и тот же мотив.

Потом он хлопнул дверью и уехал в часть, а на следующий день попытался позвонить ей. Ответа не было. В Лондон он вернуться не успел, хотя отчаянно просил разрешения, их часть перевели в Гриннок для посадки на корабль, и каждый день, и каждую свободную минуту он звонил ей, но ответа не было, как

не было ответа на его неистовые телеграммы, а потом побережье Шотландии растаяло в ночной мгле, и остался только корабль и море, и он мог только плакать.

Грей вздрогнул под малайским солнцем. Девять тысяч миль разлуки. «Трина не виновата, — подумал он, слабея от отвращения к самому себе. — Это не ее вина, а моя. Я был слишком настойчив в своих домогательствах. Возможно, я безумен. Возможно, мне надо показаться врачу. Возможно, я излишне сексуален. Все из-за меня, не из-за нее. О Трина, моя любовь».

— С вами все в порядке. Грей? — спросил полковник Джоунс.

— О, да, сэр, спасибо, — Грей пришел в себя и понял, что стоит у склада снабжения, устало привалившись к стене. — Это был... это был просто легкий приступ лихорадки.

— Вы не слишком хорошо выглядите. Присядьте на минутку.

— Все в порядке, спасибо. Я только принесу воды.

Грей отошел к крану, снял рубашку и сунул голову под струю воды. «Дурак чертов, позволил себе так расслабиться!» — подумал он. Но, несмотря на его решение, мысли его неумолимо возвращались к Трине. «Сегодня, сегодня я позволю себе думать о ней, — пообещал он себе. — Сегодня ночью и каждую ночь. К черту попытки выжить без еды. Без надежды. Я хочу умереть. Как я хочу умереть».

Потом он увидел Питера Марлоу, бредущего вверх по склону холма. В руках он держал американский котелок и нес его очень бережно.

— Марлоу! — Грей встал перед ним.

— Какого черта вам нужно?

— Что там?

— Еда.

— Контрабанда есть?

— Перестаньте ко мне цепляться. Грей.

— Я не цепляюсь к вам. Суди о человеке по его друзьям.

— Отстаньте от меня.

— Боюсь не могу, старина. Это моя работа. Я хотел бы взглянуть. Прошу вас, покажите.

Питер Марлоу заколебался. Грей имел право на обыск и имел право отвести его к полковнику Смедли-Тейлору, если он нарушит лагерный порядок. А в его кармане было двадцать таблеток хинина. Никто не должен иметь личные запасы лекарств. Если их найдут, придется рассказать, где он их взял, а потом Кингу придется сказать, где он раздобыл их. Маку они в любом случае нужны сейчас. Поэтому он открыл котелок.

Варево из консервов и бобов обдало Грея неземным ароматом. Его желудок вывернулся наизнанку, но он попытался скрыть голод. Он аккуратно наклонил котелок, чтобы увидеть дно. Там не было ничего, не считая мяса из консервов и божественных бобов.

— Где вы взяли его?

— Мне его дали.

— Это он дал его вам?

— Да.

— Куда вы его несете?

— В госпиталь.

— Для кого?

— Для одного американца.

— С каких это пор капитан, награжденный крестом «За летные заслуги», состоит на побегушках у капрала?

— Идите к дьяволу!

— Может быть, я и пойду. Но перед тем как я это сделаю, я хочу увидеть, как вы получите то, что вам обоим причитается.

«Спокойнее, — сказал себе Питер Марлоу, — спокойнее. Если ты стукнешь Грея, ты действительно влипнешь».

— Вы кончили задавать вопросы. Грей?

— На этот момент да. Но помните... — Грей сделал шаг к капитану, запах еды мучил его. — Вы и ваш чертов плут-другок в черном списке. Я не забыл про зажигалку.

— Я не знаю, о чем вы говорите. Я не нарушаю приказов.

— Нет, вы сделаете это, Марлоу. Если вы продали вашу душу, придется когда-нибудь заплатить за это.

— Вы не в своем уме!

— Он мошенник, лгун и вор...

— Он мой друг, Грей. Он не мошенник, не вор...

— Но он лжец.

— Все мы лжецы. Даже вы. Вы отрицали существование приемника. Вам пришлось соврать, чтобы выжить. Вам многое пришлось сделать...

— Как, например, поцеловать капрала в задницу, чтобы получить жратву?

Вена на лбу Питера Марлоу вздулась как тонкая темная змейка. Но голос остался мягким, а злость была подобна меду.

— Мне следовало бы врезать вам. Грей. Но это так невоспитанно драться с низшим сословием. Несправедливо, вы же понимаете.

— Ей-богу, Марлоу, — начал было Грей, но язык не повиновался, а ярость перехватила горло.

Питер Марлоу всмотрелся в глаза Грея и понял, что победил. Минуту он упивался унижением Грея, потом злость прошла, он обошел Грея и двинулся вверх по склону. Нет нужды продолжать битву, если ты победил. Это дурной тон.

«Клянусь Господом нашим, — судорожно выругался Грей, — я заставлю заплатить тебя за это. Я заставлю тебя на коленях просить у меня прощение. И я не прощу тебя. Никогда!»

* * *

Мак принял шесть таблеток и подмигнул, когда Питер Марлоу помог ему слегка привстать, чтобы выпить воды. Он сделал глоток и откинулся обратно.

— Бог да благословит тебя, Питер, — прошептал он. — Это поможет. Благослови тебя Бог, парень. — Он провалился в сон, лицо его горело, тоска мучила, мозг метался в кошмарах. Он видел, как его жена и сын плавают в морских глубинах, поедаемые рыбами и кричащие из глубины. Он увидел и себя, там, в глубине, разрываемого на части акулами, но руки его были недостаточно сильными, а голос недостаточно громким. Акулы отрывали огромные куски его плоти, и всегда оставалась плоть, которую можно было оторвать. А у акул были голоса и их смех был смехом демонов, но рядом караулили ангелы, которые кричали ему: торопись, торопись. Мак, торопись,

или будет слишком поздно. Потом акулы пропали, остались желтые люди со штыками и золотыми зубами, острыми как иголки, окружающие его и его семью на дне моря. Их штыки были гигантскими, острыми. «Не их, меня, — пронзительно закричал он. — Меня, убейте меня!» И он смотрел, бессильный, как они убивали его жену и убивали сына, а потом повернулись к нему, а ангелы смотрели и хором шептали: торопись. Мак, торопись. Беги. Беги. Беги прочь, и ты будешь спасен. И он бежал, сам того не желая, бежал прочь от своего сына и от своей жены и от моря, залитого их кровью, спасался бегством сквозь кровь и задыхался. Но он все бежал и бежал, а они преследовали его, акулы с раскосыми глазами и золотыми острыми зубами, вооруженные штыками и винтовками, терзающие его плоть, пока его не загнали. Он боролся и умолял, но они не останавливались. Он был окружен. И Йошима всадил штык глубоко ему в живот. И боль была нестерпимой. Сильнее смертной муки. Йошима выдернул штык; и он почувствовал, как кровь хлещет из него, из рваной дыры, из всех отверстий его тела, из каждой его поры, пока в теле осталась только душа. И тогда наконец его душа вырвалась наружу и смешалась с кровью моря. Огромное, беспредельное облегчение наполнило его, оно было бесконечным, и он был рад, что умер.

Мак открыл глаза. Его простыни были мокрыми от пота. Лихорадка прошла. Он понял, что еще раз выжил.

Питер Марлоу по-прежнему сидел рядом с кроватью. За его единой была ночь.

— Привет, паренек. — Он сказал это едва слышно, и Питеру Марлоу пришлось наклониться, чтобы услышать их.

— Вы в порядке, Мак?

— Все хорошо, приятель. Чтобы чувствовать себя так хорошо, почти наверняка стоит занять лихорадку. Я посплю. Принеси, мне чего-нибудь поесть завтра.

Мак закрыл глаза и заснул. Питер Марлоу стянул с него простыню и обтер его.

— Где мне взять сухую простыню, Стивен? — спросил он, увидев санитаря, спешно проходящего через палату.

— Не знаю, сэр, — сказал Стивен. Он много раз видел этого молодого человека. И он ему нравился. Может быть... но нет, Ллойд будет страшно ревновать. В другой раз. Впереди много времени. — Наверно, я могу помочь вам, сэр.

Стивен подошел к четвертой кровати и снял с мужчины простыню, потом ловко выдернул из-под него нижнюю простыню и вернулся.

— Вот, — сказал он. — Возьмите эти.

— А как тот парень?

— А, — ответил с нежной улыбкой Стивен. — Ему они больше не понадобятся. Он в ведении похоронной команды. Бедолага.

— О! — Питер Марлоу взглянул на покойника, но лицо его было незнакомо. — Благодарю, — сказал он и начал перестилать кровать.

— Подождите, — сказал Стивен. — Позвольте мне. У меня получится гораздо лучше. — Он был горд, что умел застилать кровать, не потревожив больного. — Не беспокойтесь о вашем друге, — с улыбкой проговорил он. — Я пригляжу за тем, чтобы с ним было все в порядке. — Он заботливо, как ребенка, укрыл Мака, — Вот так. — Затем быстро погладил Мака по голове, вынул платок и вытер остатки пота со лба Мака. — Он поправится через пару дней. Если у вас есть какая-то еда... — он запнулся, посмотрел на Питера Марлоу, и в глазах его начали собираться слезы. — Как глупо с моей стороны. Но не волнуйтесь, Стивен что-нибудь сделает для него. Сейчас не беспокойтесь. Сегодня вы ничего больше не можете сделать. Идите и как следует выспитесь. Идите, здесь есть на кого положиться.

Не говоря ни слова, Питер Марлоу позволил вывести себя наружу. Стивен с улыбкой пожелал ему доброй ночи и вернулся назад.

Питер Марлоу видел из темноты, как Стивен разглаживает лоб, искаженный лихорадкой, держит дрожащую руку, отгоняет прочь ночные кошмары, успокаивает ночные вскрики, поправляет одеяла, помогает больному попить, приподнимает когда кого-то рвет и делает это все спокойно, деликатно и ласково. Когда Стивен подошел к койке номер четыре, он остановился и поглядел на труп. Затем распрямил конечности, сложил руки на груди, снял свой халат и накрыл им тело, прикосновение было как благословение. Изящное гладкое тело Стивена и его стройные гладкие ноги светились в полутьме.

— Бедняга, — прошептал он, глядя на покойника. — Бедняга. Ах, вы мои бедняги, — и зарыдал за всех них.

Питер Марлоу ушел в ночь, полный жалости, стыдясь того, что Стивен когда-то вызывал у него отвращение.

Глава 12

Направляясь к хижине американцев, Питер Марлоу был полон дурных предчувствий. Он жалел, что с такой готовностью согласился переводить для Кинга. В то же время его огорчало, что такая пустяковая просьба друга вызвала в нем протест. «Хороший же ты друг, — повторял он, — ведь он столько сделал для тебя».

Им овладела внезапная слабость. «Почти как перед вылетом на задание, — подумал он. — Нет, совсем не так. Это напоминает то, что ты чувствовал, когда тебя вызывали к директору школы. Полет был связан с опасностью, но в то же

время доставлял удовольствие. Как поход в деревню. Это заставляет твое сердце трепетать. Решиться на это просто ради удовольствия или, по правде говоря, в надежде найти там еду или женщину».

Он тысячный раз спрашивал себя, зачем Кинг идет в деревню и какие у него там дела. Но спрашивать было невежливо, и он знал, что ему нужно немного терпения, и он все выяснит.

Была еще одна причина, по которой ему нравился Кинг. Он не навязывался со своими услугами и не очень распространялся о своих планах. «Это по-английски», — довольно сказал себе Питер Марлоу. Просто выговорись немного, когда у тебя есть желание. Кто ты и что ты — это твое личное дело — до тех пор, пока не решил поделиться с другом. А друг никогда не задает вопросов. Или все выкладывается по доброй воле, или вообще ничего не говорится.

Вот так, как с походом в деревню. «Бог мой, — подумал Питер Марлоу, — это говорит о том, как он доверяет мне. Вот так прийти и спросить, не хочешь ли пойти со мной, когда я соберусь туда в следующий раз».

Питер Марлоу понимал — это безумство. Идти в деревню. Но, возможно, и не такое уж безумство. Сейчас для этого был повод. Важный повод. Надо попытаться найти деталь для приемника или достать другой приемник. Вот так. Это делает риск оправданным.

Но в то же время он знал, что пошел бы просто потому, что его попросили пойти. Но там могла быть еще еда и женщина.

Он увидел Кинга, скрытого глубокой тенью около хижины и разговаривающего с другой тенью. Их головы соприкасались, а голоса звучали невнятно. Они так были увлечены, что Питер Марлоу решил пройти мимо Кинга и начал подниматься по ступенькам в хижину американцев, на минуту загородив собой луч света.

— Эй, Питер, — окликнул его Кинг.

Питер Марлоу остановился.

— Я сейчас подойду к вам, Питер. — Кинг обратился к другому человеку. — Думаю, вам лучше подождать, майор. Как только он придет, я дам вам знать.

— Спасибо, — поблагодарил маленький человечек голосом, в котором звучало смущение.

— Возьмите табачку, — сказал Кинг, и предложение было принято с жадностью. Майор Праути отступил в тень, но не спускал глаз с Кинга, пока тот шел к своей хижине.

— Я скучал, дружище, — сказал Кинг Питеру Марлоу и шутливо толкнул его. — Как дела у Мака?

— Он в порядке, спасибо. — Питеру Марлоу хотелось уйти со света. «Проклятье, — думал он. — Я чувствую себя неловко от того, что меня видят с другом. А это отвратительно. Ужасно».

Но он ощущал взгляд майора и вздрагивал до тех пор, пока Кинг не сказал:

— Пошли. Долго не задержимся, потом можем приступить к делу.

* * *

Грей отправился к тайнику проверить, нет ли в жестянке послания для него. И оно там было. «Часы майора Праути. Сегодня вечером. Марлоу и он».

Грей сунул жестянку обратно в канаву так же небрежно, как и вынул ее. Потом встал и пошел обратно к хижине номер шестнадцать. Но все это время его мозг работал с бешеной скоростью.

Марлоу и Кинг. Они будут в «магазине» позади хижины американцев. Праути. Какой? Майор! Тот, что из артиллерии? Или австралиец? Давай, Грег, раздраженно говорил он себе, где твоя способность раскладывать все по полочкам, которой ты так гордился? Вспомни его! Хижина номер одиннадцать! Маленький человечек! Сапер! Австралиец!

Связан ли он с Ларкином? Нет. Мне это неизвестно. Австралиец. Тогда почему не перекупщик-австралиец Тини Тимсен? Почему Кинг? Может быть, Тимсен не смог провернуть это дело? Или это ворованная вещь? Вот это более вероятно, тогда понятно, почему Праути не стал пользоваться обычными австралийскими каналами. Это наиболее вероятно.

Грей посмотрел на запястье, где должны были быть часы. Он сделал это инстинктивно, хотя часов у него не было уже три года, он и без них мог назвать время. Как и все они, он чувствовал время суток в той степени, в какой оно нужно было пленным.

«Еще слишком рано, — думал он. — Часовые еще не сменились». А когда это произойдет, он увидит, как старая смена бредет по лагерю, вверх по дороге мимо его хижины, по направлению к караульному помещению. Человек, за которым надо следить, будет в новой смене. Кто он? Кто заинтересован? Скоро я буду знать. Безопаснее подождать нужного момента, а потом броситься на добычу. Осторожно. Просто вежливо вмешаться. Засечь охранника с Кингом и Марлоу. Лучше застать их за передачей денег из рук в руки или когда Кинг будет передавать деньги Праути. И тогда — рапорт полковнику Смедли-Тейлору:

«Прошлой ночью я явился свидетелем того, как они совершали сделку», или, что тоже совсем неплохо: «Я видел американского капрала и капитана авиации Марлоу (Крест за летные заслуги, хижина номер шестнадцать) с корейским охранником. У меня есть основания полагать, что майор Праути (саперная часть) участвовал в деле и предоставил часы для продажи».

Такой рапорт сделает свое дело. «Правила, — радостно думал он, — ясные и определенные: «Торговля с охраной запрещена». Они будут пойманы на месте преступления. Это — повод для разбирательства военным трибуналом.

Сначала военный трибунал. Потом моя тюрьма, моя маленькая тюрьма. Никаких дополнительных пайков, никаких бобов с консервами. Вообще ничего. Только клетка, клетка, вы будете, как крысы в клетке. Потом выпустить, разозленных и ненавидящих. А разозленные люди делают ошибки. В следующий раз их делом займется, возможно, Йошима. Пусть лучше япошки делают грязную работу, помогать им не нужно. В данном случае это, может быть, и нужно сделать. Но нет. Можно просто намекнуть».

«Я отплачу тебе, проклятый Питер Марлоу. Может быть, скорее, чем надеялся. А месть тебе и этому мошеннику доставит несказанное удовольствие».

* * *

Кинг посмотрел на часы. Четыре минуты десятого. Остались секунды. Если дело касалось японцев, можно было с точностью до минуты знать, что они будут делать. Уж если распорядок установлен, он выполнялся неукоснительно.

Потом он услышал шаги. Торусуми обогнул угол хижины и быстро скрылся под пологом. Кинг встал поприветствовать его. Питер Марлоу, который был там же, неохотно поднялся со стула, ненавидя сам себя.

Торусуми — личность среди охранников. Достаточно хорошо известная. Он был опасен и непредсказуем. У него было лицо, тогда как остальные охранники оставались безликими. Он служил в лагере год или чуть больше. Ему нравилось жестоко обращаться с военнопленными, когда он был не в духе, держать их на солнце, орать и пинать ногами.

— Табе, — сказал Кинг, ухмыляясь. — Закурите? — Он предложил необработанного яванского табака.

Торусуми обнажил сверкающие золотые зубы, отдал Питеру Марлоу свою винтовку и сел за маленький столик. Он вытащил пачку «Куа», предложил закурить Кингу, который взял одну сигарету. Потом кореец посмотрел на Питера Марлоу.

— Ичи-бон, друг, — сказал Кинг.

Торусуми хрюкнул, показал зубы, втянул воздух и предложил Питеру закурить.

Питер Марлоу заколебался.

— Берите, Питер, — сказал Кинг.

Питер Марлоу повиновался.

— Скажите ему, — сказал Кинг Питеру Марлоу, — что мы приветствуем его.

— Мой друг говорит тебе добро пожаловать, он счастлив видеть тебя здесь.

— Спасибо. Нет ли у моего бесценного друга чего-нибудь для меня?

— Он спрашивает, есть ли у вас что-нибудь для него?

— Переведите ему все в точности, что я скажу, Питер. В точности.

— Мне придется говорить на местном диалекте. Точно нельзя перевести.

— О'кей, но сделайте так, чтобы это было правильно, и не торопитесь.

Кинг дал корейцу часы. Питер Марлоу с удивлением заметил, что они были как новые, недавно отполированы, с новым пластмассовым циферблатом и в аккуратном замшевом чехольчике.

— Скажите ему, что мой знакомый хочет продать их. Но они дорогие, и, возможно, это не то, что он хочет.

Даже Питер Марлоу заметил, как алчно кореец сверкнул глазами, когда вынул часы из чехла и поднес их к уху. Потом хрюкнул что-то небрежно и положил их обратно на стол.

Питер Марлоу перевел ответ корейца:

— У тебя есть что-нибудь еще? Я сожалею, но за «Омегу» сегодня много в Сингапуре не получишь.

— Ты очень хорошо говоришь по-малайски, — добавил Торусуми, обращаясь к Питеру Марлоу и вежливо втягивая воздух между зубами.

— Благодарю тебя, — неохотно поблагодарил его Питер Марлоу.

— Что он говорит, Питер?

— Только то, что мой малайский хорош, и все.

— А! Ну так переведите ему, что, к сожалению, у меня больше ничего нет.

Кинг подождал, пока сказанное было переведено, потом улыбнулся, пожал плечами, взял часы, положил их в чехол и обратно в карман. Затем встал.

— Саламат! — сказал он.

Торусуми еще раз обнажил зубы, потом показал жестом, что Кинг должен сесть.

— Это не значит, что я не хочу часы, — сказал он Кингу. — Но ты мой друг, и ты хлопотал, и я должен знать, сколько хочет человек, который продает их, за эти ничтожные часы?

— Три тысячи долларов, — ответил Кинг. — Мне жаль, цена слишком высокая.

— Она и вправду очень высокая. Хозяин слаб на голову. Я бедный человек, всего только охранник, но у нас были общие дела раньше, и чтобы сделать тебе приятное, я предлагаю тебе триста долларов.

— Сожалею, но осмелюсь не согласиться. Я слышал, есть другие покупатели, которые заплатят более разумную цену через других посредников. Я согласен, что ты бедный человек и не должен платить такие деньги за такие ничтожные часы. «Омега», конечно же, не стоит таких денег, но ты должен понять, что это будет оскорблением предложить их хозяину сумму, значительно меньшую, чем за второсортные часы.

— Это справедливо. Возможно, я и подниму цену. Ведь даже у бедняка есть честь, и кроме того, благородно попытаться облегчить страдания любого человека в эти трудные времена. Четыреста.

— Я благодарен тебе за заботу о моем знакомом. Но эти часы марки «Омега», и, учитывая, что цена на «Омегу» опустилась ниже их ранее высокой стоимости, у тебя есть хорошая причина, по которой ты не хочешь иметь со мной дела. Человек чести всегда уважает...

— Я тоже человек чести. У меня нет желания сомневаться в твоём добром имени и добром имени твоего знакомого, которому принадлежат часы. Мне, наверно, стоит рискнуть своим добрым именем и постараться узнать, смогу ли я уговорить этих ничтожных китайских торговцев, с которыми я имею дело, чтобы те хоть один раз за свою ничтожную жизнь дали честную цену за эти часы. Я уверен, ты поймешь, пятьсот — это наиболее справедливая цена, и уважаемый человек может заинтересоваться «Омегой» даже раньше, чем цены упадут.

— Верно, мой друг. Но вот что я тебе скажу. Возможно, цены на «Омегу» не упали. Возможно, ничтожные китайцы обманывают уважаемого человека. Но на прошлой неделе один из моих корейских друзей пришел ко мне и купил такие часы за три тысячи долларов. Я предложил их тебе только потому, что мы старые друзья, а старым друзьям надо доверять.

— Ты не врешь? — Торусуми злобно сплюнул на пол, и Питер Марлоу приготовился к удару, который раньше следовал за такими вспышками.

Кинг сидел невозмутимо. «Боже, — думал Питер Марлоу, — у него стальные нервы».

Кинг вытащил табачные листья и начал скручивать сигарету. Когда Торусуми увидел это, он перестал неистовствовать, предложил пачку «Куа» и успокоился.

— Я поражен, что ничтожные китайские торговцы, ради которых я рискую своей жизнью, такие продажные. Я в ужасе от того, что ты, мой друг, рассказал мне. Более того, я испуган. Подумать только, они злоупотребили моим доверием. В течение года я имел дело с одним и тем же человеком. И как же долго он обманывал! Думаю, мне полагается убить его.

— Лучше, — возразил Кинг, — перехитрить его.

— Как? Я буду очень рад, если твой друг научит меня.

— Накажи его словами. Скажи ему, что до тебя дошли верные сведения о том, что он обманщик. Скажи ему, если он в будущем не будет давать тебе хорошую цену — хорошую цену плюс двадцать процентов, чтобы исправить прошлые ошибки, ты можешь шепнуть властям. Они заберут его, заберут его женщин и детей и накажут. Он должен знать, что ты это сделаешь.

— Замечательный совет. Я в восторге от внимания моего друга. Поэтому ради наших дружеских отношений предлагаю полторы тысячи долларов. Это все, что у меня есть, до последнего гроша, вместе с жалкими монетами, доверенными мне моим другом, который по болезни, полученной от женщин, находится в этом вонючем сарае, который называется больницей. Он не может работать.

Кинг наклонился и шлепнул ладонью по лодыжкам, облепленным москитами. «Вот это лучше, приятель, — подумал он. — Давай-ка посмотрим. Две тысячи будет много. Тысяча восемьсот в самый раз. Тысяча пятьсот неплохо».

— Кинг просит тебя подождать, — перевел Питер Марлоу. — Он должен посоветоваться с ничтожным человеком, который хочет так дорого продать тебе этот товар.

Кинг залез в окно и прошел для проверки через всю хижину. Макс был на месте. Дино около тропинки следил за одной стороной. Байрон Джонс III — за другой.

Он нашел потного от волнения майора Праути в тени соседней хижины.

— Прошу прощения, сэр, — горестно прошептал Кинг. — Парень совсем не проявил интереса.

Беспокойство Праути усилилось. Он должен продать. «Господи, — подумал он, — вот уж не везет. Мне любым путем нужно достать денег».

— Сколько он предлагает?

— Мне удалось уговорить его на четыреста долларов.

— Четыреста долларов! Да всякий знает, что «Омега» стоит по меньшей мере две тысячи.

— Сожалею, но дело обстоит именно так. Он, кажется, подозревает, что это не настоящая «Омега».

— Он спятил. Конечно же, это «Омега».

— Виноват, сэр, — сказал Кинг несколько более холодно. — Я только сообщил вам...

— Это моя вина, капрал. Я не хотел срываться на вас. Эти желторожие ублюдки все одинаковы.

«Что же мне теперь делать? — спрашивал сам себя Праути. — Если я не продам их через Кинга, мы их вообще не сможем продать, а группе нужны деньги, и вся наша работа пойдет насмарку. Что же мне делать?»

Праути минуту подумал и сказал:

— Посмотрите, что еще можно сделать, капрал. Я не могу отдать меньше, чем за тысячу двести. Просто не могу.

— Хорошо, сэр. Но не думаю, что смогу выторговать больше, но постараюсь.

— Вы славный малый. Я полагаюсь на вас. Я бы не отдал их так дешево, но так не хватает еды. Вы знаете, как обстоят дела.

— Да, сэр, — вежливо согласился Кинг. — Я постараюсь, но боюсь не в состоянии заставить так поднять цену. Он говорит, что китайцы сейчас покупают не так, как раньше. Но я сделаю все, что смогу.

* * *

Грей увидел Торусуми, шагающего по лагерю, и понял, что скоро наступит нужный момент. Он долго ждал, а сейчас наступило его время. Он встал, вышел из хижины, подтянул свою нарукавную повязку и поправил фуражку. Других свидетелей не надо, хватит и того, что скажет он. И он пошел один.

Его сердце радостно билось. Так было всегда, когда он готовился кого-то арестовать. Он прошел мимо ряда хижин и спустился по ступенькам на главную

улицу. Ему предстоял долгий путь в обход. Он выбрал его намеренно, зная, что Кинг расставляет вокруг часовых, когда занимается своими делишками. Но Грей знал, где они сидят, и знал, где можно пройти через человеческое минное поле.

— Грей!

Он обернулся. К нему приближался полковник Семсен.

— Слушаю, сэр!

— Грей, рад вас видеть. Как дела?

— Прекрасно, благодарю вас, сэр, — ответил он, удивленный таким дружеским обращением. Вопреки своему желанию уйти, он был в немалой степени польщен.

Полковник Семсен занимал особое место в планах Грея на будущее. Семсен был штабным офицером, но не простым, а настоящим — из военного министерства. И с очень хорошими связями. Такой человек мог оказаться более чем полезным — позднее. Семсен состоял при Генеральном штабе на Дальнем Востоке и отвечал за какие-то непонятные, но важные дела. Он был знаком со всеми генералами и рассказывал о том, как развлекал их в своем имении в Дорсете, и как выезжал на охоту, и какие вечеринки на открытом воздухе они закатывали, и какие охотничьи балы! Человек, подобный Семсену, возможно, мог бы помочь Грею улучшить его послужной список. И его положение.

— Хочу поговорить с вами. Грей, — сказал Семсен. — У меня есть мысль, над которой стоит поработать. Вы знаете, я собираю официальную историю этой военной кампании. Конечно, — добавил он добродушно, — формально она еще не принята, но кто знает, может быть, станет такой. Вы же знаете, генерал Сонни Уилкинсон отвечает за архивную работу в Военном министерстве, и я уверен, Сонни заинтересуется ее изложением с места событий. Может быть, вам будет интересно проверить для меня несколько фактов. Относительно вашего полка.

«Интересно, — думал Грей. — Интересно! Я бы все отдал за это. Но не сейчас».

— С радостью, сэр. Я польщен, что вы так высоко цените мои суждения. Может быть, завтра? После завтрака.

— Ох, — отозвался Семсен. — Я надеялся, мы немного поговорим сейчас. Ну ладно, в другой раз я дам вам знать...

И Грей инстинктивно почувствовал, что другого раза не будет. Семсен нечасто разговаривал с ним раньше. «Может быть, — отчаянно подумал Грей, —

поговорить сейчас, хоть что-нибудь сказав ему, заинтересовать. Я еще успею поймать их. Сделки иногда совершаются часами. Стоит рискнуть!»

— Буду рад поговорить сейчас, если вы желаете, сэр. Но не слишком долго, если вы не против. У меня немного болит голова. Несколько минут, если вы не возражаете.

— Хорошо. — Полковник Семсен был очень доволен. Он взял Грея под руку и повел его в сторону своей хижины. — Вы знаете. Грей, ваш полк был одним из моих самых любимых. Отлично нес службу. Вы получили благодарность в приказах, не так ли? В Кота Бару?

— Нет, сэр.

«Бог мой, — думал он, — я должен был получить. Не было времени посылать представления на награды. Я не более других имел право на награду». Он и вправду так считал. Много людей заслуживали «Крест ордена Виктории» и никогда не получали даже благодарности в приказе. До сих пор.

— Никогда нельзя загадывать. Грей, — сказал Семсен. — После войны мы, возможно, на многое будем смотреть по-другому.

Он усадил Грея.

— Итак, каким было положение на фронте, когда вы прибыли в Сингапур?

* * *

— Я с сожалением должен сообщить своему другу, — переводил Питер Марлоу слова Кинга, — что ничтожный владелец часов посмеялся надо мной. Самое меньшее, на что он согласен, — это две тысячи шестьсот долларов. Мне очень стыдно говорить тебе об этом, но ты мой друг. Я обязан сообщить тебе это.

Торусуми был явно раздосадован. При помощи Питера Марлоу они поговорили о погоде и о недостатке еды, и Торусуми показал им потрескавшуюся и потрепанную фотографию своей жены и троих детей, немного рассказал о своей жизни в деревне недалеко от Сеула, о том, как он зарабатывал на жизнь крестьянским трудом, хотя у него младшая университетская степень, о том, как он ненавидит войну. Он рассказал, как ненавидит японцев, как все корейцы ненавидят японских хозяев. Корейцам даже не разрешают служить в японской армии. Они считаются людьми второго сорта, не имеют права голоса и могут быть избиты по прихоти самого захудалого японца.

И так они говорили, пока наконец Торусуми не встал. Он забрал винтовку у Питера Марлоу, который все время держал ее, поглощенный мыслью о том, что она заряжена, и о том, насколько просто было бы убить. Но для чего? И что тогда?

— Я сделаю моему другу последнее предложение, мне не нравится, что ты уйдешь с пустыми руками этой вонючей ночью. Поговори еще раз с жадным владельцем этих ничтожных часов. Две тысячи сто!

— Но, уважая моего друга, я должен напомнить ему, что ничтожный владелец часов — полковник. Он сказал, что согласен только на две тысячи шестьсот. Я знаю, ты не хочешь, чтобы он презирал меня.

— Верно. Но из уважения я бы предложил ему не отказываться от последнего предложения, сделанного в знак истинной дружбы, после которого я сам остаюсь без прибыли. А потом, мы даем ему возможность пересилить свое упрямство.

— Я постараюсь, ведь ты мой друг.

Кинг оставил Питера Марлоу и корейца вдвоем. Шло время, они ждали. Питер Марлоу выслушал рассказ о том, как Торусуми силой забрали на службу в армию и как он не любит войну.

Потом Кинг спрыгнул к ним из окна.

— Этот человек свинья, бессовестная шлюха. Он набросился на меня с руганью и пообещал рассказать всем о том, что я плохой торговец, что он посадит меня в тюрьму, если получит меньше двух тысяч четырехсот...

Торусуми неистовствовал и выкрикивал угрозы. Кинг сидел спокойно и думал: «Господи, я потерял чувство меры, я слишком много запросил на этот раз». Питер Марлоу думал: «Господи, за каким чертом я влез в это дело?»

— Две тысячи двести, — сплюнул Торусуми.

Кинг безнадежно пожал плечами, побежденный.

— Скажите ему, я согласен, — проворчал он Питеру Марлоу. — Он слишком крут для меня. Скажите, что мне придется отказаться от моих чертовых комиссионных, чтобы возместить разницу. Сукин сын не согласится ни на пенни меньше. Но тогда, черт побери, где же моя прибыль?

— Ты железный человек, — переводил Питер Марлоу слова Кинга. — Я скажу этому ничтожному полковнику-владельцу, что он получит свою цену, но для того, чтобы сделать это, мне придется отказаться от моих комиссионных. Ты понимаешь, мне надо покрыть разницу между ценой, которую ты предложил, и ценой, на которую этот ничтожный человек согласен. Но где же моя прибыль? Бизнес — почетное дело, но в нем обе стороны должны иметь прибыль, даже если они друзья.

— Ты мой друг, я добавлю еще сотню. Ты должен быть доволен, а в следующий раз не берись за дело для такого жадного и жалкого клиента.

— Благодарю тебя. Ты умнее меня.

Кинг отдал часы в маленьком, замшевом чехле и пересчитал огромную пачку новых фальшивых купюр. Две тысячи двести долларов образовали аккуратную пачку. Потом Торусуми добавил еще сотню. С улыбкой. Он перехитрил Кинга, чья репутация отличного дельца была общеизвестна среди охранников. Он легко сможет продать эту «Омегу» за пять тысяч долларов. Ну, по крайней мере, за три тысячи пятисот. Неплохая прибыль за одну служебную смену.

Торусуми оставил начатую пачку «Куа» и другую, полную, как утешение Кингу за неудачную сделку. «В конце концов, — думал он, — впереди долгая война и бизнес идет хорошо. Ну а если война продлится недолго, что ж, в любом случае Кинг будет полезным союзником».

— Вы очень хорошо справились, Питер.

— Я думал, он взорвется.

— И я тоже. Чувствуйте себя как дома, я вернусь через минуту.

Кинг нашел Праути, который по-прежнему сидел в тени.

Он отдал ему девятьсот долларов, сумму, на которую ужасно огорченный майор неохотно согласился, и забрал свои комиссионные — девяносто долларов.

— Дела идут хуже день ото дня, — сказал Кинг.

«Да, это так, сволочь», — думал Праути. Но восемьсот десять баксов не так уж плохо за поддельную «Омегу». Он фыркнул про себя, довольный, что надул самого Кинга.

— Страшно расстроен, капрал. Последняя вещь, которая у меня была.

«Посмотрим, — подумал он радостно, — нам потребуется пара недель, чтобы привести в порядок еще одни часы. Тимсен, австралиец, может провернуть еще одну сделку».

Вдруг Праути увидел приближающегося Грея. Он торопливо скрылся в лабиринте хижин, растаяв в темноте. Кинг влез через окно в хижину американцев, присоединившись к игрокам в покер, и прошепел Питеру Марлоу:

— Возьмите, Бога ради, карты...

Два человека, которые уступили им свои места, стали давать непрошенные советы игрокам и смотрели, как Кинг делил свою пачку денег так, чтобы перед

каждым игроком оказалась небольшая кучка. В это время в дверном проеме появился Грей.

Никто не обратил на него внимания до тех пор, пока Кинг весело не посмотрел в его сторону.

— Добрый вечер, сэр.

— Добрый вечер. — По лицу Грея струился пот. — Здесь полно денег.

«Матерь Божья, в жизни своей столько не видел. Сразу столько денег. И что бы я сделал с ними, будь у меня хоть бы часть их».

— Нам нравится играть, сэр.

Грей повернулся и ушел в ночь. Черт бы драл этого Семсена!

Мужчины сыграли еще несколько партий, пока не прозвучал сигнал отбоя. Потом Кинг сгреб свои деньги, дал каждому по десятке, они хором поблагодарили. Он отсчитал Дино по десятке для каждого из наружных часовых, кивнул Питеру, и они вместе прошли в дальний конец хижины.

— Мы заслужили по чашке яванского кофе, — Кинг немного устал. Он утомился и растянулся на кровати. Питер Марлоу готовил кофе.

— Чувствую, я не принес вам удачи, — тихо сказал Питер Марлоу.

— Что?

— Я говорю о продаже. Она ведь прошла не очень хорошо, не так ли?

Кинг оглушительно захохотал.

— Все прошло по плану. Держите, — сказал он, отсчитав сто десять долларов и протягивая их Питеру Марлоу. — Вы мне должны два доллара.

— Два доллара? — Он взглянул на деньги. — За что это?

— Это ваши комиссионные.

— За что?

— Боже, неужели вы считаете, что я просил вас работать даром? За кого вы меня принимаете?

— Я сказал, что буду рад сделать это. Мне не нужно ничего за перевод.

— Вы с ума сошли. Сто восемь баксов — десять процентов от сделки. Это не подаяние. Они ваши. Вы их заработали.

— Это вы спятили. Как, черт возьми, я могу заработать сто восемь долларов от продажи часов за две тысячи двести долларов. Ведь вы сами остались без прибыли. Я не возьму денег.

— Они вам не нужны? Вам, Маку или Ларкину?

— Конечно, нужны. Но это несправедливо. И я не могу понять, откуда взялись сто восемь долларов.

— Питер, я действительно не понимаю, как вы дожили до сегодняшнего дня в этом мире. Послушайте, я вам объясню. На сделке я заработал тысячу восемьдесят баксов. Сто восемь долларов и составляют десять процентов. Сто десять минус два получается сто восемь. Я дал вам сто десять долларов. Вы должны мне два бакса.

— Как, черт побери, у вас получилось это, когда...

— Объясняю. Первый деловой урок. Вы покупаете дешево и продаете дорого, если сумеете. Как, например, сегодня.

Кинг с удовольствием объяснил, как он обставил Праути. Когда он кончил, Питер Марлоу долгое время молчал. Потом сказал:

— Кажется, что это... ну, кажется, что это нечестно.

— Ничего нет нечестного, Питер. Весь бизнес основан на принципе — вы продаете дороже, чем покупаете — или это дорого вам обходится.

— Согласен. Но не кажется ли вам, что ваша доля прибыли немного высока?

— Черт возьми, нет. Мы все знали, что часы — подделка. За исключением Торусуми. Вы ведь не против, чтобы надуть его? Хотя он может легко сбавить их китайцам, причем с выгодой для себя.

— Думаю, что нет.

— Верно. Возьмем Праути. Он продавал подделку. Может быть, он украл часы, я, черт возьми, не знаю. Но он получил за них немного, потому что он плохой коммерсант. Если бы у него хватило характера забрать часы и настоять на своем, тогда я остановил бы его и поднял цену. Он мог обставить меня. Ему наплевать, если бы я потерпел убыток. Моя обязанность — защита своих клиентов. Праути так спокоен, потому что ему ничего не грозит, тогда как я здорово рискую.

— Что вы сделаете, когда Торусуми обнаружит подделку?

— Он запомнит, — неожиданно ухмыльнулся Кинг с искренним удовлетворением, — но не для того, чтобы учинить скандал. Скандал заденет его самолюбие. Он никогда не осмелится признаться, что я перехитрил его в сделке. Его дружки сживут его со свету, если я шепну им об этом. Он, конечно же, запомнит, но постарается надуть меня в следующий раз.

Он закурил и дал сигарету Питеру Марлоу.

— Итак, — блаженно продолжил он. — Праути получил девятьсот долларов минус десять процентов комиссионных. Мало, но справедливо, и не забывайте, я и вы оба брали весь риск на себя. Теперь о наших затратах. Я заплатил сто баксов, чтобы часы отполировали, почистили и вставили новое стекло. Двадцать Максу, который знал о предстоящей продаже, десять каждому из четырех часовых и еще шестьдесят ребятам, которые прикрыли нас карточной игрой. Это тысяча сто двадцать долларов. Вычитаем тысячу сто двадцать из двух тысяч двухсот, получается ровно тысяча восемьдесят баксов в целом. Десять процентов от этого составляет сто восемь баксов. Все просто.

Питер Марлоу покачал головой. Столько цифр, столько денег и столько удовольствия. Только что они просто разговаривали с корейцем, и тут же он получает сто десять долларов, надо, правда, отдать два доллара. Сто восемь долларов достались так просто. «Ну и ну! — подумал он ликуя. — Это двадцать с лишним кокосовых орехов или куча яиц! Мак! Теперь-то мы сможем достать еды для тебя. Яйца! Яйца — это вещь!»

Вдруг он услышал голос своего отца, услышал так ясно, как будто тот стоял рядом. Даже увидел его, коренастого, с хорошей выправкой, в форме королевского военно-морского флота: «Послушай, сынок. Существует такая вещь, как честь. Если ты имеешь дело с человеком, говори ему правду, и тогда он будет вынужден говорить тебе правду, или у него нет чести. Защищай другого так, как он, по твоему мнению, стал бы защищать тебя. А если у человека нет чести, не имей с ним дела, потому что он опозорит тебя. Помни, есть люди благородные, но есть и нечестные. Есть честные деньги, но есть и грязные».

«Но это не грязные деньги, — услышал он свой ответ. — Кинг ведь объяснил, что это не так. Его приняли за болвана. Он оказался умнее их».

«Верно. Но бесчестно продавать собственность человека, называя ему цену значительно меньшую, чем та, за которую она фактически продана».

«Да, но...»

«Не существует никаких „но», сынок. Верно, честность бывает разная. Но человек может иметь только один кодекс чести. Поступай, как считаешь

нужным. Ты волен выбирать. Некоторые вещи человек должен решать для себя сам. Иногда тебе приходится приспосабливаться к обстоятельствам. Но из любви к Господу береги себя и свою совесть, никто больше сделать это не в состоянии, и знай, что безнравственное решение в определенный момент может убить быстрее пули».

Питер Марлоу понимал значимость этих денег и представил, что они могут купить на них, он. Мак и Ларкин. Он подвел итоги, и стрелка весов явно склонилась в одну сторону. Деньги по справедливости принадлежали Праути и его группе. Вероятно, часы были единственной их вещью. Возможно, из-за украденных денег Праути и его группа, из которой он никого не знал, умрут. Все из-за его жадности. На другой чаше весов был Мак. Ему срочно была нужна помощь. И Ларкину тоже. И мне самому. И мне самому тоже. Он вспомнил слова Кинга: «Не следует принимать подачки», а он принимал их. Много раз. Что же делать, милый Боженька, что же делать? Но Бог молчал.

— Спасибо. Спасибо за деньги, — сказал Питер Марлоу. Он спрятал их. И чувствовал, как они жгли его.

— Благодарить не за что. Вы их заработали. Они ваши. Вы работали ради них. Я вам ничего не дарил.

Кинг ликовал, и радость его притупила отвращение Питера Марлоу к себе.

— Ну вот, — предложил Кинг, — нам надо отпраздновать первую совместную операцию. С моими мозгами и вашим знанием малайского. Мы еще с вами поживем! — И Кинг пожарил несколько яиц.

Пока они ели, Кинг рассказал Питеру Марлоу, что он послал ребят купить дополнительные запасы еды, когда услышал, что Йошима обнаружил приемник.

— В этой жизни нужно уметь рисковать, Питер. Определенно нужно. Я предвидел, что япошки на некоторое время сделают жизнь трудной. Но только для тех, кто не готов оценить положение. Посмотрите-ка на Текса. У несчастного сукина сына нет денег даже на какое-то поганое яйцо. Взгляните на себя и Ларкина. Если бы не я. Мак бы по-прежнему мучился, бедняга. Я, конечно, рад помочь. Люблю помогать друзьям. Человек должен помогать друзьям, или все это не имеет смысла.

— Я думаю так же, — ответил Питер Марлоу. Что за ужасные вещи приходится говорить. Слова Кинга задели его; он не понимал, что американцы в некоторых вопросах также примитивны, как и англичане. Американец гордится своим умением делать деньги, это справедливо. Англичанин, подобный Питеру Марлоу, будет горд умереть за свой флаг. Это тоже верно.

Он поймал взгляд Кинга, брошенный в окно, и заметил, как он прищурил глаза. Проследив за его взглядом, он увидел какого-то человека, идущего по тропинке.

Человек вышел на свет, и Питер Марлоу узнал его. Полковник Семсен. Когда Семсен увидел Кинга, то дружески помахал рукой.

— Добрый вечер, капрал, — сказал он и пошел дальше мимо хижины.

Кинг отсчитал девяносто долларов и протянул их Питеру Марлоу.

— Сделайте мне одолжение, Питер. Добавьте к этой сумме десятку и отдайте их тому парню.

— Семсену? Полковнику Семсену?

— Конечно. Отыщите его наверху за углом тюрьмы.

— Дать ему деньги? Так вот просто? Но что я ему скажу?

— Скажите ему, что это от меня.

«Боже мой, — остолбенел Питер Марлоу, — неужели Семсен состоит на содержании? Не может быть!»

— Я не могу этого сделать. Ты мой друг, но я не могу подойти к полковнику и сказать: вот сто баксов от Кинга. Не могу!

Кинг насквозь видел своего друга. «Господи, Питер, — думал он, — ты такой ребенок». Потом добавил: «Да пошел ты к черту!» Но отказался от последних слов и обругал себя. Питер — единственный человек в лагере, которого он хотел видеть своим другом, единственный человек, который был ему нужен. Поэтому он решил преподать ему жизненные уроки. Уроки будут суровыми. Питер, дружище, они могут доставить тебе много огорчений, но если я хочу сломать тебя, я должен научить тебя жить. Ты выживешь и будешь моим партнером.

— Питер, есть ситуации, когда вам нужно доверять мне. Я никогда не подставлю вас. До тех пор пока вы мне друг, верьте мне. Если не хотите быть мне другом, тогда другое дело. Но я хочу, чтобы вы были моим другом.

Питер Марлоу чувствовал, сейчас настал еще один критический момент. Поверить — и взять деньги или оставить их и уйти.

Человек всегда стоит на распутье. И не в одиночку, если только он действительно человек. Всегда есть кто-то еще, кто тоже висит на волоске. Он понимал, что своим отказом подвергает риску жизнь Мака и Ларкина вместе со своей собственной. Без Кинга они так же беззащитны, как и любой другой человек в лагере; без Кинга не будет вылазки в деревню, ведь он никогда не рискнет пойти туда в одиночку, даже за приемником. Однако он отказывается от семейных традиций и делает бесполезной прожитую жизнь. Семсен —

крупный кадровый офицер, человек из привилегированного класса, с большими возможностями и средствами, а Питеру Марлоу суждено было родиться офицером, как и его отцу до этого и его сыну после него, а такое обвинение никогда не будет забыто. Если же Семсен куплен, то все, во что он верил, потеряет свою ценность.

Питер Марлоу видел себя со стороны, когда взял деньги, вышел в ночь, пошел по тропинке, нашел полковника Семсена и услышал его голос:

— Привет, вы ведь Марлоу, не так ли?

Он увидел себя, протягивающего деньги.

— Кинг просил отдать это вам.

Он видел, как загорелись слезящиеся глаза, когда Семсен жадно пересчитал деньги и засунул их в карман изношенных брюк.

— Передайте спасибо, — услышал он шепот Семсена, — и скажите, что я задержал Грея на час. Но ведь этого времени хватило, правда?

— Хватило. Вполне хватило. — Потом услышал свой голос:

— В следующий раз задержите его подольше или дайте знать, тупица!

— Я задержал его сколько мог. Скажите Кингу, что виноват. Действительно виноват, это не повторится. Обещаю. Послушайте, Марлоу. Вы же знаете, как это иногда получается. Трудновато.

— Я скажу ему, что вы просите прощения.

— Да, да, спасибо, спасибо, Марлоу. Я завидую вам, Марлоу. Находиться в таком близком знакомстве с Кингом. Вы счастливчик.

Питер Марлоу вернулся в хижину американцев. Кинг поблагодарил его, он поблагодарил Кинга и вышел в ночь.

Он нашел какой-то маленький бугорок недалеко от проволочной ограды, и ему захотелось оказаться в своем «Спитфайере», в одиночку взмывающем в небо все выше, и выше, и выше, туда, где все ясно и безупречно, где нет мерзких людишек — подобных мне, — где жизнь чиста и где можно разговаривать с Богом, либо самому быть одним из богов, не стыдясь этого.

Глава 13

Питер Марлоу лежал на койке, нежась в полусне. Вокруг него просыпались, поднимались с коек, выходили облегчаться, готовились к выходу на работы, сновали туда-сюда. Майк уже обихаживал свои усы, пятнадцать дюймов от

кончика до кончика: он поклялся, что не сбросит их, пока он не окажется на свободе. Барстерз стоял на голове, выполняя гимнастику йоги, Фил Минт ковырял в носу, уже началась игра в бридж, Рейлинс распевал, Майнер играл гаммы на своей деревянной клавиатуре, Чаплин Гровер пытался каждому поднять настроение, а Томас чертыхался из-за того, что завтрак запаздывал.

Эварт, который спал на верхних нарах, над Питером Марлоу, проснулся с оханьем и свесил ноги.

— Треклятая ночь!

— Ты брыкался как черт, — Питер Марлоу говорил это много раз, потому что Эварт всегда спал беспокойно.

— Извини.

Эварт всегда извинялся. Он тяжело спрыгнул с койки. Он не должен был находиться в Чанги. Ему полагалось быть за пять миль отсюда, в лагере для гражданских лиц, где находились, вероятно находились, его жена и дети. Связь между лагерями не поддерживалась.

— Давай прожарим кровать после душа, — сказал он, позевывая. Он был мал ростом, смугл и привередлив.

— Хорошая мысль.

— И представить трудно, что мы три дня назад делали это. Как ты спал?

— Как всегда. — Но Питер Марлоу знал, что ничего не будет как всегда после этой ночи, после того, как он взял деньги, особенно после Семсена.

Раздраженная очередь уже выстраивалась за завтраком, когда они вынесли железную койку из хижины. Они сняли верхнюю постель и вытащили железные стойки, которые вставлялись в прорези в нижней части. Потом под полом своей хижины набрали скорлупы кокосовых орехов и веток и развели огонь под четырьмя ножками койки. Пока нагревались ножки кровати, они водили горящими пальмовыми листьями по продольным прутьям кроватей и пружинам. Земля под кроватью стала черной от клопов.

— Бога ради, — заорал на них Фил. — Неужели надо делать это до завтрака?

Он был угрюмым человеком с куриной грудью и ярко-рыжими волосами.

Они не обратили на него внимания. Фил всегда орал на них, а они всегда обжигали свою кровать до завтрака.

— Боже, Эварт, — сказал Питер Марлоу. — Их столько, этих вонючек, что они могли поднять кровать и уйти вместе с ней.

— Черт, они чуть было не сбросили меня с койки сегодня ночью. Мерзкие твари. — В неожиданном приступе ярости Эварт начал давить несметные полчища клопов.

— Спокойнее, Эварт.

— Ничего не могу поделать. У меня прямо мурашки бегают.

Кончив возиться с кроватью, они оставили ее остывать и вычистили матрасы. На это ушло полчаса. Потом взялись за противомоскитные сетки. Еще полчаса.

К этому времени кровати остыли и их можно было переносить. Они собрали койки вместе и внесли их обратно, поставив ножки в четыре жестянки, тщательно вымытые и наполненные водой так, чтобы края жестянок не касались железных ножек.

— Какой сегодня день, Эварт? — рассеянно спросил Питер Марлоу, пока они ждали завтрака.

— Воскресенье.

Питер Марлоу содрогнулся, вспоминая то, другое воскресенье.

Это случилось после того, как его поймал японский патруль. В то воскресенье он находился в госпитале в Бандунге. В то воскресенье японцы приказали всем больным военнопленным собрать свои пожитки и выходить. Их должны перевести в другой госпиталь.

Они построились по сотням во дворе. Все, кроме старших офицеров, которых, по слухам, должны были отправить на Формозу. Генерал тоже оставался, он, который действительно был старшим офицером и который бродил по лагерю, явно лишившись разума. Генерал был аккуратным широкоплечим мужчиной, форма которого была мокрой от плевков победителей.

Питер Марлоу вспомнил, как он тащил свой матрас по улицам Бандунга под раскаленным небом, по улицам, заполненным шумной пестрой толпой, криков которой он не слышал. Потом он выбросил матрас. Тот был слишком тяжел. Он упал, но поднялся. Потом открылись тюремные ворота и снова захлопнулись. Во внутреннем дворе хватало места, чтобы лечь. Но он и еще несколько других оказались запертыми в тесные камеры. На стенах висели цепи, а в полу было маленькое отверстие, выполнявшее функции уборной; вокруг него — груды экскрементов. На полу — вонючая солома.

В соседней камере сидел маньяк, обезумевший яванец, который убил трех женщин и двух детей, прежде чем голландцы схватили его. Но сейчас тюремщиками были не голландцы. Они сами превратились в заключенных. Все дни и ночи напролет маньяк гремел цепями и истошно выл.

В двери камеры Питера Марлоу было крошечное отверстие. Он лежал на соломе, глядел на ноги проходящих, ждал, когда принесут еду, слушал, как ругались и умирали пленники. В тюрьме свирепствовала чума.

Он ждал целую вечность.

Потом наступил покой, появилась чистая вода, мир не надо было рассматривать через крошечное отверстие. Наверху было небо, прохладная вода обмывала его, смывая вонь. Он открыл глаза и увидел доброе лицо, оно казалось перевернутым, потом появилось другое лицо; оба были полны спокойствия, и он подумал, что умер.

Но это были Мак и Ларкин. Они нашли его незадолго до того, как из тюрьмы их перевели в другой лагерь. Они решили, что он яванец, как и маньяк в соседней камере, который по-прежнему выл и гремел цепями. Питер Марлоу тоже кричал что-то по-малайски и был похож на яванца...

— Давай, Питер, — повторил Эварт. — Жратву принесли!

— А, спасибо, — Питер Марлоу собрал свои котелки.

— С тобой все в порядке?

— Да. — И, помолчав, сказал:

— Хорошо быть живым, правда?

* * *

Когда утро было в самом разгаре, Чанги облетела новость: японский комендант собирается снова выдавать пленным обычную норму риса в честь великой победы японцев на море. Комендант сказал, что оперативные силы США полностью разгромлены, попытка наступления на Филиппины провалилась и что японские силы перегруппировываются для вторжения на Гавайи.

Противоречивые слухи. Разные мнения.

— Проклятая чушь! Они просто пытаются скрыть поражение.

— Я так не считаю. Они никогда бы не дали нам прибавку.

- Послушайте его! Прибавка! Да мы просто получаем назад то, что у нас отняли. Нет, старина. Поверь моему слову. Проклятые япошки получили хорошую трепку. Это я тебе говорю!
- Откуда, черт возьми, ты знаешь, что это не мы ее получили? У тебя есть приемник?
- Даже если бы он у меня и был, я бы ни за что не сказал тебе.
- Кстати, а что с Девеном?
- С кем?
- С тем человеком, у которого был приемник.
- А, да, помню. Но я не был с ним знаком. Что он за человек?
- Слышал, это нормальный малый. Жаль, что его поймали.
- Хотел бы я найти сволочь, которая его выдала. Бьюсь об заклад, он был из авиации. Или австралиец. Эти ублюдки свои души готовы продать за полпенни!
- Я австралиец, ты, английская сволочь.
- Успокойся! Это просто шутка!
- Станный у тебя юмор, педераст.
- Эй, вы двое, полегче. Слишком жарко. Кто-нибудь даст мне покурить?
- Вот, затянись.
- Ух, молодчина, но что за противный вкус.
- Листья папайи. Сам готовил. Ничего, надо, правда, привыкнуть.
- Посмотрите вот туда!
- Куда?
- Вон, поднимается по дороге. Марлоу!
- Это он? Будь я проклят! Я слышал, он снюхался с Кингом.
- Вот почему я и показал его тебе, идиот. Весь лагерь об этом знает. Ты спал, что ли?

— Не кляните его. Я сделал бы то же самое, если у меня была бы хоть какая-нибудь возможность. Говорят, у Кинга есть деньги, золотые кольца и еда в таком количестве, что можно накормить целую армию.

— А я слышал, он гомик. Марлоу его новая девка.

— Это точно.

— Черта с два. Кинг не гомик, просто проклятый мошенник.

— Я тоже думаю, он не гомик. Он, конечно, ловкач, так бы я его назвал. Ничтожный ублюдок.

— Гомик он или нет, хотел бы я оказаться на месте Марлоу. Вы слышали, он получил целую пачку долларов? Говорят, он и Ларкин купили яиц и целую курицу.

— Ты спятил. Ни у кого нет таких денег, не считая Кинга. У них свои собственные куры. Может быть, одна сдохла, и все! Это еще одна из твоих дурацких выдумок.

— Как ты думаешь, что у Марлоу в котелке?

— Еда. Что же еще? Не надо быть очень умным, чтобы догадаться.

Питер Марлоу шел в госпиталь.

В котелке он нес грудку цыпленка и ножку. Питер Марлоу и Ларкин купили их у полковника Фостера за шестьдесят долларов, немного табака и за обещание принести оплодотворенное яйцо — от Раджи, сына Сансета и Ноньи. Получив одобрение Мака, они решили дать Нонье еще один шанс и не резать ее, как она того заслуживала. Ведь ни из одного яйца, снесенного ею, цыпленок не вылупился. «Возможно, Нонья здесь ни при чем, — сказал Мак, — возможно, петух, который принадлежал полковнику Фостеру, ни к черту не годился, и все это хлопанье крыльями, клеванье, топтанье кур просто представление».

Питер Марлоу сидел с Маком, который поглощал цыпленка.

— Боже, парень, уже не помню, когда я так хорошо себя чувствовал и был таким сытым.

— Отлично. Вы прекрасно выглядите. Мак.

Питер Марлоу рассказал Маку, откуда взялись деньги на цыпленка. Мак одобрил:

— Вы правильно сделали, что взяли деньги. Похоже, этот Праути украл часы или собрал подделку. Было ошибкой с его стороны пытаться продать негодный товар. Помните, приятель, Caveat emptor [{16}](#).

— Тогда почему, — спросил Питер Марлоу, — почему я чувствую себя чертовски виноватым? Вы и Ларкин говорите, что все правильно. Хотя мне кажется, Ларкин не так уверен в этом, как вы...

— Это бизнес, приятель. Ларкин — бухгалтер. Он не настоящий бизнесмен. Ну, я-то знаю, как надо действовать.

— Вы просто несчастный владелец каучуковой плантации. Откуда, черт побери, вам знать что-то о бизнесе? Вы годами торчали на своей плантации.

— Пора бы вам знать, — с досадой возразил Мак, — что на плантации работа в основном в том, чтобы быть бизнесменом. Представьте, каждый день вам приходится иметь дело с тамилами или китайцами — сейчас появилась особая порода бизнесмена. Да ведь они все фокусы выучили.

Вот так они беседовали, и Питер Марлоу радовался, что Мак снова отзывается на его подначки. Почти незаметно для себя они перешли на малайский.

И тогда Питер Марлоу небрежно сказал:

— Тебе известен предмет, который состоит из трех частей? — Ради безопасности он говорил о приемнике иносказательно.

Мак быстро оглянулся по сторонам. Он хотел убедиться в том, что их не подслушивают.

— Верно. Что с ним?

— Знаешь ли ты точно, что за болезнь у этой вещи?

— Не только знаю, почти наверняка уверен. Почему ты спрашиваешь об этом?

— Ветер принес слухок, что есть лекарство, которое может лечить разные болезни.

Лицо Мака просияло.

— Вах-лах, — сказал он. — Ты сделал старика счастливым. Через два дня я выйду отсюда. Потом ты отведешь меня к тому, кто принес этот слухок.

— Нет. Это невозможно. Я должен сделать это тайно. И быстро.

— Я не могу позволить тебе подвергаться опасности, — задумчиво сказал Мак.

— Ветер принес надежды. Как сказано в Коране — человек без надежды просто животное.

— Может быть, лучше подождать, чем подставлять свою голову под топор?

— Я подожду, но мне надо знать сегодня.

— Почему? — Мак внезапно перешел на английский. — Почему сегодня, Питер?

Питер Марлоу выругал себя за то, что попался в ловушку, которой он так старался избежать. Он знал, что, если он расскажет Маку о походе в деревню. Мак потеряет голову от беспокойства. Он не боялся, Мак не мог остановить его. Но, если Мак и Ларкин попросят его не ходить, он не пойдет. Что, черт возьми, я вытворяю!

Потом вспомнил совет Кинга.

— Сегодня или завтра, это не важно. Просто поинтересовался, — сказал он, прибегая к последнему спасительному средству. Он встал. Попробуем проверенную хитрость. — Ну, до завтра, Мак. Может быть, я и Ларкин заглянем сегодня вечером.

— Присядьте, приятель. Если у вас есть время.

— Я ничем не занят.

Мак раздраженно заговорил по-малайски:

— Ты сказал правду? Насчет того, что «сегодня» ничего не значит. Дух моего отца подсказывает, что молодые идут на риск, от которого отказался сам дьявол.

— Сказано же, молодость не обязательно означает недостаток мудрости.

Мак с подозрением рассматривал Питера Марлоу. Что он задумал? Что-нибудь, связанное с Кингом? «Питер уже замешан по уши в это опасное дело с приемником», — устало подумал он. Все время, с самой Явы, он носит свою третью часть приемника.

— Я чувствую, это опасно для тебя, — сказал он наконец.

— Медведь, не опасаясь, крадет мед у пчел. Паук пробирается под камнями, зная, где и как прятаться. — Питер Марлоу сохранял вежливое выражение лица. — Не бойся за меня, мудрейший. Я буду пробираться только под камнями.

Мак кивнул удовлетворенный.

— Знаешь, где моя фляга?

— Конечно.

— Мне кажется, она заболела, когда дожди просочились через дыру в небе, соприкоснулись с этой вещью и сгноили ее, как упавшее дерево в джунглях. Эта вещь мала, она — как крошечная змейка, тонкая, как земляной червь, короткая, как таракан.

Он застонал и вытянулся.

— Спина замучила меня, — продолжил он по-английски. — Поправьте мне подушку, приятель.

Когда Питер Марлоу наклонился. Мак приподнялся и прошептал ему на ухо:

— Конденсатор для связанных контуров, триста микрофард.

— Так лучше? — спросил Питер Марлоу, когда Мак снова откинулся назад.

— Отлично, парень, гораздо лучше. Теперь проваливайте отсюда. От всех этих глупых разговоров я совсем выдохся.

— Я уверен, эти глупые разговоры развлекают вас, старый вы хрыч.

— Полегче со стариками, ruki 'mahlu.

— Senderis, — попрощался Питер Марлоу и вышел на солнце. «Конденсатор для связанных контуров, триста микрофард. Что, черт возьми, значит микрофарада?»

Ветер дул от гаража, и до него донесся сладкий запах бензина, масла и смазки. Он присел на корточки у тропинки, на клочке травы, и наслаждался этим запахом. «Бог мой, — думал он, — запах бензина будит воспоминания. О самолетах, и о Госпорте, и о Фарнборо и еще о восьми других аэродромах, и о «спитфайерах», и о «харрикейнах».

Но сейчас я не буду думать о них, я буду думать о приемнике».

Он сменил положение, сев в позу лотоса: правая нога на левом бедре, левая нога на правом бедре, руки на коленях, пальцы рук сведены вместе и повернуты внутрь. Он сидел так часто. Эта поза помогала думать. Когда проходила первоначальная боль, тело обретало покой, и мысли текли свободно.

Он сидел тихо, едва замечаемый проходящими мимо людьми. Не было ничего необычного в том, что человек сидел в такой позе под полуденным солнцем, загоревший дочерна и одетый в саронг. Ничего странного в этом нет.

Я знаю, что должен достать. Любым способом. В деревне непременно должно быть радио. Деревенские жители как сороки — они собирают все подряд; и он рассмеялся, вспомнив свою деревню на Яве.

Он нашел ее, бродя по джунглям, измученный, скорее мертвый, чем живой, вдалеке от дорог, которые пересекали Яву. К 11 марта он прошел много миль. Войска на острове капитулировали 8 марта. Это было в 1942 году. Три дня он бродил по джунглям, искушенный насекомыми и истерзанный колючками и пиявками, сосущими его кровь, измокший под дождями. Он не встретил ни единого человека с тех пор, как ушел с аэродрома в северной части острова, где около Бандунга базировались истребители. Он ушел от своей эскадрильи, вернее от того, что от нее осталось, и от своего «Харрикейна». Но перед тем как скрыться, он устроил своему самолету, искореженному, изуродованному взрывом бомбы, погребальный костер. Человек по крайней мере имеет право кремировать своего друга.

К деревне он вышел на закате. Яванцы, окружившие его, были настроены враждебно. Они не тронули его, но лица их были явно недружелюбны. Они молча смотрели на него, и никто не пошевелился, чтобы помочь ему.

— Не дадите ли мне какой-нибудь еды и воды? — спросил он.

Молчание.

Потом он увидел колодец, подошел к нему, сопровождаемый сердитыми взглядами, и напился. После этого сели стал ждать.

Деревня была маленькой, хорошо укрытой джунглями. Она казалась довольно богатой. Дома, окружавшие небольшую площадь, стояли на сваях и были сделаны из бамбука и травы. Под домами держали свиней и кур. Около большого дома был загон для скота, а в нем пять буйволов. Все это говорило о том, что деревня зажиточная.

Наконец его привели в дом вождя. Молчаливые туземцы проводили его по ступенькам, но в дом не вошли. Они сидели на веранде, слушали и ждали.

Вождем был хмурый, тощий старик с орехово-коричневой кожей. В доме, как во всех домах, была одна большая комната, перегороденная плетеными циновками на несколько маленьких закутков.

В центре комнаты, отведенной для еды, разговоров и размышлений, стоял фаянсовый унитаз с сиденьем и крышкой. Он стоял на почетном месте на плетеной циновке. Перед унитазом на еще одной циновке сидел на корточках вождь. Взгляд его был пронизывающим.

— Что тебе надо? Туан! — И слово «туан» прозвучало как обвинение.

— Я хотел бы попросить еды и воды, сэр, и если можно, ненадолго задержаться, чтобы отдохнуть.

— Ты называешь меня «сэр», когда три дня назад ты и другие белые называли нас «вогами» и плевали в нас?

— Я никогда не называл вас «вогами». Меня послали сюда, чтобы попытаться спасти вашу страну от японцев.

— Они освободили нас от отвратительных голландцев! Так же, как они освободят весь Дальний Восток от белых империалистов!

— Возможно. Но я думаю, вы пожалеете о том дне, когда они пришли!

— Убирайся из моей деревни. Убирайся вместе с остальными империалистами. Убирайтесь, пока я сам не позвал японцев.

— Сказано: «Если придет к тебе странник и попросит приюта, дай ему это и получишь ты благословение Аллаха».

Вождь смотрел на него изумленно. Орехово-коричневая кожа, короткий жилет — баджу, пестрый саронг и головная повязка — все, освещенное приближающимися сумерками.

— Откуда ты знаешь Коран и слова Пророка?

— Да славится имя его, — сказал Питер Марлоу. — Коран переводился на английский в течение многих лет многими людьми.

Он боролся за свою жизнь. Он знал, что, если сумеет остаться в деревне, он может найти лодку, на которой уплывет в Австралию. Он не умел управлять парусной лодкой, но стоило рискнуть. Плен был равносителен смерти.

— Ты правоверный? — спросил пораженный вождь.

Питер Марлоу колебался. Он легко мог притвориться мусульманином. Изучение Корана входило в его подготовку. Офицеры армии Его Величества служили во многих странах. Офицеры, следующие семейной профессии, обучались многим вещам, помимо официального образования.

Скажи он «да», и можно быть уверенным, что он спасется. Ведь яванцы в большинстве своем исповедуют ислам.

— Нет. Я не правоверный. — Он устал и находился на пределе своих сил. — По крайней мере, я так не считаю. Меня учили верить в Бога. Мой отец обычно говорил нам, моим сестрам и мне, что Бог имеет много имен. Даже христиане говорят, что существует Святая Троица.

— Я думаю, неважно, каким именем ты называешь Бога. Бог не станет возражать, если его признают в лице Христа, или Аллаха, или Будды, или Иеговы, или даже в твоём лице, потому что, если он Бог, ему известно, что мы временны на земле и знаем слишком мало.

— Я верю, что Магомет был пророком Бога. Я думаю, что Иисус был посланцем Бога и, как называет его Магомет в Коране, «самый безупречный из всех пророков». Не знаю, является ли Магомет последним пророком, как он говорит. Не думаю, что нам, людям, можно утверждать что-то определенное во всем, что связано с именем Бога. Но я не верю, что Бог — это старик с длинной, белой бородой, который сидит на золотом троне высоко на небесах. Я не верю в обещание Магомета, что все правоверные попадут в рай, где они будут лежать на шелковых диванах, пить вина, а прислуживать им будут прекрасные девушки, или что этот рай будет садом со множеством зелени, чистыми ручьями и фруктовыми деревьями. Я не верю в то, что ангелы имеют крылья за плечами.

Ночная мгла окутала деревню. Заплакал младенец и, убаюканный, заснул снова.

— Я узнаю наверняка, каким именем называть Бога в тот день, когда умру. — Молчание затягивалось. — Думаю, будет грустно узнать, что Бога не существует.

Вождь сделал знак, чтобы Питер Марлоу сел.

— Ты можешь остаться. Но с одним условием. Поклянись, что будешь подчиняться нашим законам и быть одним из нас. Ты будешь работать на рисовых полях, работать в деревне, выполнять мужскую работу. Не больше и не меньше, чем любой другой мужчина. Ты выучишь наш язык и будешь говорить только на нашем языке, носить наше платье и по красишь свою кожу. Твой рост и цвет твоих глаз выдадут в тебе белого человека, но, возможно, краска, платье и язык могут защитить тебя на некоторое время. Можно сказать, что ты наполовину яванец, наполовину белый. Ты не будешь дотрагиваться ни до одной женщины без разрешения. И ты будешь повиноваться мне, не задавая вопросов.

— Договорились.

— Еще одно условие. Укрывать врага японцев опасно. Ты должен знать, что, если мне придется выбирать между тобой и моими людьми, чтобы защитить деревню, я выберу деревню.

— Понимаю. Спасибо вам, сэр.

— Поклянись своим Богом, — улыбка мелькнула на лице старика, — поклянись своим Богом, что ты будешь повиноваться и будешь выполнять эти условия.

— Клянусь Богом, что согласен и буду повиноваться. И не причиню вам вреда, пока буду находиться здесь.

— Ты наносишь вред одним своим присутствием здесь, сын мой, — ответил старик.

После того как Питер Марлоу поел и утолил жажду, вождь сказал:

— Теперь ты больше не будешь говорить по-английски. Только по-малайски. С этой минуты. Это единственный способ быстро выучить язык.

— Хорошо. Но сначала можно мне задать вопрос?

— Да.

— Для чего стоит здесь этот унитаз? Ведь к нему не подведено никаких труб.

— Мне доставляет удовольствие следить за лицами моих гостей и читать их мысли: «Какая глупость использовать этот предмет в качестве украшения в доме».

И старик закатился смехом, слезы побежали по его щекам, и все в доме засуетились, его жены прибежали помочь ему и стали растирать ему спину и живот, а потом тоже захохотали, а с ними и Питер Марлоу.

* * *

Питер Марлоу снова улыбнулся, вспоминая. Вот это был человек! Туан Абу. Но сегодня я не буду больше вспоминать ни деревню, ни своих друзей из деревни или Нья, дочь деревни, к которой они позволили мне прикоснуться. Сегодня я буду думать о приемнике и о том, как мне добыть конденсатор и настроиться на сегодняшнюю вылазку в деревню.

Он расстался с позой лотоса и терпеливо ждал, пока восстановится кровообращение. Ветерок доносил до него сладкий запах бензина. Вместе с запахом бензина ветерок принес звуки голосов, тянувших псалмы. Они доносились из театра на открытом воздухе, который на сегодня превратился в англиканскую церковь. На прошлой неделе он использовался католиками, неделей раньше был молитвенным местом адвентистов Седьмого дня, а еще неделей раньше — храмом для людей какого-то другого вероисповедания. В Чанги терпимо относились к верованиям.

На грубых скамьях собралось много прихожан. Сюда приходили и люди верующие, и не верующие в Спасителя. Одни приходили, чтобы чем-нибудь заняться, другие, — потому что больше нечем было заняться. Службу сегодня вел капеллан Д ринку отер.

У капеллана Дринкуотера был густой и звучный голос. Искренность исходила из него, строки Библии оживали и давали надежду, заставляли забыть о Чанги и о пустом желудке.

«Проклятый фарисей», — думал Питер Марлоу, презирая Дринкуотера и снова вспоминая то, что произошло...

— Эй, Питер, — прошептал ему однажды Дейв Девен, — посмотри-ка вон туда.

Питер Марлоу увидел Дринкуотера, который разговаривал с высохшим капралом из авиации по имени Блоджер. Койка Дринкуотера стояла в самом удобном месте около входа в хижину номер шестнадцать.

— Это, должно быть, его новый денщик, — сказал Девен.

Даже в лагере сохранялась эта старая традиция.

— Что случилось с предыдущим?

— С Лидсом? Мой знакомый сказал, что он попал в госпиталь. В палату номер шесть.

Питер Марлоу встал.

— Дринкуотер может делать все, что ему угодно с армейскими типами, но моего человека он не получит.

Он миновал четыре ряда коек.

— Блоджер!

— Что вам нужно, Марлоу? — спросил Дринкуотер.

Питер Марлоу сделал вид, что не слышит его.

— Что вы здесь делаете, Блоджер?

— Я пришел повидаться с капелланом, сэр. Извините, сэр, — сказал он, подходя ближе. — Я не очень хорошо вижу.

— Капитан авиации Марлоу.

— О, как поживаете, сэр? Я новый ординарец капеллана, сэр.

— Вы сейчас же уйдете отсюда, и прежде, чем браться за работу в качестве ординарца, вы должны сначала прийти и спросить моего разрешения.

— Но, сэр...

— Что вы на себя берете, Марлоу? — оборвал его Дринкуотер. — Ваша ответственность на него не распространяется.

— Он не будет вашим денщиком.

— Почему?

— Потому что я так сказал. Вы свободны, Блоджер.

— Но, сэр, я буду хорошо обслуживать капеллана, правда. Я буду стараться...

— Где вы взяли эту сигарету?

— Эй, послушайте, Марлоу... — начал Дринкуотер.

Питер Марлоу взорвался.

— Заткнитесь!

Люди в хижине бросили свои дела и начали подходить к ним.

— Где вы взяли эту сигарету, Блоджер?

— Мне ее дал капеллан, — прохныкал Блоджер, отступая назад, испугавшись резкого голоса Питера Марлоу. — Я отдал ему свое яйцо. Он обещал дать мне табак в обмен на ежедневно причитающиеся мне яйца. Мне нужен табак, и он может брать яйца.

— В этом нет ничего дурного, — взревел Дринкуотер, — нет ничего дурного в том, чтобы дать парню табачку. Он попросил его у меня. В обмен на яйцо.

— Вы ведь заходили недавно в палату шесть? — спросил Питер Марлоу. — Это с вашей помощью Лидс попал туда? Последний денщик! Он ослеп.

— Это не моя вина. Я ничего плохого ему не сделал.

— Сколько его яиц вы съели?

— Ни одного. Ни одного.

Питер Марлоу схватил Библию и сунул ее в руки Дринкуотера.

— Поклянитесь на ней, тогда я вам поверю. Поклянитесь на ней, или, клянусь Богом, я разделаю вас.

— Клянусь! — простонал Дринкуотер.

— Ты лживый ублюдок, — закричал Девен. — Я видел, как ты брал яйца у Лилса. Мы все видели.

Питер Марлоу схватил котелок капеллана и, обнаружив там яйцо, разбил его на лице Дринкуотера, затолкав яичную скорлупу ему в рот. Дринкуотер потерял сознание.

Питер Марлоу плеснул на него водой из миски, и он пришел в себя.

— Благослови вас Бог, Марлоу, — прошептал он. — Благослови вас за то, что вы наставили меня на путь праведный. — Он опустился на колени рядом с койкой. — О, Боже, прости твоего недостойного грешника. Прости мне мои грехи...

* * *

Сейчас, в это Солнечное воскресенье, Питер Марлоу слушал, как Дринкуотер закончил проповедь. Блджера давно уже забрали в палату номер шесть, но приложил ли к этому руку Дринкуотер, Питер Марлоу доказать не мог. Откуда-то Дринкуотер по-прежнему получал много яиц.

Желудок Питера Марлоу подсказал, что подошло время обеда.

Когда он дошел до своей хижины, раздраженные пленные уже стояли с котелками в руках. Сегодня дополнительного пайка не ожидалось. Завтра, по слухам, его тоже не будет. Эварт уже узнал на кухне. Все как обычно. Это тоже неплохо. Но почему, черт возьми, им бы не поторопиться?!

Грей сидел на краю койки.

— Ну, Марлоу, — сказал он, — сегодня вы едите вместе с нами? Какая приятная неожиданность!

— Да, Грей, я по-прежнему ем здесь. Почему бы вам не пойти и не поиграть в полицейских и воров? Знаете, как это делается, прицепитесь к кому-нибудь, кто не сможет дать сдачи.

— Не надейтесь, старина. У меня более серьезные игры.

— Удачи вам. — Питер Марлоу приготовил котелки. Через проход от него Браф, дающий советы игрокам в бридж, подмигнул.

— Копы! — прошептал он. — Все они одинаковые.

— Это верно.

Он подошел к Питеру Марлоу.

— Слышал, у вас новый приятель.

— Верно, — Питер Марлоу насторожился.

— Мы в свободной стране. Иногда приходится рисковать, но не нужно забывать, что риск-то существует.

— ?

— Да. Иногда новые друзья выходят из-под контроля.

— Это может произойти в любой стране.

— Может быть, — ухмыльнулся Браф, — нужно старым солдатам собраться и потрепаться. Вы не против?

— С удовольствием. Давайте завтра? После завтрака? — непроизвольно он повторил интонацию Кинга. Но он не стал поправляться. Он улыбнулся, и Браф улыбнулся ему в ответ.

— Эй, жратву принесли! — крикнул Эварт.

— Славу Богу, — простонал Фил. — Может, сговоримся, Питер? Твой рис на мою похлебку?

— Попробуйся!

— Стоит попытаться!

Питер Марлоу вышел на улицу и встал в очередь за едой. Рис раздавал Рейлинс. «Хорошо, — подумал он, — сегодня не о чем беспокоиться».

Рейлинс был лысым человеком средних лет. Он работал помощником управляющего в банке Сингапура и, как и Эварт, был приписан к малайскому полку. В мирное время это формирование стоило того, чтобы быть к нему приписанным. Бесконечные вечеринки, крикет, поло. Чтобы иметь вес в обществе, мужчина должен был быть приписан к полку. Рейлинс также приглядывал за полковыми столовыми деньгами, кроме того, организовывал банкеты. Когда ему вручили винтовку и сказали, что отправляют на войну, приказав, чтобы его взвод занял позицию за дамбой и стрелял в японцев, он посмотрел на полковника и рассмеялся. Его работа — бухгалтерские книги. Но это не помогло. Пришлось взять двадцать человек, таких же необученных, как и он, и отправиться к месту назначения. Во время марша от его двадцати людей неожиданно осталось только трое. Тринадцать были убиты на месте из засады. Четверо ранены. Они лежали посреди дороги, истошно крича. У одного оторвало руку, и он тупо таращился на культю, собирая кровь одной рукой,

пытаясь влить ее обратно. Другой все время смеялся, смеялся, пока заталкивал свои кишки в разорванный живот.

Рейлинс тупо смотрел, как на дорогу выехал стреляющий японский танк. Потом танк уехал, и те четверо превратились просто в пятна на асфальте. Он оглядел троих, оставшихся в живых, одним из них был Эварт. Они тоже смотрели на него. Потом они в ужасе бежали, бежали, бежали в джунгли. Они заблудились. Потом он остался один, один посреди кошмарной ночи, полной пиявок и таинственных звуков. Его спас от безумия малайский ребенок, который нашел его бормочущего что-то, и привел в деревню. Он прокрался в дом, где собирались остатки армии; На следующий день японцы расстреляли двоих из каждой десятки. Его и еще нескольких человек держали в этом доме. Потом посадили на грузовик и отправили в лагерь, где он оказался среди своих. Но он никогда не забывал своего друга Чарльза, того самого, чьи внутренности вывалило наружу.

Мозг Рейлинса большую часть времени находился в тумане. Хотя убей, он не мог взять в толк, почему не сидит в банке, подсчитывая цифры, понятные, аккуратные цифры, и почему находится в лагере. Но и в лагере он преуспел. Рейлинс мог совершенно точно разделить неизвестное количество риса на нужное количество порций.

— А... Питер, — сказал Рейлинс, накладывая ему его порцию риса. — Вы ведь знали Чарльза, не так ли?

— Да, отличный парень, — Питер Марлоу не знал Чарльза. Никто из них не знал его.

— Как вы думаете, он смог их затолкать обратно? — спросил Рейлинс.

— О да, конечно, — Питер Марлоу забрал еду, и Рейлинс повернулся к следующему человеку в очереди.

— А, капеллан Гровер, тепло-сегодня, правда? Вы ведь знали Чарльза, не так ли?

— Да, — сказал капеллан, взгляд которого был прикован к его порции риса. — Я уверен, он бы справился, Рейлинс.

— Хорошо, хорошо. Приятно слышать это. Неважно себя чувствуешь, когда находишь свои внутренности снаружи, вот так, как у Чарльза.

Мысли Рейлинса перенесли его в прохладный, прохладный банк и к его жене, которую он увидит сегодня вечером, когда вернется из банка в их маленькое аккуратное бунгало около ипподрома. «Дайте-ка припомнить, ведь у нас сегодня на обед барашек, — подумал он. — Баранина! И замечательное

холодное пиво. Потом я поиграю с Пенелопой, а жена посидит с шитьем на веранде».

— А, — сказал он, с радостью узнавая Эварта. — Не хочешь ли заглянуть сегодня вечером на обед, Эварт, старина? Может, придешь с женой?

Эварт буркнул что-то сквозь стиснутые зубы. Взял рис, похлебку и отошел.

— Успокойся, Эварт, — предупредил его Питер Марлоу.

— Сам успокойся! Откуда тебе знать, что я чувствую при этом? Клянусь Богом, как-нибудь я его убью.

— Не волнуйся...

— Не волнуйся! Они убиты. Его жена и ребенок. Я видел их убитыми. А как моя жена и двое детей? Где они, а? Где? Где-нибудь тоже лежат убитые. Должно быть, умерли, ведь прошло столько времени. Умерли.

— Они в лагере для гражданских лиц...

— Откуда тебе это знать. Господи? Ты не знаешь, я не знаю, а этот лагерь всего лишь в пяти милях отсюда. Они мертвы! О, Бот мой, — Эварт сел и заплакал, выплескивая рис и похлебку на землю. Питер Марлоу собрал рис и листья из похлебки и сложил их в котелок Эварта.

— На следующей неделе тебе разрешат написать письмо. Или, быть может, разрешат посещение. Комендант лагеря всегда запрашивает список детей и женщин. Не волнуйся, они в безопасности.

Питер Марлоу оставил его причитать над едой, забрал свой рис и пошел к бунгалу.

— Привет, приятель, — сказал Ларкин. — Вы были у Мака?

— Да. Он выглядит прекрасно. Даже начал пререкаться по поводу своего возраста.

— Будет неплохо увидеть старину Мака. — Ларкин пошарил под своим тюфяком и вытащил запасной котелок. — У меня сюрприз! — Он открыл котелок и показал двухдюймовый квадратик какого-то коричневого вещества, напоминающего замазку.

— Клянусь всеми святыми! Это же блачанг! Где, черт возьми, вы взяли это?

— Стибрил, конечно.

— Вы гений, полковник. Смешно, но я не чувствую его запаха. — Питер Марлоу наклонился и отщипнул крошечный кусочек блачанга. — Этого нам хватит на пару недель.

Блачанг был местным деликатесом, который готовился очень просто. В нужное время года надо отправиться на берег моря и сетью вылавливать крошечных морских моллюсков, кишущих в прибое. Затем надо сложить их в яму, обложенную морскими водорослями, потом закрыть яму морскими водорослями и забыть о ней на два месяца.

Открывая яму, вы обнаруживаете, что улов превратился в разлагающуюся массу, вонь от которой сбивает вас с ног и может уничтожить обоняние на неделю. Задержав дыхание, вы достаете массу и жарите ее. При этом необходимо находиться с наветренной стороны, иначе можно задохнуться. Когда варево остынет, надо резать его на части. Стоит деликатес очень дорого. До войны — по десять центов за брикет. Сейчас, наверно, десять долларов за крохотный ломтик. Почему это деликатес? А потому, что это чистый протеин. Крошечный кусочек придает вкус целой миске с рисом. Конечно, от этого блюда легко можно подцепить дизентерию. Но, если оно правильно выдержано, приготовлено и не засижено мухами, тогда все в порядке.

Но Питер Марлоу никогда не задавал вопросов.

Он просто сказал: «Полковник, вы гений» — и добавил ложечку в свой рис, наслаждаясь едой.

— Отнесем кусочек Маку?

— Отличная мысль. Но он наверняка начнет жаловаться, что приготовлено не так, как надо.

— Старина Мак станет жаловаться даже, если блачанг само совершенство... — Ларкин остановился. — Эй, Джонни, — окликнул он высокого мужчину, проходящего мимо с тощей дворяжкой на веревке. — Хотите немного блачанга, приятель?

— Еще спрашивает!

Они положили ему кусочек на банановый лист, поговорили о погоде и спросили о собаке. Джон Хокинс любил свою собаку больше всего на свете. Он делился с ней едой — собака ела поразительные вещи — и спал с ней на одной койке. Ровер был надежным другом. Заставлял человека чувствовать себя цивилизованным.

— Хотите партию в бридж сегодня вечером? Я приведу четвертого партнера, — сказал Хокинс.

— Не могу сегодня, — сказал Питер Марлоу, отгоняя мух.

— Я могу позвать Гордона из соседней хижины, — предложил Ларкин.

— Отлично. После обеда?

— Хорошо, увидимся.

— Спасибо за блачанг, — поблагодарил Хокинс и ушел с радостно тывкающим Ровером.

— Где, черт побери, он достает еду, чтобы хватало ему и его динго, будь я проклят, — сказал Ларкин, — и не дает ему попасть в котелок какого-нибудь идиота.

Питер Марлоу тщательно перемешивал рис с блачангом. Он очень хотел поделиться с Ларкином секретом своего сегодняшнего ночного путешествия. Но понимал, это слишком опасно.

Глава 14

Выбраться из лагеря оказалось до смешного просто. Стремительный бросок к неосвященной части колючей проволоки, потом без труда через нее — и бегом в джунгли. Когда они остановились перевести дух, Питеру Марлоу очень захотелось снова оказаться в лагере и поговорить с Маком, Ларкином или даже с Греем.

«Все это время, — твердил он себе, — я мечтал вырваться оттуда, а теперь, когда я здесь, напуган до смерти».

Было странно — находиться вне лагеря и смотреть на него со стороны. С того места, где они стояли, была видна часть лагеря. Хижина американцев находилась в сотне ярдов. Туда-сюда сновали люди. Хокинс прогуливался со своей собакой. Корейский охранник брел через лагерь. В некоторых хижинах свет был выключен, вечерняя проверка давно закончилась. Тем не менее лагерь мучила бессонница. Так было всегда.

— Ну пошли, Питер, — прошептал Кинг и первым двинулся в джунгли.

План был хорош. Пока что. Когда Питер Марлоу пришел к американцам, Кинг уже был готов.

— Чтобы хорошо сделать дело; надо хорошо подготовиться, — сказал он, показывая ему пару смазанных японских ботинок — резиновые подошвы и мягкая нескрипучая кожа, и «выходную пару» — черные китайские брюки и короткую блузу.

В их тайну был посвящен только Дино. Он связал два узла и тайком припрятал их в том месте, откуда они должны были бежать. Потом он вернулся, и, когда путь был свободен, Питер Марлоу и Кинг небрежно вышли, сказав, что идут играть в бридж с Ларкином и другим австралийцем. Пришлось прождать тревожных полчаса, прежде чем они смогли спуститься в кювет рядом с колючей проволокой, переодеться и обмазать грязью лица и руки. Прошла еще четверть часа, прежде чем они смогли незаметно добежать до ограды. Как только они выбрались за проволоку, Дино собрал их одежду.

Джунгли ночью. Зловещие. Но Питер Марлоу чувствовал себя как дома. Все было как на Яве, похоже на окрестности его деревни, поэтому он немного успокоился.

Кинг держал направление безошибочно. Он проделал этот путь уже пять раз. Шел он настороженно. Им предстояло пройти мимо одного охранника. У этого охранника не было постоянного маршрута обхода, во время дежурства он просто бродил в этом месте. Но Кинг знал, что в большинстве случаев охранник находил где-нибудь поляну и заваливался спать.

Казалось, каждая сгнившая палка или лист поднимут тревогу, а каждая качающаяся ветка задержит их. Они вышли на тропинку. Охранник остался позади. Дорога шла к морю. А потом в деревню.

Они пересекли тропинку и начали двигаться по кругу. Над тяжелым пологом листвы в безоблачном небе застыл полумесяц. Вполне достаточно, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Свобода. Нет вокруг проволоки и нет людей. Наконец-то можно побыть одному. И неожиданный кошмар навалился на Питера Марлоу.

— В чем дело, Питер? — прошептал Кинг, почувствовав его тревогу.

— Ничего... Это просто — ну, быть на свободе — это такое потрясение.

— Вы привыкнете к этому. — Кинг посмотрел на часы. — Идти еще примерно милю. Мы опережаем наш график, поэтому лучше подождать.

Он нашел разросшуюся перекрученную виноградную лозу среди поваленных деревьев и прислонился к ней.

— Передохнем здесь.

Они ждали и слушали джунгли. Сверчки, лягушки, неожиданное щебетание. Внезапная тишина. Шуршание какого-то животного.

— Хорошо бы покурить.

— Я — за.

— Однако не здесь. — Кинг не терял бдительности и все время прислушивался к джунглям. Однако мозг работал, он обдумывал подробности предстоящей сделки. «Да, — сказал он себе, — план хорош».

Затем посмотрел на часы. Минутная стрелка двигалась медленно. Но это давало время еще раз все продумать. Чем больше времени тратишь на обдумывание плана сделки, тем лучше все проходит. Никаких ошибок, и прибыль больше. Слава Богу, что на свете есть прибыль. Парень, который придумал бизнес, был настоящим гением. Покупать дешево, а продавать дорого. Напряги мозги. Используй случай, и деньги хлынут рекой. А с деньгами все возможно. Но слаще всего остального — власть.

«Когда я выберусь отсюда, — думал Кинг, — хочу стать миллионером. Заработаю столько денег, что Форт-Нокс будет казаться детской копилкой. Я создам организацию. В организацию буду входить парни преданные, но ограниченные. Мозги всегда можно купить. А когда ты знаешь цену парню, всегда можешь использовать его или пренебречь им, как ты хочешь. Вот что заставляет Землю вертеться. Существуют избранные и толпа. Я принадлежу к избранным. И им останусь.

Больше никто не будет мерзко обращаться со мной или гонять из города в город. Это в прошлом. Тогда я был ребенком. Привязан к отцу, привязан к человеку, который работал официантом, продавал бензин, доставлял телефонные книги, перевозил старье или выпрашивал подаяние, чтобы купить бутылку. Потом уборка мусора. Никогда это не повторится. Теперь другие будут убирать за мной мусор.

Все, что мне надо, — это деньги».

«Все люди созданы равными... с определенными неотъемлемыми правами».

«Слава Господу за то, что он создал Америку, — сказал Кинг себе в миллионный раз. — Слава Господу, что я родился в Америке».

— Это страна, благословенная Богом, — сказал он обращаясь к самому себе.

— Что?

— Штаты.

— Почему?

— Единственное место в мире, где можно все купить, где есть возможность все осуществить. Это важно, плохо если вы, Питер, не понимаете этого. Хотя понимают это очень немногие. Но если вы поймете и захотите работать — ну,

тогда перед вами, черт побери, открываются такие возможности, что у вас волосы встанут дыбом. А если парень не хочет работать и ничего не умеет делать, тогда он ни к черту не годится, и никакой он, к черту, не американец, и...

— Слушайте! — предостерег его Питер Марлоу, сразу насторожившись.

Издалека донесся еле слышный звук приближающихся шагов.

— Это мужчина, — прошептал Питер Марлоу, скользнув под листву. — Туземец.

— Как вы, черт возьми, узнали?

— Он носит местные сандалии на деревянной подошве. Я бы сказал, это старик. Он шаркает ногами. Слышите, как он дышит.

Через минуту туземец появился из сумрака и равнодушно прошел мимо.

Это был старик, на плечах он нес убитую дикую свинью. Они проводили его взглядом, пока он не скрылся.

— Он заметил нас, — сказал встревоженный Питер Марлоу.

— Черта с два.

— Нет, я уверен, он заметил нас. Может быть, он решил, что это японский часовой, но я следил за его ногами. По ним всегда можно определить, засекли ли вас. Он сбился с шага.

— Быть может, на тропинке была яма или ветка.

Питер Марлоу покачал головой.

«Друг или враг? — лихорадочно соображал Кинг. — Если он из деревни, тогда все в порядке». Всей деревне было известно о вылазках Кинга. Ведь они получали долю от Чен Сена, его делового знакомого. «Я не узнал его, но это не удивительно, потому что в прошлый раз большинство туземцев были заняты ночной ловлей рыбы. Что же делать?»

— Подождем, потом разведем. Если он настроен враждебно, то пойдет в деревню и известит старейшину. Тот даст нам сигнал убираться отсюда к чертовой матери.

— Вы считаете им можно доверять?

— Я доверяю, Питер. — Он пошел вперед. — Держитесь в двадцати ярдах позади меня.

Деревню они нашли без труда. «Что-то очень легко, подозрительно», — подумал Питер Марлоу. С возвышенного места они осмотрели ее. На веранде, сидя на корточках, курили несколько малайцев. То здесь, то там хрюкали свиньи. Деревню окружали кокосовые пальмы, а за ними фосфоресцировал прибой. Несколько лодок со свернутыми парусами, развешанные рыболовные сети. Никаких признаков опасности.

— Мне кажется, все в порядке, — прошептал Питер Марлоу. Кинг резко толкнул его локтем. На веранде хижины вождя стоял сам вождь и человек, которого они видели. Малайцы были увлечены разговором, потом тишину разорвал отдаленный смех, и человек спустился по ступенькам.

Они слышали, как он крикнул что-то. Через минуту прибежала какая-то женщина. Она сняла свинью у него с плеч, отнесла ее к углям костра и насадила на вертел. Скоро подошли другие малайцы, которые собрались вокруг костра, перешучиваясь и смеясь.

— Вот он! — воскликнул Кинг.

От берега шел высокий китаец. Позади него туземец убирал паруса на маленькой рыбацкой лодке. Китаец подошел к вождю, они обменялись тихими приветствиями и сели на корточки в ожидании.

— О'кей, — ухмыльнулся Кинг, — что ж, пошли.

Он встал и, держась в тени, осторожно двинулся, обходя площадь. С задней стороны хижины вождя на веранду, расположенную высоко от земли, вела лестница. Первым по ней поднялся Кинг, потом Питер Марлоу. Почти сразу же они слышали, как лестницу убрали.

— Табе, — улыбнулся Кинг, здороваясь с Чен Сеном и вождем, которого звали Сутра.

— Рад видеть тебя, туан, — сказал вождь, подбирая английские слова. — Ты есть хочешь? — Его улыбка обнажала зубы, испорченные бетелем.

— Спасибо. — Кинг протянул руку Чен Сену. — Как поживаете, Чен Сен?

— Моя хорошо... Ты видишь, я... — Чен Сен подыскивал слова и наконец нашел подходящее. — Вот, хорошее время может быть.

Кинг показал на Питера Марлоу.

— Ичи-бон, друг. Питер, скажите-ка им, вы сами знаете что, приветствия и всю эту муру. Давайте, работайте, приятель. — Он улыбнулся и вытащил пачку «Куа», пустив ее по кругу.

— Мой друг и я благодарим тебя за гостеприимство, — начал Питер Марлоу. — Мы ценим твое приглашение разделить с тобой ужин, хотя сейчас еды мало. Только змея в джунглях отказалась бы от твоего доброго приглашения.

Лица Чен Сена и вождя расплылись в широких улыбках.

— Вах-лах, — сказал Чен Сен. — Будет приятно говорить с моим другом Раджой, когда ты передашь все слова, рождающиеся в моем ничтожном рту. Я много раз хотел что-нибудь сказать, но ни я, ни мой добрый друг Сутра не могли подобрать нужных слов. Скажи Радже, что он поступил как мудрый и умный человек, найдя себе такого хорошего переводчика.

— Он говорит, что я хороший оратор, — довольный, сказал Питер Марлоу; он успокоился и почувствовал себя в безопасности. — И он рад, что может предложить вам классное барахло.

— Ради Бога, вернитесь к вашему благородному английскому. Эта ораторская мешанина делает вас похожим на болтливого бездельника.

— А я так прилежно брал уроки у Макса, — сказал удрученно Питер Марлоу.

— Не нужно это.

— Он также назвал вас Раджа! С этого момента это ваше прозвище. Я имею в виду с этого момента, здесь.

— Шутки в сторону, Питер!

— Как прикажете, земляк!

— Давайте, Питер, у нас не так много времени. Скажите, Чен Сену следующее. Относительно дела, которое я собираюсь...

— Еще нельзя говорить о бизнесе, старина, — сказал Питер Марлоу, потрясенный. — Вы всех обидите. Сначала нам надо выпить кофе, съесть что-нибудь, потом можно начинать.

— Переведите им прямо сейчас.

— Если я сделаю это, они очень обидятся. Очень. Я вам это точно говорю.

Кинг на минуту задумался. «Ну, — сказал он себе, — если ты купил мозги, глупо не использовать их. Да и у тебя нет предчувствия беды. Вот тот момент, когда находчивый бизнесмен либо выигрывает, либо проигрывает, когда интуиция берет верх над так называемыми умственными способностями». Но в этот раз его интуиция молчала, поэтому он просто кивнул.

— О'кей, пусть будет по-вашему.

Он дымил сигаретой, слушая, как Питер Марлоу говорит с ними. Кинг искоса рассматривал Чен Сена. Он был одет лучше, чем в прошлый раз. На пальце новый перстень, похоже, с сапфиром в пять карат. Аккуратное, чистое, выбритое лицо было загорелым, а волосы ухоженными. Да, дела у Чен Сена шли хорошо. Теперь старый Сутра. Вот у этого дела не очень хороши. Саронг на нем старый и подол обтрепан. Никаких украшений. В прошлый раз было золотое кольцо. Сейчас его нет, и отметина на том месте, где оно красовалось, сейчас почти незаметна. Значит, старик расстался с кольцом довольно давно.

Он слышал голоса тихо переговаривающихся женщин в другой части хижины, а снаружи лежала ночная тишина. Через незастекленное окно доносился запах жарящейся свинины. Это означало, что деревня действительно нуждалась в услугах Чен Сена. Через него они выходили со своей рыбой на черный рынок, ведь полагалось, чтобы деревня продавала рыбу непосредственно японцам. Свинья была подарком. А может, старик, который поймал свинью, устраивал праздник для своих друзей. Но толпа вокруг костра взволнованно ждала, почти также взволнованно, как и они. Конечно, они тоже голодны. Это означает, что дела в Сингапуре, должно быть, идут плохо. У деревни должны быть большие запасы еды, выпивки и всего прочего. Чен Сен не мог уж очень хорошо зарабатывать контрабандой, отвозя их рыбу на продажу. Может быть, японцы следят за ним. Может быть, жить ему на этом свете осталось недолго!

Возможно поэтому деревня сейчас нужна ему больше, чем он деревне. Вот он и выставляет напоказ и одежду, и драгоценности. Быть может. Сутра недоволен тем, как идут дела, и готов поменять Чен Сена на другого перекупщика.

— Эй, Питер, — сказал он. — Спроси-ка у Чен Сена, как идет торговля рыбой в Сингапуре.

Питер Марлоу перевел вопрос.

— Он говорит, что дела идут прекрасно. Еды не хватает, поэтому он может хорошо продавать товар на острове по самой высокой цене. Но он говорит, что японцы все туже затягивают гайки. С каждым днем торговать становится все труднее. А обходить законы о торговле все дороже и дороже.

Ага! Попался. Кинг ликовал. Итак, Чен приехал не только по моему делу! Здесь замешаны и рыба, и деревня. Что я могу выиграть на этом? Этот сукин сын Чен Сен переживает трудности с доставкой товара. Возможно, япошки перехватили несколько лодок и усилили контроль. Старый Сутра не дурак. Нет денег, нет сделки, и Чен Сен знает это. Не можешь торговать, не можешь вести дело, и старый Сутра продает товар другому человеку. Вот так-то, сэр. Поэтому Кинг понял, что может вести жесткий торг, и мысленно поднял начальную цену.

Потом принесли еду. Запеченный сладкий картофель, жареные баклажаны, молоко кокосового ореха, толстые ломти жирной жареной свинины. Бананы, папайя. Кинг отметил, что нет ни дорогостоящей капусты, ни баранины, ни

сытной говядины, ни сладостей, которые так любили малайцы. Да, дела и вправду шли неважно.

Еду подавала сморщенная старуха, старшая жена вождя. Ей помогала Сулина, одна из дочерей. Красивая, нежная, гибкая, с матовой кожей. От нее хорошо пахло. Чистый саронг в их честь.

— Табе, Сэм, — подмигнул Кинг Сулине.

Девушка рассмеялась и застенчиво пыталась скрыть свое смущение.

— Сэм? — недоуменно спросил Питер Марлоу.

— Конечно, — сухо ответил Кинг. — Она напомнила мне моего брата.

— Брата? — удивленный Питер Марлоу уставился на Кинга.

— Шутка. У меня нет брата.

— Ну, а почему «Сэм»? — спросил Питер Марлоу после минутного раздумья.

— Старик не стал бы нас представлять друг другу, — сказал Кинг, не глядя на девушку, — поэтому я просто назвал ее так. Думаю, имя ей подходит.

Сутра понял, что они говорили что-то о его дочери. Он понял, что совершил ошибку, позволив ей появиться здесь. В другое время он, возможно, был бы рад, если бы один из туанов заметил ее и забрал бы к себе в бунгало. Она год-другой побыла бы его женой, а потом вернулась бы в деревню с достойным приданым, и ему было бы легко подыскать ей подходящего мужа. Вот так делалось прежде. Но сейчас любовь свелась к случайным свиданиям в кустах, а Сутра не желал этого для своей дочери, хотя ей уже пришло время стать женщиной.

Он наклонился вперед и предложил Питеру Марлоу отборный кусок свинины.

— Может быть, это возбудит твой аппетит?

— Благодарю тебя.

— Ты можешь идти, Сулина.

Питер Марлоу услышал нотку непреклонности в голосе старика и заметил тень огорчения на лице девушки. Но она низко поклонилась и ушла. Мужчинам осталась прислуживать старуха жена.

«Сулина, — подумал Питер Марлоу, чувствуя давно забытое желание. — Она не такая красивая, как Нья, но она того же возраста и хорошенькая. Вероятно, ей лет четырнадцать, и она уже созрела. Бог мой, и как созрела!»

— Тебе не нравится еда? — спросил Чен Сен, которого забавляло явное внимание Питера Марлоу к девушке. Может быть, из этого можно извлечь какую-то выгоду.

— Напротив. Она слишком хороша, ведь я отвык от хорошей еды, питаюсь тем, чем нас кормят.

Питер Марлоу помнил, для соблюдения приличий яванцы говорят о женщинах только иносказательно. Он повернулся к Сутра.

— Давным-давно один мудрый гуру сказал, что существует много видов пищи. Одна для желудка, другая для глаз, а еще одна — для души. Сегодня вечером у меня была пища для желудка. А беседа с тобой и туаном Чен Сеном была пищей для души. Я пресыщен. Тем не менее мне и... нам всем... была предложена пища для глаз. Как мне отблагодарить тебя за твое гостеприимство?

Лицо Сутры сморщилось. Хорошо сказано. Поэтому он поклонился, отвечая на благодарность, и сказал просто:

— Это мудрые слова. Возможно, со временем глаза снова попросят пищи. Мы обсудим мудрость древних в другой раз.

— Почему вы выглядите таким самодовольным, Питер?

— Ничего подобного, просто доволен собой. Я сказал, что мы считаем девушку хорошенькой.

— Точно! Как куколка! Как насчет того, чтобы пригласить ее, когда мы будем пить кофе?

— Ради Бога, — Питер старался говорить спокойно. — Нельзя просто так взять и назначить свидание. Вам необходимо время, чтобы подготовить почву.

— Черт, это не по-американски. Ты встречаешь девчонку, она нравится тебе, ты нравишься ей, и ты укладываешь ее в постель.

— Вы действуете грубо.

— Возможно. Но у меня было полно девчонок.

Они рассмеялись, Чен Сен спросил, над чем они смеются, и Питер Марлоу перевел ему: «Нам надо открыть в деревне магазин и не утруждать себя возвращением в лагерь».

Когда выпили кофе, Чен Сен впервые заговорил о деле.

— Думаю, это большой риск выходить из лагеря ночью. Это еще рискованней, чем мой приход в деревню.

«Первый раунд за нами, — подумал Питер Марлоу. — Сейчас, в соответствии с обычаями Востока, Чен Сен оказался в невыгодном положении, он потерял лицо, когда сделал первый шаг. Питер Марлоу обратился к Кингу.

— Все в порядке, Раджа. Можете начинать. Пока мы делаем все как надо.

— Точно?

— Да. Что я должен ему сказать?

— Скажите, что я предлагаю большую сделку. Бриллиант. Четыре карата. В платине. Без изъянов. Голубой. Я хочу за него тридцать пять тысяч долларов. Пять тысяч английских малайских долларов, остальное в фальшивых японских бумажках.

Глаза Питера Марлоу расширились. Он сидел лицом к Кингу, поэтому его удивление осталось незамеченным для китайца. Но Сутра заметил все. Поскольку он не принимал участия в сделке, а просто получал процент как посредник, он откинулся назад и наслаждался борьбой соперников. Беспокоиться за Чен Сена не было причин. Сутра знал по своему опыту, что китаец умел торговаться не хуже других.

Питер Марлоу переводил. Размах сделки заставил забыть о манерах. И ему хотелось усыпить бдительность китайца!

Захваченный врасплох, Чен Сен явно обрадовался. Он попросил показать бриллиант.

— Скажите ему, что у меня его с собой нет. Я принесу его в течение десяти дней. Мне нужны деньги за три дня до того, как я принесу его — владелец не расстанется с бриллиантом, пока не получит деньги.

Чен Сен знал, что Кинг честный торговец. Если он сказал, что у него есть кольцо и он его принесет, значит, так оно и будет. Кинг никогда не подводил. Но достать такое количество денег и передать их в лагерь, где он не сможет найти и следа Кинга... ну, в этом был определенный риск.

— Когда я могу увидеть кольцо? — спросил он.

— Если он хочет, то через семь дней может прийти в лагерь.

«Итак, я должен отдать деньги до того, как увижу бриллиант, — думал Чен Сен. — Это невозможно, и туан Раджа понимает это. Очень плохой бизнес. Если камень действительно в четыре карата, я могу получить пятьдесят, нет, сто тысяч долларов за него. В конце концов, я знаю китайца, которому принадлежит машина для печатания денег. Но пять тысяч малайских долларов — это совсем другое дело. Их придется покупать на черном рынке. А по какому курсу?»

— Передайте моему другу Радже, — сказал Чен Сен, — что это необычные условия. Поэтому мне надо подумать.

Он подошел к окну и посмотрел наружу.

Чен Сен устал от войны и устал от подпольных махинаций, которые бизнесмен должен терпеть, чтобы получать доход.

Он подумал о ночи, о звездах и о глупости людей, воюющих и умирающих из-за вещей, которые не имеют вечной ценности. В то же время он знал, что выживают сильные, а слабые гибнут. Он думал о своей жене и детях, трех сыновьях и дочке, и вещах, которые он хотел бы купить им, чтобы сделать приятное. Он думал о второй жене, которую хотел бы купить. Так или иначе, он должен осуществить эту сделку. Дело стоило того, чтобы рискнуть, поверив Кингу.

«Цена разумная», — размышлял он. Но как гарантировать сохранность денег? Найти посредника, которому он мог бы доверять. Это должен быть один из охранников. Охранник мог бы посмотреть кольцо. Он мог бы и передать деньги, если кольцо настоящее и вес камня правильный. Тогда туан Раджа сможет принести камень сюда, в деревню. Не нужно доверять охраннику. Кольцо — слишком большой куш, чтобы доверить его охраннику.

Мы могли бы состряпать историю — что это заем лагерю от китайца из Сингапура. Нет, это не пойдет — охранник должен будет посмотреть кольцо. Поэтому охранник должен быть полностью посвящен и будет рассчитывать на значительное вознаграждение.

Чен Сен повернулся к Кингу. От него не укрылось, что Кинг весь мокрый от пота. «Ага, — подумал он, — тебе очень нужно продать! Но, возможно, ты понимаешь, что и я очень хочу купить. Ты и я — единственные люди, которые могут проверить это дело. Ни у одного торговца нет такого незапятнанного имени, как у тебя, и ни один из всех китайцев, которые имеют дело с лагерем, не может достать столько денег».

— Итак, туан Марлоу. У меня есть план, который, вероятно, удовлетворит и моего друга Раджу, и меня. Первое, мы договариваемся о цене. Предложенная цена слишком высокая, но в данный момент это неважно. Второе, мы договариваемся о посреднике — охраннике, которому мы оба могли бы доверять. Через десять дней я отдам половину денег охраннику. Охранник может посмотреть кольцо. Если оно действительно такое, как утверждает владелец, он может передать деньги моему другу Радже. Раджа принесет кольцо сюда. Я приведу специалиста, чтобы взвесить камень. После этого я плачу оставшуюся половину денег и забираю камень.

Кинг внимательно слушал то, что переводил ему Питер Марлоу.

— Скажите ему, я согласен с его планом. Но я должен получить полную стоимость. Владелец не отдаст кольцо, пока все деньги не будут у него в руках.

— Тогда скажите моему другу Радже, что я передам охраннику три четверти от договоренной цены. Это поможет ему договориться с владельцем.

Чен Сен чувствовал, что семьдесят пять процентов, несомненно, покроют ту сумму, которая выплачивается владельцу. Кинг просто выторговывает свою прибыль. Он, без сомнения, хороший бизнесмен и достоин вознаграждения в двадцать пять процентов!

Кинг оценивал последнее предложение. Оно давало ему большие возможности для маневра. Может быть, ему удастся сбить несколько баксов с цены, запрашиваемой владельцем, равной тысяче девятистам пятидесяти долларам. Да, пока все хорошо. Теперь перейдем к мясу.

— Скажите ему о'кей. Кого он предлагает в качестве посредника?

— Торусуми.

Кинг покачал головой. Он минуту подумал, потом обратился напрямую к Чен Сену.

— Как насчет Иммури?

— Передайте моему другу, что я предпочел бы другого. Может быть, Кимина?

Кинг присвистнул. Капрал как-никак! Он никогда не имел с ним дела. Слишком опасно. Должен быть кто-то, кого он знал.

— Шагата-сан?

Чен Сен кивнул в знак согласия. Это был именно тот человек, о котором он думал, но которого не хотел предлагать. Он хотел узнать, кого хочет иметь в посредниках Кинг. Это было последней проверкой его честности. Да, Шагата подходит. Не слишком сообразительный, но вполне подойдет. Он имел с ним дело раньше. Отлично.

— Теперь о цене, — начал Чен Сен. — Я предлагаю обсудить ее. За карат четыре тысячи поддельных долларов. Общая сумма шестнадцать тысяч. Четыре тысячи малайских долларов по обменному курсу пятнадцать к одному.

Кинг вежливо покачал головой, потом обратился к Питеру Марлоу.

— Скажите ему, что я не собираюсь заниматься глупой болтовней. Цена тридцать тысяч, пять в малайских долларах по цене восемь к одному, все мелкими банкнотами. Это моя окончательная цена.

— Вам следовало бы поторговаться чуть подольше, — сказал Питер Марлоу. — Как насчет того, чтобы предложить цену в тридцать три тысячи, тогда... Кинг отрицательно покачал головой.

— Нет. А когда будете переводить, найдите слово, соответствующее словам «глупая болтовня».

Питер Марлоу неохотно повернулся к Чен Сену.

— Мой друг говорит: он не собирается заниматься обменом любезностями, когда торгуется. Его последняя цена тридцать тысяч — пять тысяч в малайских долларах по курсу восемь к одному. Все в мелких купюрах.

К его удивлению, Чен Сен немедленно сказал:

— Я согласен! — потому что не хотел свалить дурака. Цена справедливая, и он почувствовал, что Кинг непреклонен. В любом деле приходит время, когда нужно говорить «да» или «нет». Раджа хороший торговец.

Они обменялись рукопожатием. Сутра улыбнулся и принес бутылку саке. Они пили за здоровье друг друга, пока бутылка не опустела. Потом уточнили детали.

Через десять дней Шагата должен подойти к хижине американцев, когда меняется ночная смена. У него будут деньги. Он посмотрит кольцо, а затем передаст деньги. Три дня спустя Кинг и Питер Марлоу встретятся с Чен Сеном в деревне. Если по какой-то причине Шагата не сможет в условленный день, он придет на следующий или через день. Равным образом и Кинг, если он не сможет устроить встречу в деревне в назначенное время, то придет на следующий день.

После обмена обычными любезностями, Чен Сен сказал, что ему надо идти, чтобы не пропустить прилив. Он вежливо поклонился, Сутра вышел с ним, проводить его до берега. Около лодки они затеяли вежливое препирательство по поводу продажи рыбы.

Кинг сиял.

— Отлично, Питер! Мы выиграли!

— Вы ужасны! Когда вы приказали, чтобы я прямо в лоб перевел ему ваши условия, ну, старина, я решил, что вы проиграли. У них так не принято.

— У меня было предчувствие. — Потом пережевывая мясо, добавил. — Вы в деле из расчета десять процентов, от прибыли, конечно. Но вам придется поработать за них, сукин вы сын.

— Как лошадь! Боже! Страшно подумать, сколько денег. Тридцать тысяч долларов составляет стопку банкнот высотой этак с фут.

— Больше, — сказал Кинг, заражаясь волнением.

— Боже, ну у вас и нервы. Все-таки, как же вы пришли к такой цене? Он согласился, ухватился за нее. Минутный разговор, а потом — бух, и вы богаты.

— Пришлось многое улаживать, прежде чем это стало реальной сделкой. Многое могло пойти не так. Сделка не считается сделкой, пока наличные не получены и не положены в банк.

— Вот я об этом никогда и не думал.

— Аксиома бизнеса. Нельзя положить разговор в банк. Только банкноты!

— Я все еще не могу прийти в себя. Мы не в лагере, в желудках еды больше, чем полагалось бы за много недель. А перспективы огромные. Вы чертовски гениальны.

— Подождем и посмотрим, Питер.

Кинг встал.

— Ждите здесь. Я вернусь через час или через два. Есть еще одно дело, о котором надо позаботиться. Если мы пробудем здесь еще пару часов, все будет нормально. Тогда попадем в лагерь как раз перед рассветом. Лучшее время. Охранники обычно дремлют в эти часы. Увидимся, — и исчез, спустившись по лестнице.

Неожиданно Питер Марлоу почувствовал себя одиноко и слегка испугался. Боже, во что он впутался? Что он делает? Что будет, если он опоздает? Что, если он не вернется? Что, если в деревне появятся япошки? Что, если меня бросили на произвол судьбы? Должен ли я идти разыскивать его? Если мы не вернемся к рассвету. Боже, сообщат о нашем отсутствии, и нам придется бежать. Куда? Может быть, Чен Сен поможет? Слишком опасно. Где он живет? Сумеет ли мы добраться до пристани и достать лодку? Может быть, связаться с партизанами, которые, по слухам, должны где-то действовать?

Держи себя в руках, Марлоу, проклятый трус! Ты ведешь себя как трехлетний ребенок!

Сдерживая беспокойство, он приготовился ждать. Потом вдруг вспомнил о конденсаторе для связанных контуров — триста микрофард.

— Табе, туан, — улыбнулась Кассе, когда Кинг вошел в хижину.

— Табе, Кассе!

— Понравилась еда, правда?

Он покачал головой, притянул ее и обнял. Она встала на цыпочки, чтобы обхватить руками его шею, черные волосы водопадом спадали по спине.

— Давно не виделись, — сказала она, согретая его прикосновением.

— Давно, — ответил он. — Ты скучала?

— Угу, — рассмеялась она, передразнивая его произношение.

— Он уже пришел?

Она покачала головой.

— Нет, туан. Было опасно.

— Все опасно.

Они слышали шаги, и тут же на дверь упала тень. Дверь отворилась, и вошел низенький, смуглый китаец. На нем был саронг и индийские сандалии. Он улыбнулся, показав сломанные, испорченные зубы. За его спиной висел боевой паранг [{17}](#) в ножнах. Кинг заметил, что ножны хорошо смазаны. Такой паранг легко вытащить и отрезать голову человеку — вот так просто. За пояс у китайца был заткнут револьвер.

Кинг просил Кассе связаться с партизанами, действовавшими в Джохоре. И вот этот человек появился здесь. Как и многие, они были бандитами. Просто теперь воевали с японцами под знаменем коммунистов, снабжавших их оружием.

— Табе. Ты говоришь по-английски? — спросил Кинг, заставляя себя улыбнуться. Ему не понравился вид этого китайца.

— Почему ты хочешь говорить с нами?

— Думал, мы можем договориться.

Китаец плотоядно посмотрел на Кассе. Та вздрогнула.

— Уйди, Кассе, — приказал Кинг.

Она бесшумно ушла, скрывшись за занавеской в задней части дома.

Китаец проводил ее взглядом.

— Тебе везет, — сказал он Кингу. — Очень везет. Держу пари, эта женщина доставляет удовольствие двум или трем мужчинам за одну ночь. Разве не так?

— Вы хотите говорить о деле? Да или нет?

— Смотри, белый человек. Вдруг я скажу японцам, что ты здесь. Быть может, я скажу, что в деревне принимают военнопленных. Тогда они выбьют деревню.

— Если ты сделаешь это, смерть твоя будет долгой и мучительной.

Китаец заворчал, потом сел на корточки. Он угрожающе поправил паранг.

— Может быть, сейчас я займусь женщиной.

«Боже, — подумал Кинг, — я, кажется, ошибся».

— У меня есть для вас предложение. Если война внезапно кончится или японцам взбредет в голову истребить военнопленных, я хочу, чтобы вы держались поблизости. Я заплачу вам две тысячи американских долларов, когда буду в безопасности.

— Откуда мы узнаем, что японцы убивают пленных?

— Вы узнаете. Вам известно все, что здесь происходит.

— Откуда нам знать, что ты заплатишь?

— Заплатит американское правительство. Всем известно, что назначена награда.

— Две тысячи! Mahlu! Мы каждый день имеем по две тысячи. Берем банк. Легко.

Кинг пошел на уступку.

— Я уполномочен нашим старшим офицером дать гарантию, что вы получите две тысячи за голову каждого спасенного американца. Если начнут расстреливать.

— Я не понимаю.

— Если японцы начнут избавляться от нас — убивать нас. Если союзники высадутся здесь, японцы могут взбеситься. Или если союзники высадутся в Японии, тогда япошки здесь примут ответные меры. Если они это сделают, вы узнаете об этом, а я хочу, чтобы им помогли нам спастись.

— Сколько человек?

— Тридцать.

— Слишком много.

— Скольких вы можете спасти?

— Десять. Но цена будет пять тысяч за человека.

— Слишком много.

Китаец пожал плечами.

— Ладно. Договорились. Ты знаешь лагерь?

Китаец показал зубы в кривой ухмылке.

— Мы знаем.

— Наша хижина на востоке. Маленькая. Если нам придется бежать, мы прорвемся за проволоку в том месте. Вы из джунглей прикроете нас. Как мы узнаем, что вы находитесь на месте?

Китаец снова пожал плечами.

— Можете подать нам знак?

— Нет.

«Это сумасшествие, — сказал сам себе Кинг. — Мы не будем знать, когда нам надо бежать, а если это произойдет внезапно, невозможно будет известить. Может быть, они будут там, может быть, нет. Но, если они прикинут, что за каждого из нас им светит по пять тысяч, возможно, с этого времени они начнут следить за лагерем».

— Вы будете следить за лагерем?

— Может быть, командир скажет «да», а может, и «нет».

— Кто твой командир?

Китаец пожал плечами и оскалил зубы.

— Тогда договорились?

— Возможно. — Его глаза были враждебными. — Ты кончил?

— Да. — Кинг протянул руку. — Спасибо.

Китаец посмотрел на руку, глумливо усмехнулся и пошел к двери.

— Помни. Только десять. Остальных убьют!

Он ушел.

«Попытаться стоило, — успокоил себя Кинг. — Эти ублюдки наверняка найдут применение деньгам. А дядя Сэм заплатит. Почему бы и нет, черт возьми! За каким чертом мы тогда платим налоги?»

— Туан, — мрачно сказала Кассе, появившаяся в дверях. — Мне это не понравилось.

— Надо что-то делать. Если неожиданно начнется бойня, мы можем выбраться. — Он подмигнул ей. — Стоит попытаться. В любом случае — мы покойники. Ну и что, черт подери. Может быть, у нас будет путь к отступлению.

— Почему ты не торговался только за себя? Почему тебе не уйти с ним сейчас и не сбежать из лагеря?

— Ну, во-первых, в лагере безопаснее, чем с партизанами. Им нельзя доверять, пока в этом не будет жизненной необходимости. Во-вторых, ради одного человека они не пойдут на это. Вот почему я попросил его спасти тридцать человек. Но столковались только на десяти.

— Как ты выберешь этих людей?

— После того как выберусь я, любой может бежать по моему следу сам по себе.

— Быть может, твоему старшему офицеру не понравится число десять.

— Понравится, если он будет одним из этих счастливицков.

— Ты думаешь, японцы убьют пленных?

— Возможно. Но давай забудем об этом, ладно?

— Забудем, — улыбнулась она. — Тебе жарко. Примешь душ?

— Да.

Кинг облился водой из бетонного колодца в дальнем углу хижины. Вода была холодной, дыхание перехватило, а тело стало гореть.

— Кассе!

Она появилась с полотенцем из-за занавески. Кассе любовалась им. Да, ее туан был прекрасным мужчиной. Сильный, красивый, такой приятный цвет кожи. «Мне повезло, что у меня такой мужчина. Но он такой громадный, а я такая маленькая. Он выше меня на две головы».

Тем не менее она знала, что доставляет ему удовольствие. Легко ублажать мужчину. Если ты женщина. И не стыдишься быть женщиной.

— Чему ты улыбаешься? — спросил он.

— Я просто подумала, туан, ты такой большой, а я такая маленькая, и все же, когда мы ложимся, разница ведь не такая уж и большая, правда?

Он хохотнул, шлепнул ее по задку и взял полотенце.

— Как насчет выпивки?

— Она готова, туан.

— Что еще готово?

Она рассмеялась, смеялись и рот, и глаза, — все лицо ликовало. Ее зубы были ослепительно белыми, глаза — темно-карими, а кожа гладкая и душистая.

— Кто знает, туан? — Потом вышла из комнаты.

«Теперь осталось заняться этой чертовкой, — думал Кинг, глядя ей вслед и энергично вытираясь. — Мне везет».

Встречу Кинга с Кассе устроил Сутра, когда Кинг впервые посетил деревню. Все было тщательно оговорено. Когда кончится война, он должен будет уплатить Кассе двадцать американских долларов за каждый визит к ней. Он немного сбил запрашиваемую цену — бизнес есть бизнес — но за двадцать долларов она была знатной покупкой.

— Ты уверена, что я заплачу? — спросил он ее.

— Не уверена. Не заплатишь, значит, не заплатишь: тогда я получу только удовольствие. Если же заплатишь, тогда получу и деньги, и удовольствие. — Она улыбнулась.

Он надел туземные сандалии, которые она оставила ему, потом шагнул за занавеску. Она ждала его.

* * *

Питер Марлоу наблюдал, как Сутра и Чен Сен стояли на берегу. Чен Сен поклонился, сел в лодку, и Сутра помог ему оттолкнуть ее в фосфоресцирующее море. Потом Сутра вернулся в хижину.

— Табе! — сказал Питер Марлоу.

— Хочешь еще поесть?

— Нет, благодарю тебя, туан Сутра.

«Честное слово, — подумал Питер Марлоу, — что-то случилось, если я способен отказаться от еды». Он наелся до отвала, нельзя давать себе волю. Видно, что деревня живет бедно, не следует переводить еду.

— Я слышал, — сказал он вкрадчиво, — что новости, военные новости, хорошие.

— Это я тоже слышал, но ничего такого, что можно пересказать. Смутные слухи.

— Жаль, жизнь сейчас не такая, как раньше. До войны человек мог иметь приемник и узнавать новости или читать газету.

— Верно. Жаль.

Сутра не показал, что понял. Он присел на корточки на циновке, скрутил самокрутку и начал курить из кулака, глубоко затягиваясь.

— До нас дошли плохие слухи из лагеря, — сказал он наконец.

— Все не так плохо, туан Сутра. Мы кое-как справляемся. Но не знать, что происходит в мире, вот это действительно плохо.

— Я слышал, говорили, будто в лагере было радио, но людей, которым оно принадлежало, поймали. Сейчас они сидят в Утрам Роуд.

— Ты знаешь что-нибудь о них? Один из них мой друг!

— Нет. Мы слышали, что их отвезли туда.

— Я бы очень хотел знать, как они там.

— Ты же знаешь, что это за место и как долго живут люди в этом лагере.

— Верно. Но человек надеется, что может повезти.

— Мы все в руках Аллаха, говорит Пророк.

— Да будет благословенно его имя.

Сутра снова посмотрел на него; потом, спокойно пыхнув сигаретой, спросил:

— Где научился говорить по-малайски?

Питер Марлоу рассказал о своей жизни в деревне. Как он работал на рисовых полях и вел образ жизни яванца, почти такой же, какой ведут малайцы. Обычай

те же и тот же язык, за исключением общераспространенных западных слов — «радио» в Малайе, «приемник» на Яве, «мотор» в Малайе, «автомобиль» на Яве. Но все остальное то же самое. Любовь, ненависть, болезнь и слова, которые говорит мужчина мужчине или мужчина женщине, те же самые. Важные вещи всегда одинаковы.

— Как звали твою женщину из деревни, сынок? — спросил Сутра. Раньше спрашивать об этом невежливо, но сейчас, когда они поговорили о душе, мире, философии и об Аллахе, и, конечно, об изречениях Пророка, чье имя свято, сейчас такой вопрос не был грубым.

— Ее звали Нья Джахан.

Старик довольно вздохнул, вспоминая свою юность.

— И она любили тебя крепко и долго?

— Да. — Питер Марлоу ясно увидел ее.

Однажды вечером она пришла к нему в хижину, когда он готовился ко сну. Ее саронг был красно-золотым, крошечные сандалии виднелись из-под подола. На шею надела тонкое ожерелье из цветов, и их запах наполнил хижину и все его существо.

Она положила к ногам свою свернутую в рулон постель и низко поклонилась ему.

— Меня зовут Нья Джахан, — сказала она. — Туан Абу, мой отец, выбрал меня, чтобы я разделила свою жизнь с тобой. Мужчина не должен жить один. А ты один уже три месяца.

Нья, вероятно, было лет четырнадцать, но в странах солнца и дождя девушка четырнадцати лет уже женщина, с желаниями женщины, и должна выходить замуж или, по крайней мере, жить с мужчиной, которого выбрал ее отец.

Ее смуглая кожа имела молочный оттенок, глаза светились драгоценными топазами, руки напоминали лепестки орхидеи, а ее ноги были изящны. Тело женщины-ребенка было атласным и таило в себе счастье порхающей птички. Она была дочерью солнца и дождя. Нос ее был тонким, точеным, ноздри изящны.

Нья была вся из атласа, из струящегося атласа. Твердая, когда ей следовало быть твердой. Мягкой, когда следовало быть мягкой. Сильной, когда требовалось быть сильной, и слабой, когда нужно было быть слабой.

Ее волосы цвета воронова крыла накрывали ее легкой пеленой.

Питер Марлоу улыбнулся ей. Он пытался скрыть свое смущение. Хотелось быть похожим на нее, раскованным, счастливым и лишенным застенчивости. Она сняла саронг, стала гордо перед ним и сказала:

— Я молюсь, чтобы смогла сделать тебя счастливым и подарить тебе крепкий сон. И я молю тебя научить меня всем тем вещам, которые должна знать твоя женщина, чтобы ты был «ближе к Богу».

«Как прекрасно сказано: „ближе к Богу», — подумал Питер Марлоу, — как прекрасно изображать любовь как близость к Богу».

Он посмотрел на Сутру.

— Да. Мы любили друг друга крепко и долго. Я благодарю Аллаха, что жил и любил почти вечно. Как славны пути, выбираемые Аллахом.

Появилось облако и схватилось с луной за право обладания ночью.

— Хорошо быть мужчиной, — сказал Питер Марлоу.

— Тебя ничто не тревожит сегодня ночью?

— Нет. В самом деле. Сегодня — нет.

Питер Марлоу изучал старого малайца, который понравился ему.

— Послушай, туан Сутра. Я открою тебе свои мысли, потому что верю — со временем мы станем друзьями. Со временем ты сможешь оценить мою дружбу и мою душу. Но война — это трата времени. Поэтому я буду говорить с тобой как твой друг, хотя и не стал еще им.

Старик не ответил. Он запыхтел сигаретой и ждал продолжения.

— Мне необходима небольшая деталь для приемника. Нет ли старого радио в деревне? Если оно сломано, я мог бы снять всего лишь одну маленькую детальку.

— Ты же знаешь — радио запрещено японцами.

— Верно, но иногда есть тайные места, чтобы прятать то, что запрещено.

Сутра размышлял. Приемник лежал в его хижине. Возможно, сам Аллах послал туана Марлоу, чтобы тот забрал его. Он верил, что может доверять ему, потому что раньше ему доверял туан Абу. Но, если туана Марлоу поймут с радио за пределами лагеря, деревня будет неизбежно втянута в эту историю.

Оставлять радио в деревне тоже было опасно. Конечно, можно закопать приемник в джунглях. Это следовало бы сделать, но искушение послушать

радио было очень велико. Искушение женщин послушать «дерганую музыку» было очень велико. Искушение знать новости, когда другие не знали, было очень велико. Верно сказано: «Суета, все суета сует». Будет лучше, решил он, если вещь белого человека останется у белого человека.

Он встал, поманил к себе Питера Марлоу и через занавески провел его в темную глубину хижины. Он остановился у входа в спальню Сулины. Она лежала на кровати, блестя глазами, на ней был тонкий свободный саронг.

— Сулина, — сказал Сутра, — пойди на веранду и посторожи.

— Хорошо, отец. — Сулина соскользнула с кровати, затянула на себе саронг и одернула свой жилет — баджу. «Одернула чересчур сильно, чтобы грудь была видна, — подумал Сутра. — Да, девушке пришло время выходить замуж. Но за кого? Не было подходящего мужчины».

Он стоял в стороне, и девушка проскользнула мимо, опустив притворно застенчивые глаза. Но ничего застенчивого не было в движении ее бедер, и Питер Марлоу тоже заметил это. «Я должен проучить ее палкой», — подумал Сутра. Но он знал, что сердиться не нужно. Она была всего лишь девушкой, стоящей на пороге зрелости.

Искушать — это женский подход к жизни, а быть желанной — всего лишь женская потребность.

«Возможно, я отдам тебя англичанину. Может быть, это уменьшит твой голод. Он выглядит более, чем мужчиной!» — Сутра вздохнул. Как бы снова стать молодым!

Из-под кровати он вытащил небольшой приемник.

— Я доверюсь тебе. Это радио в порядке. Оно хорошо работает. Ты можешь взять его.

Питер Марлоу чуть не уронил его от возбуждения.

— А ты как же? Оно, конечно, бесценно.

— А у него нет цены. Бери его с собой.

Питер Марлоу перевернул радиоприемник. Он работал от сети. В хорошем состоянии. Крышка была снята и в глубине мерцали лампы. Там было много конденсаторов. Много. Он поднес приемник поближе к свету и дюйм за дюймом изучал его содержимое.

С его лица начал капать пот. Наконец он нашел конденсатор на триста микрофарад.

«Теперь что делать? — спрашивал он себя. — Взять только конденсатор? Мак сказал, что он почти уверен. Лучше взять все целиком, тогда если этот конденсатор не подойдет к нашему приемнику, у нас будет еще один. Мы сумеем спрятать его где-нибудь. Решено. Хорошо иметь запасной приемник».

— Благодарю тебя, туан Сутра. Это подарок, за который я не смогу отблагодарить тебя в достаточной степени. Я и тысячи других людей в Чанги.

— Прошу тебя защитить нас. Если охранник увидит тебя, спрячь его в джунглях. Моя деревня в твоих руках.

— Не бойся. Я буду защищать ее своей жизнью.

— Я верю тебе. Но, возможно, это не самый умный поступок в моей жизни.

— Бывают случаи, туан Сутра, когда я искренне верю, что люди просто глупы.

— Ты умен не по годам.

Сутра дал кусок материи, чтобы завернуть приемник, потом они вернулись в главную комнату. Сулина сидела в тени на веранде. Когда они вошли, она встала.

— Принести еды или питья, отец?

«Ну вот, — сердито подумал Сутра, — спрашивает она меня, но думает о нем».

— Нет. Иди спать.

Сулина кокетливо тряхнула головой, но подчинилась.

— Думаю, моя дочь заслуживает порки.

— Не стоит наказывать такое изящное существо, — сказал Питер Марлоу. — Туан Абу обычно говорил: «Бей женщину по меньшей мере раз в неделю, и в твоём доме будет мир. Но не бей ее слишком сильно, чтобы не рассердить ее, потому что тогда она наверняка ударит тебя в ответ и причинит тебе большую боль».

— Я знаю это присловье. Оно, конечно, верно. Женщин трудно понять.

Они поговорили о многом, сидя на корточках на веранде и глядя на море. Прилив был очень слабым, и Питер Марлоу попросил разрешения искупаться.

— Здесь нет течений, — сказал ему старый малаец, — но иногда встречаются акулы.

— Я буду осторожен.

— Плавай только в тени около лодок. Иногда вдоль берега проходят японцы. В трех милях отсюда по пляжу находится огневая точка. Будь осторожен.

— Хорошо.

Питер Марлоу держался в тени, пока добрался до лодок. Луна опускалась. «Времени осталось не слишком много», — подумал он.

Около лодок несколько мужчин и женщин готовили и чинили сети, болтая и пересмеиваясь. Они не обратили внимания на Питера Марлоу, когда он раздевался и уходил в море.

Вода была теплой, но он чувствовал холодные струи. Это обычное явление во всех восточных морях; он нашел одну такую струю и постарался остаться в ней. Ощущение свободы было великолепным. Он чувствовал себя снова маленьким мальчиком, плавающим в полночь в Южном море вместе с отцом, который кричит: «Не заплывай слишком далеко, Питер! Помни о течениях!»

Он плыл под водой, и его кожа впитывала соль. Всплыв, он выпустил струю воды, как кит, и лениво направился к мелководью, где лег на спину, омываемый прибоем, в восторге от ощущения свободы.

Когда он барахтался в прибое, где вода едва укрывала его бедра, до него неожиданно дошло, что он совершенно гол, а в двадцати ярдах от него были женщины и мужчины. Но он не почувствовал смущения.

Нагота стала образом жизни лагеря. А месяцы, проведенные в деревне на Яве, приучили его к тому, что ничего нет постыдного в том, чтобы быть человеком с его желаниями и потребностями.

Чувственное тепло моря, резвившегося с ним, и приятное тепло в желудке от съеденной пищи, подняло в нем желание. Он резко перевернулся на живот и устремился в море, борясь со своими чувствами.

Он стоял на песчаном дне, по шею в воде, смотрел на берег и на деревню. Мужчины и женщины по-прежнему были заняты ремонтом сетей. Он видел Сутру, сидящего на веранде своей хижины, курившего в тени. Потом увидел Сулину, освещенную светом керосиновой лампы, облокотившуюся на оконную раму. Она смотрела на море, едва прикрывшись саронгом.

Он знал, что она смотрит на него, и гадал, видит ли она. Он смотрел на нее, а она на него. Потом увидел, как она сняла саронг, отложила его в сторону, взяла чистое белое полотенце, и стала вытирать пот, блестевший на ее шее.

Она была дочерью солнца и дочерью дождя. Ее длинные черные волосы скрывали большую часть ее тела, но она откинула их назад и стала заплетать косу. И все время она улыбалась, наблюдая за ним.

Неожиданно каждая струя воды стала лаской, каждое дуновение ветерка стало лаской, каждая нитка водорослей стала лаской; они превратились в пальцы куртизанок, накопивших опыт столетий.

Я хочу взять тебя, Сулина.

Я собираюсь взять тебя, чего бы это мне не стоило.

Он попытался мысленно заставить Сулину уйти с веранды. Сулина наблюдала и ждала. Нетерпеливо, как и он.

Я хочу взять ее. Сутра. Не становись на моем пути. Не делай этого. Или, клянусь Богом...

Он не видел, как, придерживаясь тени, прокрался Кинг, как он в удивлении остановился, увидев его лежащего на животе на мелководье.

— Эй, Питер, Питер!

Услышав голос сквозь дурман, Питер Марлоу медленно повернул голову и увидел Кинга, делающего ему знак головой.

— Питер, давайте. Пора сматываться.

Увидев Кинга, он вспомнил лагерь, колючую проволоку, приемник, бриллиант и опять лагерь, и войну, и лагерь, и приемник, и охранника, мимо которого им предстоит проходить, и что они должны вернуться вовремя, и какие новости в лагере, и как будет счастлив Мак при виде трехсот микрофард и запасного исправного приемника. Жар мужского желания исчез. Но боль осталась.

Он встал и побрел к своей одежде.

— У вас есть выдержка, — заметил Кинг.

— Почему вы так решили?

— Идете не спеша. Разве не видите, что дочь Сутры пялится на вас?

— Она видела столько голых мужчин, в этом нет ничего дурного.

Без жара желания нагота исчезла.

— Иногда я не понимаю вас. Где ваша скромность?

— Давно утеряна. — Он быстро оделся и присоединился к Кингу, стоявшему в тени. У него страшно болели чресла. — Я обрадовался, когда вы подошли. Спасибо.

— За что?

— Ах, пустяки.

— Вы испугались, что я забыл про вас?

Питер Марлоу покачал головой.

— Нет. Забудьте. Но все равно спасибо.

Кинг пристально посмотрел на него, потом пожал плечами.

— Пойдемте. Сейчас у нас трудностей не будет. — Он прошел мимо хижины Сутра и помахал рукой. — *Salamat*.

— Подожди, Раджа. Я мигом!

Питер Марлоу взбежал вверх по лестнице в хижину. Приемник стоял на прежнем месте. Держа в одной руке завернутый в ткань приемник, он поклонился Сутре.

— Благодарю тебя. Не бойся, он в надежных руках.

— Иди с Богом. — Сутра поколебался, потом улыбнулся. — Береги глаза, сынок. Когда для них будет еда, они должны ее съесть.

— Я запомню. — Питера Марлоу неожиданно бросило в жар. Правда ли, что старики иногда могут читать мысли?

— Благодарю тебя. Да будет мир с тобой.

— Да будет мир с тобой до нашей следующей встречи.

Питер Марлоу повернулся и ушел. Сулина сидела у окна, когда они проходили мимо. Саронг уже был на ней. Их взгляды встретились, и договор был заключен, принят и утвержден. Она смотрела, как они растворились на холме, где начинались джунгли, и слала им вдогонку пожелания благополучия, пока они не исчезли.

Сутра вздохнул, потом бесшумно прошел в комнату Сулины. Она мечтательно стояла около окна, саронг был накинут на ее плечи. В руках Сутры был тонкий бамбук. Он ударил аккуратно и сильно, хотя не очень, по обнаженным ягодицам.

— Это тебе за то, что соблазняла англичанина, которого я не приказал тебе соблазнять, — он старался, чтобы голос звучал рассерженно.

— Конечно, отец, — прохныкала она, и ее рыдание было ножом по его сердцу. Но, оставшись одна, она удобно свернулась на матрасе и тихонько заплакала, наслаждаясь своими слезами. А потом ее охватило тепло, усиленное ожогом отцовского удара.

* * *

Примерно в миле от лагеря Кинг и Питер Марлоу остановились перевести дыхание. Именно тогда Кинг впервые заметил маленький сверток. До этого он шел впереди и думал только об успехе сегодняшней ночной работы. Кроме того, внимательно наблюдал за темнотой, из которой могла появиться опасность. Поэтому и не заметил тючок раньше.

— Что это у вас? Дополнительный завтрак?

Он смотрел, как Питер Марлоу, гордо ухмыляясь, развернул ткань.

— Сюрприз!

У Кинга остановилось сердце.

— Чертов вы сукин сын! Вы что, спятили?

— В чем дело? — спросил пораженный Питер Марлоу.

— Вы сошли с ума? У нас от этого будет неприятностей больше, чем черт знает от чего. Вы не имеете права рисковать нашими головами из-за какого-то проклятого приемника. Вы не имеете права использовать мои связи для ваших чертовых дел.

Питер Марлоу чувствовал, как ночь наступает на него. Он слушал, не веря своим ушам.

— Я не собирался причинять никакого вреда...

— Ну, сукин вы сын! — взорвался Кинг. — Приемники — это отравы.

— Но ведь в лагере нет ни одного.

— Хватит. Вы прямо сейчас избавитесь от этой чертовой штуки. И я вам еще кое-что скажу. С нами кончено. С вами и со мной. Вы не имели права втягивать меня во что-то, не предупредив меня. Мне надо было бы дух из вас вышибить!

— Попробуйте. — Сейчас Питер Марлоу был сердит и раздражен, так же раздражен, как и Кинг. — Вы, кажется, забыли, что идет война и в лагере нет радио. Одна из причин, по которой я пошел, заключалась в том, что надеялся достать конденсатор. Но теперь у меня целый приемник — и он работает.

— Избавьтесь от него!

— Нет.

Двое мужчин напряженно смотрели друг на друга, неподвижно застыв на месте. В течение каких-то долей секунды Кинг был готов разорвать Питера Марлоу в клочья.

Однако Кинг знал, что гнев бесполезен, когда необходимо принимать важное решение, и справившись с первым потрясением, стал критически оценивать ситуацию.

Во-первых, ему пришлось признать, что, хотя из-за этой паршивой штуки не стоило так рисковать, риск себя оправдал. Если бы Сутра не был доброжелателен, он не стал бы отдавать Питеру приемник. Прекратил бы разговор, сказав: «Здесь нет никакого радио». С этой стороны все в порядке. А сделка носила частный характер — между Питером и Сутрой. Ведь Чен Сен к этому времени уже ушел.

Во-вторых, приемник, о котором он знает и который будут держать не в его хижине, очень нужен. Можно следить за ситуацией и точно знать, когда готовить побег. В итоге вреда нет, не считая того, что Питер превысил свои полномочия. Теперь рассмотрим этот момент. Если ты доверяешь парню и нанял его, то ты нанял его мозги. Нет смысла держать парня под боком, чтобы он выслушивал указания и тупо выполнял их. А Питер определенно великолепен во время переговоров. Если когда-то и настанет время побега, Питер войдет в эту группу. Нужно иметь парня, который говорит на иностранном языке. Да Пит и не испугался. Итак, принимая все это во внимание, глупо набрасываться на него. Сначала надо сообразить, можно ли использовать сложившуюся ситуацию с выгодой для себя. Да, он взбеленился как малолетка.

— Пит. — Он увидел упрямое выражение лица Питера Марлоу. Интересно, мог бы я одолеть этого сукиного сына. Конечно. Я вешу больше на пятьдесят-восемьдесят фунтов.

— Да?

— Извините, что сорвался. Радиоприемник — это хорошая идея.

— Что?

— Я сказал, что прошу прощения. Идея отличная.

— Не понимаю вас, — беспомощно сказал Питер Марлоу. — Секунду назад вы готовы были убить меня, сейчас говорите, — это хорошая мысль.

Кингу нравился этот сукин сын. У него есть характер.

— У меня от приемников мурашки по спине бегают, не ходовой товар. — Потом тихо рассмеялся. — Нельзя перепродать.

— Вы действительно на меня больше не сердитесь?

— Нет, черт побери. Мы друзья, — он шутливо подтолкнул его. — Меня просто вывело из себя то, что вы мне ничего не рассказали. Это нехорошо.

— Извините. Вы правы. Это было нелепо и несправедливо. Господи, я не хотел ни в коей степени подвергать вас опасности. Я искренне прошу прощения. Пожмем руки.

— Виноват, что сорвался. Но в следующий раз предупредите меня о том, что собираетесь делать.

Питер Марлоу пожал его руку.

— Даю слово.

— Вполне достаточно.

Ну, слава Богу, больше не о чем волноваться.

— Так что, черт возьми, вы имели в виду под конденсатором?

Питер Марлоу рассказал ему о трех флягах для воды.

— Итак, все, что нужно Маку, это один конденсатор, верно?

— Он сказал, что «думает», что это так.

— А вы знаете, что я думаю? Я думаю, что лучше взять один конденсатор и спрятать приемник. Закопать его здесь. Это будет надежно. Если ваш приемник не заработает, мы всегда можем вернуться и взять этот. Мак легко сможет поставить на место конденсатор. Спрятать это радио в лагере будет действительно трудно, а искушение просто включить эту штуковину в сеть будет трудно преодолеть, верно?

— Согласен. — Питер Марлоу испытующе смотрел на Кинга. — Вы пойдете со мной, если надо будет забрать приемник?

— Конечно.

— Если... по любой причине... я не смогу прийти за ним, вы придете за ним один? Если Мак или Ларкин попросят вас?

Кинг минуту подумал.

— Конечно.

— Даете слово?

— Да. — Кинг слегка улыбнулся, — Вы ведь придаете большое значение этой болтовне относительно «слова».

— Как еще можно судить о человеке?

Питеру Марлоу потребовалась минута, чтобы отсоединить два провода. Еще минута — и приемник был завернут в ткань, а в земле была выкопана небольшая ямка. На дно они положили плоский камень, потом завалили приемник толстым слоем листьев, разровняли землю и подтащили на это место поваленное дерево. За пару недель в сыром тайнике приемник придет в негодность, но пары недель хватит, чтобы вернуться и забрать его, если фляги не заработают.

Питер Марлоу вытер пот. Их обоих вдруг охватило жаром, и запах пота привел в безумие громадные тучи насекомых, роящихся над ними.

— Вот чертова мошकारа! — Питер посмотрел на ночное небо, нервно определяя время. — Вы считаете, что пора идти дальше?

— Пока нет. Сейчас еще только пятнадцать минут пятого. Лучшее время — перед рассветом. Подождем еще минут десять, тогда будем на месте вовремя. — Кинг усмехнулся. — Первый раз, когда я пролез через проволоку, мне тоже было страшно, и я волновался. Когда возвращался обратно, пришлось ждать около проволоки. С полчаса или больше, пока путь не освободился. Боже! Вот попотел. — Он отмахнулся рукой от насекомых. — Чертовы твари.

Какое-то время посидели, прислушиваясь к постоянному движению джунглей. Рои светлячков мелькали яркими пятнышками в темноте.

— Как Бродвей ночью, — заметил Кинг.

— Я видел как-то фильм «Таймс-сквер». Это о газете. Дайте-ка вспомнить. Помоему, там играл Кегни.

— Не помню такого. Но Бродвей, правда, стоит посмотреть. И в полночь там светло как днем. Везде огромные вывески и огни.

— Вы там живете? В Нью-Йорке?

— Нет. Я был там пару раз. Проездом.

— Где вы живете?

Кинг пожал плечами.

— Мой отец переезжал с места на место.

— Чем он занимается?

— Хороший вопрос. Всем понемногу. Большую часть времени он пил.

— О! Это, должно быть, очень тяжело.

— Плохо действует на ребенка.

— У вас есть семья?

— Мать умерла. Она умерла, когда мне было три года. Сестер и братьев у меня не было. Отец вырастил меня. Он никчемный человек, но зато научил меня жизни. Правило первое: бедность — это болезнь. Правило второе: деньги — это все. Правило третье: неважно, как вы их получили, если вы их уже получили.

— Знаете, я никогда не задумывался о деньгах. Если ты в армии, ну, там всегда тебя ждет ежемесячный чек, существует определенный стандарт жизни, поэтому деньги немного значат.

— Сколько зарабатывает ваш отец?

— Точно не знаю. Думаю, около шестисот фунтов в год.

— Господи, да это только две тысячи четыреста баксов. Я в чине капрала зарабатываю тысячу триста: Ни за что не стал бы работать за такие гроши.

— Возможно, в Штатах по-другому. Но в Англии на это можно сносно прожить. Конечно, машина у нас довольно старая, но это неважно, а в конце службы вам назначают пенсию.

— Сколько?

— Примерно половину жалованья.

— Это ерунда. Не могу понять, почему люди идут в армию. Думаю, что это просто неудачники.

Кинг почувствовал, как Питер Марлоу напрягся.

— Конечно, — добавил он быстро, — это не относится к Англии. Я говорил о Штатах.

— Служба — хорошая жизнь для мужчины. Денег хватает, интересная жизнь во всех уголках мира. Окружение нормальное. Ну и быть офицером престижно. — Питер Марлоу добавил почти извиняющимся тоном:

— Вы понимаете — традиции и все такое прочее.

— Останетесь на службе после войны?

— Конечно.

— Я считаю, — сказал Кинг, ковыряя в зубах кусочком коры, — это слишком просто. Скучно выполнять приказы других парней, которые по большей части бездельники, да и перспективы нет. Вот как мне кажется. И, черт возьми, вам ничего не платят. Пит, да посмотрите на Штаты. Ни одна страна в мире не похожа на них. Ни одна. Каждый работает на себя, и каждый встречный столь же хорош, как и любой другой. И все, что вам надо сделать, это произвести хорошее впечатление и оказаться лучше другого парня. Вот это весело.

— Не думаю, что это мне подойдет. Так или иначе, но я не из тех, кто умеет делать деньги. Лучше уж буду делать то, для чего был рожден.

— Чушь! Просто из-за того, что ваш старик служит в армии...

— В нашей семье мужчины служат в армии с 1720 года. Отца сменяет сын. Чтобы изменить это, надо наплевать на традиции.

Кинг хмыкнул.

— Пора! — Потом добавил. — Я знаю только моего отца и его отца. Дальше — пустота. По крайней мере считается, что мои предки приплыли из Старого Света в 80-х годах.

— Из Англии?

— Черт возьми, нет. Думаю, из Германии. Или, быть может, из Средней Европы. Кого это, черт возьми, трогает? Я американец, и этим все сказано.

— Марлоу служат в армии, и этим все сказано!

— Нет, черт побери. Это все зависит от вас. Послушайте. Вот вы сейчас при деньгах, потому что хорошо соображаете. Можете стать крупным бизнесменом, если захотите. Вы ведь говорите, как малаец, верно? Мне нужны ваши мозги. Я плачу за них, только не важничайте! Это по-американски. Это не имеет ничего общего с приятельскими отношениями. Ничего. Если я не заплачу, значит, я дерьмо.

— Это не правильно. Не нужно платить, если вам немного помогли.

— Черт возьми, вас нужно учить. Я хотел бы забрать вас с собой в Штаты и заставить добиться успеха. От вашего надутного английского произношения девки помрут. Вы придете в норму. Мы устроим вас торговать нижним женским бельем.

— Боже правый. — Питер улыбнулся вместе с ним, но в его улыбке чувствовался страх. — Я не могу торговать, так же как не могу летать.

— Но вы же летаете.

— Я имел в виду без самолета.

— Конечно. Я пошутил.

Кинг посмотрел на часы.

— Когда ждешь, время идет медленно.

— Я думаю, мы никогда не выберемся из этой вонючей дыры.

— Дядя Сэм заставил япошек отступать. Война долго не продлится. Даже если и продлится, ну и что, черт возьми? Для нас она закончилась, приятель. Это единственное, что имеет значение.

Кинг посмотрел на часы.

— Нам лучше сматываться.

— Что?

— Пошли.

— Ну пошли! — Питер Марлоу поднялся. — Веди нас, Макдуф! — весело добавил он.

— Не понял.

— Просто поговорка. Она означает: «Давай сматываться».

Довольные тем, что остались друзьями, они углубились в джунгли. Перейти дорогу оказалось просто. Теперь, когда они миновали территорию, охраняемую подвижными патрулями, они пошли коротким путем и были уже в четверти мили от проволоки. Кинг шагал впереди, спокойно и уверенно. Только тучи светлячков и москитов отравляли путешествие.

— Господи, как кусаются!

— Да. Если бы можно было их всех зажарить, — шепотом ответил Питер Марлоу.

А потом они увидели штык, направленный прямо на них, и замерли как вкопанные.

Японец сидел, прислонившись к дереву, глаза его смотрели на них, гримаса искажала лицо, а штык он держал на коленях.

Их мысли были одинаковыми. Господи! Утрам Роуд! Я покойник. Убивай!

Кинг среагировал первым. Он бросился на охранника, вырвал у него винтовку со штыком, откатился, метнувшись в сторону, потом вскочил на ноги, подняв винтовку, чтобы прикладом размозжить лицо японцу. Питер Марлоу нырнул, пытаясь схватить охранника за горло. Какое-то шестое чувство остановило его, и он отвел судорожно сжатые пальцы и вцепился в дерево.

— Уходим от него! — Питер Марлоу вскочил на ноги, схватил Кинга и оттащил его в сторону.

Охранник не пошевелился. Та же злобная ухмылка застыла на его лице с широко открытыми глазами.

— Что за черт? — судорожно выдохнул Кинг, охваченный паникой, по-прежнему держа винтовку высоко над головой.

— Уходим! Бога ради, поторопитесь! — Питер Марлоу вырвал винтовку из рук Кинга и бросил ее рядом с мертвым японцем. И тогда Кинг увидел на коленях у человека змею.

— Боже, — прохрипел он.

Питер Марлоу яростно вцепился в него.

— Уходим! Ради всего святого, бежим!

Он помчался прочь от этих деревьев, напролом продираясь через заросли. Кинг бежал за ним. Добежав до поляны, они остановились.

— Вы спятили, — Кинг поморщился, задыхаясь. — Это всего лишь дурацкая змея.

— Это была летающая змея, — переводя дыхание, сказал Питер Марлоу. — Они живут на деревьях. Мгновенная смерть от укуса, старина. Эти змеи забираются на деревья, потом планируют по спирали на землю, падая на свои жертвы. На коленях у японца была одна змея, а еще одна — под ним. Должны были быть еще, потому что эти змеи всегда живут выводками.

— Господи!

— На самом деле, старина, мы должны быть благодарны этим чертовым змеям, — произнес Питер Марлоу, стараясь успокоить дыхание. — Этот япошка был еще теплый. Он умер пару минут назад. Если бы его не укусила змея, он бы поймал нас. И мы должны благодарить Бога за нашу ссору. За это время поработали змеи. Мы никогда не были так близки к катастрофе! К смертельной! Никогда.

— Как бы там ни было, я не хочу видеть этого чертового япошку, у которого этот чертов штык направлен прямо на меня посреди этой чертовой ночи. Пошли. Лучше убраться отсюда прочь.

Они подошли к условленному месту около колючей проволоки, уселись и стали ждать. Нельзя было лезть через проволоку. Слишком много людей вокруг. Постоянно ходили люди, лагерные призраки, страдающие бессонницей, полусонные.

Было приятно отдохнуть, они оба почувствовали, как дрожат колени, и благодарили судьбу за то, что остались живы.

«Боже, — думал Кинг, — ну и ночь. Если бы не Пит, я был бы покойником. Я уже собирался поставить ногу на колено японца, после того, как ударил бы его винтовкой. Моя нога была в шести дюймах от змеи! Ненавижу их! Сучьи создания!»

Когда Кинг успокоился, он понял, что его уважение к Питеру Марлоу возросло.

— Вы во второй раз спасли мою голову, — прошептал он.

— Вы первый добрались до винтовки. Если бы японец был жив, вы бы убили его. Я опоздал.

— Правда, я был первым. — Кинг замолчал, потом ухмыльнулся. — Эй, Питер. У нас с вами получается хорошая команда. С вашей красотой и моими мозгами мы хорошо справимся.

Питер Марлоу начал смеяться. Он старался удержать смех и покатился по земле. Сдавленный смех и слезы, струящиеся по его лицу, заразили Кинга, и он тоже начал корчиться от смеха. Наконец Питер Марлоу сказал, задыхаясь:

— Заткнитесь, ради Бога.

— Вы начали первым.

— Нет.

— Конечно, вы, вы сказали, вы сказали... — Но Кинг не мог продолжать. Он вытер слезы. — Вы видели этого японца? Этот сукин сын просто сидел, как обезьяна...

— Посмотрите!

Смех оборвался.

По другую сторону колючей проволоки по лагерю шел Грей. Они видели, как он остановился напротив хижины американцев. Видели, как он притаился в тени, потом посмотрел через проволоку, почти прямо на них.

— Вы думаете, он в курсе? — прошептал Питер Марлоу.

— Не знаю. Но совершенно уверен, что сейчас мы не можем рисковать. Погодим.

Они ждали. Небо начало светлеть. Грей стоял в тени, приглядываясь к хижине американцев, потом оглядел лагерь. Кинг знал, что с того места, где стоит Грей, видна его кровать. Он знал. Грею видно, что его нет на месте. Но одеяла были отвернуты, и можно подумать, что он бродит где-то в лагере. Нет закона, по которому нельзя было бы выходить из хижины. Но поторопись. Грей, убирайся отсюда к черту.

— Нам скоро нужно идти, — сказал Кинг. — Свет — наш противник.

— Как насчет другого места?

— Он просматривает весь забор, от дороги до угла.

— Думаете, что произошла утечка — кто-то стукнул?

— Возможно. Но, может быть, просто совпадение, — Кинг прикусил губу.

— Как насчет того места, где уборные?

— Слишком опасно.

Они ждали. Потом увидели, как Грей еще раз посмотрел через забор в их сторону и ушел. Они следили за ним, пока он не скрылся за углом тюрьмы.

— Может быть, это ловушка, — прошептал Кинг. — Подождем пару минут.

Секунды тянулись как часы — небо светлело, и темнота рассеивалась. Сейчас около забора не было никого.

— Сейчас или никогда, пошли.

Они подбежали к забору; секунды потребовались на то, чтобы пролезть под проволокой и оказаться в траншее.

— Иди в свою хижину. Раджа. Я подожду.

— О'кей.

Несмотря на свой рост, Кинг легко и быстро добежал до своей хижины. Питер Марлоу выбрался из траншеи. Какое-то чувство подсказало ему сесть на край и посмотреть на лес за проволокой. Краем глаза он заметил, как Грей вышел из-за угла и остановился. Питер Марлоу понял, что его заметили.

— Марлоу!

— А, привет. Грей. Вам тоже не спится? — спросил он, потягиваясь.

— Сколько времени вы провели здесь?

— Несколько минут. Я устал ходить и присел.

— Где ваш приятель.

— Который?

— Американец. — Грей ухмыльнулся.

— Не знаю. Думаю, спит.

Грей посмотрел на китайскую одежду. Блуза была разорвана на плечах и мокрая от пота. Грязь, остатки листьев на животе и коленях. Полоска грязи на лице.

— Где вы так вымазались? И почему такой потный?

— Я грязен, потому что... нет вреда в небольшой, настоящей грязи. На самом деле, — сказал Питер Марлоу, вставая и отряхивая брюки на коленях и сзади, — ничего не может сравниться с небольшой грязью, чтобы заставить человека почувствовать себя чистым, когда он смоет ее. А я потею по той причине, что и вы. Вы же знаете, тропики — жара и все такое прочее!

— Что у вас там в карманах?

— У вас подозрительный, тупой ум. Вам кажется, все в лагере таскают контрабанду. Нет правила, запрещающего гулять по лагерю, если не можешь заснуть.

— Это верно, — согласился Грей, — но есть закон, запрещающий прогулки вне лагеря.

Питер Марлоу беззаботно разглядывал Грея, отнюдь не ощущая беззаботности в душе, и стараясь угадать, на что намекал Грей. Знает ли он?

— Надо быть дураком, чтобы сделать это.

— Верно. — Грей долго и тяжело глядел на него. Потом повернулся и пошел прочь.

Питер Марлоу смотрел ему вслед. Затем направился в обратную сторону, не глядя на хижину американцев. Сегодня Мака должны выпустить из госпиталя. Питер Марлоу улыбнулся, представив, как Мак обрадуется такому подарку по возвращении домой.

Из безопасного места, со своей кровати, Кинг следил за Питером Марлоу. Потом не отрывал глаз от Грея — врага, ошестинившегося и зловещего в свете нарождающегося утра.

Тощий, как скелет, лохмотья брюк, грубые местные деревянные сандалии, без рубашки, на руке повязка, потрепанный берет танкиста. Луч солнца осветил танковую эмблему на берете, превратив ее в расплавленное золото.

— Что тебе известно. Грей, сукин ты сын? — спросил себя Кинг.

Книга третья

Глава 15

Это было сразу после рассвета.

Питер Марлоу дремал на своей койке.

«Может, это мне снилось?» — спрашивал он себя, проснувшись. Потом его осторожные пальцы коснулись маленькой тряпочки, в которую был завернут конденсатор, и он понял, что это был не сон.

На верхней койке заворочался Эварт и застонал, просыпаясь.

— Чертова ночь, — проворчал он, свесив ноги с койки.

Питер Марлоу вспомнил, что сегодня была очередь их группы работать на выгребных ямах. Он растолкал Ларкина.

— А? А, Питер, — пробормотал Ларкин, борясь со сном. — Что там?

Питеру Марлоу было трудно удержаться от того, чтобы не выложить новость о конденсаторе, но он хотел дождаться прихода Мака, поэтому просто сказал:

— Наряд на выгребные ямы, старина.

— Черт возьми! Как, снова? — Ларкин распрямил больную спину, подвязал саронг и влез в сандалии.

Они нашли сетчатый черпак, пятигаллоновый бачок и пошли через лагерь, который только начинал просыпаться. Дойдя до уборных, они не обратили внимания на сидящих там людей, а те, в свою очередь, не обратили внимания на них.

Ларкин снял крышку выгребной ямы, а Питер Марлоу быстро провел черпаком по стенкам. Когда он вынул черпак из ямы, тот был полон тараканов. Он вытряхнул их в бачок и провел по стенкам снова. Еще один богатый улов.

Ларкин поставил на место крышку, и они перешли к следующей яме.

— Не трясите бачок, — сказал Питер Марлоу. — Посмотрите, что вы наделали! Я потерял как минимум сотню тараканов.

— Их тут миллионы, — с отвращением ответил Ларкин, перехватывая бачок поудобнее.

Запах был ужасен, зато улов богат. Вскоре бачок был полон. Самые маленькие тараканы достигали в размере полутора дюймов. Ларкин запер крышку бачка, и они зашагали к госпиталю.

— Это не я придумал такую надежную диету, — сказал Питер Марлоу.

— Вы их вправду ели на Яве, Питер?

— Конечно. И вы тоже, между прочим. В Чанги.

Ларкин чуть было не выронил бачок.

— Что?

— Неужели вы думали, что я расскажу врачам о местном деликатесе и одновременно источнике протеина и не воспользуюсь им для нас?

— Но мы ведь договорились! — заорал Ларкин. — Мы втроем договорились, что не будем готовить ничего непонятного, не предупредив сначала остальных.

— Я рассказал Маку, и он согласился.

— Но я-то нет, черт побери!

— Да, ладно, полковник! Нам пришлось ловить их и готовить тайком от вас да еще и выслушивать, как вы хвалите нашу стряпню. Мы так же брезгливы, как и вы.

— Ну, в следующий раз я хочу знать. Это, будь я проклят, приказ!

— Слушаюсь, сэр! — фыркнул Питер Марлоу.

Они отнесли бачок на кухню госпиталя. На ту крошечную кухню, которая кормила безнадежно больных.

— Когда они вернулись в барак. Мак уже ждал их. Кожа у него была сероватого цвета, глаза налиты кровью, руки дрожали, но с лихорадкой он справился. Он снова улыбался.

— Приятно видеть вас, приятель, — сказал Ларкин, садясь.

— Да.

Питер Марлоу с отсутствующим видом вынул маленькую тряпочку.

— Да, кстати, — сказал он с подчеркнутой небрежностью, — это может когда-нибудь пригодиться.

Мак равнодушно развернул тряпочку.

— Проклятье! — только и сказал Ларкин.

— Черт возьми, Питер, — прошептал Мак, пальцы его тряслись, — вы хотите, чтобы со мной случился сердечный приступ?

Голос Питера Марлоу был таким же безразличным, как и выражение лица, но при этом душа его пела.

— Нет смысла расстраиваться из-за пустяка.

Радость выплеснулась наружу. Он сиял.

— Будь прокляты вы и ваша английская игра в скрытность. — Ларкин старался говорить сердито, но и его лицо просветлело. — Где вы достали это, приятель?

Питер Марлоу пожал плечами.

— Глупый вопрос. Простите, Питер, — извинился Ларкин.

Питер Марлоу знал, что его никогда не спросят об этом снова. Гораздо надежнее, если они не будут знать про деревню.

* * *

Над лагерем стояли сумерки.

Ларкин караулил. Питер Марлоу караулил. Под противомоскитной сеткой Мак присоединил конденсатор. Потом, сгорая от нетерпения и прочитав про себя молитву, он воткнул провод в сеть. Обливаясь потом, надел единственный наушник.

Мучительное ожидание. Под сеткой нечем дышать, бетонные полы и стены накопили за день тепло. Рассержено жужжал москит. Мак чертыхнулся, но не сделал попытки найти и убить насекомое, — в наушнике слышалось потрескивание.

Напряженные пальцы, мокрые от пота, скользили по отвертке. Он вытер их. Нашел настроечный винт и начал поворачивать его осторожно, ох как осторожно. Статические разряды. Только статические разряды. Потом он услышал музыку. Играл оркестр Гленна Миллера.

Музыка прекратилась, и диктор сказал:

— Говорит Калькутта. Мы продолжаем концерт Гленна Миллера записью его мелодии «Серенада солнечной долины».

Через дверной проем Мак видел Ларкина, сидящего на корточках в тени, а за ним людей, бредущих по проходу между рядами бетонных бараков. Ему хотелось выскочить и заорать: «Парни, хотите немного погоды послушать новости? Я поймал Калькутту».

Мак послушал еще минуту, потом разобрал приемник, аккуратно положил флаги в их серо-зеленые войлочные чехлы и оставил валяться на койках. В десять будут передавать новости из Калькутты, поэтому, чтобы сэкономить время. Мак спрятал провод и наушник под матрас, вместо того чтобы уложить их в третью флагу.

Он так долго сидел скрючившись под сеткой, что, когда встал, у него сильно хрустнуло в спине. Он застонал. Ларкин оглянулся, не покидая своего поста.

— В чем дело, приятель? Не можете заснуть?

— Нет, приятель, — Мак вышел и сел на корточках рядом с ним.

— Не стоит вам так напрягаться в первый день после госпиталя.

Ларкину не нужно было объяснять, что радио работает.

Глаза Мака горели от возбуждения. Ларкин шутливо толкнул его.

— С вами все в порядке, старина?

— Где Питер? — спросил Мак, зная, что тот караулит около душевых.

— Вон там. Тупица, расселся. Посмотрите на него.

— Эй, 'Mahlu sana! — крикнул Мак.

Питер Марлоу уже понял, что все в порядке, встал, подошел к бараку и ответил:

— 'Mahlu senderis, — ему тоже не нужно было ничего объяснять.

— Как насчет партии в бридж? — спросил Мак.

— Кто будет четвертым?

— Эй, Гэвин, — крикнул Ларкин. — Хотите быть четвертым?

Майор Гэвин Росс сполз со складного стула. Опершись на костыль, он доковылял к ним от соседнего барака, обрадовавшись приглашению. Ночи всегда такие тяжелые. Никому ненужный паралитик. Когда-то мужчина, а сейчас ничто. Бесполезные ноги. Прикован на всю оставшуюся жизнь к креслу на колесах.

Он был ранен в голову крошечным осколком шрапнели прямо перед капитуляцией Сингапура.

— Не о чем беспокоиться, — твердили ему доктора. — Мы сможем вынуть его, как только доставим вас в госпиталь с необходимым оборудованием. У нас полно времени.

Но до сих пор не было госпиталя с необходимым оборудованием, а время утекало.

— Рад, что позвали, — сказал он вымученно, усаживаясь на цементный пол. Мак нашел подушку и передал ему.

— Возьмите, старина!

Он быстро устроился. Питер Марлоу тем временем доставал карты, а Ларкин освобождал место. Гэвин поднял левую ногу и убрал ее, чтобы она не мешала, отсоединив для этого проволочную пружину, соединявшую носок его ботинка с повязкой на ноге, сразу под коленом. Потом отодвинул другую ногу, тоже парализованную, и, сидя на подушке, откинулся к стене.

— Так лучше, — заключил Гэвин, быстрым нервным движением поглаживая свои усы в стиле кайзера Вильгельма.

— Как ваши головные боли? — машинально спросил Ларкин.

— Ничего, старина, — также машинально ответил Гэвин. — Вы мой партнер?

— Нет. Вы можете играть с Питером.

— Господи, этот парень всегда бьет козырем моего туза.

— Это было только один раз, — рассмеялся Питер Марлоу.

— Один раз за вечер, — подтвердил Мак, начиная сдавать.

— 'Mahlu.

— Две пики, — объявил Ларкин торжественно. И начался яростный торг.

Позже этим же вечером Ларкин стукнул в дверь одного из барачков.

— Да? — спросил Смедли-Тейлор, всматриваясь в темноту.

— Простите за беспокойство, сэр.

— А, здравствуйте, Ларкин. Что-нибудь случилось? Всегда неприятности. С трудом вставая с койки, он недоумевал, что принесло австралийца в этот час.

— Нет, сэр. — Ларкин убедился, что никто не может их слышать. Его слова были тихими и обдуманными. — Русские в сорока милях от Берлина. Манила освобождена. Янки высадились на Корре-Хидоре и на Иводзиме.

— Вы уверены в этом, приятель?

— Да, сэр.

— Кто... — Полковник Смедли-Тейлор запнулся. — Нет. Я не хочу ничего знать. Сядьте, полковник, — сказал он тихо. — Вы абсолютно уверены?

— Да, сэр.

— Могу сказать только одно, полковник, — старик говорил невыразительно и мрачно, — я ничем не смогу помочь тому, кого поймают с..., кого поймают. — Он даже не хотел произносить слово «приемник». — Я ничего не хочу знать об этом. — Теперь улыбка пробежала по его твердому лицу, смягчив его. — Я только прошу охранять его ценой своей жизни и немедленно сообщать мне все, что вы услышите.

— Слушаюсь, сэр. Мы предполагаем...

— Я ничего не хочу слышать. Только новости. — Смедли-Тейлор дотронулся до его плеча, — Извините.

— Так надежнее, сэр. — Ларкин был рад, что полковник не хочет выслушивать их план. Они решили, что будут сообщать новости только нескольким лицам. Ларкин расскажет Смедли-Тейлору и Гэвину Россу. Мак передаст их майору Тули и лейтенанту Босли — своим личным друзьям, а Питер расскажет их Кингу и отцу Доновану, капеллану католиков, а те передадут их двум следующим людям, которым они доверяют, и так далее. «Хороший план, — думал Ларкин. — Прав был Питер, когда не захотел сказать, где он достал конденсатор. Славный он парень, этот Питер».

Чуть позже, этим же вечером, когда Питер Марлоу вернулся в свою хижину, повидавшись с Кингом, Эварт не спал. Он высунул голову из-под сетки и возбужденно прошептал:

— Питер. Ты слышал новости?

— Какие новости?

— Русские в сорока милях от Берлина. Янки высадились на Иводзиме и Корре-Хидоре.

Питер Марлоу похолодел. Бог мой, так быстро?

— Сплетни, Эварт. Дурацкая чепуха.

— Нет, не глупость, Питер. В лагере новый приемник. Это правда. Не сплетни. Правда. Здорово! О, Господи, самое главное я забыл. Янки освободили Манилу. Теперь недолго осталось ждать.

— Я поверю в это, когда увижу собственными глазами. «Может быть, нам стоило рассказать об этом только Смедли-Тейлору и никому больше, — думал Питер Марлоу, лежа на койке. — Если знает Эварт, секрета не скроешь».

Он нервно прислушивался к шуму лагеря. Можно было почти наверняка определить, что в Чанги растет возбуждение. Лагерь знал — опять есть связь с остальным миром.

* * *

Иошима потел от страха, стоя навтыжку перед разгневанным генералом.

— Ты, тупица, ленивый, дурак, — говорил генерал.

Иошима приготовился к удару, и он последовал в виде сильной пощечины.

— Ты найдешь это радио или будешь разжалован в рядовые. Твой перевод отменен. Свободен!

Иошима четко отдал честь. Его поклон был олицетворением покорности. Он покинул генеральский кабинет, радуясь, что так легко отделался. Черт бы драл этих несносных пленных!

В казарме он выстроил в шеренгу своих подчиненных и набросился на них с руганью, раздавая пощечины до тех пор, пока не заболела рука. Сержанты, в свою очередь, лупили капралов, те били рядовых, а рядовые били корейцев. Приказы были четкими: «Достать это радио, а не то...»

Но в течение пяти дней ничего не произошло. Потом тюремщики набросились на лагерь и просто растащили его по частям. Но ничего не нашли. Предателю в лагере не было пока известно о местонахождении приемника. Ничего не произошло, если не считать того, что обещание вернуть лагерю обычные нормы довольствия, было отменено. Лагерь приготовился к ожиданию на долгие дни, которые казались еще длиннее из-за недостатка еды. Но они знали — по крайней мере новости. Не слухи, а новости. А новости были очень хорошими. Война в Европе подходила к концу.

Но даже это не отвело от пленных тень похоронного покрывала. Запасы еды были у немногих. Но хорошие новости — это ловушка. Если война в Европе кончится, на Тихий океан придут новые войска. В конечном счете будет совершена высадка на территорию Японии. А такая высадка приведет тюремщиков в бешенство. Все понимали — у Чанги может быть только один конец.

Питер Марлоу шел к курятникам, его фляга болталась у бедра. Мак, Ларкин и он решили, что безопаснее носить фляги с собой. На случай внезапного обыска.

Он был в хорошем настроении. Хотя заработанные деньги давно вышли, Кинг дал ему еды и табака в счет будущих заработков. «Господи, какой человек, — думал Питер Марлоу. — Если бы не он. Мак, Ларкин и я голодали бы так же, как и все остальные в Чанги».

День выдался прохладный. Дождь, прошедший накануне, прибил пыль. Подходило время завтрака. Приближаясь к курятникам, он прибавил шаг. Может быть, сегодня будут яйца. Потом остановился, ошеломленный.

Около клетки, которая принадлежала группе Питера Марлоу, собралась небольшая толпа, сердитая, гневная толпа. К своему удивлению, он заметил в ней Грея. Перед Греем стоял полковник Фостер, голый, если не считать грязной набедренной повязки. Он подпрыгивал, как маньяк, несвязно выкрикивая ругательства в адрес Джонни Хокинса, который прижимал к груди свою собаку, защищая ее от полковника.

— Привет, Макс, — сказал Питер Марлоу, подойдя к курятнику Кинга. — В чем дело?

— Привет, Пит, — легкомысленно ответил Макс, перекладывая грабли из руки в руку. Он заметил бессознательную реакцию Питера Марлоу на обращение «Пит». Офицеры! Ты пытаешься считать офицера обычным парнем, называешь его по имени, а его это бесит. Черт с ними!

— Да, Пит. — Он повторил «Пит» просто для того, чтобы насолить. — Вся заваруха началась час назад. Кажется, собака Хокинса забралась в курятник греков и убила одну курицу.

— Не может быть!

— Они принесут ему его голову, это уж точно.

Фостер визжал.

— Я хочу взамен другую курицу и возмещение убытков. Эта тварь убила одного из моих детей, я хочу, чтобы было предъявлено обвинение в убийстве.

— Но, полковник, — сказал Грей, теряя терпение, — это была курица, а не ребенок. Вы не можете предъявлять...

— Мои куры, это мои дети, идиот! Курица, ребенок, какая разница? Хокинс грязный убийца. Убийца, вы слышите?

— Послушайте, полковник, — сердито сказал Грей. — Хокинс не может дать вам другую курицу. Он приносит извинения. Собака сорвалась с привязи...

— Я требую разбора в трибунале. Хокинс убийца и его тварь тоже убийца. — На губах полковника Фостера показалась пена. — Эта проклятая тварь убила мою курицу и съела ее. Она съела ее, и от моего ребенка остались только перья.

Усиливая сумятицу, он вдруг с воплем бросился на Хокинса, пытаясь вырвать собаку из рук хозяина.

— Я убью и тебя, и твою проклятую тварь.

Хокинс увернулся от Фостера и оттолкнул его. Полковник упал на землю, а Ровер испуганно заскулил.

— Я сказал, что виноват, — задыхаясь, выдавил Хокинс. — Будь у меня деньги, я с радостью отдал бы вам две, десять кур, но я не могу! Грей... — Хокинс в отчаянии повернулся к нему — ...ради Бога сделайте что-нибудь!

— Что, черт возьми, я могу сделать? — Грей устал, был зол и его мучила дизентерия. — Вы же знаете, я ничего не могу сделать. Мне придется доложить об этом. Но вам лучше избавиться от этой собаки.

— Что вы имеете в виду?

— Боже правый, — обрушился на него Грей, — я хочу сказать, чтобы вы избавились от нее. Убейте ее. А если не можете сами, найдите кого-нибудь, кто сделает это за вас. Но, Бога ради, к вечеру в лагере ее не должно быть.

— Это моя собака. Вы не можете приказывать...

— Черта с два, могу! — Грей пытался справиться с судорогами в животе. Ему нравился Хокинс, всегда нравился, но сейчас это ничего не значило. — Вы знаете правила. Вас предупреждали о том, чтобы вы держали ее на поводке и не пускали в это место. Ровер убил и съел курицу. Есть свидетели, которые видели это.

Полковник Фостер поднялся с земли, глаза его были темными и круглыми.

— Я убью ее, — шипел он. — Эту собаку убью я. Око за око. Грей перегородил дорогу Фостеру, который приготовился к следующему нападению.

— Полковник Фостер. Я подам об этом рапорт. Капитану Хокинсу приказано убить собаку... Фостер, казалось, не слышал Грея.

— Мне нужна эта тварь. Я убью ее. Так же, как она убила мою курицу. Собака моя. Я убью ее. — Он начал потихоньку продвигаться вперед, изо рта у него текли слюни. — Так же, как она убила моего ребенка.

Грей вытянул руку.

— Нет! Ее убьет Хокинс.

— Полковник Фостер, — униженно начал Хокинс. — Я умоляю, пожалуйста, примите мои извинения. Позвольте мне сохранить собаку, это больше не повторится.

— Нет, не позволю, — безумно рассмеялся полковник. — Считайте, она уже мертва, и она моя. — Он рванулся вперед. Хокинс быстро отпрянул назад, а Грей поймал полковника за руку.

— Хватит, — закричал Грей, — или я арестую вас! Старшему офицеру не подобает вести себя так. Отстаньте от Хокинса. Убирайтесь.

Фостер вырвал у Грея свою руку. Голос его был чуть громче шепота, когда он обратился к Хокинсу:

— Я сведу с тобой счеты, убийца. Я сведу с тобой счеты.

Он вернулся в курятник и забрался в закуток, где спал и ел вместе со своими детьми — курами.

Грей обратился к Хокинсу:

— Мне очень жаль, Хокинс, но вам придется избавиться от животного.

— Грей, — взмолился Хокинс, — прошу вас, отмените приказ. Прошу, умоляю вас, я сделаю что угодно, что угодно.

— Не могу, — у Грея не было выбора. — Вы же знаете, что я не могу, Хокинс, старина. Не могу. Избавьтесь от нее. И сделайте это быстро.

Он круто повернулся и ушел.

Щеки Хокинса были мокрыми от слез, собака, как в люльке, сидела на его руках. Он увидел Питера Марлоу.

— Питер, ради Бога, помогите мне.

— Не могу, Джонни. Извините, но здесь ни я, ни кто-то другой ничего не может сделать.

Убитый горем Хокинс оглядел стоявших вокруг людей. Он плакал, не скрывая слез. Мужчины отворачивались, потому что ничего нельзя было сделать. Если бы курицу убил человек, наверное, было бы то же самое, возможно, то же самое.

Минута соболезнования прошла, Хокинс убежал, рыдая, по-прежнему держа Ровера на руках.

— Бедняга, — сказал Питер Марлоу Макс.

— Да, но, слава Богу, эта курица не принадлежала Кингу. Боже, тогда бы меня постигла та же судьба!

Макс запер курятник, кивнув Питеру Марлоу на прощание.

Макс любил ухаживать за курами. Иной раз можно добыть дополнительное яйцо. И нет никакого риска, если быстро выпить яйцо, раздробить скорлупу в порошок и бросить ее в корм для кур. Никаких улик. А скорлупа курам полезна. И, черт возьми, что значит для Кинга потеря одного яйца? Если для Кинга есть хоть одно яйцо в день, нечего волноваться. Нет, черт побери! Макс был в самом деле счастлив. В течение целой недели он будет ухаживать за курами.

После завтрака Питер Марлоу лежал, отдыхая, на своей койке.

— Прошу прощения, сэр.

Питер Марлоу поднял голову и увидел Дино, стоявшего возле койки.

— Да? — Он оглядел хижину и почувствовал беспокойство.

— Могу ли я поговорить с вами, сэр?

«Сэр» прозвучало дерзко, как обычно. «Почему американцы с такой издевкой произносят это слово?» — думал Питер Марлоу, вставая и выходя за Дино.

Дино остановился на тропинке между двумя хижинами.

— Послушайте, Пит, — торопливо начал он. — Кинг хочет видеть вас. Он сказал, чтобы вы привели с собой Ларкина и Мака.

— Что случилось?

— Он просто сказал привести их. Вам надо встретиться с ним в тюрьме, в камере пятьдесят четыре на четвертом этаже через полчаса.

Офицерам не разрешалось заходить в тюрьму. Таковы были японские приказы. Проводила их в жизнь военная полиция. Господи! Сейчас это опасно.

— Это все, что он сказал?

— Да. Это все. Камера пятьдесят четыре, четвертый этаж, через полчаса. Увидимся, Пит.

«Что же происходит?» — спрашивал себя Питер Марлоу. Он заторопился к Ларкину и Маку.

— Что вы думаете, Мак?

— Ну, паренек, — осторожно сказал Мак. — Я думаю, что Кинг едва бы пригласил нас троих, ничего не объясняя, если бы это не было важно.

— Как насчет похода в тюрьму?

— На случай, если нас поймают, — сказал Ларкин, — лучше придумать отговорку. Грей наверняка узнает об этом и что-нибудь заподозрит. Лучше нам пробираться туда раздельно. Я всегда могу сказать, что собираюсь навестить какого-нибудь австралийца, которого поместили в тюрьме. Как насчет тебя, Мак?

— Там расквартированы люди из малайского полка. Я мог бы сказать, что пришел повидаться с ними. А вы, Питер?

— Там есть какие-то люди из авиации, которых я мог бы навестить, — Питер Марлоу заколебался. — Может, лучше мне сходить и посмотреть, что там и как, а потом вернуться и рассказать вам.

— Нет. Если вы войдете незамеченным, вас вполне могут поймать на выходе и задержать. Тогда они никогда не разрешат вам войти внутрь снова. Вы не сможете не подчиниться приказу. Нет. Думаю, нам надо идти. Но порознь. — Ларкин улыбнулся. — Загадка? Интересно, в чем дело?

— Молю Бога, чтобы это не оказалось какой-нибудь неприятностью.

— Эх, паренек, — сказал Мак. — Жизнь сегодня — это уже неприятность. Я очень неуютно буду чувствовать себя, если не пойду, — у Кинга влиятельные друзья. Ему, может быть, что-то известно.

— Что будем делать с флягами?

Они подумали секунду, потом Ларкин сказал:

— Возьмем с собой.

— Это не опасно? Я имею в виду, что в тюрьме в случае внезапного обыска мы не сможем спрятать их.

— Если нам суждено быть пойманными, нас поймают. — Ларкин был серьезен, лицо его стало жестким. — Чему быть, того не миновать.

* * *

— Эй, Питер, — окликнул его Эварт, увидев, как Питер Марлоу выходит из хижины. — Ты забыл свою нарукавную повязку.

— О, благодарю. — Питер Марлоу выругался про себя, возвращаясь назад к койке. — Забыл про эту чертову штуку.

— Я тоже всегда забываю.

— Еще раз спасибо.

Питер Марлоу присоединился к людям, идущим по тропинке вдоль стены. Он пошел по ней на север, повернул за угол, оказался перед воротами. Он сорвал повязку, сразу же почувствовав себя раздетым. Впереди, в двух сотнях ярдов, дорога на запад кончалась. Заграждение сейчас было убрано, так как группы пленных возвращались с дневных работ. Многие изнемогали от усталости, волоча большие тележки, нагруженные пнями, которые были с огромным трудом выкорчеваны из болот и предназначались для лагерных кухонь. Питер Марлоу вспомнил, что послезавтра и он пойдет на эти работы. Он ничего не имел против почти ежедневной работы на аэродроме, это было нетрудно. Но

заготовка дров — совсем другое дело. Трелевание бревен — опасная работа. Все делалось вручную, без каких-либо приспособлений, которые бы могли облегчить работу. Многие ломали руки и ноги, растягивали сухожилия. Всем здоровым в лагере приходилось выходить на такие работы раз или два в неделю, офицеры работали наравне с рядовыми. Дрова нужны были каждый день, а кухня пожирала их очень много. Это было справедливо, что те, кто был здоров, работали за больных.

Рядом с воротами стоял наряд военной полиции, а по другую сторону ворот корейский охранник, прислонившись к стене, курил и сонно наблюдал за проходящими мимо людьми. Полицейский смотрел на группу пленных, устало бредущих через ворота. Кто-то лежал на повозке. Обычно один или два человека завершали день именно так, но нужно было очень устать или сильно заболеть, чтобы тебя привезли домой в Чанги таким способом.

Питер Марлоу проскользнул мимо невнимательных стражей и присоединился к пленным, которые толкались на огромной бетонной площадке.

Он нашел вход в один из тюремных коридоров и начал пробираться через металлические лестницы, кровати и расстеленные матрасы. Люди были везде. На лестницах, в коридорах, в открытых камерах, четверо или пятеро в камере, рассчитанной на одного. Он почувствовал ужас от этого копошащегося людского муравейника. Вонь была тошнотворной. Вонь от гниющих тел. Вонь от немытых человеческих тел. Вонь от людей, длительное время прикованных к постели. Вонь от стен, от тюремных стен.

Питер Марлоу нашел камеру 54. Дверь была закрыта, но он открыл ее и вошел. Мак и Ларкин уже были там.

— Господи, от этого запаха с души воротит!

— Меня тоже, приятель.

Ларкин обливался потом. Мак обливался потом. Воздух был спертый, бетонные стены влажными, они тоже потели и были в пятнах плесени от многолетнего потения.

Камера — семь футов в ширину, восемь в длину и десять в высоту. Основное пространство занимала кровать — бетонный блок, вмонтированный в стену, высотой три фута, шириной тоже три и шесть футов в длину. Из кровати выступало бетонное изголовье. В одном углу камеры была уборная — дыра в полу, соединенная с канализационной трубой. Канализация давно не работала. На высоте девяти футов от пола крошечное зарешеченное окно, но увидеть из него небо было невозможно, потому что стены были толщиной два фута.

— Мак, мы подождем его несколько минут, потом смоемся из этого проклятого места, — заявил Ларкин.

— Хорошо, приятель.

— По крайней мере давайте откроем дверь, — предложил Питер Марлоу, который начал задыхаться.

— Лучше держать ее закрытой, Питер. Безопаснее, — тревожно возразил Ларкин.

— Я бы скорее умер, чем согласился бы жить здесь.

— Да. Хвала Господу, мы живем не здесь.

— Эй, Ларкин. — Мак показал на одеяла, лежавшие на бетонной кровати. — Не понимаю, где люди, которые живут в этой камере. Не могут же они все быть на работах.

— Я тоже не знаю. — Ларкин все больше нервничал. — Давайте сматываться... Дверь открылась, и, сияя улыбкой, вошел Кинг.

— Привет, ребята! — В руках у него были какие-то свертки. Он отступил в сторону, пропуская Текса, тоже нагруженного. — Положи все на кровать, Текс.

Текс поставил электроплитку, большую кастрюлю и ногой закрыл дверь. Все удивленно наблюдали за происходящим.

— Принеси воды, — распорядился Кинг.

— Хорошо, — ответил Текс.

— Что происходит? Вы хотели видеть нас? — спросил Ларкин.

Кинг рассмеялся.

— Предстоит небольшая стряпня.

— Господи! Вы хотите сказать, что собрали нас ради этого? Почему, черт побери, мы не могли сделать это у нас дома?

Ларкин был разъярен. Кинг же смотрел на него и ухмылялся. Затем повернулся и раскрыл какой-то сверток. Вернулся с водой Текс и поставил кастрюлю на плитку.

— Раджа, послушайте, что... — Питер Марлоу запнулся. Кинг высыпал в воду не меньше двух фунтов бобов, посолил и положил две полные ложки сахара. Потом развернул другой сверток, завернутый в банановый лист, и показал его содержимое.

— Матерь Божья!

Все замолкли, ошеломленные.

Кинг был доволен произведенным впечатлением.

— Говорил я тебе, Текс, — ухмыльнулся он. — Ты должен мне доллар.

Мак протянул руку и потрогал мясо.

— 'Mahlu! Да оно настоящее!

Ларкин тоже потрогал мясо.

— Я и забыл, как оно выглядит, — сказал он голосом, полным благоговейного трепета. — Проклятье, вы гений. Вы гений!

— Сегодня мой день рождения. Поэтому я решил отпраздновать его вместе с вами. И у меня есть еще вот что, — сказал Кинг, показывая бутылку.

— Что это?

— Саке!

— Я не верю, — сказал Мак. — Да здесь целая задняя часть свиньи. — Он наклонился и понюхал.

— Бог мой, она настоящая, настоящая, настоящая и свежа, как майский день, ура! Все засмеялись.

— Лучше запри дверь, Текс. — Кинг повернулся к Питеру Марлоу. — Все в порядке, компаньон?

Питер Марлоу никак не мог оторвать взгляд от мяса.

— Где вы его взяли, черт побери?

— Долгая история! — Кинг вынул нож, ловко разделал окорок и положил мясо в кастрюлю. Они смотрели, как он добавил щепотку соли, поставил кастрюлю точно на середину плитки, потом сел на бетонную койку, скрестив ноги. — Не плохо, а?

Долгое время все молчали.

Поворот дверной ручки разрушил очарование. Кинг кивнул Тексу, который отпер дверь, приоткрыл ее, потом широко распахнул. Вошел Браф.

Он удивленно огляделся. Потом увидел плитку. Подошел и заглянул в кастрюлю.

— Будь я проклят!

Кинг ухмыльнулся.

— У меня день рождения. Вот я и пригласил вас пообедать.

— Гость уже пришел, — Браф протянул руку Ларкину. — Дон Браф, полковник.

— Меня зовут Грант! Вы знакомы с Маком и Питером?

— Конечно. — Браф повернулся к Тексу. — Привет, Текс!

— Рад вас видеть. Дон.

Кинг показал на кровать.

— Садитесь, Дон. Нам надо немного поработать.

Питера Марлоу удивляло, что американские рядовые и офицеры с такой непринужденностью называют друг друга по именам. В этом не чувствовалось ни неуважения, ни подхалимства, это казалось почти естественным. Он замечал, что приказам Брафа всегда подчинялись, хотя все в глаза называли его Доном. Удивительно.

— В чем заключается работа? — спросил Браф. Кинг вытащил обрывки простыней.

— Нам придется законопатить дверь.

— Что? — недоверчиво спросил Ларкин.

— Обязательно, — пояснил Кинг. — Когда наша стряпня начнет вариться, может начаться бунт. Парни учуют запах. Господи, представьте сами! Нас могут разорвать на части. Я подумал, это единственное место, где мы приготовим еду в тайне. Запах в основном будет выходить в окно. Если мы, конечно, плотно заткнем дверь. На улице мы не могли бы готовить, это уж точно.

— Ларкин был прав, — серьезно заявил Мак. — Вы гений. Я бы никогда об этом не подумал. Поверьте мне, — добавил он, смеясь, — с этого момента американцы — мои друзья!

— Спасибо, Мак. Теперь нам лучше приняться за дело.

Гости Кинга полосками ткани законопатили щели вокруг двери и закрыли в ней решетчатый глазок. Кинг проверил их работу.

— Хорошо, — заключил он. — А что будем делать с окном?

Они посмотрели на небольшую зарешеченную часть неба, и Браф сказал:

— Оставим все как есть, пока похлебка не начнет кипеть. Потом мы заткнем окно и будем терпеть сколько сможем. Потом опять ненадолго откроем его. — Он огляделся по сторонам. — Я считаю, что время от времени мы можем выпускать запах наружу. Как индейский дымовой сигнал.

— На улице есть ветер?

— Будь я проклят, если я это заметил. Кто-нибудь знает?

— Эй, Питер, подсади-ка меня, парень, — сказал Мак.

Мак был самым маленьким из всех мужчин, поэтому Питер Марлоу позволил ему встать на свои плечи. Мак лизнул палец и выставил его наружу сквозь прутья решетки.

— Поторопитесь, Мак, бога ради — вы ведь, понимаете, не цыпленок, — крикнул Питер Марлоу.

— Я проверяю, есть ли ветер, вы, молодой негодяй! — И он снова лизнул палец и выставил его наружу. Мак был так поглощен этим занятием и выглядел так нелепо, что Питера Марлоу начало трясти от смеха. Ларкин присоединился, они корчились от смеха. В результате Мак свалился с высоты шести футов, ободрал ногу о бетонную койку и начал чертыхаться.

— Поглядите на мою чертову ногу, чтоб вас всех, — ругался Мак, задыхаясь. Царапина была небольшой, но показалась струйка крови. — Я почти содрал всю кожу с этой чертовой ноги.

— Послушайте, Питер, — простонал Ларкин, держась за живот. — У Мака есть кровь. Я всегда думал, что у него в венах только латекс!

— Идите к дьяволу, негодяи, 'mahlu, — раздраженно сказал Мак, потом приступ хохота охватил и его. Он встал, сгреб в охапку Питера Марлоу и Ларкина и запел: «Хоровод среди роз, руки полны цветов...»

А Питер Марлоу схватил за руку Брафа, а Браф Текса, и цепочка мужчин, возбужденных песней, раскачивалась вокруг кастрюли, а Кинг, скрестив ноги, сидел позади.

Мак разорвал цепочку.

— Салют, Цезарь. Собирающиеся здесь приветствуют тебя. Они все, как один, отдали ему честь и свалились в кучу.

— Слезьте с моей чертовой руки, Питер!

— Вы мне заехали по яйцам ногой, негодяй, — ругал Ларкин Брафа.

— Извините, Грант. О, Боже! Я не смеялся так уже много лет.

— Эй, Раджа, — окликнул Питер Марлоу. — Думаю, что всем нам надо помешать один раз варево, на счастье.

— Поступайте, как считаете нужным, — ответил Кинг. Ему было чертовски приятно, что эти парни так развеселились. С серьезным видом они выстроились в очередь, и Питер Марлоу помешал варево, которое уже нагрелось. Мак взял ложку, помешал и прочитал над ним непристойную молитву. Ларкин, чтобы не отставать, начал помешивать, приговаривая:

— Кипи, кипи, кипи и закипай...

— Вы спятили? — воскликнул Браф. — Цитирует «Макбета»! Ради бога!

— В чем дело?

— Это сулит несчастье. Цитировать «Макбета». Как свистеть в театральной уборной.

— Неужели?

— Каждому дураку это известно!

— Будь я проклят. Ничего об этом не знал. — Ларкин нахмурился.

— Во всяком случае, вы процитировали неверно, — сказал Браф. — «Пламя, прядай, клоочки. Зелье преи! Котел урчи!» [{18}](#)

— А вот и не так, янки. Я знаю Шекспира!

— Спорим на завтрашнюю порцию риса?

— Послушайте, полковник, — подозрительно вмешался Мак, зная склонность Ларкина к азартным играм. — Никто так просто не бьется об заклад.

— Я прав. Мак, — отрезал Ларкин, но ему не понравилось самодовольное выражение лица американца, — Почему вы так уверены в своей правоте?

— Пари? — спросил Браф.

Ларкин секунду подумал. Он любил азартные игры, но завтрашняя порция риса была слишком большой ставкой.

— Нет. Я поставлю свою порцию риса за карточным столом, но будь я проклят, если поспорю на нее из-за Шекспира.

— Жаль, — сказал Браф. — Мне бы пригодилась дополнительная порция. Это четвертое действие, картина первая, строка десятая.

— Откуда, черт возьми, вам это так точно известно?

— Ничего странного, — объяснил Браф. — Я специализировался по искусству при Конгрессе США, в основном по журналистике и драматургии. Когда все это кончится, я собираюсь стать писателем.

Мак наклонился и взгляделся в кастрюлю.

— Завидую вам, приятель. Писатель — почти самая важная профессия в мире. Если писатель хороший.

— Ерунда, Мак, — сказал Питер Марлоу. — Существует миллион более важных занятий.

— Ваши слова говорят о том, как мало вы знаете.

— Бизнес гораздо важнее, — вставил Кинг. — Без бизнеса жизнь бы остановилась, а без денег и стабильной экономики никто бы не стал покупать книги.

— К черту бизнес и экономику, — заявил Браф. — Это обычные материальные вещи. Все обстоит так, как говорит Мак.

— Мак, — обратился к нему Питер Марлоу. — Почему вы считаете профессию писателя такой важной?

— Ну, паренек, во-первых, это то, чем я всегда хотел заняться и не мог. Много раз пробовал, но ничего не мог дописать до конца. Это самая трудная задача — дописать до конца. Но самое главное состоит в том, что писатели — это единственные люди, которые могут что-то изменить на этой планете. Бизнесмен ничего не может...

— Это чепуха, — воскликнул Кинг. — А как же Рокфеллер? И Морган? И Форд, и Дюпон? И другие? Благодаря их филантропии финансируется черт знает сколько научных исследований, и библиотеки, и больницы, и искусство. Да без их денег...

— Но они сделали свои деньги за счет кого-то другого, — сухо сказал Браф. — Они могли бы легко отдать часть своих миллиардов людям, которые заработали их для них. Эти кровопийцы...

— Я полагаю, вы демократ? — возбужденно спросил Кинг.

— Можете не сомневаться, это так. Посмотрите на Рузвельта. Посмотрите, что он делает для страны. Он вытащил страну, мы ему всем обязаны, а эти чертовы республиканцы...

— Чепуха, и вы понимаете это. Это не имеет никакого отношения к республиканцам. Экономический цикл развития...

— Все эти экономические циклы — бессмысленное вранье. Республиканцы...

— Эй вы, парни, — робко сказал Ларкин. — Никаких разговоров о политике, пока мы не поедем. Что вы на это скажете?

— Ну ладно, — угрюмо согласился Браф, — но этот малый чересчур благодушен.

— Мак, почему это так важно? Я все же не понимаю.

— Писатель может на листе бумаги изложить мысль... или точку зрения. Если писатель хороший, он может оказать влияние на людей, даже если книга написана на туалетной бумаге. И он — единственный в нашей современной экономике, кто может сделать это, кто может изменить мир. Бизнесмен не может ничего без больших денег. Политик бессилён без положения или власти. Плантатор наверняка не может. И бухгалтер не может, верно, Ларкин?

— Конечно.

— Но вы говорите о пропаганде, — сказал Браф. — Я не хочу писать пропагандистские книги.

— Вы когда-нибудь писали для кино, Дон? — спросил Кинг.

— Я никогда ничего никому не продал. Какой же я писатель, если ничего пока не продал. Но кино — это чертовски важно. Вы знаете, Ленин говорил, что кино наиболее важное из пропагандистских средств, когда-либо изобретенных?

Он заметил, что Кинг готов броситься в атаку.

— А я не коммунист, сукин вы сын, я просто демократ.

Он повернулся к Маку.

— Господи, вот так всегда, — если вы читали Ленина, Сталина или Троцкого, вас называют коммунистом.

— Ну, вам следует признать. Дон, — сказал Кинг, — что среди демократов полно розовых.

— С каких это пор доброе отношение к русским означает, что парень является коммунистом? Они наши союзники, вы же это знаете!

— Мне жаль, что так сложилось, с исторической точки зрения, — заметил Мак.

— Почему?

— Потом у нас будет масса проблем. Особенно на востоке. Эти ребята даже перед войной доставляли кучу неприятностей.

— Телевидение скоро завоюет весь мир, — сказал Питер Марлоу, наблюдая, как над поверхностью похлебки колышется тонкая струйка пара. — Вы знаете, я смотрел демонстрации телевидения из Александра-Палас в Лондоне. Бэйярд раз в неделю делает программу.

— Я слышал о телевидении, — сказал Браф. — Никогда не видел.

Кинг кивнул.

— Я тоже не видел, но на нем можно заработать чертову кучу денег.

— Только не в Штатах, это уж наверняка, — проворчал Браф. — Подумайте о расстояниях! Черт, оно, может быть, сгодится для маленьких стран, таких, как Англия, но не для настоящей страны, как Штаты.

— На что вы намекаете? — холодно спросил Питер Марлоу.

— Я имею в виду, что, если бы не мы, война продолжалась бы бесконечно. Ведь наши деньги, наше оружие и наша мощь...

— Послушайте, старина, мы сами хорошо справлялись, давая вам, кретинам, возможность оторвать задницу от стула. Это ваша война в той же степени, как и наша. — Питер Марлоу свирепо посмотрел на Брафа, который ответил таким же свирепым взглядом.

— Чушь! Почему, черт побери, ваши европейцы не могут убивать друг друга так, как они это делали столетиями, и оставить нас в покое. Я не понимаю. Нам приходилось выручать вас из беды и раньше...

И, забыв о времени, они спорили и ругались, и никто никого не слушал, и у каждого было свое твердое мнение, и каждое мнение было правильным.

Кинг сердито замахивался кулаком на Брафа, который в ответ тоже показывал кулак, а Питер Марлоу кричал на Мака, когда неожиданно в дверь с грохотом постучали.

Мгновенно воцарилась тишина.

— Чего вы там орете? — спросил голос.

— Это ты, Гриффитс?

— А ты решил, что это чертов Адольф Гитлер? Ты хочешь, чтобы всех нас посадили или еще что-нибудь?

— Нет. Извини.

— Угломонитесь, черт вас возьми!

— Кто это? — спросил Мак.

— Гриффитс. Это его камера.

— Что?

— Конечно. Я снял ее на пять часов. Три бакса в час. Даром ничего не получишь.

— Вы сняли камеру? — недоверчиво переспросил Ларкин.

— Верно. Этот Гриффитс — толковый делец, — объяснил Кинг. — Вокруг ведь полно народа, верно? Не найти спокойного местечка, так? Этот англичанин сдает камеру любому, кому хочется побыть одному. Не я придумал это, но Гриффитс здорово зарабатывает.

— Готов побиться об заклад, что не Гриффитс придумал, — сказал Браф.

— Капитан, я не умею врать. — Кинг улыбнулся. — Должен признаться, что идея была моя. Но Гриффитс имеет на этом достаточно, чтобы содержать очень хорошо себя и свою группу.

— Сколько вы с этого имеете?

— Всего десять процентов.

— Десять процентов — это справедливо, — сказал Браф.

— Так я есть, — сказал Кинг. Он никогда бы не солгал Брафу. И не только сейчас, но и в любом другом деле. Браф наклонился и помешал варево.

— Эй, парни, оно кипит.

Все стали заглядывать в кастрюлю. Да, похлебка действительно кипела.

— Нам лучше заткнуть окно. Сейчас пойдет запах.

Они заложили одеялом зарешеченное оконце, и вскоре вся комната наполнилась ароматом.

Мак, Ларкин и Текс сидели на корточках около стены, не отрывая глаз от кастрюли. Питер Марлоу сидел на другой стороне кровати, и так как он был ближе всех, то время от времени помешивал содержимое кастрюли.

Вода медленно кипела, заставляя изящные маленькие бобы всплывать на поверхность, потом исчезать опять в глубине кастрюли. Выделилось облачко пара, принесся с собой запах настоящего жирного мяса. Кинг наклонился и бросил в варево горсть местных приправ: куркуму, каджанг, хуан, така и еще гвоздику и чеснок. Запах стал еще сильнее и ароматнее.

Через десять минут Кинг бросил в кастрюлю зеленую папайю.

— С ума сойти, — сказал он. — Можно заработать состояние после войны, если найти способ обезвоживать папайю. Она смягчит и мясо бизона!

— Малайцы всегда употребляют папайю, — ответил Мак, но никто не слушал его, и он сам себя не слушал, потому что жирный сладкий дух обволакивал их.

Пот каплями тек по их груди, подбородкам, ногам и рукам. Но они не замечали пота и тесноты. Они знали только одно: все это не сон; вот мясо варится перед ними, и скоро, очень скоро они примутся за еду.

— Где вы достали его? — спросил Питер Марлоу без особого желания получить ответ. Ему просто надо было что-то сказать, чтобы разрушить это удушающее очарование.

— Это собака Хокинса, — ответил Кинг, не думая ни о чем. В голове звучал один мотив: Бог мой, — как — хорошо-пахнет-как-хорошо-пахнет.

— Собака Хокинса?

— Вы имеете в виду Ровера?

— Его собаку?

— Я думал, это поросенок!

— Собака Хокинса?

— Господи!

— Вы хотите сказать, что это задняя часть Ровера? — спросил ошолбеневший Питер Марлоу.

— Конечно, — сказал Кинг. Теперь, когда секрет был раскрыт, он не беспокоился. — Я собирался вам рассказать после. А в чем дело? Теперь вы знаете.

Они в ужасе посмотрели друг на друга.

Потом Питер Марлоу сказал:

— Матерь Божья! Собака Хокинса!

— Послушайте, — рассудительно начал Кинг. — Какая разница? Она определенно была самой чистой и годной для еды из всех собак, каких я когда-либо видел. Гораздо чище свиньи. Или цыпленка, в этом отношении. Мясо есть мясо. Вот так просто.

— Совершенно верно, — раздраженно согласился Мак. — Ничего нет скверного в том, чтобы съесть собаку. Китайцы их едят постоянно. Это деликатес. Да. Точно.

— Да-а-а, — протянул Браф с отвращением, — но мы не китайцы, и это собака Хокинса.

— Я чувствую себя каннибалом, — сказал Питер Марлоу.

— Послушайте, — убеждал Кинг. — Все обстоит так, как сказал Мак. В собаке нет ничего плохого. Ради бога, понюхайте.

— Понюхайте! — ответил Ларкин за всех. Он говорил с трудом, слюна чуть ли не душила его. — Я не слышу ничего, кроме запаха этой похлебки, и это сладчайшая из запахов, который я когда-либо слышал. Мне наплевать, Ровер это или нет, но я хочу есть. — Он до боли тер свой живот. — Не знаю, как вы, несчастные ублюдки, но я так хочу есть, что у меня начались судороги. Этот запах что-то сделал с моим обменом веществ.

— Я тоже чувствую себя плохо. Но это не имеет ничего общего с тем, что это собачье мясо, — сказал Питер Марлоу. Потом почти печально добавил:

— Я просто не хочу есть Ровера. — Он посмотрел на Мака. — Как мы после всего этого собираемся смотреть Хокинсу в глаза?

— Не знаю, приятель. Я подойду с другой стороны. Да. Не думаю, что смогу вообще смотреть ему в глаза, — Ноздри Мака дрогнули, и он вперил взгляд в кастрюлю. — Какой чудесный запах.

— Конечно, — вежливо сказал Кинг, — тот, кто не хочет есть, может уйти.

Никто не пошевелился. Мужчины молчали, углубившись в собственные мысли. Прислушиваясь к бульканью. Впитывая аромат. Волшебство.

— Если подумать, это не так ужасно, — сказал Ларкин, пытаясь уговорить скорее себя, чем окружающих. — Посмотрите, как мы любим наших кур, но мы же едим их или их яйца.

— Верно, приятель. А помните ли вы кошку, которую мы поймали и съели? Мы же ведь не возражали, разве не так, Питер?

— Да, но то было бездомное животное. А это Ровер!

— Был Ровер! Сейчас это просто мясо.

— А, так это вы поймали кошку? — спросил Браф, невольно разозлившись. — Ту, что пропала примерно месяцев шесть назад?

— Нет. Ту кошку мы съели на Яве.

Браф сказал:

— О-о-о!

Потом его взгляд наткнулся на Кинга.

— Я должен был бы догадаться, — взорвался он. — Ты, ты мерзавец. А мы четыре часа копались в отбросах.

— Не стоит волноваться. Дон. Мы же получили ее. Американцы победили.

— Мои австралийцы теряют навыки, — прокомментировал Ларкин.

Кинг взял ложку. Рука его тряслась, когда он попробовал варево.

— Вкусно. — Потом потыкал мясо. Оно все еще плотно прилипало к кости. — Пусть еще часок поварится.

Через десять минут он снова попробовал.

— Возможно, слегка недосолено. Как вы считаете, Питер?

Питер Марлоу попробовал. Вариво получилось вкусным, ох каким вкусным.

— Чутьочку, совсем чутьочку!

Они все по очереди попробовали. Щепотка соли, еще немного хуана, чуть-чуть сахара, капельку куркумы. И они, почти задохнувшиеся, смиренно ждали в этой утонченной пыточной камере.

Время от времени они снимали одеяло с окна, выпускали аромат на улицу, проветривая камеру.

А за окном ветерок нес запах по Чанги. И внутри тюрьмы струйки запаха просочились сквозь дверь в коридор и пропитали воздух.

— Боже, Смитти, ты слышишь запах?

— Конечно, слышу. Ты думаешь, у меня нет обоняния? Откуда он доносится?

— Секундочку. Откуда-то сверху, откуда-то с верхних этажей!

— Но эти желтые ублюдки варят себе как раз за этой проклятой проволокой!

— Это верно. Сволочи.

— Не думаю, что это они. Кажется, запах доносится из самой тюрьмы.

— О, Боже, посмотрите на Смитти. Он принюхивается, как кровожадная ищейка.

— Говорю вам, что этот запах идет из тюрьмы.

— Это просто ветер. Ветер дует со стороны японцев.

— Ветер никогда так раньше не пах. Это готовят мясо, говорю я вам. Это говядина. Клянусь своей жизнью. Варится говядина.

— Новая попытка япошек. Сволочи! Что за мерзкие штучки!

— Может быть, нам только кажется. Они говорят, что можно вообразить себе запах.

— Как, черт побери, нам всем он может казаться. Посмотри на людей вокруг, они все остановились.

— Кто так говорит?

— Что?

— Ты сказал «Они говорят, что можно вообразить запах». Кто это «они»?

— О, Боже, Смитти. Ну просто так считается.

— Но кто эти «они»?

— Откуда мне знать, черт возьми?

— Тогда прекрати говорить — «они» сказали это или «они» сказали то. Этого достаточно, чтобы свести человека с ума.

* * *

Люди в камере, гости Кинга, смотрели, как он большой ложкой наложил порцию в котелок и отдал его Ларкину. Их глаза расстались с котелком Ларкина и вернулись назад к ложке, а потом к Маку, и снова к ложке, а потом к Брафу и опять к ложке, а потом к Тексу и опять к ложке, а потом к Питеру Марлоу, и опять к ложке, и снова к порции Кинга. Когда еда была роздана, они жадно начали есть, а в кастрюле осталось еще достаточно похлебки, по меньшей мере две порции на каждого.

Есть такую вкусную еду было мукой.

Бобы разварились и почти растворились в густом супе. Благодаря папайе мясо было мягким и отстало от костей, оно распалось на отдельные кусочки, темно-коричневые от приправ, папайи и бобов. Варено было густым, как настоящая похлебка, ирландская похлебка, с медового цвета пятнышками жира на поверхности супа в их котелках.

Кинг оторвался от своей миски. Она была сухая и чистая. Потом он кивнул Ларкину.

Тот отдал ему свой котелок, и каждый из них в молчании принял еще по одной порции. В полном молчании съели по второй порции. И, наконец, последняя.

Наконец Кинг отставил миску в сторону.

— Сукин сын.

— Лучше быть не может! — отозвался Ларкин.

— Превосходно, — сказал Питер Марлоу. — Я забыл, как надо жевать. У меня болят челюсти.

Мак аккуратно выловил последний боб и рыгнул. Это была удивительная отрыжка.

— Должен вам сказать, парни, я ел разные блюда в своей жизни: от ростбифа у Симпсона на Пиккадилли до rijsttafel в «Отель де Индс» на Яве, но ничто, ни одно блюдо даже сравниться с этим не может. Ни одно.

— Согласен, — подтвердил Ларкин, усаживаясь поудобнее. — Даже еда в лучшем ресторане Сиднея — ну, там отличные стейки, но большего удовольствия я никогда ни от чего не получал.

Кинг рыгнул и пустил по кругу пачку «Куа». Потом открыл бутылку саке и сделал большой глоток. Водка была неприятной и крепкой, однако смывала чересчур жирный привкус супа.

— Держите, — протянул он бутылку Питеру Марлоу.

Все выпили и закурили.

— Эй, Текс, как насчет кофейку? — зевнул Кинг.

— Лучше подождать несколько минут, прежде чем открывать дверь, — предложил Браф, не заботясь о том, открыта ли дверь или нет. — О, Боже, я чувствую себя прекрасно!

— А я так набил живот, что думаю, взорвусь, — потянулся всем телом Питер Марлоу. — Это была, без сомнения, самая лучшая...

— Ради Бога, Питер. Мы все только что сказали это. Мы все это знаем.

— Но я считал своим долгом добавить.

— Как ты организовал это? — обратился Браф к Кингу, сдерживая зевоту.

— Макс рассказал эту историю, ну, что собака убила курицу. Я послал Дино к Хокинсу. Он отдал собаку ему. В качестве мясника мы пригласили Курта. Моя доля — задняя часть тушки.

— Почему Хокинс отдал собаку Дино? — спросил Питер Марлоу.

— Он ветеринар.

— Понятно!

— Черта с два, — сказал Браф. — Он из торгового флота.

Кинг пожал плечами.

— Значит, сегодня он стал ветеринаром. Перестал врать.

— Ну ты и молодец. Чертовский молодец!

— Спасибо, Дон.

— Как... как Курт убил ее? — спросил Браф.

— Я не интересовался.

— Как обычно, приятель, — вмешался Мак. — А теперь давайте сменим тему, а?

— Хорошая мысль.

Питер Марлоу встал и потянулся.

— Что будем делать с костями? — спросил он.

— Мы вынесем их потихоньку, когда будем уходить.

— Как насчет небольшой партии в покер? — предложил Ларкин.

— Хорошая мысль, — бодро согласился Кинг. — Текс, ты ставишь кофе. Питер, приберитесь немного. Грант, вы караулите дверь. Дон, как насчет того, чтобы собрать посуду?

Браф тяжело поднялся.

— А ты чем, черт возьми, собираешься заняться?

— Я? — Кинг поднял брови. — Я собираюсь просто сидеть.

Браф посмотрел на него. Все они посмотрели на Кинга. Потом Браф сказал:

— Я серьезно намеревался произвести тебя в офицеры, просто для того, чтобы получить удовольствие от разжалования тебя в рядовые.

— Получите нагоняй, — сказал Кинг, — и это не принесет вам ничего хорошего.

Браф посмотрел на остальных, потом опять на Кинга.

— Ты, вероятно, прав. Я окажусь под трибуналом. — Он засмеялся. — Но нет такого закона, по которому я не могу выиграть у тебя деньги.

Он вытащил пятидолларовую бумажку, кивнув на колоду карт в руках Кинга.

— Старшая карта выигрывает!

Кинг раскинул карты.

— Берите карту.

Браф злорадно показал даму. Кинг посмотрел на колоду, потом взял карту — валет.

Браф усмехнулся.

— Вдвое или ничего.

— Дон, — примирительно сказал Кинг, — выйдите из игры, пока вы в выигрыше. — Он вытащил другую карту и перевернул ее лицевой стороной. Это был туз, — Я мог также просто вытащить другого туза — это ведь мои карты!

— Почему же, черт возьми, ты тогда не обыграл меня? — спросил Браф.

— Послушайте, капитан. — Удивление Кинга было беспредельным, — Было бы невежливо забрать ваши деньги. В конце концов, вы наш бесстрашный командир.

— Чтоб тебя! — Браф начал собирать тарелки и котелки.

* * *

Этой же ночью, когда большинство пленных в лагере спало, Питер Марлоу лежал под противомоскитной сеткой, бодрствуя, не испытывая желания заснуть. Он вылез из постели и через лабиринт противомоскитных сеток вышел на улицу. Брафу тоже не спалось.

— Привет, Питер, — тихо окликнул его Браф. — Идите сюда, посидим. Тоже не спится?

— Пока не хочется, чувствую себя прекрасно.

Их окутывала бархатная ночь.

— Замечательная ночь.

— Да.

— Вы женаты?

— Нет, — ответил Питер Марлоу.

— Счастливчик. Не думайте, что быть неженатым так уж плохо. — Браф помолчал минутку. — Я схожу с ума, не зная, что с ней сейчас.

— Ничего, — автоматически ответил Питер Марлоу. Нья ожила в его мыслях. — Не волнуйтесь.

Он мог с таким же успехом сказать «не дышите».

— Я не стал бы винить ее, как женщину. Прошло столько времени с тех пор, как мы расстались, столько времени. Это не ее вина.

Браф трясущимися руками свернул сигарету, смешав немного высушенной заварки и табак из окурка «Куа». Закурив, он глубоко затянулся, потом передал сигарету Питеру Марлоу.

— Спасибо, Дон. — Он покурил, потом вернул окуроч.

Они докурили в молчании, мучаясь своими мыслями. Потом Браф встал.

— Пора на боковую. Увидимся, Питер.

— Спокойной ночи, Дон.

Питер Марлоу оглядел ночной лагерь и опять разрешил себе помечтать о Нья.

Он понимал: ему, как и Брафу, сегодня ночью оставалось только мечтать о женщине, иначе он не сможет заснуть.

Глава 16

Наступил день победы в Европе, и пленные в Чанги ликовали. Однако для лагеря это был еще один день, который ничего не изменил в его жизни. Еда осталась прежней, небо тем же, жара той же, болезни, мухи и пустое времяпрепровождение — все оставалось без изменений. Грей по-прежнему следил и ждал. Его осведомитель извещил о том, что скоро бриллиант перейдет из рук в руки. Очень скоро. Питер Марлоу и Кинг ждали этого дня с одинаковым беспокойством. Оставалось четыре дня.

* * *

Пришло время, и Ева принесла потомство — 12 крысят. Кодовое обозначение дня рождения — «день Би» [{19}](#) — здорово забавляло Кинга и его приятелей: Грей узнал о «дне Би» от своего осведомителя и в этот день кружил вокруг хижины, обыскивая всех подряд в поисках часов или того, что предстояло продать в день товарообмена [{20}](#). Тупой коп! Кинга не беспокоило еще одно напоминание о том, что в хижине есть осведомитель.

Был зачат третий помет.

Теперь под хижинной было семьдесят клеток. Четырнадцать — уже заняты. Вскоре должны заполниться еще двенадцать.

Мужчины решили проблему с именами самым простым способом. Особям мужского пола давали четные номера, особям женского — нечетные.

— Послушайте, — сказал Кинг, — нам надо готовить новые клетки.

Они сидели в хижине и проводили совет директоров. Вечер выдался прохладным и приятным. Убывающий месяц скрывался за облаками.

— У нас почти не осталось материалов, — сказал Текс. — Кончилась металлическая сетка. Давайте попросим австралийцев помочь нам.

— Если мы сделаем это, — медленно сказал Макс, — они наверняка захватят все предприятие.

Жизнь обитателей американской хижины была целиком сосредоточена вокруг живого болота, которое быстро размножалось под полом. Команда из четырех человек уже удлинила щель, проделав в ней ходы. Теперь у них было полно места под клетки, но не было проволоки для их изготовления. Проволока была совершенно необходима; впереди снова маячил «день Би», а вскоре еще один, потом еще.

— Найти бы дюжину парней, которым можно доверять, дать им самок и позволить развести свои фермы, — задумчиво сказал Питер Марлоу. — А мы давали бы им производителей.

— Не пройдет, Питер, нам не удастся сохранить все это в секрете.

Кинг свернул сигарету и вспомнил, что дела в последнее время идут плохо, и у него уже целую неделю не было ни одной фабричной сигареты.

— Единственное, что можно сделать, — сказал он после секундного размышления, — это ввести в дело Тимсена.

— Этот вшивый австралиец и так уже серьезно мешает делу, — сказал Макс.

— У нас нет другого выхода, — категорично заявил Кинг. — Нам надо строить клетки, а он единственный парень, который знает, как повернуть это, и единственный, кому я поверю, если он пообещает держать рот на замке. Если ферма заработает по плану, доходов от нее хватит на всех. — Он посмотрел на Текса. — Иди, приведи Тимсена.

Текс пожал плечами и вышел.

— Пошли, Питер, — позвал Кинг, — проверим, как там внизу.

Первым через люк спустился Кинг.

— Боже правый, — воскликнул он, увидев, как все раскопано. — Если мы подкопаем еще немного, эта чертова хижина завалится, и тогда где, черт возьми, мы окажемся!

— Не беспокойся, шеф, — гордо сказал Миллер. Он отвечал за раскопки. — Я сделал план, поэтому мы можем обходить бетонные сваи. У нас достаточно места для полутора тысяч клеток, если мы найдем сетку. Да, да! И мы можем

вдвое увеличить место для клеток, если достанем доски, чтобы укрепить траншеи. Тут делать нечего!

Кинг прошелся вдоль главной траншеи. Адам увидел его и яростно бросился на сетку, собираясь разорвать Кинга на части.

— Дружеский прием, а?

Миллер усмехнулся.

— Эта сволочь откуда-то тебя знает.

— Может быть, подождать с размножением? — сказал Питер Марлоу. — До тех пор, пока не будут готовы клетки.

— Все упирается в Тимсена, — ответил Кинг. — Если кто и сможет достать нам сетку, так это его воровская шайка.

Они вылезли обратно в хижину и смыли грязь. После душа почувствовали себя лучше.

— Привет, приятель, — Тимсен прошел через хижину и сел. — Вы, янки, боитесь, что вам яйца поотрывают или еще что-нибудь? — Он был высокий и крепкий, с глубоко посаженными глазами.

— О чем ты?

— Вы, ублюдки, без конца копаете противовоздушные щели. Думаете, что все чертовы военно-воздушные силы собираются нанести удар по Чанги?

— Осторожность не повредит. — Кинг снова задался вопросом, Стоит ли им пускать в дело Тимсена. — Скоро начнутся налеты на Сингапур. А когда это произойдет, мы собираемся сидеть под землей.

— Они никогда не будут бомбить Чанги. Они знают, что мы здесь. По крайней мере, англичане об этом знают. Конечно, когда в воздухе янки, никогда нельзя угадать, куда, черт побери, полетят бомбы.

Ему устроили экскурсию. Он сразу же заметил размах предприятия. И перспективу.

— Боже мой, приятель, — пробормотал Тимсен, переводя дыхание, когда они вернулись назад в хижину. — Я должен отдать вам должное. Бог мой! А мы-то решили, что вы просто испугались. Бог мой, у вас там должно хватить места для пятисот или шестисот...

— Для полутора тысяч, — небрежно оборвал его Кинг, — и скоро наступит «день Би».

— «День Би»?

— День рождения.

Тимсен рассмеялся.

— Так вот что такое «день Би». Мы неделями пытались понять, что это значит. Ох, честное слово. — Он гулко захохотал. — Ох и умные, черти!

— Должен признаться, идея принадлежит мне. — Кинг старался скрыть гордость, но это у него не получилось. В конце концов, это действительно его идея. — В «день Би» мы получим по меньшей мере девяносто крысят. Еще через раз их будет около трехсот.

Брови Тимсена поднялись так высоко, что почти коснулись волос на лбу.

— Скажу тебе, что мы собираемся делать. — Кинг сделал паузу, перепроверя предложение, которое готовился сделать. — Ты поставляешь нам необходимое количество материалов для изготовления еще тысячи клеток. Мы доведем общее количество крыс до тысячи, оставив только лучших. Ты продаешь продукцию, а прибыль мы делим пятьдесят на пятьдесят. При таком размахе дела заработать смогут все.

— Когда начнем продавать? — сразу спросил Тимсен. Даже сейчас, когда открылись большие возможности, он чувствовал себя не в своей тарелке.

— Мы будем давать тебе десять задних ног в неделю. Сначала пустим в дело самцов и придержим самок. Мы подчеркиваем, только задние ноги. Потом увеличим количество.

— Почему только десять для начала?

— Если сразу продадим большую партию, возникнут подозрения. Не надо спешить.

Тимсен минуту раздумывал.

— Ты уверен, что... э... мясо будет нормальным?

Теперь, когда они договорились, Кинг почувствовал брезгливость. Но, черт, мясо есть мясо, а бизнес есть бизнес.

— Мы просто предлагаем мясо.

Тимсен покачал головой и поджал губы.

— Мне не нравится, что я буду продавать мясо крыс моим австралийцам, — сказал он привередливо. — Видит Бог! Это плохо. Я говорю «нет». Не то, чтобы я... ну... мне вообще это кажется не правильным. Продавать моим австралийцам.

Питер Марлоу согласно кивнул, чувствуя тошноту.

— И моим ребятам тоже.

Все трое посмотрели друг на друга. «Да, — сказал себе Кинг, — это выглядит совсем непривлекательно. Но мы обязаны выжить». И... неожиданно его озарило.

Он побледнел и твердо сказал:

— Соберите... соберите... остальных. У меня блестящая идея!

Американцы собрались быстро. Они напряженно следили за Кингом. Он успокоился, хотя ничего пока не сказал. Он просто курил, явно не замечая остальных. Питер Марлоу и Тимсен обеспокоенно переглянулись.

Кинг встал, и напряженность возросла. Он погасил сигарету.

— Парни, — начал он, и голос его был слабым, в нем слышалась необычная усталость. — «День Би» был четыре дня назад. Мы ожидаем... — он сверился с нарисованным на стене графиком увеличения приплода, — ...да, что увеличим наше поголовье до сотни или чуть больше. Я заключил сделку с нашим другом и партнером Тимсеном. Он поставит нам материал для тысячи клеток. К тому времени, когда нужно будет расселять молодых, проблема с клетками будет решена. Он и его группа будут сбывать продукцию. Нам остается сосредоточиться на улучшении породы. — Он остановился и пристально оглядел каждого. — Парни! Через неделю, начиная с сегодняшнего дня, ферма начнет продажу.

Теперь, когда этот день был установлен, их лица вытянулись.

— Ты вправду считаешь, что мы должны продавать? — опасливо спросил Макс.

— Не помолчишь ли ты. Макс?

— Я ничего не знаю насчет продажи, — сказал Байрон Джонс III, беспокойно трогая глазную повязку. — Эта мысль заставляет меня...

— Помолчите, ради Бога! — раздраженно попросил Кинг. — Парни! — Все наклонились вперед, когда, стараясь превозмочь себя, Кинг заговорил едва слышным шепотом. — Мы будем продавать мясо только офицерам! Начальству! От майоров и выше.

— О, Бог ты мой! — выдохнул Тимсен.

— Боже правый! — сказал Макс вдохновенно.

— Как? — переспросил Питер Марлоу ошеломленно. Кинг чувствовал себя богом.

— Да, офицерам. Не всем, конечно. Они единственные в лагере, кто может позволить себе покупать мясо. Вместо массового бизнеса мы превратим его в торговлю деликатесами.

— И пусть эти мерзавцы покупают себе крыс. Вы ведь не будете переживать, ведь вам хочется накормить их этим мясом? — сказал Питер Марлоу.

— Вы чертов пижон, — благоговейно произнес Тимсен. — Гений. Я знаю троих таких сволочей. Я бы отдал свою правую руку, чтобы посмотреть, как они жрут мясо крыс, а потом рассказать им...

— Я знаю двоих, — сказал Питер Марлоу, — которым с удовольствием подарил бы мясо, не говоря уже о продаже. Но эти педики могут учуять запах крысы.

Макс встал и перекричал смех.

— Послушайте, ребята. Послушайте. Послушайте минуту. — Он повернулся к Кингу. — Ты знаешь, я не, я не... — Он был так взволнован, что говорил с трудом. — Я не... я не всегда был на твоей стороне. Вреда я не принес. Это свободная страна. Но это... это такое большое... такое... а, ну... — Он с серьезным видом протянул руку. — Я хочу пожать руку человеку, которому пришла в голову такая мысль! Думаю, мы все должны пожать руку настоящему гению. От имени рядовых всего мира — я горжусь тобой! Ты — король!

Макс и Кинг пожали руки.

Текс в восторге раскачивался из стороны в сторону.

— Селларс, и Праути, и Грей, — он в списке...

— У него нет денег, — сказал Кинг.

— Черт, мы ему их одолжим, — сказал Макс.

— Нельзя нам этого делать. Грей не дурак. Он заподозрит неладное, — сказал Питер Марлоу.

— Как насчет Торсена, этого мерзавца...

— Никого из американских офицеров, — вежливо сказал Кинг, — ну может, одного или двух.

Веселье быстро стихло.

— Как насчет австралийцев?

— Оставьте это мне, приятель, — откликнулся Тимсен. — У меня на уме есть три дюжины клиентов.

— Как насчет англичан? — спросил Макс.

— Мы можем кого-то из них выбрать. — Кинг чувствовал себя большим, могущественным и был полон энтузиазма. — Повезло тем ублюдкам, у которых есть деньги или возможность достать, именно их мы и накормим, а потом расскажем, что они съели, — сказал он.

Как раз перед отбоем Макс торопливо проскользнул в дверь и прошептал Кингу:

— Сюда идет охранник.

— Кто?

— Шагата.

— Хорошо, — сказал Кинг, стараясь не выдавать волнения. — Проверь, чтобы все часовые были на местах.

— Иду. — Макс торопливо ушел.

Кинг наклонился к Питеру Марлоу.

— Может быть, это ошибка, — нервно сказал он, — пошли, надо быть готовыми.

Он выскользнул из окна и убедился, что брезентовый полог опущен. Потом он и Питер Марлоу вошли под полог и стали ждать.

Шагата просунул голову под полог и, узнав Кинга, тихо проскользнул внутрь и сел. Он прислонил винтовку к стене и предложил пачку «Куа».

— Табе, — сказал он.

— Табе, — ответил Питер Марлоу.

— Привет, — сказал Кинг. Рука его дрожала, когда он брал сигарету.

— У тебя есть что-нибудь для продажи? — с присвистом спросил Шагата.

— Он спрашивает, есть ли у вас что-нибудь для продажи?

— Скажите ему — нет.

— Мой друг огорчен, что сегодня ему нечем удивить человека с таким хорошим вкусом.

— Будет ли у твоего друга такая вещь через, скажем, три дня?

Кинг с облегчением вздохнул, когда Питер Марлоу перевел ему.

— Скажите — да. И добавьте, что он поступает мудро, устроив проверку.

— Мой друг говорит, что, вероятно, в тот день он достанет кое-что, что удивит человека с таким хорошим вкусом. И мой друг добавляет, что делать дело с таким осторожным человеком — хорошее предзнаменование для удовлетворительного завершения сделки.

— Это благоразумно — устраивать дела под прикрытием ночной темноты. — Шагата-сан всосал воздух. — Если я не приду через три ночи, ждите меня каждую ночь. Наш общий друг, возможно, не сумеет выполнить свои обязательства в назначенный срок. Но я уверен, это произойдет через три ночи, начиная с сегодняшней.

Шагата встал и дал пачку сигарет Кингу. Легкий поклон, и он растворился в темноте.

Питер Марлоу перевел Кингу слова Шагаты, и Кинг ухмыльнулся.

— Отлично. Просто великолепно. Не хотите подойти завтра утром? Мы обсудим планы.

— Я записан в рабочую команду на аэродроме.

— Хотите, я найду вам замену?

Питер Марлоу рассмеялся и покачал головой.

— В любом случае вам лучше прийти, — сказал Кинг. — Вдруг Чен Сен захочет выйти на связь.

— Вы думаете, что-нибудь не так?

— Нет. Шагата поступил умно. Я бы тоже так сделал. Все идет по плану. Еще неделя — и сделка будет полностью выполнена.

— Надеюсь, так и будет. — Питер Марлоу подумал о деревне и помолился, чтобы сделка прошла удачно. Он отчаянно хотел пойти туда снова. Он мечтал о Сулине, он должен взять ее!

— В чем дело? — Кинг скорее почувствовал, чем заметил дрожь, охватившую Питера Марлоу.

— Я думал, как хорошо оказаться в объятиях Сулины прямо сейчас, — смущенно ответил Питер Марлоу.

— Да, — Кинг решал, можно ли ему отпустить какую-нибудь непристойность в адрес девушки.

Питер Марлоу перехватил его взгляд и слегка улыбнулся.

— Вам не о чем беспокоиться, дружище. Я не наделаю глупостей, если это то, о чем вы думаете.

— Я уверен. — Кинг улыбнулся. — Нам предстоит много удовольствий... и завтрашнее представление. Вы слышали о нем?

— Только то, что спектакль будет называться «Треугольник». И в нем главную роль играет Шон. — Голос Питера Марлоу неожиданно потускнел.

— Как случилось, что вы чуть не убили Шона? — Кинг никогда не спрашивал об этом напрямую, зная, что такому человеку, как Питер Марлоу, всегда опасно задавать личные вопросы. Но сейчас он инстинктивно чувствовал — момент выбран правильно.

— Особенно нечего рассказывать, — сразу ответил Питер.

Марлоу, довольный, что Кинг спросил его. — Шон и я служили в одной эскадрилье на Яве. За день до окончания войны Шон не вернулся с задания. Я думал, что он погиб.

Около года назад, через день после того, как нас привезли сюда с Явы, я пошел на лагерное представление. Я узнал Шона на сцене, и вы можете представить себе, какое потрясение я испытал. Он играл девушку, но я ничего плохого про это не подумал, ведь кому-то всегда достаются женские роли. Я просто сидел и получал удовольствие от представления. Я не мог прийти в себя от того, что нашел его живым и невредимым, не мог оправиться от потрясающего впечатления, какое он произвел на меня, играя девушку. Его манера ходить, разговаривать и садиться, его платье и парик были совершенны. Его игра произвела на меня очень сильное впечатление, а я тем не менее знал, что раньше он никогда не участвовал в любительских спектаклях.

После представления я прошел за кулисы повидать его. Там были и другие, которые тоже ждали его. Через некоторое время меня охватило странное чувство: эти парни были похожи на тех типов, которых встречаешь всякий раз у любого театрального подъезда, вы знаете, парни, чешущие языки в ожидании своих подружек.

Наконец дверь в уборную открылась, и все бросились внутрь. Я протиснулся последним и встал в дверях. Только тут до меня дошло, что все мужчины были гомиками! Шон сидел на стуле, и, казалось, они порхали вокруг него, подлизывались к нему, называли его «дорогая», крепко обнимали и говорили ему, какой он «чудесный», обращаясь с ним, как со звездой. А Шон! Шону это очень нравилось! Боже, ему доставляло удовольствие их лапанье! Как сука во время течки. Потом он неожиданно увидел меня и был тоже потрясен.

Он сказал: «Привет, Питер», но я ничего не ответил. Я стоял и смотрел на одного из проклятых гомиков, который держал руку на колене Шона. На Шоне было что-то вроде разлетающегося неглиже, шелковые чулки и штанишки. У меня появилось ощущение, что он нарочно раздвинул неглиже, чтобы показать свою ногу выше чулка. Казалось, что у него из-под неглиже выпирали груди. Потом до меня внезапно дошло, что он без парика — его собственные волосы были такими же длинными и волнистыми, как у девушки.

Потом Шон попросил всех уйти: «Питер, мой старый друг, которого я считал погибшим, — сказал он. — Мне надо поговорить с ним. Оставьте нас, пожалуйста».

Когда они ушли, я спросил Шона: «Скажи мне, ради Бога, что случилось с тобой? Неужели ты действительно получаешь удовольствие, когда эти подонки лапают тебя?»

«Скажи мне ради Бога, что случилось со всеми нами, — ответил Шон. Потом сказал со своей чудесной улыбкой. — Я так рад видеть тебя, Питер. Я думал, что ты точно погиб. Сядь на минутку, пока я смою грим. Нам есть о чем поговорить. Ты прибыл с рабочей партией с Явы?»

Я кивнул, все еще не приходя в себя, а Шон повернулся к зеркалу и начал стирать грим кремом:

— «Что случилось с тобой, Питер? — спросил он. — Тебя сбили?»

Когда он снимал грим, я начал успокаиваться, казалось, все вставало на свои места. Я твердил себе, что глуп, что все это часть спектакля, ну, понимаете, чтобы воплотить образ — я был уверен, он только притворялся, что получал удовольствие. Поэтому я извинился: «Прости, Шон, ты, должно быть, решил, что я болван! Боже мой, как приятно знать, что с тобой все в порядке. Я думаю, тебе это тоже осточертело». И рассказал ему, что случилось со мной, а потом спросил его о том же.

Шон поведал, что его сбили четыре «Зеро» и он был вынужден прыгать с парашютом. Добравшись до аэродрома, он нашел мой самолет, от которого остались одни обломки. Я рассказал ему, как поджег его перед тем, как уйти. Мне не хотелось, чтобы проклятые япошки починили его.

«Ох, — сказал он. — Я предположил, что ты потерпел аварию при посадке. Я оставался в Бандунге в штаб-квартире с остальными парнями, а потом нас всех посадили в лагерь. Немного позже отправили в Батавию, а оттуда перевели сюда».

Шон все время смотрел на свое отражение в зеркале, лицо его было гладким и чистым, как у девушки. Неожиданно меня охватило странное чувство: мне показалось, он совершенно забыл обо мне. Я не знал, что мне делать. Потом он отвернулся от зеркала и посмотрел прямо на меня и забавно нахмурился. Я сразу почувствовал, что он несчастен, поэтому спросил, хочет ли он, чтобы я ушел.

Нет, ответил он. Нет, Питер, я хочу, чтобы ты остался.

И тут он взял женскую косметичку, которая лежала на туалетном столике, вынул губную помаду и начал подкрашивать губы.

Я был огушен: «Что ты делаешь?» — спросил я.

«Крашу губы, Питер».

«Хватит, Шон, — сказал я — Пошутил, и хватит. Представление кончилось полчаса тому назад».

Но он продолжал. Привел в порядок губы, напудрил нос и причесал волосы. Боже, он опять стал прекрасной девушкой. Я не мог поверить. Я все еще надеялся, что он разыгрывает меня.

Он поправил прическу, потом уселся и стал рассматривать себя в зеркале. Это зрелище его вполне удовлетворило. Потом увидел в зеркале меня и засмеялся:

«В чем дело, Питер? — спросил он. — Разве ты раньше не бывал в артистических уборных?»

«Был, — сказал я. — Я был в женской уборной».

Он долгое время смотрел на меня. Потом расправил свое неглиже и скрестил ноги:

«Это женская уборная», — объявил он.

«Хватит, Шон, — сказал я, раздражаясь. — Это я, Питер Марлоу. Мы в Чанги, вспомнил? Спектакль окончен, и сейчас все встало на свои места».

«Да, — сказал он совершенно спокойно, — все нормально».

Мне понадобилось время, чтобы что-то сказать.

«Ну, — наконец выдавил я, — не собираешься ли ты выбраться из своих тряпок и стереть эту грязь с лица?»

«Мне нравятся эти платья, Питер, — сказал он, — и я всегда хожу в гриме. — Он встал, открыл шкаф. О Боже, он был полон саронгов, платьев, штанишек, лифчиков и тому подобных предметов. Он повернулся и был совершенно спокоен. — Это единственное, в чем я хожу сегодня, — сказал он. — Я женщина».

«Ты верно спятил», — сказал я.

Шон подошел и пристально посмотрел на меня, и я никак не мог избавиться от ощущения, что передо мной стоит девушка — он выглядел как женщина, вел себя, говорил как женщина:

«Послушай, Питер, — сказал он. — Я понимаю, тебе трудно понять, но я изменился, я больше не мужчина, я женщина».

«Ты такая же чертова женщина, как и я сам!» — завопил я. Но это, казалось, ни в коей мере не тронуло его. Он стоял, улыбаясь как мадонна, а потом сказал:

«Я женщина, Питер». — Он прикоснулся к моей руке в точности как сделала бы девушка и сказал:

«Прошу, обращай со мной как с женщиной».

В моей голове что-то щелкнуло. Я схватил его за руку, сорвал неглиже с его плеча, сорвал подбитый лифчик и повернул его лицом к зеркалу.

«Ты называешь себя женщиной? — закричал я. — Посмотри на себя! Где у тебя чертовы груди?»

Но Шон не стал смотреть. Он просто стоял перед зеркалом, опустив голову вниз, и волосы спадали на его лицо. Неглиже болталось на нем, он был обнажен до пояса. Я схватил его за волосы и дернул его голову.

«Посмотри на себя, ты проклятый извращенец! — орал я. — Ты мужчина, клянусь Богом, и всегда был им».

Он продолжал стоять, ничего не говоря, и наконец до меня дошло, что он плачет. Потом в комнату ворвались Родрик и Френк Перриш и вышвырнули меня вон, а Перриш обернул неглиже вокруг Шона, обнял его, и все это время Шон продолжал плакать.

Френк продолжал крепко обнимать его и приговаривать: «Все в порядке, Шон, все в порядке». Потом посмотрел на меня, и я понял, что он хочет убить меня: «Убирайтесь отсюда, вы, проклятая сволочь», — сказал он.

Даже не помню, как вышел оттуда. Я бродил по лагерю, с трудом приходя в себя. И тут я начал осознавать, что не было у меня права, вообще никаких прав делать то, что я сделал. Это было безумством.

Лицо Питера Марлоу исказилось от боли. Я вернулся в театр. Хотел помириться с Шоном. Дверь была заперта, но мне показалось, что он внутри. Я стучал и стучал, но он не отвечал и не открывал дверь. Я рассвирепел и взломал дверь. Мне хотелось извиниться лично перед ним, а не перед его дверью.

Он лежал на кровати. Левое запястье было разрезано и вся комната залита кровью. Я наложил ему жгут и привел старого доктора Кеннеди и Родрика с Френком. Шон выглядел как труп и не издал ни звука все это время, пока Кеннеди зашивал разрез, сделанный ножницами. Когда Кеннеди кончил, Френк спросил меня: «Удовлетворен наконец, ты, чертова сволочь?» Я ничего не мог сказать. Я просто стоял, ненавидя себя. «Убирайся отсюда вон и не показывайся больше», — сказал мне Родрик.

Я собрался уходить, но тут услышал, как Шон зовет меня слабым, едва различимым шепотом. Я повернулся и увидел, что он смотрит на меня совсем не сердито, а так, как будто жалеет меня: «Извини, Питер, — сказал он. — Ты не виноват».

«Боже, Шон, я вовсе не хотел причинить тебе никакого вреда», — ухитрился сказать я.

«Знаю, — прошептал он. — Оставайся, пожалуйста, моим другом».

Потом он посмотрел на Перриша и Родрика и сказал: «Я хотела умереть, но сейчас, — и он улыбнулся своей очаровательной улыбкой, — я так счастлива, что снова оказалась дома».

Питер Марлоу выглядел опустошенным. По его шее и груди струился пот. Кинг закурил «Куа».

Питер Марлоу беспомощно пожал плечами, потом встал и вышел. На душе было гадко.

Глава 17

— Поторапливайтесь, — подгонял Питер Марлоу зевающих мужчин, которые уныло строились рядом с хижинкой. Солнце только показалось на горизонте, а завтрак уже превратился в воспоминание. Его скудность увеличивала раздражительность, а им предстоял долгий рабочий день на аэродроме под жарким солнцем. Если не повезет. Прошел слух, что сегодня одна команда будет послана в дальнюю западную часть аэродрома, где росли кокосовые пальмы. Говорили, нужно спилить три дерева. А верхушечная почка кокосового дерева не только годилась в пищу, но и была очень питательной. Это считалось

большим лакомством и называлось «капустой миллионеров». Ведь кокосовому дереву нужно умереть, чтобы получить этот деликатес. Кроме «капусты миллионеров», там наверняка должны быть кокосовые орехи. Более чем достаточно для команды из тридцати человек. Поэтому одинаково нервничала и офицеры и рядовые.

Сержант, ответственный за хижину, подошел к Питеру Марлоу и козырнул.

— Все в сборе, сэр. Двадцать человек, включая меня.

— Кажется, должно быть тридцать.

— Двадцать человек, это все, кто у нас есть. Остальные больны или отправлены в команду на повал леса. Я ничего больше не могу сделать.

— Хорошо. Давайте подтянемся к воротам.

Сержант повел пленных, которые расхлябанно шли вдоль стены тюрьмы, чтобы присоединиться к остальной части аэродромной бригады около западных ворот лагеря. Питер Марлоу сделал знак сержанту. Сержант повел людей к концу построения, где было больше шансов попасть в команду, направляемую за кокосовыми деревьями. Команда Питера Марлоу быстро сообразила что к чему, их не надо было подгонять.

Все они держали в руках рваные рубашки, связанные наподобие мешков. Мешки для жратвы. Они являлись неотъемлемыми спутниками пленных.

Иногда это были рюкзаки установленного образца, иногда чемоданы или плетеные корзины, или сумки, а иной раз просто кусок ткани. Но все пленные тащили тару под добычу, которая могла им попасться. На работах всегда можно что-то украсть. Если не «капуста миллионеров» или кокосовый орех, то добычей могли быть куски плавника, дрова, скорлупа кокосовых орехов, бананы, орехи масличных пальм, съедобные корни, многие виды листьев и даже иногда папайя.

Большинство пленных обуты в сандалии на деревянной подошве или в галоши из автомобильных шин. На некоторых были ботинки с отрезанными носами. Питер Марлоу надел ботинки Мака. Они ему жали, но лучше подходили для трехмильного перехода и работы, чем самодельные сандалии.

Цепочка пленных змеей начала выползать через западные ворота. Каждую группу возглавлял офицер. Впереди шли корейские охранники, позади плелся всего один кореец.

Группа Питера подождала конца колонны, чтобы присоединиться к ней. Они с нетерпением ждали перехода и возможности попасть к кокосовым пальмам. Питер поудобнее пристроил ремень рюкзака и поправил флягу с водой, но не

свою, а другую, потому что брать на работу свою было слишком опасно. А вдруг охранник или еще кто-нибудь захочет попить.

Наконец подошло время выступать, и они зашагали к воротам. Проходя мимо караульного помещения, все отдали честь. Стоящий на веранде приземистый японский сержант четко козырнул в ответ. Питер Марлоу назвал количество человек в своей группе охраннику, который сверил эту цифру с общим, уже подсчитанным количеством.

Потом они оказались вне лагеря и зашагали по гудронированной дороге. Она плавно извивалась между холмов и по низинам, проходя через каучуковую плантацию. Каучуковые деревья были неухоженными, на стволах отсутствовали надрезы. «Странно», — подумал Питер Марлоу. Ведь каучук пользовался повышенным спросом и был жизненно необходим для ведения войны.

— Привет, Данкен, — сказал он, когда мимо проходила группа под командованием Данкена. Он зашагал рядом с капитаном, не упуская из вида свою группу, шедшую впереди.

— Замечательно, что мы снова в курсе новостей, — прошептал Данкен.

— Да, — ответил он автоматически. — Если они верны.

— Должен сказать, они действительно слишком хорошие, чтобы быть верными.

Питеру Марлоу нравился Данкен. Это был рыжий маленький шотландец средних лет. Ничто, казалось, не могло расстроить его. У него всегда находилась улыбка и доброе слово. Питер Марлоу почувствовал, что сегодня с ним что-то не так. Что же?

Данкен заметил его любопытный взгляд и скорчил гримасу, показав новые искусственные зубы.

— А, вот оно что, — сказал Питер Марлоу. — Я не мог понять, в чем дело.

— Как они смотрятся?

— О, лучше, чем вообще без зубов.

— Точно сказано. А я считал их просто замечательными.

— Не могу привыкнуть к алюминиевым зубам. Они выглядят так неестественно!

— Намучился, пока выдернули мои собственные. Проклятье!

— Слава Богу, мои зубы в порядке. В прошлом году пришлось поставить пломбы. Отвратительное занятие. Вы, наверно, умно сделали, выдрав все свои. Сколько вам пришлось вырвать?

— Восемнадцать, — сердито сказал Данкен. — Как вспомнишь, хочется плевать кровью. Но они совсем сгнили. Врач говорил что-то о воде, о том, что нужно больше жевать, о рисовой диете и недостатке кальция. Но Бог мой, эти искусственные очень удобны. — Он еще раз по привычке щелкнул зубами, потом продолжил:

— Эти зубные техники так ловко делают их. Такие изобретательные! Конечно, должен признать, не очень приятно сверкать металлом. Но что касается удобства, приятель, я так хорошо себя не чувствовал уже несколько лет, а белые зубы или металлические, это не важно. Всегда зубы доставляли мне неприятности. А вообще с зубами беда!

Впереди колонна пленных отошла на обочину, уступая дорогу автобусу. Это была древняя развалина, пылящая, испускающая клубы зловонной гари и рассчитанная на двадцать пять пассажиров. Но сейчас внутри находилось по меньшей мере шестьдесят мужчин, женщин и детей, а снаружи висело еще человек десять, уцепившихся руками и босыми ногами. Крыша автобуса была заставлена клетками с курами, узлами и свернутыми циновками. Когда астматически кашляющий автобус проезжал мимо, туземцы с любопытством смотрели на пленных, а те провожали взглядом клетки с полуживыми курами и молились, чтобы этот чертов автобус развалился или свалился в канаву. Вот тогда они могли бы помочь вытащить его оттуда, позаимствовав при этом с дюжину кур. Но сегодня автобус проехал мимо без происшествий, и ему вслед неслись проклятья.

Питер Марлоу шел рядом с Данкеном, который продолжал болтать о своих зубах, все время показывая их в широкой улыбке. Но улыбка все равно была неестественная. Совершенно нелепая.

Корейский охранник, вяло бредущий позади них, прикрикнул на человека, который вышел из строя на обочину дороги, однако тот спустил штаны, быстро облегчился и крикнул «*Sakit marah*» — дизентерия, охранник пожал плечами, достал сигарету, закурил, и подождал, пока пленный не вернулся в строй.

— Питер, — тихо сказал Данкен, — прикройте меня.

Питер Марлоу посмотрел вперед. Примерно ярдах в двадцати от дороги, на узкой тропинке около кювета, стояли жена и ребенок Данкена. Мин Данкен была сингапурской китайкой, поэтому ее не посадили в лагерь вместе с женами и детьми других военнопленных; она свободно жила в предместьях города. Ее ребенок, девочка, был таким же красивым, как и мать, высоким для своего возраста, с веселым личиком. Раз в неделю они «случайно» проходили мимо,

так, чтобы Данкен мог видеть их. А пока он имел возможность встречаться с ними, Чанги не казался ему таким ужасным.

Питер Марлоу вклинился между Данкеном и охранником, загораживая его, и дал Данкену возможность пробраться ближе к обочине.

Пока колонна проходила мимо, мать и дочь безучастно продолжали идти по тропинке. Когда мимо проходил Данкен, их взгляды на миг встретились. Они увидели, как он бросил маленький клочок бумаги на обочину, однако не остановились. Данкен затерялся в массе военнопленных. Но он знал, что они видели бумажку, и знал, что они будут продолжать идти, пока колонна и охранники не скроются из вида; тогда они вернутся и найдут записку и прочтут ее. Эта мысль делала Данкена счастливым.

«Я люблю вас, скучаю, и в вас обеих — моя жизнь», — написал он. Писал он всегда одно и то же, но всякий раз послание было свежим и для него, и для них. Эти слова были всегда написаны, а они повторяли их в душе день и ночь.

— Как вы считаете, она хорошо выглядит? — спросил Данкен, оказавшись опять около Питера Марлоу.

— Прекрасно, вы счастливчик. А Мордин обещает стать красавицей.

— Да, настоящей красавицей. Ей будет шесть в сентябре.

Счастье поблекло, и Данкен замолчал.

— Как мне хочется, чтобы эта война кончилась, — проговорил он.

— Недолго осталось ждать.

— Когда вы захотите жениться, Питер, женитесь на китаянке. Из них получаются лучшие жены в мире. — Данкен говорил это много раз.

— Я понимаю, что трудно перенести презрение общества, да и детям трудно, но я умру умиротворенным, если умру на ее руках. — Он вздохнул. — Но вы не слушаетесь моего совета.

Вы женитесь на какой-нибудь английской девушке и будете думать, что живете полной жизнью. Какая напрасная трата времени. Я знаю, я испробовал два варианта.

— Мне придется подождать и попробовать, не так ли, Данкен? — рассмеялся Питер Марлоу. Потом ускорил шаг, чтобы занять место впереди своих людей. — Увидимся позже.

— Спасибо, Питер, — крикнул ему вслед Данкен.

Они почти уже пришли на аэродром. Впереди поджидала группа охранников, чтобы развести бригады по рабочим участкам. Около охранников были свалены кирки, обычные и совковые лопаты. Много пленных уже шагали под охраной через аэродром.

Питер Марлоу посмотрел на запад. Одна из бригад уже направлялась в сторону пальм. Проклятье!

Он остановил своих людей и козырнул охранникам, заметив, что одним из них был Торусуми.

Торусуми узнал Питера Марлоу и улыбнулся:

— Табе!

— Табе, — ответил Питер Марлоу, смущенный очевидной дружелюбностью Торусуми.

— Я поведу тебя и твоих людей, — сказал Торусуми и кивнул головой на инструменты.

— Благодарю тебя, — ответил Питер Марлоу и кивнул сержанту. — Мы идем с ним.

— Этот вымогатель работает в восточном конце, — раздраженно бросил сержант. — Чертовски не везет!

— Я знаю — так же раздраженно сказал Питер Марлоу, и, пока люди разбирали инструменты, он обратился к Торусуми. — Надеюсь, сегодня ты поведешь на западный конец. Там прохладнее.

— Нам надо идти на восточный конец. Я знаю, что на западе прохладнее, но я всегда попадаю на восточную часть.

Питер Марлоу решил схитрить.

— Может быть, тебе стоит попросить, чтобы тебя послали в лучшее место.

Опасно делать предложение корейцу или японцу. Торусуми холодно посмотрел на него, потом резко повернулся и подошел к Азуми, японскому капралу, который с мрачным видом стоял в стороне. Азуми был известен своим скверным характером.

Питер Марлоу с опасением смотрел, как Торусуми поклонился и начал что-то быстро и резко говорить по-японски. Он почувствовал на себе взгляд Азуми.

Сержант, стоявший рядом с Питером Марлоу, тоже с беспокойством следил за разговором.

— Что вы сказали ему, сэр?

— Я сказал, что ради разнообразия нас можно отправить в западную часть.

Сержант поморщился. Если затрещину получал офицер, сержант получал ее следом автоматически.

— Вы рискуете... — Он замолчал, увидев, что к ним шагает Азуми, сопровождаемый Торусуми, почтительно идущим на два шага сзади.

Азуми, маленький кривоногий мужчина, замер в пяти шагах от Питера Марлоу и, наверное, десять секунд не отрывал глаз от его лица. Питер Марлоу приготовился к пощечине, которая должна была последовать. Но ее не было. Вместо этого Азуми неожиданно улыбнулся, показав свои золотые зубы, и вытащил пачку сигарет. Он предложил сигарету Питеру Марлоу и что-то сказал по-японски; смысла сказанного Питер Марлоу не понял, но уловил слова «Шоко-сан» и был странно удивлен, раньше его так не называли. «Шоко» означает «офицер», а «сан» — господин, и если «господином офицером» тебя называл жестокий дьявол, каким был Азуми, это действительно что-то значило.

— Аригато, — вежливо поблагодарил Питер Марлоу, прикуривая. «Спасибо» было единственным японским словом, которое он знал, не считая «вольно», «смирно», «шагом марш», «отдать честь» и «иди сюда, ты белая сволочь». Он приказал сержанту, который был в явном недоумении, построить людей.

— Слушаюсь, сэр, — проревел сержант, довольный, что у него есть повод убраться подальше.

Потом Азуми рявкнул что-то по-японски Торусуми, который, в свою очередь, зашевелился и сказал «хотчаторе», что означало «шагом марш». Когда они прошли половину пути по аэродромному полю и Азуми уже не мог их слышать, Торусуми улыбнулся Питеру Марлоу.

— Сегодня мы едем в западный конец и будем пилить деревья.

— Неужели? Не понимаю.

— Все просто. Я сказал Азуми-сан, что ты переводчик Кинга, и я чувствую, что ему надо знать об этом, потому что он получает десять процентов от нашей прибыли. Значит, — Торусуми пожал плечами, — мы должны заботиться друг о друге. И, возможно, в течение дня мы обсудим некоторые дела.

Питер Марлоу тихим голосом приказал людям остановиться.

— В чем дело, сэр? — спросил сержант.

— Ничего, сержант. Вы все! Слушайте! Никакого шума. Мы получили деревья.

— О, черт возьми, как здорово.

Но крики одобрения быстро стихли.

Когда они подошли к трем пальмам, Спенс и его бригада уже прибыли туда со своим охранником. Торусуми стал браниться с охранником, на корейском. В конце концов Спенс и его разозлившиеся подчиненные были построены и уведены разъяренным охранником.

— Почему, черт побери, вам достались деревья, ублюдок? Мы пришли сюда первыми! — крикнул Спенс.

— Да, — сочувственно согласился Питер Марлоу. Он понимал, что сейчас переживает Спенс.

Торусуми сделал знак Питеру Марлоу, сел в тени и прислонил винтовку к дереву.

— Выстави часового, — зевнул он. — Ты будешь виноват, если меня поймают спящим какой-нибудь мерзкий японец или кореец.

— Ты можешь сладко спать, доверившись мне, — ответил Питер Марлоу.

— Разбуди меня в обеденный час.

— Будет сделано.

Питер Марлоу расставил часовых в наиболее опасных местах, потом повел разъяренных убийц к их жертвам. Он хотел, чтобы деревья повалили и распилили на куски прежде, чем кто-то сможет изменить приказ.

К полудню три дерева были повалены и «капуста миллионеров» извлечена из их середины. Люди были утомлены и искушены муравьями, но на это никто не обращал внимания. Сегодняшняя добыча была огромной. На каждого человека пришлось по два кокосовых ореха, и, кроме того, оставалось еще пятнадцать. Питер Марлоу решил оставить пять штук для Торусуми, а остальные орехи разделить между членами команды во время завтрака. Он поделил две «капусты» между ними. Остальная часть была оставлена для Торусуми и Азуми на тот случай, если они захотят взять ее. Если нет, то она тоже будет разделена между пленными.

Питер Марлоу прислонился к дереву, тяжело дыша от напряжения, когда внезапный предупредительный свист поднял его на ноги. Он быстро оказался рядом с Торусуми и потряс его.

— Торусуми-сан, скорей, идет охранник.

Торусуми с трудом поднялся на ноги и отряхнул форму.

— Хорошо. Иди к деревьям и делай вид, что работаешь, — тихо приказал он.

Потом Торусуми беспечно вышел из тени. Увидев охранника, жестом пригласил его в тень. Они оставили винтовки, легли на спину и закурили.

— Шоко-сан, — крикнул Торусуми, — отдыхай, это мой друг.

Питер Марлоу улыбнулся и крикнул:

— Эй, сержант. Откройте пару хороших молодых орехов и отнесите их охранникам.

Он не должен делать это сам, так можно «потерять лицо».

Сержант тщательно выбрал два ореха и срезал с них верхушки. Внешняя скорлупа была зелено-коричневой, толщиной в два дюйма и губчатой вокруг глубоко запрятанного ядра. Белая мякоть, которая выстилала внутреннюю часть ореха, была такой мягкой, что ее можно было есть ложкой, если бы вам этого захотелось, а сок прохладный и сладкий на вкус.

— Смит, — крикнул сержант.

— Да, сержант.

— Отнеси эти орехи чертовым япошкам.

— Почему я? Мне всегда приходится делать больше, чем...

— Давай, шевели своей задницей.

Смит, худой, маленький кокни [{21}](#), с ворчанием встал и отнес орехи охранникам.

Торусуми и его приятель пили с жадностью. Потом Торусуми окликнул Питера Марлоу:

— Мы благодарим тебя.

— Да будет мир с тобой, — ответил Питер Марлоу. Торусуми вытащил смятую пачку «Куа» и вручил ее Питеру Марлоу.

— Благодарю тебя, — сказал Питер Марлоу.

— Да будет мир с тобой, — вежливо отозвался Торусуми.

В пачке было семь сигарет. Люди настояли, чтобы Питер Марлоу взял две, остальные пять были поделены из расчета одна сигарета на четверых, и по общему согласию сигареты должны были быть выкурены после обеда.

Обед состоял из риса, жидкого рыбного супа и слабого чая. Питер Марлоу взял только рис и смешал его с кусочком блачанга; на закуску он с удовольствием съел свою долю кокосового ореха. Потом сел, устало прислонившись к пню одной из спиленных пальм, и рассматривал аэродромное поле.

К югу от аэродрома виднелся холм, а вокруг него трудились тысячи китайских кули. Все они носили на плечах по две корзины из бамбука на бамбуковом шесте. Они поднимались вверх на холм, набирали две корзины земли, спускались вниз и опустошали корзины. Их движение было нескончаемым, и холм исчезал на глазах под раскаленным солнцем.

Питер Марлоу видел это поле уже почти два года. Когда они с Ларкином впервые обозрели это место с холмами, топиями и песками, они не верили, что его когда-нибудь удастся превратить в аэродром. В конце концов, у китайцев не было ни тракторов, ни бульдозеров. Но сейчас, два года спустя, здесь уже действовала одна взлетная полоса, а длинная полоса для бомбардировщиков была почти закончена.

Питер Марлоу восхищался терпением этих людей и думал, что могли создать их руки, будь у них современная техника.

Глаза его закрылись, и он заснул.

— Эварт! Где Марлоу? — отрывисто спросил Грей.

— В рабочей команде на аэродроме. Почему вы спрашиваете?

— Передайте ему, чтобы он немедленно явился ко мне, когда вернется.

— Где вас искать?

— Откуда мне знать, черт возьми! Просто скажи ему найти меня. — Когда Грей уходил из хижины, у него начался кишечный спазм, и он бросился к уборным. Однако не прошел он и полдороги, как спазм достиг высшего предела и выжал из него немного кровавой слизи, пропитавшей подушечку из травы, которую он носил в брюках. Измученный болезнью и очень ослабевший, он прислонился к стене хижины, чтобы собраться с силами.

Грей знал, что пришла пора сменить подушечку, четвертую за день, но это его не беспокоило. Подушечка была гигиенична и сберегала ему единственные брюки. А без этого приспособления ему нельзя было бы выйти. «Отвратительно, — сказал он себе, — как гигиеническая салфетка. Чертовски неприятная вещь! Но по крайней мере помогает».

Ему надо было сказать сегодня больным, но он не мог сделать этого до тех пор, пока не поймает Марлоу. Пропустить это зрелище он не мог, ему хотелось видеть лицо Марлоу, когда он скажет ему об аресте. Из-за этого стоило потерпеть боль. Дешевка, никчемный подонок! А из-за Марлоу и Кинг немного попотеет. Через пару дней он поймает их обоих. Он знал о бриллианте и знал, что сделка должна состояться на следующей неделе. Не знал точно когда, но ему сообщат. «Ты умно сделал, — говорил он сам себе, — что создал такую эффективную систему осведомителей».

Он прошел в тюремную хижину и приказал полицейскому подождать снаружи. Там он сменил подушечку и отскреб руки, смывая грязь, невидимую грязь.

Почувствовав себя лучше. Грей спустился с веранды и пошел на продовольственный склад. Сегодня он делал еженедельную проверку запасов риса и других продуктов. Остатки всегда сходились — подполковник Джоунс знал свое дело, делал его аккуратно и всегда лично и прилюдно отвешивал дневные нормы риса. Поэтому о жульничестве не могло быть и речи.

Грей восхищался подполковником Джоунсом, ему нравилось, как тот все делает, — ошибок в его действиях не было. Он ему еще и завидовал, ведь для подполковника тот был очень молод. Всего тридцать три года. Он подполковник, а ты лейтенант — от этой мысли делается тошно, твердил он, а различие только в том, что ты оказываешься в нужном месте, в нужное время. Но ты делаешь все правильно, заводишь друзей, которые замолвят за тебя словечко после войны. Джоунс, конечно, не кадровый военный, поэтому после войны он не останется на службе. Но Джоунс — приятель Семсена и Смедли-Тейлора, начальника Грея, и он играет в бридж с комендантом лагеря. Везучий мерзавец. Я могу играть в бридж так же хорошо, как и он, но меня не приглашают, а я работаю больше всех остальных.

Когда Грей дошел до продовольственного склада, ежедневная раздача риса еще продолжалась.

— Доброе утро. Грей, — сказал Джоунс. — Сейчас я займусь с вами. — Он был высоким мужчиной, красивым, хорошо образованным и спокойным. Лицо его было по-мальчишески живым, отчего его прозвали «полковник-мальчик».

— Спасибо, сэр.

Грей стоял, наблюдая, как люди с кухни, сержант и рядовой, подходят к весам. Каждая кухня посылала двух человек получать довольствие, чтобы один следил за другим. Проверялась накладная, выданная с кухни, и рис отвешивался. Потом накладная подписывалась.

Когда отпустили рис последней кухне, сержант интендантской службы Блейкли поднял мешок с остатками риса и внес его в хижину. Грей прошел внутрь вслед

за подполковником Джоунсом и рассеянно слушал, как Джоунс устало перечислял цифры:

— Девять тысяч четыреста восемьдесят три офицера и солдата. Две тысячи триста семьдесят и три четверти фунта риса роздано сегодня, четыре унции на человека.

— Примерно двенадцать мешков. — Он кивнул на пустые джутовые мешки. Грей проследил, как он пересчитал, зная, что там их будет ровно двенадцать. Потом Джоунс продолжал:

— В одном мешке не хватало десяти фунтов (это не было чем-то необычным), и остаток составляет двадцать с четвертью фунтов.

Подполковник взял почти пустой мешок и положил его на весы, которые сержант Блейкли втащил с улицы. Он аккуратно ставил гири одну за другой на весы, пока их общий вес не стал равен двадцати фунтам с четвертью. Мешок поднялся и уравнировал гири.

— Все сходится, — удовлетворенно улыбнулся он, глядя на Грея.

Все остальное — говяжий бок, шестнадцать бочек с сушеной рыбой, четырнадцать фунтов масла, пять дюжин яиц, пятьдесят фунтов соли, мешки с сушеным перцем в горошек, сухим красным перцем — все сходилось абсолютно точно.

Грей подписал складскую ведомость и скривился от боли очередного спазма.

— Дизентерия? — спросил Джоунс озабоченно.

— Просто легкий приступ, сэр. — Грей огляделся в полумраке потом отдал честь. — Благодарю вас, сэр. До следующей недели.

— Спасибо, лейтенант.

По дороге к выходу Грея согнул еще один приступ боли, во время которого он случайно задел весы, от чего они перевернулись, и гири раскатились по грязному полу.

— Извините, — выругался Грей, — чертовски неосторожно с моей стороны. Он поднял весы и нагнулся к полу за гирями, но Джоунс и сержант Блейкли уже стояли на коленях, собирая их.

— Не беспокойтесь. Грей, — сказал Джоунс, а потом рывкнул на Блейкли:

— Говорил я тебе, чтобы ты ставил весы в угол.

Но Грей уже подобрал двухфунтовую гирию. Он не поверил тому, что увидел, и поднес гирию к двери, чтобы рассмотреть ее на свету и убедиться в том, что глаза его не обманывают. Они не обманывали. С нижней стороны гири было маленькое отверстие, наглухо забитое глиной. Он выковырял глину ногтем, лицо его было белым как мел.

— Что там такое. Грей? — спросил Джоунс.

— Эта гирия подделана. — Слова прозвучали как обвинение.

— Что? Это невозможно! — Джоунс подошел к Грею. — Дайте посмотреть.

Он изучал ее целую вечность, потом улыбнулся.

— Она не подделана. Это поправочное отверстие. Эта гирия, возможно, весила чуть больше, чем нужно. — Он устало рассмеялся.

— Бог мой, а я уже испугался.

Грей быстро подошел к остальным гириям и перебрал их одну за другой. В каждой из них было по отверстию.

— Боже! Да они все поддельные!

— Это глупость, — заявил Джоунс. — Они просто подкорректированы...

— Я достаточно хорошо знаком с весами и гириями, — сказал Грей, — и знаю, что отверстия не допускаются. И поправочные отверстия тоже. Если гирия имеет не правильный вес, ее никогда не пускают в обращение.

Он налетел на Блейкли, который съежился у выхода.

— Что вам об этом известно?

— Ничего, сэр, — ответил тот испуганно.

— Вам лучше рассказать мне!

— Я ничего не знаю, сэр, честное...

— Хорошо, Блейкли. Знаете, что я сейчас собираюсь сделать? Я собираюсь выйти из хижины и рассказать о вас каждому, кого встречу, каждому, — и я покажу эту гирию, и, прежде чем я дойду с рапортом до полковника Смедли-Тейлора, вас разорвут на части.

Грей пошел к двери.

— Подождите, сэр, — выдавил Блейкли. — Я расскажу вам. Это не я, сэр, это подполковник. Он заставил меня сделать это. Он поймал меня на том, что я стащил немного риса и поклялся, что посадит меня, если я не помогу ему...

— Заткнись, ты дурак, — сказал ему Джоунс. Потом более спокойным голосом обратился к Грей. — Этот болван пытается свалить все на меня. Я никогда ни о чем не подозревал...

— Не слушайте его, сэр, — невнятно бормотал Блейкли. — Он всегда взвешивает рис сам. Всегда. И у него есть ключ к сейфу, в котором он хранит гири. Вы сами знаете, как он это делает. А кто имеет дело с гирями, тому случается заглядывать на нижнюю часть. Хотя дырки были хорошо замаскированы, вам удалось заметить их. И это продолжалось год или больше того.

— Заткнись, Блейкли! — завизжал Джоунс. — Заткнись!

Наступило молчание.

Потом Грей сказал:

— Подполковник, сколько времени эти гири были в употреблении?

— Не знаю.

— Год? Два?

— Откуда мне знать, черт возьми? Если вес гирь изменен, ко мне это не имеет никакого отношения.

— Но у вас есть ключ, и вы хранили их запертыми?

— Да, но это не значит...

— Заглядывали ли вы когда-нибудь на нижнюю поверхность гирь?

— Нет, но...

— Не правда ли, в этом есть что-то странное, а? — сказал Грей непреклонно.

— Нет ничего странного в этом, и я не позволю, чтобы меня допрашивали...

— Вам лучше сказать правду ради собственного блага.

— Вы угрожаете мне, лейтенант? Я отдам вас под трибунал...

— Я так не думаю, подполковник. Я нахожусь здесь на законных основаниях, и гири подделаны, разве нет?

— Послушайте, что я вам скажу. Грей...

— Разве нет? — Грей поднял гирию на уровень побледневшего лица Джоунса, которое утратило свое мальчишеское выражение.

— Я... полагаю... что это так, — сказал Джоунс, — но это ничего не означает...

— Это означает, что либо вы, либо Блейкли виновны. Вероятно, что вы оба. Сюда допускают только вас двоих. Гири высверлены, и либо один из вас, либо вы вдвоем воруете дополнительные порции.

— Это не я, сэр, — заскулил Блейкли. — Я только получаю фунт через каждые десять...

— Лжец! — выкрикнул Джоунс.

— Нет, я не вру. Я говорил вам тысячу раз, что нас поймают на этом. — Он повернулся к Грею, ломая от отчаяния руки.

— Прошу вас, сэр, не выдавайте нас. Люди разорвут нас на части.

— Ты — сволочь. Надеюсь, они это сделают. — Грей был доволен тем, что нашел поддельные гири. О, как он был рад!

Джоунс вытащил коробочку с табаком и начал скручивать сигарету.

— Хотите? — спросил он, его мальчишеское лицо отекло, он заискивающе улыбался.

— Нет, благодарю вас. — Грей не курил четыре дня, и ему тяжело было отказываться.

— Мы разберемся в этом недоразумении, — промолвил Джоунс. Мальчишеское выражение и породистость лица возвращались на место. — Возможно, кто-то и подделал гири. Но разница в весе невелика. Я легко могу достать другие гири, правильные...

— Итак, вы признаете, что жульничали?

— Это я просто так говорю. Грей... — Джоунс замялся. — Выйдите отсюда, Блейкли. Подождите снаружи.

Блейкли немедленно пошел к двери.

— Оставайтесь там, где были, Блейкли, — приказал Грей. Потом посмотрел на Джоунса, его голос был почтителен. — Блейкли нет необходимости уходить, не так ли, сэр?

Джоунс пристально рассматривал его сквозь дым сигареты, потом сказал:

— Согласен. Стены не имеют ушей. Все верно. Вы будете получать фунт риса в неделю.

— Это все?

— Мы договоримся на два фунта в неделю и полфунта сушеной рыбы. Раз в неделю.

— А сахар? А яйца?

— Они все идут в госпиталь, вы же знаете.

Джоунс ждал, и Грей ждал, и Блейкли шмыгал носом в темноте. Потом Грей собрался уходить и стал засовывать гирю в карман.

— Грей, подождите-ка минутку. — Джоунс взял два яйца и преложил их ему. — Вы будете получать одно в неделю, вместе с остальными продуктами. И еще немного сахара.

— Я хочу вам рассказать, что я собираюсь сделать, подполковник. Я отправляюсь к полковнику Смедли-Тейлору и расскажу ему, как вы меня покупали, покажу ему гири. Может быть, найдется наряд на очистку выгребных ям, а я молю Бога, чтобы такой был, я собираюсь вас там утопить, но не слишком быстро, потому что хочу видеть, как вы умрете. Я хочу слышать, как вы кричите, и смотреть, как вы будете медленно умирать. Вы оба.

Потом он вышел из склада на солнце, и дневная жара обожгла его, а боль вывернула внутренности наизнанку. Но он заставил себя идти и начал медленно спускаться по холму.

Джоунс и Блейкли, стоя у дверей склада, наблюдали за ним. И оба были смертельно перепуганы.

— О, Господи, сэр, что теперь будет? — проскулил Блейкли. — Они вздернут нас...

Джоунс рывком втащил его назад в склад, захлопнул дверь и злобно ударил его.

— Заткнись!

Блейкли бормотал что-то невнятное, лежа на полу, слезы катились у него из глаз. Джоунс еще раз встряхнул его и снова ударил.

— Не бейте меня! Вы не имеете права бить...

— Заткнись и послушай. — Джоунс снова встряхнул его, — Послушай, чтоб тебе провалиться. Я тебе тысячу раз повторял, чтобы ты пользовался правильными гириями в день, когда Грей проверяет, ты идиот, неумелый дурак. Хватит пускать сопли и послушай. Первое, ты будешь отрицать все, что здесь было сказано. Ты понял? Я ничего не предлагал Грею, ты понял?

— Но, сэр...

— Ты должен все отрицать, ты понял?

— Да, сэр.

— Хорошо. Мы оба будем все отрицать, и, если ты будешь придерживаться этой версии, я вытащу тебя из этого дерьма.

— Вы можете? Вы правда можете это сделать, сэр?

— Я могу, если ты будешь все отрицать. Следующее. Тебе ничего не известно насчет гири и мне тоже. Ты понял?

— Но мы единственные, кто...

— Тебе ясно?

— Да, сэр.

— Следующее. Ничего здесь не было, не считая того, что Грей обнаружил поддельные гири, и я, и ты — оба были потрясены этим. Ты понял?

— Но...

— Теперь расскажи мне, что здесь произошло. Расскажи мне, черт тебя дери! — взревел Джоунс, надвигаясь на Блейкли.

— Мы... мы кончали проверку, и тогда... тогда Грей упал на весы, и гири перевернулись, и... и он обнаружил, что они поддельные. Все правильно, сэр?

— Что произошло дальше?

— Ну, сэр. — Блейкли минуту подумал, потом лицо его просветлело. — Грей спросил нас про гири, а я никогда не замечал, что они поддельные, и вы были так удивлены. Потом Грей ушел.

Джоунс предложил ему табак.

— Ты забыл, что сказал Грей. Разве ты не помнишь? Он сказал: «Если вы дадите мне немного риса сверх нормы, фунт в неделю, яйцо или два, я не доложу об этом». А я сказал, чтобы он убирался к черту, что я сам доложу о

гирях и о нем тоже, и я был вне себя по поводу поддельных гирь. Как они попали сюда? Какая свинья это сделала?

В маленьких глазах Блейкли светилось восхищение.

— Да, сэр, я ясно помню. Он попросил фунт риса, яйцо или два яйца. Точно так, как вы говорите.

— Тогда помни об этом, ты идиот! Если бы ты пользовался нормальными гирями и держал язык за зубами, мы бы не влипли в это дерьмо. Больше не подводи, а не то я обвиню во всем тебя. И тогда мое слово будет решающим.

— Я не подведу вас, сэр, обещаю...

— В любом случае наши показания будут весомей показаний Грея. Поэтому не беспокойся. Если не будешь терять головы и помнить все, что нужно говорить.

— Я не забуду сэр, я не забуду.

— Хорошо. — Джоунс запер сейф, входную дверь склада и ушел.

«Джоунс хитрюга — уговаривал себя Блейкли, — он вытащит нас из этой истории». Теперь, когда страх перед разоблачением рассеялся, он почувствовал себя в безопасности. Конечно, Джоунсу придется спасти свою собственную голову вместе с твоей. Конечно, Блейкли, мой хороший, ты и сам хитер, так хитер, что позаботился о том, чтобы собрать улики на подполковника, просто на случай обмана.

* * *

Полковник Смедли-Тейлор долго изучал гирю.

— Поразительно! — сказал он. — Я просто не могу в это поверить. — Он проницательно посмотрел на Грея. — Вы серьезно пытаетесь мне доказать, что подполковник Джоунс предлагал вам взятку? Из лагерных запасов?

— Да, сэр. Именно так, как я рассказал вам.

Смедли-Тейлор сел на кровать в маленьком бараке и вытер пот — было жарко и душно.

— Я не верю этому, — повторил он, качая головой.

— Они были единственными, кто имел доступ к гирям...

— Я знаю и не спорю с вами. Грей. Но это просто, ну, невероятно.

Смедли-Тейлор довольно долго молчал, и Грей терпеливо ждал.

— Грей. — Полковник все еще рассматривал гирию и крошечное отверстие в ней, потом продолжил:

— Я подумаю, что с этим делать. Все... дело... чревато опасностью. Вы не должны никому говорить о нем, никому, вы понимаете?

— Да, сэр.

— Бог мой, если это так, как вы говорите, этих людей растерзают. — Смедли-Тейлор снова покачал головой. — Эти двое... как мог подполковник Джоунс... лагерные пайки! И каждая гирия подделана?

— Да, сэр.

— Как вы считаете, насколько они легче в целом?

— Не уверен, но, вероятно, фунт на каждые четыреста фунтов. Я считаю, они утаивали три или четыре фунта риса в день. Не считая сухой рыбы или яиц. Возможно, в этом замешаны и другие, обязательно должны быть замешаны. Они не могли незаметно варить рис. Кухня, возможно, тоже участвует в этом.

— Бог мой! — Смедли-Тейлор встал и начал мерить хижину шагами. — Спасибо, Грей, вы прекрасно поработали. Я прослежу за тем, чтобы это было внесено в ваш служебный формуляр. — Он протянул руку. — Хорошо сделано, Грей.

Грей твердо пожал его руку.

— Благодарю вас, сэр. Я расстроен, что не раскрыл это дело раньше.

— Теперь, никому ни слова. Это приказ!

— Понимаю. — Он отдал честь и ушел, его ноги едва касались земли.

Этот Смедли-Тейлор заявил: «Я прослежу за тем, чтобы это было внесено в ваш служебный формуляр!» Может быть, они повысят меня, с внезапной надеждой подумал Грей. В лагере случилось несколько повышений, а ему очень пригодится следующее звание. Капитан Грей! Как это замечательно звучит. Капитан Грей!

* * *

Вторая половина дня тянулась мучительно долго. Питеру Марлоу нужно было заставить людей двигаться. Он отправил свою группу добывать продовольствие и продолжал менять часовых, потому что Торусуми снова спал. Жара была ужасной, воздух раскалился, все проклинали солнце и молили, чтобы скорее наступила ночь.

Наконец Торусуми проснулся, облегчился в кустах, подобрал винтовку и начал прохаживаться, разгоняя сон. Он прикрикнул на пленных, которые клевали носом, и обратился к Питеру Марлоу.

— Я прошу тебя сделать так, чтобы эти пороссячьи дети не спали, а работали, или по крайней мере заставь их сделать вид, что они работают.

Питер Марлоу подошел к охраннику.

— Мне очень жаль, что я заставил тебя поволноваться.

Потом он повернулся к сержанту.

— Бога ради, вы же знаете, что должны следить за ними. Заставьте этих придурков встать, и пусть копают яму, или рубят это чертово дерево, или режут какие-нибудь пальмовые листья, вы проклятый идиот!

Сержант соответственно извинился и тут же заставил пленных делать вид, что они заняты делом. Они прекрасно изображали активность.

Была содрана оболочка с нескольких кокосовых орехов, сложена куча из листьев пальм, сделаны надпилы на деревьях. Если они будут работать с такой скоростью день за днем, вскоре вся площадка будет чистой и ровной.

Сержант устало доложил Питеру Марлоу:

— Все заняты работой, которой им хватит надолго, сэр.

— Хорошо. Теперь уже скоро конец.

— Послушайте, сэр, не сделаете... не сделаете ли вы одну вещь для меня?

— Какую?

— Ну, дело тут вот в чем. Видя, как вы... ну... — Он смущенно вытер рот куском тряпки, которую использовал как шейный платок. Но представившийся случай был слишком хорош, чтобы упускать его. — Посмотрите вот на это. — Он вынул из кармана ручку. — Спросите, пожалуйста, не хочет ли япошка купить ее?

— Вы хотите, чтобы я продал ее для вас? — изумленно уставился на него Питер Марлоу.

— Да, сэр. Это... ну... я решил, что раз вы друг Кинга, возможно, вы должны знать... Может быть, вы знаете, как проверить такое дело.

— Продавать что-либо охранникам запрещено приказом и нашим и японским.

— А, бросьте сэр, мне вы можете доверять. Да вы с Кингом...

— Что насчет меня и Кинга?

— Ничего, сэр, — ответил сержант осторожно. Что случилось с этим педиком? Кого он пытается обмануть? — Я просто подумал, что вы можете помочь мне. И моей группе, конечно.

Питер Марлоу посмотрел на сержанта, на ручку и удивился, почему он так рассердился. В конце концов, он уже продавал для Кинга или по крайней мере старался продать для него, и верно то, что он был его другом. И ничего дурного в этом не было. Если бы не Кинг, они никогда не попали бы на эту работу. Скорее всего он лечил бы сейчас разбитую челюсть или, в лучшем случае, носил на лице следы от пощечин. Итак, ему действительно надо поддержать репутацию Кинга. Он действительно вывел их на кокосовые орехи.

— Сколько вы хотите за нее?

Сержант ухмыльнулся.

— Это не «Паркер», но она с золотым пером, — он отвернул колпачок и показал его, — поэтому она чего-нибудь да стоит. Может быть, вы узнаете, что он за нее даст.

— Он захочет знать, сколько вы просите. Я спрошу его, но цену назначаете вы.

— Если бы вы могли получить шестьдесят пять долларов, я был бы рад.

— Она стоит столько денег?

— Думаю, да.

Ручка была с золотым пером и фабричным клеймом, свидетельствующим о четырнадцати каратах, и насколько Питер Марлоу мог судить, она была настоящей. Не похожей на ту, другую ручку.

— Где вы достали ее?

— Она моя, сэр. Я хранил ее на черный день. С недавних пор они все стали черными.

Питер Марлоу кивнул. Он верил сержанту.

— Хорошо, я посмотрю, что можно сделать. Вы следите за остальными, проверьте часовых.

— Не беспокойтесь, сэр. Эти ублюдки будут начеку.

Питер Марлоу нашел Торусуми, который стоял, прислонившись к приземистому дереву, окутанному виноградной лозой.

— Табе, — сказал он.

— Табе, — Торусуми посмотрел на часы и зевнул. — Через час можно идти. Еще рано. — Он снял фуражку, вытер пот с лица и шеи. — Будь проклята эта вонючая жара и этот вонючий остров!

— Да. — Питер Марлоу старался, чтобы его слова звучали весомо, как будто сейчас говорил Кинг, а не он. — У одного из моих людей есть ручка, которую он хочет продать. Мне в голову пришла мысль, что ты как друг можешь захотеть купить ее.

— Это «Паркер»?

— Нет. — Питер Марлоу вытащил ручку, отвернул колпачок и показал перо так, чтобы оно заиграло на солнце. — Но у нее золотое перо.

Торусуми стал рассматривать ручку. Он был расстроен, что ручка не «Паркер», но это было бы уже чересчур. И, уж конечно, не на аэродромном поле. Если бы это был «Паркер», дело должен был проворачивать сам Кинг.

— Она много не стоит.

— Конечно. Если она тебе не нужна... Питер Марлоу положил ручку в карман.

— Я могу обдумать это. Возможно, мы можем провести этот час, чтобы обсудить такую ничтожную вещь. — Он пожал плечами.

— Она может стоять только семьдесят пять долларов.

Питер Марлоу был поражен тем, что цена была такой высокой. Сержант понятия не имеет о настоящей стоимости ручки. Боже, хотел бы я знать, сколько она стоит на самом деле.

Итак, они сели стали торговаться. Торусуми сердился, Питер Марлоу был непреклонен. Они сговорились наконец о цене в сто двадцать долларов и пачке «Куа». Торусуми встал и зевнул.

— Пора идти. — Он улыбнулся. — Кинг хороший учитель. В следующий раз я скажу, как ты с выгодой использовал мою дружбу для осуществления такой трудной сделки. — Он покачал головой с притворной жалостью. — Такие деньги за такую ничтожную ручку! Кинг будет, конечно, смеяться надо мной. Передай ему, я прошу тебя, что буду на посту через семь дней, начиная с сегодняшнего. Возможно, он найдет мне часы. Хорошие — на этот раз.

Питер Марлоу был доволен, что успешно совершил свою первую настоящую сделку и получил ту цену, которая казалась ему справедливой. Но он был в растерянности. Если он отдаст все деньги сержанту, Кинг будет страшно огорчен. Это разрушит структуру бизнеса, которую Кинг так тщательно создал. А Торусуми наверняка упомянет ручку и ее цену при встрече с Кингом. Однако если он отдаст сержанту только то, что тот просил за ручку и оставит себе остальное, это ведь будет обман, не так ли? Или просто настоящий бизнес? Ведь сержант действительно попросил шестьдесят пять долларов, и именно их он получит. А Питер Марлоу действительно должен Кингу кучу денег.

Он пожалел, что ввязался в этот чертов бизнес. Теперь он попался в ловушку, которую сам себе создал. Черт бы тебя побрал, Питер, если ты слишком много мнишь о своей значимости. Если бы ты отказал сержанту, ты бы не оказался сейчас в затруднительном положении. Что ты собираешься делать? Что бы ты ни сделал, все будет плохо!

Он брел обратно, охваченный грустными размышлениями. Сержант уже построил людей и выжидательно отвел Питера Марлоу в сторону.

— Они готовы, сэр. И я проверил инструменты. — Он понизил голос. — Он купил ее?

— Да, — Сейчас Питер Марлоу решился. Он сунул руку в карман и достал пачку банкнот. — Вот, держите. Шестьдесят пять долларов.

— Сэр, вы настоящий джентльмен!

Он отделил от пачки пятидолларовую бумажку и предложил ее Марлоу.

— Я должен вам еще доллар и пятьдесят центов.

— Вы мне ничего не должны.

— Десять процентов ваши. Они законны, и я рад отдать их вам. Я отдам вам полтора доллара, как только у меня будет мелочь.

Питер Марлоу оттолкнул банкнот.

— Нет, — внезапно он почувствовал вину. — Оставьте себе.

— Я настаиваю, — сказал сержант, заталкивая бумажку в руку Питера.

— Послушайте, сержант...

— Ну, пятерку, по крайней мере, возьмите. Я буду чувствовать себя ужасно, если вы не возьмете. Ужасно. Я не могу вас отблагодарить как следует.

На обратном пути Питер Марлоу молчал. Он чувствовал себя скотиной с огромной пачкой денег в кармане. Он понимал, что обязан этими деньгами Кингу, и был доволен, что они у него есть. Теперь он сможет купить еды своей группе. Сержант обратился к нему только потому, что он знал Кинга, и Кинг, а не сержант был его другом. Все это злосчастное дело снова и снова проворачивалось в его мыслях, когда он вошел в свою хижину.

— Грей хочет видеть тебя, Питер, — сказал Эварт.

— Зачем?

— Не знаю, Питер, старина. Но, кажется, у него чесалось по какой-то причине в одном месте.

Усталый мозг Питера Марлоу переключился на новую неприятность. Должно быть, это как-то связано с Кингом. Грей предвещал беду. Ну, давай, думай, думай, Питер. Деревня? Часы? Бриллиант? О, Бог мой — ручка? Нет это уже глупо. Грей об этом еще не мог узнать. Пойти к Кингу? Может быть, он что-то знает по этому поводу? Опасно. Вероятно, Грей именно поэтому передал сообщение через Эварта, чтобы заставить меня совершить ошибку. Он наверняка знал, что я на работах.

Нет смысла идти как баран на бойню, когда ты потный и грязный.

Сначала в душ, потом поплетусь к тюремной хижине. Потяну время.

И он отправился в душ. Джонни Хокинс тоже стоял под струей.

— Привет, Питер, — окликнул Хокинс.

Чувство вины внезапно заставило Питера Марлоу покраснеть.

— Привет, Джонни. — Хокинс выглядел больным. — Послушай, Джонни... мне очень жаль...

— Не хочу говорить об этом, — сказал Хокинс. — И был бы рад, если ты никогда не будешь упоминать об этом.

«Знает ли он, — растерянно спрашивал себя Питер Марлоу, — что я один из тех, кто ел Ровера? Даже сейчас, хотя все произошло вчера, это вызывало отвращение: каннибализм. Он, конечно, не знает, потому что иначе наверняка попытался бы убить меня. Я знаю, будь я на его месте, я бы так и сделал. Или нет?

Бог мой, до чего мы дошли. Все, что кажется ошибочным, оказывается правильным и наоборот. Это выше моего понимания. Много выше. Тупой, сумасшедший мир. И шестьдесят долларов, и пачка «Куа», которую я заработал

и в то же время украл... или заработал? Как это назвать? Должен ли я отдать их?»

— Марлоу!

Он повернулся и увидел Грея, стоящего рядом с душем со злобным видом.

— Вам передали, что вы должны явиться ко мне по возвращении с работ?

— Мне передали, что вы хотите видеть меня. Как только приму душ, я...

— Я приказал, чтобы вы немедленно явились ко мне, — На лице Грея появилась ехидная улыбка. — Но это не играет роли. Вы подвергаетесь домашнему аресту.

В душевой стало тихо.

— За что?

Грей обрадовался, заметив промелькнувшее выражение тревоги на лице Питера Марлоу.

— За неподчинение приказам.

— Каким приказам?

— Вам это известно так же хорошо, как и мне. Правильно, поволнуйся. Твоя нечистая совесть немного тебя потревожит, если она у тебя есть, в чем я сомневаюсь.

— Вы должны явиться к полковнику Смедли-Тейлору после ужина. И будьте одеты как офицер, а не как уличная девка!

Питер Марлоу закрыл душ, накинул саронг, ловко завязал его, чувствуя на себе любопытные взгляды других офицеров. Его мысли находились в смятении. Он не знал, в чем состоит неприятность, но старался скрыть свое беспокойство. Зачем доставлять удовольствие Грею?

— Вы так плохо воспитаны, Грей. Такой надоедливый, — достаточно громко сказал он.

— Я осведомлен относительно хороших манер, — ответил Грей, — вы, чертов педик. Я рад, что не принадлежу к вашему вонючему классу, сволочь. Вы все жулики, лжецы и воры...

— Грей, предупреждаю вас в последний раз, заткните пасть, или, клянусь Богом, я вам сам ее заткну.

Грей утратил контроль над собой. Он постоянно настраивал себя против этого человека. Он мог избить его, знал, что мог. В любое время. Мучает его дизентерия или нет.

— Если мы когда-нибудь выберемся из этого дерьма живыми, я буду искать вас. Первое, что я сделаю. Самое первое. Это доставит мне удовольствие. Но, если вы оскорбите когда-нибудь меня снова, я высеку вас.

Питер Марлоу обратился к остальным офицерам.

— Вы все слышали. Я предупредил его. Я не собираюсь терпеть оскорбления от этой обезьяны из низшего класса. — Он быстро повернулся к Грею. — Теперь оставьте меня в покое.

— Как я могу это сделать, если вы нарушили закон.

— Какой?

— Повторяю, вам надо быть у полковника Смедли-Тейлора после ужина. Еще одно слово, и вы окажетесь под домашним арестом до того, как пойдете туда.

Грей ушел. Его ликование улетучилось. Глупо было обзывать Марлоу. Глупо, когда в этом не было необходимости.

Глава 18

Когда Питер Марлоу подошел к бараку полковника Смедли-Тейлора, Грей уже был там.

— Я доложу полковнику о вашем прибытии, — сказал Грей.

— Вы так заботливы, — Питер Марлоу чувствовал себя не в своей тарелке. Высокая фуражка ВВС, которую он одолжил, раздражала его. Рваная, но чистая рубашка, которую он надел, тоже раздражала. Саронги гораздо удобнее, твердил он себе, более практичны. А мысль о саронгах заставила его подумать о завтрашнем дне. Завтра день передачи денег. За бриллиант. Завтра Шагата должен принести деньги, и через три дня в деревне будет еще одна встреча. Может быть, Сулина...

Глупо думать о ней. Давай, соберись с мыслями, тебе сейчас понадобится вся твоя сообразительность.

— Входите, Марлоу, — приказал Грей.

Питер Марлоу стал по стойке «смирно» и с должной военной выправкой строевым шагом направился в комнату полковника. Проходя мимо Грея, он прошептал:

— Чтоб ты провалился, болван, — и, почувствовав себя немного лучше, предстал перед полковником. Он четко отдал ему честь, поедая глазами.

Сидящий за грубо сделанным столом, в фуражке, стек на столе, Смедли-Тейлор мрачно посмотрел на Питера Марлоу и четко козырнул в ответ. Он гордился, что так хорошо управляется с дисциплиной в лагере. Все, что он делал, соответствовало уставу. В точности.

Он рассматривал стоявшего перед ним молодого человека — тот стоял навытяжку. «Хорошо, — подумал он, — по крайней мере очко в его пользу». Он некоторое время помолчал, в соответствии со своей привычкой, которая всегда заставляла обвиняемых нервничать. И наконец спросил:

— Ну, капитан Марлоу? У вас есть о чем доложить?

— Нет, сэр. Я не знаю, в чем меня обвиняют.

Полковник Смедли-Тейлор удивленно посмотрел на Грея, потом, нахмурившись, перевел взгляд на Питера Марлоу.

— Возможно, вы нарушили столько правил, что вам трудно вспомнить все сразу. Вчера вечером вы заходили в тюрьму. Это нарушение правил. Вы не носили нарукавную повязку. Это нарушение правил.

Питер Марлоу почувствовал облегчение. Дело касается всего лишь тюрьмы. Но подождите минутку, а как же насчет еды?

— Ну, — отрывисто сказал полковник, — нарушили вы приказы или нет?

— Да, сэр.

— Вы знали о том, что нарушали два приказа?

— Да, сэр.

— Почему вы ходили в тюрьму?

— Я просто навещал кое-кого из знакомых.

— Неужели? — Полковник подождал, потом едко спросил:

— Просто навещали кое-кого из знакомых?

Питер Марлоу промолчал, дожидаясь главного. Оно не заставило себя ждать.

— Американец тоже был в тюрьме. Вы были с ним?

— Некоторое время да. Нет закона, который запрещает это делать, сэр. Но я действительно нарушил, нарушил два приказа.

— Что вы оба затеяли?

— Ничего, сэр.

— Итак, вы признаете, что время от времени вы проворачиваете какие-то делишки?

Питер Марлоу страшно разозлился, что не подумал, прежде чем ответить. Он знал, что полковник — замечательный человек, но он не был его союзником.

— Нет, сэр.

Он не отрывал глаз от полковника, но ничего не говорил. Существует одно правило. Когда вы стоите по стойке «смирно» перед старшим по званию, вы просто говорите «Нет, сэр» или «Да, сэр», или говорите правду. Существовало неизменное правило, по которому офицеры всегда говорили правду, и вот сейчас, имея за своей спиной все традиции, зная, что он должен говорить правду, он лжет или говорит лишь часть правды. Это было не правильно. Или, наоборот, правильно?

Полковник Смедли-Тейлор затеял игру, в которую он столько раз играл раньше. Не стоило особых душевных мук поиграть с человеком, а потом наказать его, если он находил это необходимым.

— Послушайте, Марлоу, — голос его звучал по-отечески, — мне доложено, что вы связались с нежелательными элементами. Вам стоило бы подумать о своем положении офицера и джентльмена. Вот эта связь — с этим американцем. Он торгует на черном рынке. Я посоветовал бы вам прекратить это знакомство. Я не могу, конечно, приказать, но советую.

Питер Марлоу ничего не сказал, но сердце его обливалось кровью. То, что сказал полковник, было правдой, но все же Кинг был его другом и он кормил его, помогал ему и его группе. И он был прекрасным человеком, прекрасным.

Питер Марлоу хотел сказать: «Вы не правы, и я не собираюсь этого делать. Я люблю его, и он хороший человек, и нам весело вместе, и мы много смеемся». И в то же время хотелось признаться в том, что они торговали, ходили в деревню, признаться, что они собирались продать бриллиант, он даже хотел признаться в сегодняшней сделке.

Но потом, представив себе Кинга, арестованного и униженного, он забыл о верности традициям и удержался от признания.

Смедли-Тейлор легко заметил душевное волнение, которое обуревало молодого человека, стоящего перед ним. Было бы так просто сказать: «Подождите на улице. Грей», — и потом:

— «Послушайте, мой мальчик. Я понимаю ваши проблемы. Бог мой, я команду полком почти столько, сколько я себя помню. Я понимаю вас — вы не хотите выдавать своего друга. Это похвально. Но вы кадровый офицер, унаследовавший эту профессию, подумайте о вашей семье и о поколениях офицеров, которые служили стране. Подумайте о них. На карту поставлена ваша честь. Вам надо рассказать правду, таков закон». — И потом сделать легкий вздох, отрепетированный множество раз, и продолжить: «Давайте забудем об этой чепухе. Я сам несколько раз посещал тюрьму. Но если вы хотите признаться мне...» — и он дал бы словам повиснуть в воздухе с абсолютно правильно рассчитанной интонацией. А в результате секреты Кинга были бы раскрыты, и Кинг очутился бы в лагерной тюрьме, но кому от этого стало бы легче?

В данный момент у полковника был гораздо больший повод для беспокойства — гири. Это могло привести к катастрофе, последствия которой невозможно было предусмотреть.

Полковник Смедли-Тейлор знал, что он всегда получит какую угодно информацию от этого ребенка с его причудами, он так хорошо знал людей. Он знал, что он умный командир, командир «от Бога», он таким должен быть и после того, как все это кончится. Первое правило командира — сохранять уважение к своим офицерам, с ними нужно обращаться снисходительно до тех пор, пока они действительно не преступали грань, а потом безжалостно уничтожать их в качестве наглядного урока для других. Но необходимо выбрать подходящий момент, подходящее преступление и подходящего офицера.

— Ладно, Марлоу, — сказал он твердо. — Я приговариваю вас к лишению денежного довольствия на месяц. Я отмечу, что оно списано с вас в вашем аттестате, и мы больше не будем говорить об этом. Но правил больше не нарушайте.

— Благодарю вас, сэр. — Питер Марлоу отдал честь и вышел, радуясь, что все кончилось. Он чуть было не выложил все. Полковник — хороший и добрый человек: его репутация была высокой.

— Ваша совесть не мучает вас? — спросил Грей. От него не ускользнуло состояние Питера Марлоу.

Питер Марлоу не ответил. Он был все еще взволнован и чувствовал огромное облегчение, что удалось избежать серьезных неприятностей. Полковник крикнул:

— Грей! Зайдите на минутку.

— Слушаюсь, сэр. — Грей в последний раз взглянул на Питера Марлоу. Всего одно месячное содержание! Не очень-то много. Грей был очень удивлен и разозлен, что Марлоу так легко отделался. Но в то же время он помнил, как Смедли-Тейлор поступал раньше. И он знал, что у полковника хватка бульдога, что он дает время рыбе заглотнуть наживку. Должно быть, он что-то задумал, иначе он не отпустил бы Марлоу так просто.

Грей обошел Питера Марлоу и еще раз оказался в бараке.

— Закройте-ка дверь. Грей.

— Слушаюсь, сэр.

Когда они остались одни, полковник Смедли-Тейлор сказал.

— Я видел подполковника Джоунса и сержанта интендантской службы Блейкли.

— И что, сэр?

Хоть что-то удалось!

— Я освободил их от выполняемых ими обязанностей с сегодняшнего дня, — сказал полковник, вертя в руках гирию.

Грей широко улыбнулся.

— Да, сэр.

Когда будет заседать трибунал, и как он будет организован, и будет ли он закрытым, и понизят ли их в званиях? Вскоре все в лагере будут знать, что он. Грей, уличил их в подлости; он, Грей, ангел-хранитель, и, Бог мой, как же это будет замечательно.

— И мы забудем о случившемся, — заключил полковник.

Улыбка исчезла с лица Грея.

— Что?

— Да. Я решил забыть о происшедшем. И вы поступите так же. Я повторяю приказ. Вы не должны никому об этом рассказывать, и вы забудете об этом.

Грей был так потрясен, что опустился на кровать и уставился на полковника.

— Но мы не можем допустить этого, сэр! — взорвался он. — Мы поймали их с поличным. На краже лагерного довольствия. Это ваше довольствие и мое тоже. И они пытались подкупить меня. Подкупить меня! — Голос звучал почти

истерически. — Святой Боже, я поймал их, они воры, они заслуживают того, чтобы их повесили и четвертовали.

— Верно, — угрюмо кивнул головой полковник Смедли-Тейлор. — Но при сложившихся обстоятельствах я принял самое мудрое решение.

Грей вскочил на ноги.

— Вы не можете так поступить! — закричал он. — Вы не можете отпустить их, не наказав! Вы не можете...

— Не смейте говорить мне, что я могу и чего я не могу делать!

— Извините, — Грей пытался взять себя в руки. — Но, сэр, эти люди — воры. Я поймал их. У вас есть гиря.

— Я решил, что дело закрыто. — Голос полковника был спокоен. — Дело закрыто.

Грей не мог удержаться.

— Клянусь Господом, оно не закрыто. Я не позволю, чтобы оно было закрыто! Эти ублюдки жрали тогда, когда я голодал! Они заслуживают наказания! И я настаиваю... Голос Смедли-Тейлора перекрыл эту истерику.

— Молчать, Грей! Вы не можете ни на чем настаивать! Дело закрыто.

Смедли-Тейлор тяжело вздохнул, взял в руки лист бумаги и сказал:

— Это ваш служебный формуляр. Я сегодня вписал в него еще кое-что. Я прочту вам. «Я выражаю благодарность лейтенанту Грею за его работу на посту начальника военной полиции лагеря. Исполнение им обязанностей заслуживает, несомненно, отличной оценки. Я ходатайствую о представлении его к временному званию капитана». — Он оторвал взгляд от бумаги. — Я предполагаю сегодня отправить эту бумагу коменданту лагеря и рекомендовать, чтобы ваше назначение было бы произведено с сегодняшнего дня. — Он улыбнулся. — Вы, конечно, знаете, что он имеет право повесить вас. Поздравляю вас, капитан Грей. Вы заслужили это звание. — Он протянул Грею руку.

Но Грей не принял ее. Он просто посмотрел на нее, на бумагу и понял.

— Ну, конечно, сволочь! Вы откупаетесь от меня. Вы такое же дерьмо, может быть, и вы тоже ели этот рис. Да, вы дерьмо, грязная сволочь...

— Придержите язык, вы нахальный выскочка! Стать «смирно»! Я сказал — «смирно»!

— Вы заодно с ними, и я не позволю никому из вас выйти сухим из воды. — Крикнув, Грей схватил со стола гирию и отскочил назад. — Я еще ничего не имею против вас, но против них у меня есть доказательство. Эта гирия...

— Что насчет гири, Грей?

Грею понадобилась вечность, чтобы посмотреть на гирию. В нижней ее части отверстия не было.

— Я спросил, что насчет гири?

«Тупой дурак, — презрительно думал Смедли-Тейлор, наблюдая, как Грей ищет отверстие. — Какой дурак! Я смог бы съесть его с потрохами и даже не заметить».

— Это не та гирия, которую я вам дал, — поперхнувшись, сказал Грей. — Это не та гирия. Не та.

— Вы ошибаетесь. Это та самая. — Полковник был совершенно спокоен.

Он продолжал, голос его был ласковым и заботливым.

— Послушайте, Грей, вы молодой человек, я понимаю, что вы хотите остаться в армии, когда война будет закончена. Это хорошо. Нам нужны умные, трудолюбивые офицеры. Жизнь кадрового офицера — это замечательная жизнь. И полковник Семсен говорил мне, какое у него высокое мнение о вас. Я уверен, что смогу убедить его дать вам рекомендацию дополнительно к моей, чтобы вам присвоили постоянное звание. Вы просто переутомились от работы, это вполне понятно. Сейчас ужасные времена. Я считаю, что, закрыв дело, мы поступим мудро. Было бы опрометчиво вовлекать лагерь в скандал. Очень опрометчиво. Я думаю, что и вы оцените мудрость этого шага.

Он помолчал, испытывая презрение к Грею. Выждав нужное время — в этом у него был большой опыт, — он сказал:

— Вы хотите, чтобы я послал коменданту лагеря мой рапорт на представление вас к званию капитана?

Грей смотрел на бумагу с ужасом. Он понимал, что полковник мог пустить ее по инстанциям или придержать. Он мог и уничтожить ее.

Грей понимал, что проиграл. Проиграл. Он пытался что-то сказать, но так велика была его мука, что говорить он не мог. Он только кивнул и услышал слова Смедли-Тейлора.

— Хорошо, можете считать, что ваше капитанское звание утверждено. Я уверен, моя рекомендация и рекомендация полковника Семсена будут играть

важную роль в представлении вас к постоянному званию после войны. — Грей помнил, как он вышел из комнаты, направился в тюремную хижину, отпустил дежурного полицейского. Его не взволновало, что полицейский смотрит на него как на сумасшедшего. Потом он остался в хижине один. Закрыв дверь, сел на край койки в камере, и его горе прорвалось наружу — он заплакал.

Он проиграл.

Разорван на куски.

Руки и лицо его были мокрыми от слез. Душа его, охваченная ужасом, раскачивалась на краю неведомого, потом рухнула в вечность...

Когда Грей очнулся, он лежал на носилках, которые несли два полицейских. Впереди ковылял доктор Кеннеди. Грей понимал, что умирает, но его это не волновало. Потом он увидел Кинга, стоящего у тропинки и смотрящего на него сверху вниз.

Грей заметил аккуратно начищенные ботинки, отутюженную складку брюк, сигарету «Куа» фабричного производства, выражение сытого сочувствия на лице. И он вспомнил, что у него есть дела. Он не может умирать. Пока нет. Пока существует хорошо отутюженный, начищенный и сытый Кинг. Но сейчас, когда скоро нужно будет закончить дело с бриллиантом. Ей-богу, нет!

* * *

— Эта партия будет последней, — говорил полковник Смедли-Тейлор, — Мы не должны пропустить представление.

— Не могу дождаться момента, когда посмотрю на Шона, — сказал Джоунс, тасуя карты. — Две бубны! — Он с самодовольным видом открыл карты.

— Вам чертовски везет, — резко отозвался Селларс. — Две пики.

— Пас.

— Не всегда вам чертовски везет, партнер, — сказал Смедли-Тейлор с тонкой улыбкой. Его неподвижные глаза посмотрели на Джоунса. — Сегодня вы вели себя довольно глупо.

— Просто получилось неудачно.

— Неудача не прощается, — заметил Смедли-Тейлор, изучая свои карты. — Вам следовало бы следить за собой. Вы проявили некомпетентность в том, что не сдержались.

— Я же сказал, что виноват. Неужели вы думаете, я не понимаю, как глупо это было? Это не повторится. Никогда. Чертовски неприятно паниковать.

— Две без козырей, — Смедли-Тейлор улыбнулся Селларсу. — Это составит роббер, партнер. — Потом снова обратился к Джоунсу. — Я рекомендовал Семсена, он заменит вас на этом посту, вам нужен «отдых». Это собьет Грея со следа. Да, и сержант Донован будет сержантом-интендантом Семсена. — Он усмехнулся. — Жаль, что придется изменить систему, но это неважно. Нам надо быть уверенными в том, что Грей будет занят в те дни, когда будут пущены в ход поддельные гири. — Он снова посмотрел на Селларса. — Это будет ваша забота.

— Очень хорошо.

— А, кстати, я приговорил Марлоу к лишению денежного довольствия на месяц. Он ведь в одной из ваших хижин, не так ли?

— Да, — сказал Селларс.

— Я был мягок с ним, потому что он хороший человек, из хорошей семьи — не то, что этот выскочка-педик Грей. Бог мой, какая наглость надеяться, что я буду ходатайствовать о присвоении ему постоянного звания. Нам не нужны такие отбросы в регулярной армии. Бог мой, никогда! Он получит постоянное звание только через мой труп.

— Совершенно согласен, — согласился Селларс. — Но Марлоу вы должны были лишить довольствия на три месяца. Он может себе это позволить. Этот чертов американец держит в кулаке весь лагерь.

— Пока это так, — проворчал Смедли-Тейлор и снова стал изучать свои карты.

— У вас есть что-нибудь на него? — спросил Джоунс осторожно. Потом добавил:

— Три бубны.

— Черт вас возьми, — сказал Селларс. — Четыре пики.

— Пас.

— Шесть пик, — предложил Смедли-Тейлор.

— У вас действительно есть что-то на американца? — снова спросил Джоунс.

На лице полковника Смедли-Тейлора не отразилось ничего. Он знал о кольце с бриллиантом и слышал, что сделка была заключена и что кольцо скоро сменит владельца. А когда деньги попадут в лагерь... есть план... хороший, надежный, тайный план... как получить деньги. Поэтому он только хмыкнул, улыбнулся своей тонкой улыбкой и небрежно сказал:

— Если у меня и есть что-то, я, конечно, не скажу вам об этом. Вы не из тех, кому можно доверять.

Когда улыбнулся Смедли-Тейлор, они все тоже улыбнулись, с облегчением.

* * *

Питер Марлоу и Ларкин присоединились к потоку людей, входящих в открытый театр.

Свет на сцене уже был включен, луна освещала панораму лагеря. Театр мог вместить две тысячи зрителей. Сиденья, которые веером расходились от сцены, представляли собой доски, прибитые к пням кокосовых пальм. Каждый спектакль повторялся пять раз, чтобы каждый человек в лагере мог хотя бы раз увидеть его. Места распределялись по жребию и всегда пользовались большим спросом.

Театр был почти заполнен, не считая передних рядов, где впереди рядового состава обычно сидели офицеры, которые приходили позже. Только американцы не соблюдали этого правила.

— Эй, вы двое, — окликнул их Кинг. — Хотите сесть с нами? — Он занял свое излюбленное место у прохода.

— Ну, я бы не против, но вы знаете... — чувствуя себя неловко, сказал Питер Марлоу.

— Да. Что ж, встретимся позже.

Питер Марлоу взглянул на Ларкина и понял, что тот тоже недоволен, что не может сесть со своими друзьями. Глупо чертовски глупо, когда ты хочешь и не можешь сесть там, где хочешь.

— Вы хотите сесть здесь, полковник? — спросил он, снимая с себя ответственность и презирая себя за это.

— Почему бы и нет? — отозвался Ларкин.

Они сели, чувствуя себя очень неловко, видя удивленные взгляды и понимая, что нарушают правила.

— Эй, полковник! — Браф нагнулся к ним с улыбкой. — Вам не поздоровится. Нарушаете дисциплину и все такое прочее.

— Если я хочу сидеть здесь, я и буду сидеть здесь. — Но Ларкин уже жалел, что так легко согласился.

— Как дела, Питер? — спросил Кинг.

— Спасибо, прекрасно. — Питер Марлоу старался преодолеть собственную неловкость. Он чувствовал устремленные на него взгляды. Он еще не рассказал Кингу о продаже ручки, о том, что побывал на ковре у Смедли-Тейлора и о драке, которую чуть было не затеял с Греем...

— Добрый вечер, Марлоу.

Он поднял глаза и поморщился, увидев проходящего мимо Смедли-Тейлора. Глаза как кремль.

— Добрый вечер, сэр, — ответил он тихо. «О, мой Бог, — подумал он, — теперь он меня растерзает».

Возбуждение зрителей сразу возросло, когда по проходу прошел комендант лагеря и сел в самом первом ряду. Огни притушили. Занавес раздвинулся. На сцене был оркестр из пяти музыкантов, а в центре стоял Фил, руководитель оркестра. Аплодисменты.

— Добрый вечер, — начал Фил. — Сегодня мы предлагаем новую пьесу Френка Перриша под названием «Треугольник», которая шла в Лондоне до войны. В ней заняты Френк Перриш, Бред Родрик и неповторимый Шон Дженнисон...

Бурные аплодисменты. Свист. Улюлюканье. Крики «Где Шон?» и «До какой войны?», «Добрая старая Англия», «Давайте начинайте» и «Мы хотим Шона».

Фил взмахнул рукой, и зазвучала увертюра.

Теперь, когда представление началось, Питер Марлоу слегка успокоился.

А потом началось.

Рядом с Кингом внезапно появился Дино, который стал настойчиво шептать ему на ухо.

— Где? — слышал Марлоу вопрос Кинга.

Потом:

— Ладно, Дино. Вали назад в хижину.

Кинг наклонился вперед.

— Нам надо выйти, Питер. — Лицо его было напряженно, голос едва слышен. — Нас хочет видеть тот самый парень.

О, Бог мой! Шагата! И что теперь делать?

— Мы не можем встать и просто так уйти, — неловко ответил Питер Марлоу.

— Черта с два не можем. У нас обоих приступ дизентерии. Пошли. — Кинг уже шел по проходу.

Чувствуя на себе удивленные взгляды, Питер Марлоу поспешил за ним.

Они нашли Шагату в тени за сценой. Он тоже нервничал.

— Я прошу тебя простить мне плохие манеры. Пришлось срочно послать за тобой, но возникла неприятность. Перехватили одну из джонок нашего общего друга, и сейчас его допрашивают по поводу контрабанды эта несносная полиция. — Шагата, казалось, чувствовал себя неловко без винтовки, и он знал, что если его поймают в лагере вне дежурства, то посадят на три недели в тесный карцер без окон. — Я подумал, если нашего друга будут серьезно допрашивать, он может впутать нас.

— Господи, — сказал Кинг.

Он неуверенно предложил «Куа», и вся троица глубже забилась в темноту.

— Я думал, что ты, как опытный человек, — напряженно продолжал Шагата, — посоветуешь, как нам обезопасить себя.

— Надо надеяться!

Его мысли метались, но ответ получался один и тот же — ждать и надеяться.

— Питер. Спросите его, был ли Чен Сен на джонке, когда ее задержали.

— Он говорит, нет.

Кинг вздохнул.

— Тогда, быть может, Чен Сен сумеет выкрутиться. — Он снова подумал, потом сказал:

— Единственное, что мы можем, это ждать. Скажи ему, не надо паниковать. Он должен как-то последить за Чен Сеном и выяснить, заговорит ли он. Он должен дать нам знать, если начнется эта чертова заваруха.

Питер Марлоу перевел.

Шагата втянул воздух между зубами.

— Я поражен, что вы двое так спокойны, когда я трясусь от страха. Если меня поймают и расстреляют на месте, можно считать, что мне повезет. Я сделаю все, как ты скажешь. Если тебя схватят, я прошу тебя постараться не впутывать меня. Я постараюсь поступить так же. — Его голова дернулась, когда раздался тихий предупредительный свист. — Если все будет хорошо, мы будем

действовать по плану. — Он торопливо сунул пачку «Куа» в руку Питера Марлоу. — Я не знаю ничего о тебе и твоих богах, но я, конечно, буду долго и старательно говорить со своими богами и от твоего имени, чтобы они помогли нам.

Потом он ушел.

— Что, если Чен Сен проговорился? — спросил Питер Марлоу, живот его превратился в комок боли. — Что нам делать?

— Бежать. — Кинг трясущимися руками закурил сигарету и прислонился спиной к стене театра. — Это лучше, чем оказаться в Утрам Роуд.

В театре увертюра завершилась аплодисментами, одобрительными восклицаниями и смехом. Но они не слышали ни аплодисментов, ни криков, ни смеха.

* * *

Родрик стоял за кулисами, глядя, как рабочие сцены готовят ее к спектаклю, и потирали их.

— Майор! — К нему подскочил Майк. — Шон бьется в истерике. Он все глаза выплакал!

— О, силы небесные! Что случилось? С ним было все в порядке минуту назад, — взорвался Родрик.

— Я точно не знаю, — угрюмо сказал Майк.

Родрик снова выругался и торопливо ушел. Нервничая, он постучал в дверь уборной.

— Шон, это я. Можно мне войти?

Сквозь дверь донеслись сдавленные рыдания.

— Нет. Уйди. Я не выйду на сцену. Я просто не могу.

— Шон. Все в порядке. Ты просто переутомился, вот и все. Послушай...

— Уходи и оставь меня в покое, — истерически крикнул Шон через дверь. — Я не выйду на сцену!

Родрик попробовал открыть дверь, но она была заперта. Он бросился бегом обратно на сцену.

— Френк!

— Что тебе надо? — Френк, мокрый от пота и раздраженный, стоял на лестнице, пытаясь починить прожектор, который отказывался работать.

— Спускайся! Мне надо сказать...

— Ради Бога, ты что, не видишь, я занят? Разберись сам, что бы там ни было, — рассердился он. — Неужели все должен делать я? Мне еще надо переодеться и гримироваться. — Он посмотрел на подвесные мостки. — Попробуй другую группу выключателей, Дампен. Давай, парень, поторопись.

Из-за занавеса до Родрика доносилась буря нетерпеливого свиста. «Что же теперь делать?» — отчаянно спрашивал он себя и пошел обратно к уборной.

Тут он увидел Питера Марлоу и Кинга около боковой двери. Он сбежал по лестнице.

— Марлоу. Вы должны мне помочь!

— Что случилось?

— Это Шон, он закатывает истерику, — задыхаясь, начал Родрик, — отказывается играть. Поговорите с ним, пожалуйста! Прошу вас. Поговорите. Сделайте это!

— Но...

— Это не займет много времени — оборвал его Родрик. — Вы — моя последняя надежда. Прошу вас. Я уже давно волнуюсь за Шона. Его роль достаточно трудна даже для женщины, не говоря уже о... — Он замолчал, потом тихо продолжил:

— Прошу вас, Марлоу, я боюсь за него. Вы окажете мне огромную услугу.

— Хорошо, — согласился, поколебавшись, Питер Марлоу.

— Не знаю, как отблагодарить вас, старина. — Родрик вытер лоб и провел их через толпу в заднюю часть театра. Питер Марлоу неохотно шел следом, а Кинг рассеянно сопровождал их. Мысли его были сосредоточены на том, как, где и когда устроить побег.

Они остановились в маленьком коридоре. Испытывая неловкость, Питер Марлоу стукнул в дверь.

— Это я, Питер. Можно мне войти?

Скорчившись у гримерного столика, Шон услышал его сквозь обволакивающий туман страха.

— Это я, Питер. Можно мне войти?

Шон встал, мешая на лице слезы с краской, и открыл ему. Питер Марлоу нерешительно вошел в уборную. Шон захлопнул за ним дверь.

— Питер, я не могу выйти на сцену. С меня хватит. Я дошел до последней черты, — беспомощно сказал Шон. — Я не могу больше притворяться, не могу. Я пропал, пропал. Господи, помоги мне! — Он спрятал лицо в ладонях. — Что мне делать? Я не могу больше выносить это. Я ничтожество. Ничтожество!

— Все хорошо, Шон, старина, — сказал Питер Марлоу, жалея его. — Не стоит волноваться. Ты очень важная личность. По правде говоря, ты самая важная личность в лагере.

— Я хотел бы умереть.

— Это очень просто.

Шон повернулся и посмотрел на него.

— Посмотри на меня, ради Бога! Кто я? Ради Бога, скажи мне, кто я?

Сам того не желая, Питер Марлоу видел только девушку, девушку, мучительно страдающую. На девушке была белая юбка, туфли на высоких каблуках, ее длинные ноги были обтянуты шелковыми чулками, а под блузкой отчетливо выступала грудь.

— Ты женщина, Шон, — беспомощно сказал Питер. — Бог знает как... или почему... но это так.

И тут же страх, отвращение к самому себе и мучительные страдания покинули Шона.

— Спасибо, Питер, — сказал Шон. — Спасибо тебе от всего сердца.

В дверь осторожно постучали.

— Начинаем через две минуты, — беспокойно крикнул Френк из-за двери. — Можно войти?

— Секундочку. — Шон прошел к туалетному столику, стер следы слез, поправил грим и посмотрел на себя в зеркало.

— Входи, Френк.

От вида Шона у Френка, как обычно, перехватило дыхание.

— Ты прекрасно выглядишь! — сказал он. — С тобой все в порядке?

— Да. Боюсь, я немного по-дурацки повел себя. Извини.

— Просто переработался, — сказал Френк, скрывая тревогу. Он бросил взгляд на Питера Марлоу. — Привет, рад видеть вас.

— Спасибо.

— Пора бы и тебе готовиться, Френк, — сказал Шон. — Со мной все в порядке.

Френка глубоко тронула его девичья улыбка, и автоматически он включился в игру, которую они с Родриком начали три года назад и о чем горько жалели с тех пор.

— Ты будешь очаровательной в спектакле, Бетти, — сказал он, обнимая Шона. — Я горжусь тобой.

Однако сейчас, в отличие от бесчисленного числа таких встреч в прошлом, они неожиданно почувствовали себя женщиной и мужчиной, Шон расслабился, и Френк понял, что Шон нуждается в нем, каждая молекула его существа нуждается в нем.

— Ну... мы будем начинать через минуту, — сказал он неуверенно, растерявшись перед внезапностью ощущения собственной нужности. — Я... я должен переодеться.

И ушел.

— Я... пожалуй, мне тоже лучше вернуться на место, — сказал Питер Марлоу, очень расстроенный. Он больше почувствовал, чем увидел, искру, проскочившую между ними.

— Да. — Но Шон вряд ли видел Питера Марлоу.

Окончательная проверка грима, и Шон ждал сигнала за кулисами. Обычное сладостное волнение. Потом Шон вышел на сцену и преобразился. Восклипания, удивления и похоть обрушились на нее, глаза, следящие, как она сидит и как закидывает ногу на ногу, как ходит и как говорит, глаза, устремленные к ней, трогающие ее, глаза, пожирающие ее.

Она и эти глаза слились вместе, в одно целое.

— Майор, — сказал Питер Марлоу, когда он, Кинг и Родрик стояли, наблюдая, за кулисами, — что это за история с Бетти?

— Да, это часть длинной истории, — горестно объяснил Родрик. — Это имя героини, которую Шон играет на этой неделе. Мы... Френк и я, всегда называли Шона именем той героини, которую он играет.

— Зачем? — спросил Кинг.

— Чтобы помочь ему. Помочь ему войти в роль. — Родрик снова посмотрел на сцену, дожидаясь своего выхода. — Это началось как игра, — горько сказал он, — сейчас это превратилось в порочную шутку. Мы создали эту... эту женщину... Боже, помоги нам. Это наша вина.

— Почему? — медленно спросил Питер Марлоу.

— Ну, ты вспомни, как трудно было на Яве. — Родрик посмотрел на Кинга. — До войны я был актером и поэтому получил предписание организовать театр в лагере. — Взгляд его переключился на сцену, на Френка и Шона. «С этими двумя творится что-то странное сегодня вечером», — подумал он. Родрик критически следил за их игрой и понял, что им не хватает вдохновения, — Френк был единственным профессионалом в лагере, кроме меня, поэтому мы начали ставить спектакли вместе. Когда мы дошли до раздачи ролей, кому-то необходимо было играть женские роли. Добровольцев не было, поэтому начальство выделило на это двух или трех человек. Одним из этих людей был Шон. Он отказался играть, но вы же знаете, какими упрямыми бывают старшие офицеры. «Но кому-то надо играть женскую роль», — сказали они ему.

— Вы достаточно молоды, чтобы быть похожим на девушку. Вы бреетесь не чаще раза в неделю. Вся и забота в том, чтобы на час-другой надеть женское платье. Подумайте, как это укрепит общий моральный дух. — И сколько Шон ни протестовал, ругался и умолял, это ни к чему не привело.

Шон просил меня не принимать его. Ну, работать с актером, который не хочет этого, бессмысленно, поэтому я постарался исключить его из труппы. «Послушайте, — сказал я начальству, — актерская игра связана с большим психологическим напряжением...»

— Чепуха! — заявили они. — Кому это может повредить?

— Тот факт, что он играет женщину, может извратить его. Если у него есть хоть малейшая склонность к этому...

— Бред и глупости, — сказали они. — Вы, чертовы актеры, умственные извращенцы. Сержант Дженнисон? Невозможно! Он в полном порядке! Чертовски хороший летчик-истребитель! Послушайте, майор. Хватит. Вам приказано взять его в группу, и он обязан выполнить этот приказ!

— Ну, я и Френк пытались успокоить Шона, но он клялся, что будет худшей актрисой в мире, что его наверняка выгонят после первого провалившегося спектакля. Мы говорили, что нас это совершенно не волнует. Его первый спектакль был ужасен. Но, казалось, что после него он стал ненавидеть это не так яростно. К его удивлению, ему даже понравилось. Поэтому мы по-настоящему включились в работу. Хорошо, когда было чем заняться, это

отвлекало от вонючей еды и вонючего лагеря. Мы учили его говорить и ходить, сидеть и курить, шить и одеваться, и даже думать как женщина. Затем, чтобы держать его в форме, мы начали воображаемую игру: мы вставали, когда он входил, помогали ему сесть, вы понимаете, мы обращались с ним, как с настоящей женщиной. Сначала это было интересно создавать иллюзию, делать так, чтобы никто не видел, как Шон одевается и раздевается, чтобы его туалеты были всегда приличные, но в достаточной степени привлекали внимание. Мы даже получили специальное разрешение, чтобы у него была отдельная комната. С отдельным душем.

Потом внезапно выяснилось, что он больше не нуждается в учителях. На сцене он уже не отличался от женщины.

Но понемногу женское начало стало брать верх над ним уже вне сцены, только мы не замечали этого. К этому времени Шон отрастил длинные волосы — парики, которые у нас были, ни к черту не годились. Потом Шон стал носить женские платья постоянно. Однажды ночью кто-то попытался изнасиловать его.

— После этого Шон почти сошел с ума. Он пытался уничтожить женщину внутри себя, но не мог. Потом пошел на самоубийство. Это, конечно, замяли. Но это не помогло Шону, только ухудшило его состояние. Он проклинал нас за то, что мы спасли его.

— Несколько месяцев спустя была еще одна попытка изнасилования. После нее Шон похоронил свою мужскую сущность окончательно. «Больше я не сопротивляюсь, — сказал он. — Вы хотели, чтобы я был женщиной, теперь они верят, что так оно и есть. Хорошо. Я буду ей. Я чувствую себя женщиной, поэтому нет необходимости больше притворяться. Я женщина, и я хочу, чтобы со мной обращались подобающим образом».

— Френк и я пытались переубедить его, но это было совершенно бесполезно. Поэтому мы сошлись на том, что это временно и что потом с ним будет все в порядке. Шон великолепно поддерживал моральный дух, и мы знали, что никогда не найдем другого, который хотя бы на одну десятую был бы так же хорош в исполнении женских ролей, как Шон. Поэтому мы не обратили на это внимание и он продолжал играть.

Бедный Шон. Он такой замечательный человек. Если бы не он, я и Френк давно бы испустили дух.

Раздался грохот аплодисментов, когда Шон снова появился с другого конца сцены.

— Вы даже не представляете, что с вами творят аплодисменты, — сказал Родрик, обращаясь отчасти к самому себе, — аплодисменты и обожание. Пока вы не испытаете их на себе. Там, на сцене. Невозможно передать. Это

фантастически возбуждает, пугает, приводит в ужас — прекрасный наркотик. И это всегда обрушивалось на Шона. Всегда. Это и похоть — ваша, моя, общая.

Родрик вытер пот на лице и на руках.

— Мы виноваты в этом, да простит нас Бог.

Подоспел его черед, и он вышел на сцену.

— Хотите вернуться на наши места? — спросил Кинга Питер Марлоу.

— Нет. Давайте посмотрим отсюда. Я никогда раньше не был за кулисами. Это то место, где мне всегда хотелось побывать.

«А вдруг Чен Сен выкладывает сейчас свои секреты?» — спрашивал Кинг себя.

Однако он понимал, что волноваться не имеет смысла. Они взяли на себя определенные обязательства, и он был готов их выполнить, как бы ни развивались события. Он посмотрел на сцену. Он видел Родрика, Френка и Шона. Он неотрывно смотрел на Шона, следил за каждым его движением, за каждым его жестом.

Все следили за Шоном. Опыаненные.

За Шоном и Френком, их взгляды слились в одно целое, и страстное увлечение происходящим на сцене захватило и актеров и зрителей, обнажая их души.

Когда после последнего акта занавес опустился, наступила полная тишина. Зрители были околдованы.

— Бог мой, — сказал Родрик благоговейно. — Это величайшая похвала, которая может быть нам оказана. И вы заслужили ее, вы двое, вы играли вдохновенно. Действительно вдохновенно.

Занавес начал подниматься, и тогда благоговейная тишина раскололась, раздались аплодисменты, десять раз вызывали актеров, и были еще аплодисменты, а потом Шон стоял на сцене один и упивался живительным поклонением.

Во время непрекращающейся овации Родрик и Френк наконец вышли на сцену вместе с ним, чтобы разделить триумф, два создателя и их творение, прекрасная девушка, которая была их гордостью, их Немезидой.

Зрители тихо выходили из зала. Каждый грустно размышлял о своем доме, о ней. Что она делает в этот момент?

Ларкин был задет за живое. Почему, Бога ради, девушку называли Бетти? Почему? А моя Бетти, кто ее сейчас обнимает?

И Мак. Он был охвачен страхом за Мем. Затонул ли ее корабль? Жива ли она? Жив ли мой сын? И Мем — стала бы она... с кем она сейчас... с кем? Все было так давно. Бог мой, сколько времени прошло!

И Питер Марлоу. Что с Нья, с несравненной Нья? Моя любимая, моя любимая.

И все они думали одинаково.

Даже Кинг. Ему было интересно, с кем она сейчас, прелестное видение, которая встретила ему, когда он подростком бродяжничал, девушка, которая подносила надушенный платок к носу и говорила, что белая шваль воняет хуже негров.

Кинг иронически улыбнулся. Это была чертовски симпатичная девка, вспомнил он и переключился на более важные вещи.

Огни в театре погасли. Он опустел, не считая двоих в отгороженной от мира артистической уборной.

Книга четвертая

Глава 19

Нетерпение Кинга и Питера Марлоу росло. Шагата сильно запаздывал.

— Какая вонючая ночь, — раздраженно сказал Кинг. — Я потею, как свинья.

Они сидели в уголке Кинга, и Питер Марлоу следил, как тот раскладывает пасьянс. В душном воздухе, опустившемся на лагерь с безлунного неба, чувствовалось напряжение. Даже постоянное поскребывание под хижиной затихло.

— Если он собирается сегодня прийти, хотелось, чтобы это было не очень поздно, — сказал Питер Марлоу.

— А я хотел бы знать, что, черт возьми, случилось с Чен Сеном? Этот сукин сын мог бы по крайней мере известить нас. — В тысячный раз Кинг выглянул в окно в направлении колючей проволоки. Он ждал знака от партизан, которые были там — должны были быть там! Но не было ничего — никакого движения, никакого знака. Джунгли, как и лагерь, изнемогали от духоты и были неподвижны.

Питер Марлоу поморщился, согнув пальцы на левой руке, и поудобнее устроил больную руку.

Кинг заметил это.

— Как она?

— Чертовски болит, старина.

— Надо, чтобы ее осмотрели.

— Я записался к врачу на завтра.

— Чертовски неудачно получилось.

— Несчастный случай. Такое случается. С этим ничего поделать нельзя.

Это произошло два дня назад. В команде, посланной за дровами. Стоя в болоте, Питер Марлоу напрягал все силы под тяжестью колючего пня, который он вместе с двадцатью другими парами потных рук тащил на повозку. Рука соскользнула и оказалась зажатой между пнем и повозкой. Он почувствовал, как твердые как сталь колючки вспарывают мышцы его руки, а пень чуть ли не дробит ему кости, и он громко закричал от мучительной боли.

Остальным потребовались минуты, чтобы поднять пень, освободить его онемевшую руку и положить его на землю. Кровь сочилась в липкую грязь болота, мухи, жуки и другие насекомые роились тучей, обезумев от запаха крови. Рана была шесть дюймов длиной, два шириной и довольно глубокой. Они вытащили из раны щепки и грязь, промыли ее водой. Потом наложили на руку жгут, а пень погрузили на повозку и повезли домой, в Чанги. Он шел рядом с повозкой, в обморочном состоянии.

Доктор Кеннеди осмотрел рану, обработал ее йодом. Стивен держал его за здоровую руку, а сам Питер Марлоу корчился от боли. Потом врач наложил немного цинковой мази на часть раны, и смазал жиром остальную часть, чтобы не прилипала повязка. Затем наложил повязку.

— Вам здорово повезло, Марлоу, — сказал он. — Переломов нет, и мышцы целы. Зайдите через пару дней, и мы еще раз посмотрим рану.

Кинг оторвался от карт, когда в хижину торопливо вошел Макс.

— Неприятность, — сказал Макс тихо и напряженно. — Грей только что вышел из госпиталя и идет сюда.

— Следи за ним. Макс. Лучше пошли Дино.

— Хорошо, — Макс торопливо вышел.

— Что ты думаешь, Питер?

— Если Грей вышел из госпиталя, он точно знает, что сегодня должно что-то произойти.

— Он знает наверняка.

— Что?

— Конечно. У него осведомитель в нашей хижине.

— Бог мой. Вы уверены?

— Да. И я знаю, кто.

Кинг покрыл красную пятерку черной четверкой, а красную пятерку положил на черную шестерку и освободил еще одного туза.

— Кто это?

— Я не скажу вам, Питер Марлоу. — Кинг жестко улыбнулся. — Вам лучше не знать. Но у Грея здесь есть свой человек.

— И что вы собираетесь делать с этим?

— Ничего. Пока. Возможно, позже я скормлю его крысам. — Потом Кинг улыбнулся и сменил тему разговора. — Ведь идея фермы была сумасшедшей, не так ли?

Питер Марлоу стало интересно, а что бы он делал, если бы знал, кто доносчик. Все знали, что Йошима тоже имел в лагере своих осведомителей, один из них выдал старину Девена, другой, еще не известный и не пойманный, ищет радио, спрятанное во флягах. Он подумал, что Кинг поступает правильно, не открывая ему имени доносчика. Так легче избежать ошибок. Он не обижался на Кинга, но все равно просчитывал возможные варианты.

— Как вы считаете, — спросил он, — мясо... с мясом действительно все будет в порядке?

— Черт, не знаю, — ответил Кинг. — От всего этого тошнит, когда начинаешь задумываться. Однако... однако бизнес есть бизнес. Все, что мы накрутили, это гениально.

Питер Марлоу улыбнулся и забыл про больную руку.

— Помните. Я получаю первую ногу.

— Для кого-нибудь из тех, кого я знаю?

— Нет.

Кинг рассмеялся.

— Вы ведь не предложите ее своему приятелю?

— Я расскажу вам, когда отдам.

— В конце концов, мясо есть мясо, а еда есть еда. Возьмите, например, собаку.

— Я видел Хокинса день или два назад.

— И что?

— Ничего. Я, конечно, ничего не знал, а он не захотел разговаривать о собаке.

— Он толковый, этот парень. Что сделано, то сделано. — Потом Кинг тревожно сказал, мешая карты на столе:

— Где же Шагата?

В окне появился Текс.

— Эй!

— Да?

— Тимсен говорит, что владелец начинает паниковать. Сколько ты еще собираешься ждать?

— Я зайду повидать его. — Кинг выскочил в окно и прошептал:

— Следите за навесом, Питер. Я буду неподалеку.

— Хорошо, — сказал Питер Марлоу. Он подобрал карты и начал тасовать их, вздрагивая от боли в руке.

Кинг держался темноты, чувствуя на себе множество глаз. Некоторые из них принадлежали его людям — часовым, остальные были недобрыми и враждебными. Когда он разыскал Тимсена, тот был весь в поту.

— Привет, дружище. Я не могу его держать здесь вечно.

— Где он?

— Когда твой связной придет, я представлю его. Такой уговор. Он недалеко.

— Лучше приглядывай за ним. Ты же не хочешь, чтобы он смылся, правда?

— Ты делай свое дело, а я буду делать свое. Его хорошо охраняют. — Тимсен пососал свою «Куа», потом передал сигарету Кингу, который затянулся.

— Спасибо. — Кинг кивнул в направлении стены тюрьмы, на восток. — Ты знаешь о них?

— Конечно, — австралиец рассмеялся. — Скажу тебе еще одно. Грей идет сюда. Вся зона кишит копами и полно засад. Я знаю про одну банду австралийцев и слышал еще про одну, которая пронюхала о сделке. Но мои дружки охраняют все вокруг. Как только мы получим деньги, ты получишь бриллиант.

— Мы подождем охранника еще десять минут. Если он не придет, тогда все повторим снова. Схема та же, детали другие.

— Хорошо, дружище. Увидимся завтра, когда пожрем.

— Будем надеяться, что увидимся еще сегодня ночью.

Но этой ночью ничего не произошло. Они ждали, но Шагата так и не пришел, поэтому Кинг свернул операцию.

На следующий день Питер присоединился к толпе пленных, собравшихся на улице у госпиталя. Завтрак уже кончился, солнце жгло воздух, землю и все живое на ней. Даже мухи, казалось, стали сонными. Он нашел затененный клочок земли, устало сел на корточки в пыль и начал ждать. Боль в руке стала дергающей.

Его очередь подошла, когда наступили сумерки.

Доктор Кеннеди коротко кивнул Питеру Марлоу и показал на стул.

— Как дела сегодня? — спросил он рассеянно.

— Благодарю вас, неплохо.

Доктор Кеннеди наклонился и потрогал повязку. Питер Марлоу вскрикнул.

— В чем дело, черт возьми? — сердито спросил Кеннеди. — Я едва дотронулся до вас.

— Не знаю. Малейшее прикосновение вызывает адскую боль.

Доктор Кеннеди сунул термометр в рот Питеру Марлоу, потом запустил метроном и начал считать пульс. Ненормальный, частота девяносто. Плохо. Температура нормальная, и это тоже плохо. Он поднял его руку и понюхал повязку. От нее шел отчетливый мышинный запах. Плохо.

— Ладно, — сказал он. — Я собираюсь снять повязку. Держите. — Он дал Питеру Марлоу маленький кусок резиновой камеры, который он щипцами вынул из стерилизующего раствора. — Прикусите. Будет больно.

Он подождал, пока Питер Марлоу закусил резину, потом стал осторожно разматывать повязку. Но она присохла к ране, стала уже ее частью, и единственное, что оставалось делать, — это отрывать ее. Доктор уже давно не был ни ловким, ни умелым.

Питер Марлоу знал, что такое боль. А когда ты хорошо знаком с болью, ты знаешь ее пределы, оттенки и настроения. Имея привычку к боли и мужество, ты можешь позволить себе незаметно войти в боль, тогда она станет не страшной, только терпимой, и ее можно победить.

Но эта боль была невыносимой.

— О, Боже, — проскулил Питер Марлоу сквозь резинку, из его глаз ручьем лились слезы, дышал он с трудом.

— Я кончил, — сказал доктор Кеннеди, понимая, что это не все. Но больше он ничего не мог сделать, ничего. Здесь не могу. Конечно, больному нужно было сделать укол морфия, каждому дураку понятно, но он не мог сделать ему укол. — Теперь давайте посмотрим.

Он тщательно осмотрел открытую рану. Она была отекающей, воспаленной, желтоватого цвета с фиолетовыми пятнами. Покрыта слизью.

— Да, — сказал он задумчиво, откинувшись на спинку стула, сложив пальцы домиком и рассматривая их. Помолчав, он сказал:

— У нас есть три варианта. — Он встал и начал расхаживать, ссутулив плечи и говоря монотонно, как будто читал лекцию. — Сейчас рана приобрела новое качество. Или говоря проще, рана гангренозная. Газовая гангрена. Я могу оставить рану открытой и вырезать пораженную ткань, но думаю, это не поможет, заражение проникло глубоко. Поэтому мне придется отнять часть мышц предплечья, и тогда рука будет бесполезной. Лучшее решение — ампутация...

— Что?

— Конечно. — Сейчас доктор Кеннеди говорил не с больным, он читал лекцию в стерильной аудитории своих мыслей. — Я предлагаю высокую ампутацию. Немедленно. Тогда, возможно, мы спасем локтевой сустав... Питер Марлоу взорвался в отчаянии.

— Это просто рана мягких тканей. Что с ней может быть плохого, это просто рана в мягких тканях!

Страх в его голосе вернул доктора Кеннеди на землю, и он секунду смотрел в побледневшее лицо.

— Это рана мягких тканей, но очень глубокая. И у вас началась токсемия. Послушайте, мой мальчик, это довольно просто. Если бы у меня была сыворотка, я бы дал ее вам, но у меня ее нет вообще. Если бы у меня были сульфамидные препараты, я положил бы их на рану, но у меня их нет. Единственное, что я могу сделать, это ампутировать...

— Вы, должно быть, сошли с ума! — заорал на него Питер Марлоу. — Вы говорите об ампутации руки, когда у меня только рана мягких тканей.

Рука врача стремительно схватила руку Питера Марлоу значительно выше раны. Он пронзительно вскрикнул.

— Вот видите! Это не просто рана мягких тканей. У вас токсемия, и она распространяется по руке и дальше в организм. Если хотите жить, мы должны остановить ее. По крайней мере это спасет вам жизнь!

— Вы не отрежете мне руку!

— Как вам будет угодно. Либо так, либо... — Доктор замолчал и устало сел. — Если хотите умереть, это ваше право. Не могу сказать, что я порицаю вас. Но Бог мой, разве вы не понимаете, что я пытаюсь вам объяснить! Вы умрете, если мы не ампутируем руку.

— Я не дам вам прикоснуться к себе! — прокричал Питер Марлоу с искаженным лицом. Он чувствовал, что убьет врача, если тот снова дотронется до него. — Вы сошли с ума! — закричал он. — Это рана мягких тканей.

— Хорошо. Вы не верите мне. Мы спросим у другого врача.

Кеннеди позвал другого врача, тот подтвердил диагноз, и Питер Марлоу понял, что этот кошмар ему не снится. У него действительно гангрена. О, Бог мой! Страх парализовал его силы. Он слушал, ослепленный ужасом. Они объяснили ему, что гангрена была вызвана бактериями, которые размножились глубоко в его руке, неся смерть, немедленную смерть. Его рука являлась распространителем болезни. Ее надо отрезать. Отрезать по локоть. Отрезать скорее, иначе придется отрезать всю руку. Но ему не нужно волноваться. Это будет не больно. У них полно эфира, не то что в прежние годы.

Потом Питер Марлоу оказался на улице, рука его была все еще с ним, — бактерия-носитель в чистой повязке. Он, отрешенный от внешнего мира, спускался по холму. Он сказал им, этим докторам, что ему надо обдумать их предложение... Что обдумать? Что тут было обдумывать? Он очнулся от мыслей перед хижиной американцев и увидел, что Кинг один в хижине, настроен на встречу с Шагатой, если тот придет сегодня ночью.

— Боже, что с вами, Питер?

Кинг слушал, и по мере того, как Марлоу рассказывал, испуг его нарастал.

— Боже! — Он посмотрел на руку, которая покоилась на столе.

— Клянусь Богом, я лучше умру, чем останусь жить калекой. Богом клянусь! — Питер Марлоу взглянул на Кинга, трогательный и беззащитный, и из его глаз рвался крик: Помоги, помоги, ради всего святого, помоги!

А Кинг думал: «Боже правый, что бы я стал делать на месте Питера, и что делать с бриллиантом — Питер обязательно должен помочь мне в этом деле, должен...»

— Эй, — торопливо прошептал Макс от дверей. — Шагата идет сюда.

— Хорошо, Макс. А что Грей?

— Он внизу, около стены, под присмотром. Тимсен знает о нем. Его австралийцы следят за Греем.

— Хорошо, уматывай и будь готов. Известить всех.

— Хорошо, — Макс торопливо исчез.

— Давайте, Питер, нам надо быть готовыми, — предупредил Кинг.

Питер Марлоу был в шоке. Разговаривать с ним было бесполезно.

— Питер! — грубо тряхнул его Кинг. — Вставайте и соберитесь! — раздраженно сказал он. — Давайте. Вы должны помочь! Вставайте!

Он рывком поставил Питера Марлоу на ноги.

— Боже, что...

— Идет Шагата. Нам надо закончить дело.

— К черту дело! — взвизгнул Питер Марлоу, балансируя на грани безумия. — К черту бриллиант! Они собираются отрезать мне руку.

— Нет, они не сделают этого!

— Вы чертовски правы, они не сделают этого. Я только сначала умру... Кинг снова бесцеремонно дернул его, а потом со злостью надавал ему пощечин.

Помешательство кончилось, и Питер Марлоу затряс головой.

— Какого черта...

— Идет Шагата. Нам надо быть готовыми.

— Он идет? — тупо спросил Питер Марлоу, лицо его горело от пощечин.

— Да, — Кинг увидел, что взгляд Питера Марлоу снова стал настороженным, и понял: англичанин вернулся к реальности. — Боже, — сказал Кинг жалобным голосом. — Я должен был что-то сделать, Питер, вы орали как безумный.

— Неужели? Извините, какой же я дурак.

— С вами сейчас все в порядке? Вам надо собраться с мыслями.

— Сейчас я в порядке.

Питер Марлоу выскользнул через окно вслед за Кингом. Он обрадовался, когда после прыжка из окна его руку пронзила боль. Запаниковал, болван, твердил он себе. Ты, Марлоу, впал в панику, как малый ребенок. Дурак. Итак, тебе придется расстаться с рукой. Хорошо, что не с ногой, тогда ты был бы действительно калекой. Что такое рука? Пустяк. Можно сделать протез. Конечно. С крючком. Ничего плохого в протезе нет. Ничего. Прекрасное изобретение. Безусловно.

— Табе, — приветствовал их Шагата, подныривая под брезентовый полог, который отгораживал навес.

— Табе, — приветствовали его Кинг и Питер Марлоу.

Шагата очень нервничал. Чем больше он думал об этой сделке, тем меньше она ему нравилась. Слишком много денег, слишком велик риск. Он принохивался, как собака в стойке.

— Я чую беду, — сказал он.

— Он говорит «Я чую беду».

— Скажите ему, Питер, чтобы он не тревожился. Я знаю, это опасно. Но меры приняты. Как там насчет Чен Сена?

— Я скажу тебе, — прошептал торопливо Шагата, — что боги были добры к тебе, ко мне и к нашему другу. Он лиса, этот друг, потому что несносная полиция выпустила его из тюрьмы. — Его лицо и одежда были мокрыми от пота. — У меня с собой деньги.

В животе у Кинга похолодело.

— Скажите ему, что нам лучше обойтись без болтовни и покончить с делом. Я сейчас принесу товар.

Кинг нашел Тимсена в темноте.

— Готов?

— Готов. — Тимсен по-птичьи свистнул в темноту. Ему тут же ответили.

— Давай быстрее, приятель. Я не могу долго гарантировать твою безопасность.

— Хорошо. — Кинг подождал, и из темноты вышел худой капрал-австралиец.

— Привет, приятель. Меня зовут Таунсенд. Билл Таунсенд.

— Пошли.

Кинг заторопился назад под навес, пока Тимсен караулил, а его австралийцы рассыпались вокруг, готовые организовать отход.

Внизу за углом тюрьмы нетерпеливо дожидался Грей, которому Дино только что шепнул, что пришел Шагата. Однако Грей знал, что предварительные переговоры займут некоторое время. Некоторое время, а потом он будет готов к броску.

Люди Смедли-Тейлора тоже были готовы, дожидаясь завершения сделки. Как только Грей начнет действовать, они тоже придут в движение.

Кинг был под пологом вместе с Таунсендом, который заметно нервничал.

— Покажи ему бриллиант, — приказал Кинг.

Таунсенд распахнул обтрепанную рубашку, вытащил шнурок, на конце шнурка было привязано кольцо с бриллиантом. Таунсенд дрожал, показывая его Шагате, который направил на камень луч своего фонарика. Шагата тщательно рассматривал камень — капельку ледяного света на конце веревки. Потом взял камень и поцарапал им стекло фонарика. Раздался скрип, и на стекле появилась царапина.

Шагата, обливающийся потом, кивнул.

— Очень хорошо. — Он обратился к Питеру Марлоу. — Это настоящий бриллиант, — сказал он, вынул штангенциркуль и тщательно обмерил камень. Потом снова кивнул. — Правильно, четыре карата.

Кинг дернул головой.

— Хорошо. Питер, идите и подождите вместе с Таунсендом.

Питер Марлоу встал, кивнул Таунсенду, и они вместе вышли из-под полога в темноту. Они чувствовали на себе взгляды. Сотни взглядов.

— Проклятье, — сморщился Таунсенд, — лучше бы у меня никогда не было этого камня. Клянусь, я умру от волнения. — Его дрожащие пальцы все время трогали бечевку и кольцо, в миллионный раз убеждаясь, что оно на месте. — Слава Богу, эта ночь последняя.

С нарастающим волнением Кинг следил, как Шагата открыл патронную сумку и выложил из нее пачку банкнот высотой три дюйма, потом расстегнул рубашку и вынул пачку высотой два дюйма и потом достал из боковых карманов еще пачки, пока на столе не оказалось две пачки банкнот, каждая высотой в шесть дюймов. Кинг кинулся пересчитывать деньги, а Шагата быстро и нервно поклонился и ушел. Он вылез из-под полога, и когда оказался на тропинке, почувствовал себя в безопасности. Он поправил винтовку, зашагал через лагерь и чуть было не сбил Грея, который торопился ему навстречу.

Грей ругнулся и поспешил дальше, не обращая внимания на поток оскорблений, которыми его награждал Шагата. На этот раз Шагата не побежал за этим вонючим пленным ублюдком, чтобы поколотить его и научить вежливости. Шагата сам был рад, что уходит отсюда, и мечтал скорее вернуться на свой пост.

— Копы! — торопливо прошептал Макс из-за полога.

Кинг сгреб банкноты и выскочил из-под полога, прошептав на ходу Таунсенду:

— Скройся. Передай Тимсену, что деньги у меня, и мы рассчитаемся сегодня ночью, когда все утихнет.

Таунсенд испарился.

— Давайте, Питер.

Кинг первым влез под хижину, когда Грей огибал угол.

— Стойте на месте, вы двое! — крикнул Грей.

— Есть, сэр! — важно сказал Макс из темноты и вышел на тропинку вместе с Тексом, прикрывая Кинга и Питера Марлоу.

— Не вы, — Грей попытался прорваться мимо них.

— Но вы приказали нам остановиться... — неторопливо начал Макс, загораживая Грея дорогу.

Грей яростно оттолкнул их и кинулся под хижину, преследуя беглецов.

Кинг и Питер Марлоу уже спрыгнули в противовоздушную щель и оказались на другой стороне хижины. Тут еще одна группа стала мешать Грею в его погоне.

Грей засек, как они огибали стену тюрьмы, и свистнул в свисток, подавая знак полицейским, которые были расставлены заранее. Полицейские выскочили из своих засад и оцепили пространство от одной стены тюрьмы до другой и между стеной тюрьмы и забором из колючей проволоки.

— Сюда, — бросил Кинг, прыгая через окно в хижину Тимсена. Никто из находящихся там людей не обратил на них внимания, но многие заметили, как оттопыривается рубашка на груди Кинга.

Они пронеслись по хижине и выскочили в дверь. Появилась еще одна группа австралийцев и прикрыла их отход в тот самый момент, когда в окно, задыхаясь, заглянул Грей, увидев на мгновение их исчезающие спины. Он бросился вокруг хижины. Их отход прикрыли австралийцы.

Грей злобно закричал:

— Куда они побежали? Давайте! Куда?

Хор голосов ответил: «Кто?», «Кто, сэр?»

Грей протолкался через них и бегом выскочил на открытое пространство.

— Все на местах, сэр, — доложил ему подскочивший полицейский.

— Хорошо. Они не могли далеко уйти. И они не решатся выбросить деньги. Мы начнем загонять их в угол. Передай приказ остальным.

Кинг и Питер Марлоу добежали до северной части тюрьмы и остановились.

— Чтоб тебя! — бросил Кинг.

Там, где должна была быть группа прикрытия австралийцев, теперь были только полицейские. Пятеро.

— Что делать? — спросил Питер Марлоу.

— Возвращаемся. Пошли!

На бегу Кинг спрашивал себя, что же, черт возьми, было сделано не правильно. Неожиданно он увидел, что четверо мужчин загородили им дорогу. Лица их были закрыты платками, в руках они держали тяжелые дубинки.

— Давай лучше деньги, приятель, если не хочешь, чтобы тебя изуродовали.

Кинг сделал ложный выпад и тут же бросился в атаку вместе с Питером Марлоу. Кинг сбил одного из мужчин, а другого ударил в пах. Питер Марлоу блокировал удар, сдержав стон, когда дубинка слегка задела больную руку, и

вырвал дубинку из руки противника. Еще один нападавший бросился наутек и растаял в темноте.

— Боже правый, — выдохнул, задыхаясь, Кинг, — давайте выбираться отсюда.

Они снова побежали. Они чувствовали взгляды, преследовавшие их, и в любой момент ожидали нового нападения. Кинг резко остановился.

— Смотрите! Грей!

Они повернули назад и, прижимаясь к стене какой-то хижины, поднырнули под нее. Там лежали минутой, переводя дух. Они видели ноги бегущих мимо людей и слышали обрывки сказанных злым шепотом фраз.

— Они ушли туда. Нужно схватить их раньше этих вонючих копов.

— За нами гонится весь этот чертов лагерь, — пробормотал Кинг.

— Давайте спрячем деньги здесь, — беспомощно предложил Марлоу. — Мы можем закопать их.

— Слишком опасно. Они их быстро найдут. Черт побери, все шло прекрасно. За исключением того, что этот ублюдок Тимсен подвел нас. — Кинг стер грязь и пот с лица. — Готовы?

— Куда пойдём?

Кинг не ответил. Он молча выполз из-под хижины и побежал в темноту. Питер Марлоу бежал следом. Кинг уверенно пересек тропинку и спрыгнул в глубокий кювет около проволоки. Они все время ползли по этой канаве, пока не оказались почти напротив хижины американцев, там они остановились и прислонились к стенке кювета, пытаясь отдышаться. Вокруг и над ними раздавался взволнованный шепот.

— Что происходит?

— Кинг дал деру с Марлоу, — они прихватили с собой тысячи долларов.

— Черта с два! Быстрей, быть может, мы сможем поймать их.

— Пошли!

— Мы заберем деньги.

Грею докладывали, и Смедли-Тейлору докладывали, и Тимсену докладывали, и все сообщения были противоречивыми, и Тимсен ругался и шипел на своих людей, чтобы те нашли Кинга и Марлоу прежде, чем это сделают люди Грея или Смедли-Тейлора.

— Взять эти деньги!

Люди Смедли-Тейлора выжидали, следя за австралийцами Тимсена, и были тоже в растерянности. Куда они убежали? Где их искать?

И Грей тоже выжидал. Он знал, что оба выхода перекрыты, с юга и с севера. Это был только вопрос времени. И сейчас поиск завершался. Грей знал, что они у него в кармане, и когда он схватит их, при них будут деньги. Они не рискнут прямо сейчас избавиться от денег, их было слишком много. Но Грей не подозревал о существовании людей Смедли-Тейлора или австралийцев Тимсена.

— Смотрите, — сказал Питер Марлоу, когда осторожно поднял голову и всмотрелся в темноту.

Кинг прищурился, вглядываясь в темноту. В пятидесяти ярдах он заметил полицейского. Он покрутил головой по сторонам. Вокруг было полно других теней, торопящихся, высматривающих, ищущих.

— Хватит с нас, — сказал он бешено.

Потом Кинг посмотрел наружу, за колючую проволоку. Джунгли были покрыты мглой. По другую сторону колючей проволоки медленно ходил охранник. Прекрасно, сказал сам себе Кинг. Последняя попытка. Либо все, либо ничего.

— Держите, — сказал он, торопливо вынимая все деньги и заталкивая их в карманы Питера Марлоу. — Я прикрою вас. Лезьте сквозь проволоку. Это наша единственная возможность.

— Боже, да я не сумею сделать это. Охранник засечет меня...

— Давайте, это наш единственный шанс!

— Я не сумею. Не сумею.

— Когда выберетесь, закопайте деньги и возвращайтесь той же дорогой. Я прикрою вас. Черт побери, идите!

— Ради Бога, меня убьют. Он всего лишь в пятидесяти футах, — просил Питер Марлоу. — Нужно сдаваться!

Он дико оглянулся по сторонам в лихорадочной попытке найти другой путь для спасения. Неосторожное движение, и он ударился своей больной рукой о стенку канавы и застонал от невыносимой боли.

— Вы спасаете деньги, Питер, — отчаянно уговаривал его Кинг, — а я спасаю вашу руку.

— Что вы сделаете?

— Вы слышали меня! Сматывайтесь.

— Но как я могу...

— Сматывайтесь, — резко оборвал его Кинг. — Если спасете монеты...

Питер Марлоу взглянул на Кинга, потом выскользнул из кювета, подбежал к проволоке и пролез под ней, каждую секунду ожидая получить пулю в голову. Одновременно с его броском Кинг выпрыгнул из траншеи и изо всех сил помчался в сторону тропинки. Он нарочно споткнулся и грохнулся в пыль с криком ярости. Охранник из-за проволоки смотрел на него и громко смеялся, а когда вернулся назад на свой пост, увидел только тень, которая могла быть чем угодно. Только не человеком.

Питер Марлоу плотно прижимался к земле и полз как один обитатель этих джунглей, полз среди влажной листвы, потом затаил дыхание и замер. Охранник подходил все ближе и ближе, и наконец одна его нога оказалась в дюйме от руки Питера Марлоу, а другая прошла на расстоянии шага. Когда охранник отошел на пять шагов, Питер Марлоу проскользнул глубже в чащу, в темноту; пять, десять, двадцать, тридцать и, наконец, когда он отполз на сорок шагов и оказался в безопасности, его сердце снова забилося. Ему пришлось остановиться, остановиться из-за недостатка воздуха, из-за сердца и из-за боли в руке, потому что это снова была его рука. Если Кинг сказал — значит, рука будет спасена.

Поэтому он лежал на земле и молился, чтобы восстановилось дыхание, чтобы остаться в живых, чтобы достало сил и чтобы с Кингом ничего не случилось.

Кинг с облегчением вздохнул, когда понял, что Питер Марлоу добрался до джунглей. Он встал, начал отряхиваться от грязи и тут же рядом с ним оказался Грей с полицейским.

— Стой!

— Кто, я? — Кинг как будто всматривался в темноту, пытаясь узнать, кто говорит. — А, это вы. Добрый вечер, капитан Грей. — Он оттолкнул от себя руки полицейского. — Убери от меня лапы!

— Вы арестованы! — заявил Грей, потный и грязный от погони.

— За что, капитан?

— Обыщите его, сержант.

Кинг спокойно подчинился. Теперь, когда денег с ним не было, Грей ничего не мог поделать. Ничего.

— У него ничего нет, — сказал полицейский.

— Обыщи кювет. — Потом Кингу:

— Где Марлоу?

— Кто? — вежливо переспросил Кинг.

— Марлоу! — заорал Грей. — Денег у этой свиньи нет и Марлоу тоже нет.

— Вероятно, пошел прогуляться, сэр. — Кинг был вежлив, его ум был сосредоточен целиком на Грее и на сиюминутной опасности. Он чувствовал, что она не миновала полностью, и рядом со стеной тюрьмы стояла группа злобных привидений, мгновение назад следивших за ним, прежде чем исчезнуть в темноте.

— Где ты спрятал деньги? — говорил Грей.

— Какие деньги?

— Деньги от продажи бриллианта.

— Какого бриллианта, сэр?

Грей понял, что на данный момент он проиграл. Надо искать и найти Марлоу с деньгами. «Ладно, ублюдок, — думал Грей вне себя от ярости, — хорошо, я дам тебе уйти, но я буду следить за тобой, и ты выведешь меня на Марлоу».

— На сегодня все, — сказал Грей. — Ты переиграл нас на этот раз. Но будет другой раз.

Кинг, посмеиваясь, вернулся к себе в хижину. «Ты думаешь, я приведу тебя к Питеру, не так ли, Грей? Но ты, черт возьми, так же ловок, как и наивен».

В хижине он увидел Макса и Текса. Оба были встревожены.

— Что случилось? — спросил Макс.

— Ничего. Макс, найди Тимсена. Передай ему, пусть подождет под окном. Я поговорю с ним там. Скажи, чтобы не заходил в хижину. Грей все еще следит за нами.

— Хорошо.

Кинг поставил кофе. Сейчас его ум включился в работу. Как произвести обмен. Где? Что делать с Тимсеном? Как отвести Грея от Питера?

— Ты хотел меня видеть, приятель?

Кинг не повернулся к окну. Он просто оглядел хижину. Американцы поняли приказание и ушли. Он смотрел, как уходил Дино, и улыбнулся в ответ на его кривую улыбку.

— Тимсен? — спросил он, занимаясь приготовлением кофе.

— Да, приятель?

— Я должен перерезать твое поганое горло.

— Это была не моя вина, приятель. Что-то пошло не так...

— Ну да! Ты хотел подучить и деньги, и бриллиант.

— Попытаться всегда можно, приятель, — прищелкнул языком Тимсен. — Этого больше не будет.

— Ты дьявольски прав. — Кингу нравился Тимсен. Хорошо знает свое дело. Конечно, попытаться можно, но не тогда, когда ставки так высоки. И ему нужен Тимсен. — Мы совершим обмен в течение дня. Тогда не будет никаких «ошибок». Я сообщу тебе когда.

— Хорошо, приятель. Где англичанин?

— Какой англичанин?

Тимсен рассмеялся.

— До завтра!

Кинг выпил кофе и приказал Максу караулить. Потом осторожно выбрался из окна и, стараясь держаться тени, добрался до стены тюрьмы. Он шел медленно, чтобы не быть замеченным, но не слишком осторожно. Он засмеялся про себя, почувствовав, что за ним идет Грей. Он умело притворялся, перебегая между хижинами, все время меняя направление. Грей неуклонно следовал за ним по пятам, Кинг вывел его к воротам тюрьмы, а потом через ворота в тюремные коридоры. Наконец Кинг пришел к камере на четвертом этаже и с деланной озабоченностью прошел в камеру, оставив дверь полуоткрытой. Примерно каждые пятнадцать минут он открывал дверь и беспокойно высовывался в коридор; так продолжалось до тех пор, пока не пришел Текс.

— Все чисто, — сказал Текс.

— Хорошо.

Питер вернулся целым и невредимым и не было необходимости притворяться дальше, поэтому Кинг вернулся к себе в хижину и подмигнул Питеру Марлоу.

— Где вы были?

— Решил посмотреть, как вы поживаете.

— Хотите кофейку?

— Спасибо.

В дверях появился Грей. Он ничего не сказал, просто смотрел. Питер Марлоу был одет только в саронг. Карманов в саронге не было. Его нарукавная повязка была на месте.

Питер Марлоу поднес чашку к губам, пил кофе, и все это время глаза его были прикованы к Грею. Потом Грей скрылся в ночи.

Питер Марлоу утомленно поднялся.

— Думаю, пора спать.

— Я горжусь вами, Питер.

— Вы намерены выполнить свое обещание, не так ли?

— Конечно.

— Спасибо.

Этой ночью Кингу не давала покоя новая проблема. Как, черт побери, может он сделать то, что пообещал сделать?

Глава 20

Ларкин в тревоге шагал к хижине австралийцев. Он беспокоился за Питера Марлоу — рука мучила его невыносимо. Ларкина тревожил и старина Мак. Прошлой ночью он разговаривал и кричал во сне. Да и сам он измучился из-за Бетти. Дурные сны одолевали его несколько последних ночей, сплошные кошмары, в которых переплелись он и Бетти, она в постели с другими мужчинами, и он слышал, как она смеялась над ним.

Ларкин вошел в хижину и подошел к Таунсенду, лежащему на койке.

Глаза Таунсенда заплыли, лицо было исцарапано, а руки и грудь в синяках и ссадинах. Когда он открыл рот, чтобы ответить, Ларкин увидел кровавую дыру там, где должны быть зубы.

— Кто это сделал, Таунсенд?

— Не жнаю, — прохрипел Таунсенд. — На меня напали из жасады.

— Почему?

Слезы градом катились из глаз на синяки.

— Я... я... ничего не жделал. Я не... жнаю.

— Мы одни, Таунсенд. Кто сделал это?

— Я не жнаю, — он застонал, рыдая. — О, Бозе, они ижбили, ижбили меня.

— Почему на вас напали?

— Я... я... — Таунсенду хотелось кричать:

— «Бриллиант, у меня был бриллиант». Ему хотелось, чтобы полковник помог ему поймать сволочей, которые украли бриллиант. Но он не мог рассказать о камне, потому что полковник захотел бы узнать, где он его взял, и тогда ему пришлось бы сказать о Гёбла. И тогда возникли бы вопросы о Гёбла. Откуда у него камень — от Гёбла. Тот, который покончил с собой? Тогда наверняка скажут, что это было не самоубийство, а убийство, но это не так, по крайней мере Таунсенд так не думал, но кто знает, может быть, кто-то прикончил Гёбла из-за бриллианта. Но в ту ночь Гёбла не было на месте, и я нащупал кольцо в его тюфяке, вытащил его оттуда и вынес в ночь. Никто ничего доказать не может — так уж получилось, что Гёбл ночью покончил счеты с жизнью, поэтому шума не было. За исключением, может быть, того, что Гёбла убил я, убил тем, что украл камень, может быть, это был последний удар для Гёбла, сначала его выгнали за то, что он украл еду, а потом у него у самого украли бриллиант. Быть может, от этого он лишился разума, бедняга, и заставил себя прыгнуть в выгребную яму! Но кража пайков — бессмыслица, особенно когда у человека есть бриллиант, который можно продать. Бессмыслица. Все бессмыслица. За исключением того, что, возможно, я был причиной смерти Гёбла, и я проклиная себя снова, снова и снова за кражу бриллианта. С тех пор как я стал вором, я утратил покой, покой, по кой. И сейчас, сейчас я рад, рад, что он ушел от меня, его украли у меня.

— Я не знаю, — рыдал Таунсенд.

Ларкин понял бесполезность своих расспросов и оставил Таунсенда с его болью.

— Ах, простите, отец, — сказал Ларкин, когда едва не сбил отца Донована с лестницы.

— Привет, старый приятель. — Отец Донован был похож на привидение, изнурен до предела, глаза его глубоко ввалились и стали равнодушными. — Как вы? Как Мак? А малыш Питер?

— Отлично, спасибо, — Ларкин кивнул головой в сторону Таунсенда. — Вы что-нибудь знаете об этом?

Донован посмотрел на Таунсенда и мягко ответил:

— Я вижу человека в горе.

— Извините, мне не надо было спрашивать. — Ларкин секунду подумал, потом улыбнулся. — Хотите партию в бридж? Сегодня вечером? После ужина?

— Да. Спасибо. Был бы рад.

— Хорошо. После ужина.

Отец Донован посмотрел вслед уходящему Ларкину и потом прошел к койке Таунсенда. Таунсенд не был католиком. Но отец Донован не отказывал никому, потому что знал — все они божьи дети. Но так ли это? — Все ли? спрашивал он себя с любопытством. Могут ли божьи дети поступать так?

* * *

В полдень поднялся ветер и пошел дождь. Вскоре все вымокли до костей. Потом дождь кончился, но ветер не утих. Ветер выдирал куски от пальмовых крыш и вихрем крутил по лагерю, попеременно с обломанными ветвями пальм, тряпками и плетеными шляпами. Потом ветер стих, и в лагерь снова вернулись солнце, жара и мухи. Вода в кюветах держалась в течение часа, потом впиталась в землю. Мух стало еще больше.

Питер Марлоу вяло брел вверх по холму. Его ноги были в грязи. Он захотел спрятаться от бури, надеясь, что дождь и ветер унесут мучающую его боль. Но это не помогло.

Он стал под окном Кинга и заглянул внутрь.

— Как вы себя чувствуете, Питер, дружище? — спросил Кинг, вставая с кровати и доставая пачку «Куа».

— Ужасно, — Питер Марлоу сел на скамейку под навесом, испытывая приступы тошноты от боли. — Рука убивает меня. — Голос его сорвался. — Шучу!

Кинг выпрыгнул из окна и заставил себя улыбнуться.

— Забудьте о...

— Как, черт возьми, я могу забыть о ней? — Питер Марлоу тут же пожалел о своей вспышке. — Извините. Я нервничаю. Не понимаю половины из того, что говорю.

— Закурите. — Кинг дал ему прикурить.

«Да, — сказал себе Кинг, — ты оказался в затруднительном положении. Англичанин учится быстро, очень быстро. По крайней мере я так считаю. Посмотрим».

— Завтра мы завершим сделку. Вы можете забрать деньги сегодня ночью. Я прикрою вас.

Но Питер Марлоу не слышал его. Боль выжигала в мозгу одно слово. Ампутировать! Он слышал, как визжит пила, и чувствовал, как она режет, размалывая кость в пыль, его кость в пыль. Он вздрогнул.

— Как... как насчет этого? — пробормотал он и оторвал взгляд от своей руки. — Вы действительно можете что-то сделать?

Кинг кивнул. «Ну вот, видишь. Ты был прав. Только Питер знает, где деньги, но Пит не пойдет за ними, пока ты не устроишь лечение. Нет лечения, нет денег. Нет денег, нет торговли. Нет торговли, нет дохода». Поэтому он вздохнул и сказал себе: «Да, ты хорошо разбираешься в людях. Ты рассчитал все правильно прошлой ночью, и все прошло неплохо. Если бы Пит не рискнул, мы оба сидели бы в тюрьме без денег и без ничего. А Пит принес удачу. Сделка оказалась фантастической. И, помимо всего прочего, Пит порядочный человек, хороший парень. И, черт возьми, в любом случае кому хочется терять руку? Пит имеет право давить. Я рад, что он кое-чему научился».

— Предоставьте это дяде Сэму!

— Кому?

— Дядя Сэм! — Кинг не сводил с него решительного взгляда. — Американский символ. Вы понимаете, — добавил он раздраженно, — это как Джон Буль [{22}](#).

— О, извините. Я просто... сегодня... я просто. — Приступ тошноты охватил Питера Марлоу.

— Идите к себе в хижину и отдохните. Я обо всем позабочусь.

Питер Марлоу неуверенно встал. Он хотел улыбнуться и поблагодарить Кинга, пожать ему руку и благословить его, но помнил только слово «ампутация» и думал только о пиле, поэтому лишь кивнул и вышел из хижины.

«Господи, — горько сказал себе Кинг. — Он думает, я брошу его в беде, что я ничего не сделаю, если он не нажмет на меня. Боже правый, Питер, я помогу. Обязательно. Даже если ты не оправдаешь моих ожиданий. Черт. Ты же мой друг».

— Эй, Макс.

— Да.

— Приведи сюда Тимсена, живо!

— Конечно, — сказал Макс и ушел.

Кинг отпер черный ящик и достал три яйца.

— Текс. Хочешь приготовить себе яйцо? Вместе с этими двумя?

— Нет, черт побери, — ответил Текс, ухмыляясь, и взял яйца. Эй, я тут посмотрел на Еву. Клянусь Богом, она стала толще сегодня.

— Невозможно. Ее спаривали только вчера.

Текс сделал несколько танцевальных движений.

— Еще двадцать дней, и мы снова заимеем потомство. — Он взял масло и вышел из хижины на кухню.

Кинг снова лег на койку, задумчиво почесывая москитный укус и следя, как на стропилах охотились и спаривались ящерицы. Он закрыл глаза и с удовольствием задремал. Сейчас всего двенадцать, а он уже выполнил все, что было намечено на день. Черт, все было закончено сегодня к шести часам утра.

Он ухмыльнулся про себя, когда вспомнил об этом. Да, сэр, хорошая репутация и реклама окупаются...

Это случилось как раз перед восходом. Он сладко спал. И вдруг осторожный приглушенный голос нарушил его сны.

Он сразу же проснулся, выглянул в окно и увидел маленького, похожего на ласку, человечка, пристально смотрящего на него из предрассветных сумерек. Человека, которого он никогда не видел раньше.

— Да?

— У меня есть кое-что для тебя, что ты захочешь купить. — Голос мужчины был хриплым и невыразительным.

— Кто ты?

В ответ маленький человек разжал грязный кулак с обломанными грязными ногтями. На ладони лежало кольцо с бриллиантом.

— Цена десять тысяч. Для быстрой продажи, — добавил он сардонически. Когда Кинг потянулся, чтобы схватить кольцо, пальцы сжались и кулак исчез. — Сегодня вечером, — Человек улыбнулся беззубым ртом. — Оно настоящее, не бойся!

— Владелец — ты?

— Оно у меня, не так ли?

— Договорились. Когда?

— Жди. Встретимся, когда рядом не будет никаких легавых.

И человечек исчез так же внезапно, как и появился.

Кинг устроился поудобнее, торжествуя. «Бедный Тимсен, — подумал он, — этот сукин сын получил по носу. Я получаю кольцо за полцены».

— Доброе утро, приятель, — раздался голос Тимсена. — Хотел меня видеть?

Кинг открыл глаза и прикрыл зевок рукой, когда в хижину вошел Тини Тимсен.

— Привет. — Кинг спустил ноги с кровати и с удовольствием потянулся, — Устал сегодня. Слишком много волнений. Хочешь яйцо? У меня парочка готовится.

— Я бы не отказался.

— Располагайся поудобнее. — Кинг мог позволить себе быть гостеприимным. — Теперь давай перейдем к делу. Предлагаю завершить сделку сегодня днем.

— Нет, — покачал головой Тимсен. — Не сегодня. Завтра.

Кинг с трудом удержался, чтобы не просиять.

— К тому времени страсти поулягутся, — объяснял Тимсен. — Слышал, что Грей сам выписался из госпиталя. Он держит это место под наблюдением. — Тимсен казался серьезно озабоченным. — Нам надо быть начеку. Тебе и мне. Не

хочу, чтобы были неприятности. Я должен быть начеку и за тебя тоже. Не забывай, мы же приятели.

— К черту завтра, — сказал Кинг, изображая разочарование. — Давай сегодня днем.

И он слушал, хохоча про себя, слушал, как Тимсен распространялся об осторожности: владелец напуган, он даже был избит вчера ночью, и это ведь только благодаря мне и моим людям этому бедняге удалось спастись. Кинг знал, что Тимсен блефует, что бриллиант выскользнул из его липких рук, что он тянет время. «Готов побиться об заклад, — думал Кинг, — что австралийцы из кожи вон лезут, пытаюсь найти вора. Не хотел бы я оказаться на его месте, если его найдут». Поэтому он позволил себя уговорить. Просто на тот случай, если Тимсен найдет вора и первоначальная сделка состоится.

— Ну, ладно, — нехотя сказал Кинг. — Считай, что уговорил. Сделаем это завтра. — Он зажег вторую сигарету, затянулся, передал ее Тимсену и ласково сказал, по-прежнему играя свою игру:

— В эти жаркие ночи почти все мои ребята не спят. По крайней мере четверо бодрствуют. Всю ночь.

Тимсен понял угрозу. Но его мысли занимало другое. Кто, скажите ради Бога, кто подкараулил и ограбил Таунсенда? Он молил Бога, чтобы его люди быстро нашли этих скотов. Он понимал, что должен найти их до того, как они придут с бриллиантом к Кингу, потому что иначе он сам вылетит из игры.

— Я знаю, как это бывает. То же самое с моими ребятами — это просто удача, что они оказались недалеко от бедного старины Таунсенда.

Тупой ублюдок. Как, черт побери, эта скотина мог оказаться таким слабым, чтобы дать себя обобрать и не завопить прежде, чем стало уже слишком поздно?

— В эти дни нужно быть очень осторожным.

Текс принес яйца, и они съели их вместе с рисом, который дали на завтрак, запив все крепким кофе. К тому времени, когда Текс ушел мыть посуду, Кинг постарался, чтобы разговор принял нужное ему направление.

— Я знаю парня, который хочет купить кое-какие лекарства.

Тимсен покачал головой.

— У него нет никакой надежды, бедолага. Невозможно! Крайне сложно.

«Ага, — думал он. — Лекарства! Кому бы это они понадобились? Конечно, не Кингу. Он выглядит достаточно здоровым. И не для перепродажи. Кинг никогда, никогда не имел дела с лекарствами, и это правильно, потому что рынок остается в моих руках. Значит, это для кого-то, кто близок Кингу. Иначе бы он не стал связываться. Торговля лекарствами — не его кусок хлеба. Старый Маккой! Конечно. Я слышал, с ним сейчас не все ладно. Может быть, полковник. Он тоже выглядит не очень хорошо».

— Я слышал, у одного англичанина есть немного хинина. Но, черт подери, он хочет за него целое состояние.

— Мне нужен антитоксин. Флакон. И порошки сульфамида.

Тимсен свистнул.

— Нечего и надеяться!

Антитоксин и сульфамид! Гангрена! У англичанина. Гангрена, Боже! Все теперь понятно. Это должен быть англичанин!

Не только хитростью Тимсен захватил рынок сбыта лекарств. Он достаточно хорошо разбирался в лекарствах до армии, когда работал помощником аптекаря. Но об этом не знал никто, кроме него самого, потому что эти ублюдки засунули бы его в медицинскую службу, а это означало — никаких боев и никаких схваток. А как мог он, уважающий себя австралиец, позволить унижить свою страну и добрую старую Англию должностью вонючего нестроевого санитаря?

— Нечего и надеяться, — повторил он, качая головой.

— Послушай, — настойчиво продолжал Кинг. — Скажу тебе откровенно. — Тимсен был единственным, кто мог достать лекарства, поэтому Кингу нужна была его помощь, — Это для Питера.

— Невозможно, — повторил Тимсен. Но ему стало жалко парня. Бедняга. Гангрена. Хороший парень, крепкие нервы. Он до сих пор чувствовал удар, которым наградил его англичанин прошлой ночью. Когда они вчетвером навалились на Кинга и на него.

Тимсен все выяснил о Питере Марлоу, когда тот подружился с Кингом. Нужно быть осторожным, информация никогда не помешает. И Тимсен знал о четырех немецких и трех японских сбитых самолетах, он знал о деревне и о том, как англичанин пытался бежать с Явы, не то что большинство, которое смиренно дожидалось своей участи. И тем не менее довольно глупо пытаться помочь парню. Слишком долгий путь. Да. Слишком долгий путь. Да. Слишком долгий. Да, все-таки этот англичанин молодец.

Тимсен гадал, стоит ли рискнуть, посылая человека в казармы к японскому врачу, чтобы достать лекарства. Это было рискованно, но и казармы и дорога туда были многократно проверены. Бедняга Марлоу, как, должно быть, он переживает. Конечно, я достану лекарства — и сделаю это бесплатно или возьму деньги только за издержки.

Тимсен ненавидел свою торговлю лекарствами, но кому-то ведь надо было это делать, лучше пусть этим занимается он, чем кто-то другой, потому что его цены всегда были разумными, настолько разумными, насколько это было возможно, и он знал, что может сделать состояние, продавая их японцам, но он никогда этим не занимался. Он продавал только в лагерь и только с небольшой прибылью, с учетом только того риска, который сопровождал это дело.

— Можно спятить, — проворчал Тимсен, — когда думаешь о запасах лекарств на складах Красного Креста в хижине на Кеда-стрит.

— Черт, это все слухи.

— Нет. Я видел их, приятель. Когда был там с рабочей командой. Все забито лекарствами от Красного Креста — плазма, хинин, сульфамиды — все от пола до потолка и все еще в упаковках. А хижина эта добрых сто ярдов в длину и тридцать в ширину. И все это идет этим ублюдкам японцам. Они действительно принимают лекарства. Они поступают через Чанкин, как мне сказали. Красный Крест отдает их сиамцам, те переправляют их японцам, все предназначается для военнопленных Чанги. Черт, я сам видел ярлыки, но япошки используют их для своих макак.

— Кто-нибудь еще знает об этом?

— Я сказал полковнику, а тот лагерному коменданту, который, в свою очередь, сказал этой японской сволочи, как там его, а да, Йошима, и комендант лагеря потребовал эти запасы. Но япошки просто посмеялись над ним, сказав, что это слухи. На этом все кончилось. Больше туда рабочие команды не отправляли. Паршивые трусы. Это несправедливо, ведь нам так нужны лекарства. Они могли бы дать нам немного. Мой приятель умер шесть месяцев назад из-за того, что не было инсулина, а я видел целые горы упаковок с ним. Горы. — Тимсен свернул сигарету, закашлялся, сплюнул и так разошелся, что пнул ногой стену.

Он знал, что бессмысленно расстраиваться из-за этого. Не было никакого способа пробраться в эту хижину. Но он может достать для англичанина антитоксин и сульфамид. Да, честное слово, и он это сделает даром.

Но Тимсен был слишком умен, чтобы позволить Кингу прочитать его мысли. Это было бы ребячеством позволить Кингу узнать его слабое место. Ведь Кинг может когда-нибудь использовать это как средство давления на него. Это было так же ясно, как тот факт, что Австралия — колыбель Бога. Да, и ему нужен

Кинг для сделки с бриллиантом. Ох, проклятье! Я и забыл об этом грязном бродяге.

Поэтому Тимсен назвал из ряда вон выходящую цену и позволил, чтобы его уговорили снизить ее. Но остановился на достаточно высокой цене, так как знал, что Кинг может себе ее позволить, а если он запросит за товар слишком низкую цену, Кингу это может показаться подозрительным.

— Хорошо, — согласился мрачно Кинг. — Мы договорились, — В душе он отнюдь не был мрачен. Совсем наоборот. Он ждал, что Тимсен будет выколачивать из него деньги, но, хотя цена была выше той, на какую он рассчитывал, она была справедливой.

— На это потребуется три дня, — сказал Тимсен, понимая, что через три дня будет слишком поздно.

— Мне нужны лекарства сегодня вечером.

— Это будет стоить тебе еще пятьсот долларов.

— Я твой друг! — взвился Кинг, чувствуя настоящую боль. — Мы приятели, а ты хочешь меня ограбить еще на пять сотен.

— Хорошо, приятель, — сказал Тимсен, грустно и по-собачьи преданно. — Но ты знаешь, как обстоит дело. Три дня, быстрее не могу.

— Черт. Ладно.

— И фельдшер получит еще пять сотен сверху.

— Боже милосердный! На кой черт еще нужен фельдшер?

Тимсен наслаждался, наблюдая за тем, как корчится Кинг.

— Ну, хорошо, — спокойно сказал он, — что ты собираешься делать с лекарствами, когда получишь? Как ты собираешься лечить больного?

— Откуда мне знать, черт возьми.

— Вот за что еще пять сотен. Я полагаю, ты собираешься отдать англичанину лекарства, а он пойдет в госпиталь и скажет первому же коновалу: «У меня есть антитоксин и сульфамид, полечите мне мою чертову руку», а доктор в ответ скажет: «У нас нет антитоксина, так где ты его достал, черт тебя побери?», а когда англичанин промолчит, ублюдки сопрут у него лекарства и отдадут их какому-нибудь английскому вонючке-полковнику, у которого небольшой приступ геморроя.

Он ловко вытащил пачку сигарет из кармана Кинга и закурил.

— И, — добавил Тимсен, на этот раз совершенно серьезно, — тебе надо найти местечко, где вы бы лечили его без посторонних глаз. Где бы он мог лежать. Эти антитоксины плохо действуют на некоторых. И, как часть сделки, я не несу ответственности, если лечение будет неудачным.

— Если ты достанешь антитоксин и сульфамид, почему лечение может быть неудачным?

— Некоторые парни не переносят эти лекарства. Рвота. Несовместимость. И они могут не помочь. Все зависит от того, как сильно отравлен его организм.

Тимсен встал.

— Значит, вечером. А, да, и материалы будут стоить еще пять сотен.

Кинг взорвался.

— Какие еще материалы, черт возьми?

— Шприцы, бинты и мыло. Боже! — Тимсен чуть не передернуло от отвращения. — Ты думаешь, что антитоксин — это пилюля, которую суют в задницу?

Кинг кисло посмотрел на Тимсена, проклиная себя. Думал ты такой умный, выяснишь, как лечат гангрену, за одну сигарету, дурак. А потом, пустая голова, забыл спросить, что, черт побери, делать с лекарством, когда оно у тебя в руках.

Ну, черт с ним. Дело сделано. И рука Питера спасена. И цена тоже справедливая.

Потом Кинг вспомнил хитрого маленького воришку и просиял. Да, он был очень доволен результатами своей дневной работы.

Глава 21

В тот вечер Питер Марлоу отказался от еды. Он отдал ее не Маку и не Ларкину, как нужно было бы, а Эварту. Он понимал, что если отдаст своей группе, то они заставят его рассказать, в чем дело. А говорить им этого не стоило.

В полдень, умирая от боли и тревоги, он пошел к доктору Кеннеди. Снова он чуть не сошел с ума от мучительной боли, пока срывали повязку. Потом доктор сказал:

— Яд поднялся выше локтя. Я могу ампутировать ниже, но это будет потерей времени. Можно сделать всю операцию за один раз. У вас будет прекрасная культя — как минимум пять дюймов от плеча. Достаточная, чтобы пристегнуть к ней протез. — Кеннеди спокойно складывал домиком свои пальцы. — Не

теряйте больше времени, Марлоу, — сухо рассмеялся он и саркастически произнес: «Domani è troppo tardi», а когда Питер Марлоу тупо посмотрел на него, не понимая, он невыразительно пояснил — «Завтра может быть слишком поздно».

Питер Марлоу доковылял до своей койки и лег, парализованный ужасом. Пришло время обеда, но он отказался от него.

— У тебя лихорадка? — спросил довольный Эварт, подкрепившийся дополнительной порцией.

— Нет.

— Могу я чем-нибудь тебе помочь?

— Бога ради, оставь меня в покое! — Питер Марлоу отвернулся от Эварта. Спустя некоторое время он встал и вышел из хижины, жалея о том, что согласился играть в бридж с Маком, Ларкином и отцом Донованом. «Ты идиот, — твердил он, — тебе надо было остаться лежать на койке до тех пор, пока не пришла бы пора лезть за деньгами через проволоку».

Но он не мог часами лежать на койке, дожидаясь темноты, чтобы идти за деньгами. Лучше как-нибудь отвлечься.

— Привет, приятель! — Лицо Ларкина сморщилось в улыбке.

Питер Марлоу не улыбнулся в ответ. Он просто сел на пороге. Мак бросил взгляд на Ларкина, который незаметно пожал плечами.

— Питер, — сказал Мак, притворяясь, что он в прекрасном настроении — новости лучше день ото дня, правда? Еще немного, и мы выйдем отсюда.

— Совершенно верно! — вставил Ларкин.

— Вы живете иллюзиями. Мы никогда не выйдем из Чанги. — Питер Марлоу не хотел быть резким, но сдержаться не мог. Он понимал, что Мак и Ларкин обиделись, но смягчить обиду не мог. Он был поглощен мыслями о своей культе длиной в пять дюймов. Он чувствовал, как озноб леденит ему позвоночник и пронзает низ живота. Как, черт возьми, Кинг может помочь? Как? Будь реалистом. Если бы это была рука Кинга, что мог бы сделать я, а ведь Кинг для меня друг? Ничего. Я думаю, что и он ничего не успеет сделать — вовремя. Ничего. Лучше посмотреть правде в лицо, Питер. Либо ампутация, либо смерть. Просто. А когда дело дойдет до выбора, ты выберешь жизнь. Раз уж ты родился, ты обязан выжить. Любой ценой.

«Да, — твердил Питер Марлоу, — нужно быть реалистом. Кинг ничего не может сделать, ничего. И тебе не в чем винить его. Это твоя беда, а не его.

Выкопай деньги, отдай их ему и иди в госпиталь, ложись на стол, и пусть они режут тебе руку».

Итак, они втроем — он. Мак и Ларкин — сидели в зловонной ночи. В молчании. Когда пришел отец Донован, они заставили его съесть немного риса с блачангом. Они заставили его съесть, потому что иначе он отдал бы еду другим, как отдавал большую часть своих порций.

— Вы очень добры ко мне, — сказал Донован. В глазах у него мелькнул огонек, когда он добавил:

— А сейчас, если вы втроем поймете ошибочность вашего поведения и будете вести себя хорошо, я буду считать, что вечер прошел замечательно.

Мак и Ларкин рассмеялись вместе с ним. Питер Марлоу не улыбнулся.

— В чем дело, Питер? — резко спросил Ларкин. — Вы весь вечер напоминаете мне динго, у которого на заднице болячка.

— Ну, ничего, иногда бывает плохое настроение, — быстро сказал Донован, чтобы сгладить напряженное молчание. — Честное слово, новости очень хорошие, не так ли?

Только Питер Марлоу остался вне дружеского взаимопонимания, царившего в маленькой комнатке. Он чувствовал, что своим присутствием действует на всех удручающе, но ничего не мог с этим поделать. Ничего.

Начали играть, и отец Донован открыл две пики.

— Пас, — сварливо сказал Мак.

— Три бубны, — бросил Питер Марлоу и тут же пожалел об этом, потому что переоценил свои карты, объявив бубны, когда надо было объявлять черви.

— Пас, — объявил раздраженно Ларкин. Он пожалел, что предложил партию. Удовольствия не было никакого. Никакого удовольствия.

— Три пики, — продолжил отец Донован.

— Пас.

— Пас, — сказал Питер Марлоу, и все недоуменно посмотрели на него. Отец Донован улыбнулся.

— В вас должно быть больше веры...

— Я устал верить. — Слова прозвучали неожиданно резко и очень зло.

— Извините, Питер, я только...

— Послушайте, Питер, — резко вмешался Ларкин, — только потому, что вы в плохом настроении...

— Я имею право иметь свое мнение и думаю, что это была плохая шутка, — вспыхнул Питер Марлоу. Потом напустился снова на Донована. — Если вы мучаете себя, отдавая еду другим, и спите в бараках для рядовых, это, как я полагаю, дает вам право считать себя верховным судьей. Вера — это сплошная ерунда! Вера существует для детей — так же как и Бог. Что, черт побери, он может сделать? По-настоящему сделать? А? А?

Мак и Ларкин смотрели на Питера Марлоу, не узнавая его.

— Он может исцелить, — сказал отец Донован, зная о гангрене. Он многое знал из того, что знать не хотелось. Питер Марлоу швырнул карты на стол.

— Дерьмо! — бешено выкрикнул он. — Это дерьмо, и вы это знаете. И еще одно, раз уж мы коснулись этой темы. Бог! Вы знаете, я думаю: Бог — это маньяк, садистский, преступный маньяк, кровопийца...

— Вы в своем уме, Питер? — взорвался Ларкин.

— Да. Посмотрите на Бога, — иступленно говорил Питер Марлоу с искаженным лицом. — Бог — это зло, если Он действительно Бог. Посмотрите на все эти кровопролития, которые совершались во имя Бога. — Он наклонился к Доновану. — Инквизиция. Помните? Все эти тысячи сожженных и замученных до смерти садистами-католиками во имя Бога! А мы даже не вспоминаем об ацтеках и инках и миллионах этих чертовых индейцев. А протестанты, которые жгли и убивали католиков, а католики, евреи и мусульмане, а евреи и еще евреи, а мормоны, а квакеры и все это вонючее дерьмо. Убийства, пытки, костры! До тех пор пока это творится от имени Бога, вы правы! Какая бездна лицемерия! Не напоминайте мне о вере! Это пустое место!

— И тем не менее вы верите Кингу, — спокойно сказал отец Донован.

— Я полагаю, вы хотите сказать, что он орудие в руках Божьих?

— Возможно. Я не знаю.

— Я должен рассказать ему об этом, — истерически рассмеялся Марлоу. — Он будет хохотать до упаду.

— Послушайте, Марлоу! — Ларкин вскочил, трясаясь от ярости. — Вам лучше извиниться или убраться отсюда!

— Не беспокойтесь, полковник, — огрызнулся Питер Марлоу. — Я ухожу. — Он встал и пристально посмотрел на них, ненавидя их, ненавидя себя самого. — Послушайте, отец. Вы смешны. Ваша сутана смешна. Вы до неприличия смешны, вы и ваш Бог. Не служите Богу, потому что он дьявол. Вы — слуга дьявола, — И потом он сгреб несколько карт со стола, швырнул их в лицо отца Донована и исчез в темноте.

— Что, черт возьми, произошло с Питером? — спросил Мак, нарушая тягостное молчание.

— Ради Бога, — страстно начал отец Донован. — У Питера гангрена. Ему должны ампутировать руку, или он умрет. На его локте ясно заметны багровые пятна.

— Что? — Ошеломленный Ларкин уставился на Мака. Потом они одновременно вскочили и торопливо пошли к выходу. Но отец Донован окликнул их.

— Подождите, помочь вы ему не можете.

— Черт, должен же быть какой-то выход. — Ларкин застыл на пороге. — Бедный парень... я думал... бедняга...

— Нам ничего не остается, кроме ожидания. Только верить и молиться. Возможно, поможет Кинг, он в состоянии помочь. — И отец Донован устало добавил:

— Кинг единственный, кто может помочь.

* * *

Питер Марлоу, ковыляя, вошел в хижину американцев.

— Я сейчас принесу деньги, — пробормотал он Кингу.

— Вы с ума сошли? Вокруг полно народу.

— К черту всех, — сердито бросил Питер Марлоу. — Вам нужны деньги или нет?

— Сядьте! Сядьте! — Кинг силой усадил Питера Марлоу, дал ему закурить, заставил выпить кофе и подумал: неужели я все это делаю ради какой-то ерундовой прибыли. Он терпеливо уговаривал Питера Марлоу не терять головы, говорил, что все будет хорошо, что вскоре можно начать лечение. Спустя час Питер Марлоу успокоился, во всяком случае, стал мыслить здраво. Но Кинг понимал, что не стоит обольщаться. Он видел, как Питер Марлоу время от времени кивает. Однако он был не с ним, не с ним и вообще его здесь не было. Он был в своем мире — мире из боли и ужаса.

— Пора? — спросил Питер Марлоу, почти ослепленный болью и понимая, что если он не пойдет сейчас, то не пойдет никогда.

Хотя с точки зрения безопасности предпринимать вылазку было рано, тем не менее держать Марлоу в хижине нельзя. Поэтому Кинг разослал часовых по всем направлениям. Все подходы были перекрыты. Макс следил за Греем, который лежал на койке. Байрон Джонс III за Тимсеном. А тот находился в северной части лагеря, около ворот, дожидаясь, когда принесут лекарства, а ребята Тимсена — еще один источник опасности — по-прежнему безуспешно прочесывали лагерь в поисках вора.

Кинг и Текс смотрели вслед Питеру Марлоу, когда тот вышел из хижины, пересек тропинку и подошел к кювету. Он покачался на его краю, потом перешагнул через него и, пошатываясь, пошел к ограде.

— Черт, — сказал Текс. — Не могу смотреть!

— Я тоже, — сказал Кинг.

Питер Марлоу пытался сосредоточить взгляд на проволоке, преодолевая боль и обморочное состояние, которые захлестывали его. Он молил Бога о пуле. Терпеть такую муку больше не было сил. Но выстрела не последовало, и он продолжал идти, отчаянно распрямившись во весь рост. Подошел к проволоке, и тут все закружилось перед его глазами. Он схватился за проволоку, чтобы не упасть. Потом наклонился, чтобы пролезть между рядами проволоки, тихо застонал и провалился в преисподнюю.

Кинг и Текс подбежали к ограде, подхватили его и уволокли подальше от ограды.

— Что с ним такое? — спросил чей-то голос из темноты.

— Думаю, он помешался, — сказал Кинг. — Давай, Текс, давай затащим его в хижину.

Они втащили его в хижину и положили на кровать Кинга. Потом Текс побежал снимать часовых, и обстановка в хижине снова стала прежней. На улице остался только один часовой.

Лежа на кровати, Питер Марлоу стонал и что-то бормотал в бреду. Немного позже он очнулся.

— Боже, — выдохнул он, пытаясь встать, но тело не слушалось его.

— Держите, — тревожно сказал Кинг, давая ему четыре таблетки аспирина. — Не переживайте, все будет в порядке.

Рука его тряслась, когда он помогал Марлоу запить таблетки. «Сукин сын, — думал он с горечью, — если Тимсен не принесет сегодня лекарство, Питер не выживет, а если он не выживет, как я, черт возьми, достану деньги? Сукин сын!»

Когда Тимсен наконец появился, Кинг совсем пал духом.

— Привет, приятель. — Тимсен тоже перенервничал. Ему пришлось прикрывать своего лучшего друга около главных ворот, пока тот пролез сквозь проволоку и пробрался в казарму японского врача, которая была расположена в пятидесяти ярдах от ворот, не очень далеко от дома Йошимы и слишком близко к караульному помещению, чтобы относиться к этому спокойно. Но все прошло гладко, и хотя Тимсен знал, что, если речь пойдет о собственном обогащении, в целом мире не найти вора, подобного австралийцу, он все равно переволновался, дожидаясь благополучного возвращения своего человека.

— Где мы будем лечить его? — спросил он.

— Здесь.

— Хорошо. Лучше выставить часовых.

— Где фельдшер?

— Для начала я буду им, — привередливо сказал Тимсен. — Стивен сейчас не может прийти сюда. Он сменит меня.

— Ты знаешь, черт возьми, что нужно делать?

— Зажги этот проклятый свет, — сказал Тимсен. — Конечно, знаю. Есть кипяток?

— Нет.

— Ну, так организуй его. Вы что, янки, ничего не умеете?

— Давай, поторапливайся.

Кинг кивнул Тексу, Текс поставил кипятить воду. Тимсен развязал медицинскую сумку и вынул маленькое полотенце.

— Будь я проклят; — сказал Текс. — Никогда не видел такого чистого. Оно такое белое, что кажется голубым.

Тимсен сплюнул и тщательно вымыл руки новым куском мыла. Потом прокипятил шприц и пинцет. Затем склонился над Питером Марлоу и слегка похлопал его по лицу.

— Эй, приятель!

— Да, — слабо отозвался Питер Марлоу.

— Я собираюсь почистить тебе рану, хорошо?

Питер Марлоу пытался сосредоточиться.

— Что?

— Я собираюсь дать тебе антитоксин...

— Я должен добраться до госпиталя, — заплетающимся голосом отозвался он. — Пора... отрезать ее... говорю я вам... — Он опять отключился.

— То что нужно, — объявил Тимсен.

Когда шприц был простерилизован, Тимсен сделал укол морфия.

— Помогай, — бесцеремонно приказал он Кингу. — Вытирай этот проклятый пот с моих глаз. — Кинг послушно взял полотенце.

Тимсен подождал, пока начнет действовать укол, потом сорвал старую повязку и обнажил рану.

— Господи!

Вся область раны вздулась, стала багрово-зеленой.

— Думаю, слишком поздно.

— Бог мой, — простонал Кинг. — Не удивительно, что этот бедный сукин сын сходил с ума.

Стиснув зубы, Тимсен аккуратно вырезал гнилую, вонючую кожу, прозондировал поглубже и как мог очистил рану. Потом посыпал сверху порошок сульфамида и аккуратно забинтовал ее. Когда все было сделано, он выпрямился и вздохнул.

— Проклятая спина! — потом, посмотрев на чистую повязку, повернулся к Кингу. — Есть кусок рубашки?

Кинг снял со стены рубашку и дал ее Тимсену. Тот оторвал рукав, сделал из него небрежную повязку и намотал ее поверх чистой.

— Это еще зачем? — спросил Кинг.

— Маскировка, — разъяснил Тимсен. — Ты думаешь, он может расхаживать по лагерю с такой прекрасной новой повязкой и его не остановят любопытные доктора или полицейские? Думаю, их заинтересует, откуда, черт побери, он ее взял?

— А...а... а, ясно.

— Ну, наконец-то дошло!

Кинг пропустил реплику мимо ушей. Его до сих пор мучило от раны на руке Питера Марлоу, от ее запаха, от крови и от спекшейся, покрытой гноем повязки на полу.

— Эй, Текс, убери эту вонищу.

— Кто, я? Почему?

— Убери.

Текс неохотно взял повязку и вышел на улицу. Он расковырял мягкую землю, закопал повязку, и его стошнило. Вернувшись, он сказал:

— Слава Богу, мне не надо делать это каждый день.

Тимсен торопливо наполнил шприц и склонился к руке Питера Марлоу.

— Смотри. Смотри, Бога ради, — прорычал он, заметив, что Кинг отвернулся. — Если Стивен не придет, это придется делать тебе. Укол должен быть внутривенным, так? Ты находишь вену. Потом должен воткнуть в нее иглу и медленно потянуть, чтобы в шприц набралось много крови. Видишь? Сейчас ты наверняка знаешь, что игла в вене. Как только убедишься, впрыскиваешь анти毒素. Но не быстро. Примерно три минуты на кубик.

Кинг наблюдал с отвращением до тех пор, пока игла не была вытащена, и Тимсен не прижал маленький клочок ваты к месту укола.

— Черт побери, — сказал Кинг. — Я никогда не смогу этого сделать.

— Ты хочешь, чтобы он умер? — Тимсен сам был мокрым, и его тоже мучило. — А мой старик хотел, чтобы я стал доктором! — Он оттолкнул Кинга, высунул голову в окно, и его вырвало. — Дай мне. Бога ради, кофе.

Питер Марлоу зашевелился и почти пришел в себя.

— С тобой должно быть все в порядке, приятель. Ты меня понимаешь? — Тимсен заботливо нагнулся над ним.

Питер Марлоу тупо кивнул и поднял руку. Он секунду неверяще глядел на нее, потом пробормотал:

— Что случилось? Она... она все еще... она все еще при мне!

— Конечно, при тебе, — гордо сказал Кинг. — Мы только что привели ее в порядок. Антитоксином. Я и Тимсен!

Но Питер Марлоу только поглядел на него, рот его беззвучно шевелился. Потом наконец он прошептал:

— Она все еще... при мне. — Правой рукой он дотронулся до левой, которой уже не должно было быть, но она была. И когда он убедился, что не грезит, он откинулся назад, насквозь мокрый от пота, закрыл глаза и заплакал. Через несколько минут он уже спал.

— Бедняга, — пробормотал Тимсен. — Должно быть, он решил, что лежит на операционном столе.

— Сколько ему понадобится, чтобы прийти в себя?

— Примерно пара часов. Послушай, — сказал Тимсен, — ему надо делать укол каждые шесть часов, пока токсин не будет уничтожен. В течение, скажем, сорока восьми часов. И перевязка каждый день. И еще сульфамид. Но ты должен помнить: он должен выдержать уколы. И не удивляйся, если он заблует все кругом. Реакция обязательно должна быть. Плохая. Первая доза была большой.

— Ты считаешь, он поправится?

— Я отвечу на это через десять дней. — Тимсен собрал медицинскую сумку и аккуратно свернул в небольшой аккуратный сверток полотенце, мыло, шприц, антитоксин и сульфамид. — Теперь давай рассчитаемся, хорошо?

Кинг вынул пачку, которую дал ему Шагата.

— Закуришь?

— Да.

Когда они закурили, Кинг сухо сказал:

— Мы можем рассчитаться, когда дело с бриллиантом будет закончено.

— Э, нет, друг. Я доставляю товар, мне платят. Та сделка ничего общего с этой не имеет, — резко сказал Тимсен.

— День, другой подождать — вреда не будет.

— Ты получил достаточно денег и можешь часть прибыли... — Он замолчал, пораженный догадкой. — Ого! — сказал он с широкой улыбкой, тыча пальцем в Питера Марлоу. — Никаких денег, пока твой приятель не придет в себя, верно?

Кинг отстегнул наручные часы.

— Хочешь, это как раз залог?

— О, нет, дружок, я верю тебе. — Он поглядел на Питера Марлоу. — Ну, кажется, многое зависит от тебя, старина. — Когда он снова обратился к Кингу, глаза его весело прищурились. — И я получаю время, не так ли?

— А? — невинно спросил Кинг.

— Хватит, приятель. Ты знаешь, что кольцо украли. Только ты один во всем лагере можешь справиться с этим. Я не смогу, иначе вряд ли я бы позволил тебе впутаться в это дело, — Тимсен сиял ангельской улыбкой. — Это дает мне время найти вора, верно? Если он первым выйдет на тебя, у тебя нет денег, чтобы заплатить ему, верно? Без денег он не расстанется с кольцом, верно? Нет денег, нет сделки. — Тимсен сделал паузу, потом коротко сказал:

— Конечно, ты мог бы мне сообщить, когда ублюдок предложит его, верно? В конце концов, кольцо принадлежит мне, так?

— Так, — охотно согласился Кинг.

— Но ты этого не сделаешь, — вздохнул Тимсен. — Сколько же вокруг проклятых воров!

Он нагнулся над Питером Марлоу и проверил его пульс.

— Хм, — сказал он задумчиво. — Пульс учащается.

— Спасибо за помощь, Тим.

— Не за что, друг. У меня капитал вложен в этого негодяя, так? И я собираюсь следить за ним как проклятый ястреб. Верно?

Он снова рассмеялся и вышел.

Кинг был измучен. Сварив кофе и выпив его, он почувствовал себя лучше, развалился на стуле и заснул.

Он проснулся как от толчка и посмотрел на кровать. Питер Марлоу смотрел на него.

— Привет, — сказал Питер Марлоу слабым голосом.

— Как вы себя чувствуете? — Кинг потянулся и встал.

— Дерьмово. Меня может стошнить в любую минуту. Вы знаете, ничего... я ничего не могу сказать... Кинг закурил последнюю «Куа» и вставил сигарету в губы Питера Марлоу.

— Вы заслужили ее, приятель.

Пока Питер Марлоу собирался с силами, Кинг рассказал ему, как его лечили и что предстоит сделать.

— Единственное место, которое я могу предложить, — сказал Питер Марлоу, — это барак полковника. Мак может разбудить меня и помочь мне выйти из хижины. Большую часть времени я могу лежать на своей койке.

Кинг осторожно подставил свой котелок, когда Питера Марлоу стало рвать.

— Лучше держать его под рукой. Извините. Бог мой, — ошеломленно воскликнул Питер Марлоу, вспомнив. — Деньги! Я их забрал?

— Нет. Вы вырубилесь по эту сторону проволоки.

— О, Боже, думаю, сегодня ночью у меня ничего не получится.

— Не надо волноваться, Питер. Сделаете это, когда почувствуете себя лучше. Не надо испытывать судьбу.

— Это не повредит делу?

— Нет. Не волнуйтесь на этот счет.

Питера Марлоу снова стошнило, а когда он оправился, то выглядел ужасно.

— Забавно, — сказал он, подавляя позыв к рвоте. — Какой сверхъестественный сон я видел. Мне приснилось, что я странно разругался с Максом, полковником и старым отцом Донованом. Бог мой, я рад, что это был сон. — Он привстал, опираясь на здоровую руку, качнулся и лег назад. — Помогите мне встать, прошу вас.

— Подождите. Только что выключили свет.

— Эй, приятель!

Кинг высунулся из окна и всмотрелся в темноту. Он увидел слабые очертания маленького проныры, скорчившегося у стены.

— Поторопись, — прошептал он. — Камень у меня с собой.

— Тебе придется подождать, — сказал Кинг. — Я не смогу отдать тебе деньги в течение двух дней.

— Как ты, проклятый ублюдок...

— Послушай ты, сукин сын, — сказал Кинг, — Если хочешь подождать пару дней, отлично! Если нет, пошел к черту!

— Ладно, два дня. — Человек грязно выругался и исчез.

Кинг услышал звук его удаляющихся шагов в темноте, а через секунду другие ноги торопливо бросились в погоню за ним. Потом тишина, нарушаемая только треском сверчков.

— Что там такое? — спросил Питер Марлоу.

— Ничего, — ответил Кинг, гадая, удалось ли человечку удрать. Но, что бы ни случилось, он получит бриллиант. Когда получит деньги.

Глава 22

В течение двух дней Питер Марлоу боролся со смертью. Но у него была воля к жизни. И он выжил.

— Питер! — Мак ласково потряс его.

— Да, Мак?

— Пора.

Мак помог Питеру Марлоу спуститься с койки, и они вместе ухитрились сползти по ступенькам — молодость, опирающаяся на старость, — и потащились в темноте к бараку.

Там их уже ждал Стивен. Питер Марлоу лег на койку Ларкина, и его снова кололи. Ему пришлось изо всех сил закусить губы, чтобы не закричать. Стивен был аккуратен, однако игла была тупой.

— Сделано, — сказал Стивен. — Теперь давай измерим температуру. — Он вставил термометр в рот Питера Марлоу, потом снял повязки и осмотрел рану. Опухоль спала, багрово-зеленые оттенки исчезли, и рана покрылась твердыми чистыми струпьями. Стивен снова посыпал рану сульфамидом.

— Очень хорошо, — Стивен был доволен ходом лечения, но недоволен сегодняшним днем в целом. Этот мерзкий сержант Флегерти — такой наглый тип. Он знает, что я ненавижу делать это, но всякий раз выбирает меня.

— Отвратительно, — сказал он вслух.

— Что? — встревожились Мак, Ларкин и Питер Марлоу.

— Что-нибудь не в порядке?

— О нет, дорогой. Я имел в виду совсем другое. Теперь давай посмотрим температуру. — Стивен вынул термометр и улыбнулся Питеру Марлоу. — Нормальная. Только на одну десятую выше нормы, но это не имеет значения. Тебе везет, очень везет. — Он показал пустой флакон из-под антитоксина. — Сегодня я сделал тебе последний укол.

Стивен пощупал пульс.

— Очень хорошо, — он посмотрел на Мака. — У вас есть полотенце?

Мак дал ему полотенце. Стивен смочил его в холодной воде и сделал компресс на голову Питера Марлоу.

— Вот смотри, что я нашел, — сказал он, протягивая ему две таблетки аспирина. — Они немного помогут, дорогой. Теперь отдыхай. — Он повернулся к Маку, встал, вздохнул и разгладил свой саронг на бедрах. — Мне нечего больше здесь делать. Он очень слаб. Вам надо дать ему мясного бульона. И все яйца, какие сможете достать. И поухаживайте за ним. — Он повернулся и посмотрел на изможденного Питера Марлоу. — Он, должно быть, потерял фунтов пятнадцать за последние два дня, а это при его весе опасно, бедняга. Он весит не больше восьми стоунов {23}, что совсем недостаточно при его росте.

— Э... мы бы хотели отблагодарить вас, Стивен, — грубовато сказал Ларкин. — Мы, э... ценим вашу работу. Вы знаете.

— Всегда рад помочь, — сказал весело Стивен, поправляя локон на лбу.

Мак посмотрел на Ларкина.

— Если есть что-то, Стивен, что мы можем сделать, просто скажите, и все.

— Это очень мило. Вы оба так любезны, — вежливо ответил он, открыто любуясь полковником, чем заставлял их смущаться еще больше. Поигрывая медальоном святого Кристофера, который он носил на груди, он продолжал:

— Не могли бы вы завтра выйти вместо меня в наряд на выгребные ямы. Я бы все сделал для вас. Все, что угодно. Я не переносу этих вонючих тараканов. Отвратительно, — изливался он. — Так вы сделаете это?

— Хорошо, Стивен, — кисло согласился Ларкин.

— Тогда встретимся на рассвете, — проворчал Мак и отодвинулся, чтобы избежать попытки Стивена приласкаться. Ларкин не проявил подобной расторопности, поэтому Стивен обнял его за талию и любовно похлопал:

— Спокойной ночи, дорогие. О, вы оба так добры к Стивену.

Когда он ушел, Ларкин свирепо посмотрел на Мака.

— Если вы что-нибудь скажете, я вас проучу.

Мак фыркнул:

— Эх, приятель, не переживайте. Но вам самому понравилось впечатление, которое вы произвели. — Он наклонился над Питером Марлоу, который наблюдал за ними. — Что, Питер?

— Думаю, вы созрели для женщины, — прошептал Питер Марлоу, слегка улыбаясь. — Ему хорошо платят, тем не менее вы оба предлагаете свои услуги, искушая его. Но что он в вас нашел — в двух старых пердунах, черт побери.

Мак ухмыльнулся Ларкину.

— Ага, наш паренек чувствует себя лучше. Теперь он для разнообразия может набирать вес. И не так, как это делает Кинг, а без всякого сачкования.

— Два или три дня прошло после первого укола? — спросил Питер Марлоу.

— Два дня.

«Два дня? Как будто два года, — думал Питер Марлоу. — Но завтра у меня уже будут силы, чтобы принести деньги».

Той ночью, после последней переклички, отец Донован пришел поиграть с ними в бридж. Когда Питер Марлоу рассказал о кошмарном сне, в котором он ссорился с ними, все они рассмеялись.

— Эх, паренек, — сказал Мак, — когда у тебя лихорадка, ум вытворяет странные вещи.

— Конечно, — сказал отец Донован. Потом улыбнулся. — Я рад, что ваша рука пошла на поправку, Питер.

Питер Марлоу ответил улыбкой.

— Кажется, вы знаете обо всем, что происходит, правда?

— Не так уж много всего происходит, о чем Он бы не знал. — Донован ответил уверенно и совершенно спокойно. — Все мы в добрых руках. — Потом хмыкнул и добавил. — Даже вы трое!

— Ну, это уже что-то, — отозвался Мак, — хотя я считаю, что полковник в своих мыслях уже давно вышел за рамки приличия.

После окончания игры и ухода Донована Мак кивнул Ларкину.

— Покараульте. Мы послушаем новости и закончим на сегодня.

Ларкин следил за дорогой, а Питер Марлоу сидел на веранде, стараясь быть бдительным. Два дня. Уколы в руку, и рука вылечена, она снова стала его рукой. Странные дни, дни грез, а теперь все в порядке.

Новости были исключительно хорошими, и они разошлись по своим кроватям и спали спокойно, без снов.

На рассвете Мак сходил в курятник и принес три яйца. Он сделал омлет, добавил в него капельку риса, который сохранил со вчерашнего дня, и положил в него зубчик чеснока.

Потом отнес омлет в хижину Питера Марлоу, разбудил его и смотрел, чтобы он съел его полностью.

Неожиданно в хижину ворвался Спенс.

— Эй, ребята, — заорал он. — В лагерь пришла почта!

Сердце Мака оборвалось. О Боже, пусть там будет письмо для меня!

Но письма для Мака не было.

На десять тысяч человек пришло сорок три письма. За три года японцы выдавали лагерю почту два раза. Всего несколько писем... И три раза пленным предоставляли возможность написать на почтовой открытке двадцать пять слов. Но никто не мог сказать, дошли ли они до адресатов.

Ларкин был одним из тех, кто получил письмо. Первое за все время пребывания в лагере.

Письмо было датировано 21 апреля 1945 года. Четыре месяца назад. Время отправления других писем варьировалось от трех недель до двух лет и больше.

Ларкин читал и перечитывал письмо. Потом прочитал его Маку, Питеру Марлоу и Кингу, когда они сидели на веранде барака.

«Дорогой. Это письмо номер 205 — так оно начиналось. — У меня все хорошо, у Джинни тоже все хорошо, твоя мама живет с нами, а все мы живем там же, где мы жили всегда. Мы не получали от тебя никаких известий с тех пор, как получили твое письмо от 1 февраля 1942 года, отправленное из Сингапура. Но, даже не имея известий, мы знаем, что ты здоров и счастлив, и мы молимся за твое благополучное возвращение.

Я все письма начинаю одинаково, поэтому, если ты уже читал, что написано вначале, прости меня. Но трудно жить, не зная, дошло ли именно это письмо до тебя, дошло ли хоть одно из писем. Я люблю тебя. Ты мне нужен. И я скучаю по тебе больше, чем иногда могу это вынести.

Сегодня мне грустно. Я не знаю почему, но это так. Я не хочу поддаваться тоске и хочу рассказать все самое замечательное.

Мне, вероятно, грустно из-за миссис Гёбл. Она вчера получила открытку, а я нет. Думаю, я просто эгоистка. Ну уж такая я. В любом случае обязательно расскажи Вику Гёблу, что его жена Сейра получила открытку, датированную в январе 1943 года. Она хорошо себя чувствует, и его сын прелесть. Сейра счастлива, что наконец-то снова получила весточку. Да, у женщин полка тоже все в порядке. Мать Тимсена по-прежнему чувствует себя великолепно. И не забудь напомнить Томми Мастерсу обо мне. Вчера вечером я видела его жену. Она тоже здорова и зарабатывает кучу денег для него. У нее новая работа. И, да, я видела Элизабет Форд, Мэри Виккерс...»

Ларкин оторвался от письма.

— Она перечисляет, наверно, дюжину жен. Но все их мужья умерли. Все. Единственный, кто остался в живых, это Тимсен.

— Читайте дальше, приятель, — быстро сказал Мак, физически чувствуя муку, отраженную в глазах Ларкина.

«Сегодня жарко, — продолжал Ларкин, — и я сижу на веранде, Джинни играет в саду, а я думаю, что на этой неделе я переберусь в домик в Блу Маунтенс.

Я бы написала о новостях, но это не разрешается.

О, Господи, как же можно писать в никуда? Как мне узнать? Где ты, моя любовь, где ты, ради Бога? Я не буду писать больше. Я просто закончу на этом письмо и не отправлю его... О, моя любовь, я молюсь за тебя, помолись и ты за меня. Прошу, помолись за меня, помолись за меня...»

После паузы Ларкин сказал:

— Нет подписи и... адрес написан почерком моей матери. Ну, что вы думаете по этому поводу?

— Вы же знаете, как это бывает с женщинами — сказал Мак. — Она, вероятно, положила его в ящик, а потом ваша мать нашла его и отправила почтой, не читая и не спрашивая ее. Вы же знаете, какие матери! Еще более вероятно, что Бетти начисто забыла о письме и на следующий день села и написала еще одно письмо, когда почувствовала себя лучше.

— Что она хочет сказать, когда пишет «молись за меня»? — спросил Ларкин. — Она же знает, что я это делаю каждый день. Что происходит? Господи, может быть, она больна или что-нибудь с ней не так?

— Не нужно волноваться, полковник, — сказал Питер Марлоу.

— Откуда вам, черт возьми, знать об этих вещах? — вспыхнул Ларкин. — Как, черт побери, я могу не волноваться!

— Ну, по крайней мере, вы знаете, что она и дочь в порядке, — огрызнулся в ответ измученный до предела Мак. — Благословляйте Бога, что вам повезло хоть в этом! Мы вообще не получили писем! Никто из нас! Вы счастливчик! — И он вышел, раздраженно топая ногами.

— Простите, Мак, — Ларкин побежал вслед за ним и привел его обратно. — Простите, это просто так... после всего, что было...

— Эх, приятель, вы ничего такого не сказали. Это мне надо извиняться. Я заболел от ревности. Мне кажется, я ненавижу эти письма.

— Можете повторить это еще раз, — сказал Кинг. — Они могут свести с ума. Парни, которые получают их, сходят с ума, парни, которые не получают, тоже сходят с ума. Ничего, кроме беспокойства, они не приносят.

* * *

Смеркалось. Сразу после ужина все американцы собрались в хижине.

Курт сплюнул на пол и поставил поднос.

— Здесь их девять. Я оставил себе одну. Мои десять процентов. — Он снова сплюнул и сел.

— Думаю, меня опять стошнит, — заявил Питер Марлоу.

— Я вас пойму, — согласился Кинг.

— Не знаю. — Макс прокашлялся. — Они похожи на лапки кроликов. Маленькие, конечно, но все же кроличьи лапки.

— Хочешь попробовать? — спросил Кинг.

— Нет, черт возьми. Я просто заметил, что они похожи. Могу я высказать свое мнение или нет?

— Честное слово, — вмешался Тимсен, — никогда не думал, что мы действительно будем торговать ими.

— Если бы я не знал... — Текс запнулся. — Я так хочу жрать. И я не видел столько мяса с тех пор, как мы поймали ту собаку.

— Какую собаку? — спросил Макс подозрительно.

— О, черт, это было... сто лет назад, — сказал Текс. — Тогда... в сорок третьем.

— А... а... а...

— Черт! — Кинг по-прежнему не отводил глаз от подноса. — Оно нормально выглядит. — Он наклонился и понюхал, не приближаясь, однако, слишком близко к мясу. Пахнет нормально.

— Нет, — ледяным голосом прервал его Байрон Джонс III, — это крысиное мясо.

— За каким чертом ты это объясняешь, сукин ты сын! — сказал Кинг, засмеявшись и отодвинувшись от мяса.

— Это крыса, черт побери. Но, если разговоры будут продолжаться и дальше, любой проголодается!

Питер Марлоу осторожно взял лапу и положил ее на банановый лист.

— Это я возьму с собой, — сказал он. Затем встал и пошел к себе в хижину.

Он подошел к койке и прошептал Эварту:

— Может быть, сегодня вечером мы неплохо поедим.

— Что?

— Неважно. Кое-что особенное. — Питер Марлоу знал, что Дринкуотер подслушивает их; он украдкой положил банановый лист на полку и сказал Эварту:

— Я вернусь через минуту. — Когда спустя полчаса он вернулся, банановый лист исчез, а с ним и Дринкуотер.

— Ты выходил куда-нибудь? — спросил он Эварта.

— Только на секунду. Дринкуотер попросил принести ему воды. Он сказал, что плохо себя чувствует.

И тут с Питером Марлоу началась истерика, и все в хижине решили, что он рехнулся. Только когда Майк хорошенько потряс его, он перестал смеяться.

— Извините, просто вспомнил домашнюю шутку.

Когда Дринкуотер вернулся, Питер Марлоу притворился, что смертельно озабочен пропажей еды. Дринкуотер тоже изобразил беспокойство и сказал, облизываясь:

— Что за грязная шутка.

И с Питером Марлоу снова началась истерика.

Наконец Питер Марлоу ошупью добрался до своей койки и, обессиленный, лег на спину. Эта усталость добавилась к усталости, накопленной за эти два изнурительных дня. Он заснул, и ему снился Дринкуотер, поедающий горы маленьких задних лапок, а он, Питер Марлоу, следил за ним все это время, а Дринкуотер без конца спрашивал:

— В чем дело? Они вкусные, вкусные.

Его растолкал Эварт.

— Питер, там на улице американец. Хочет поговорить с тобой.

Питер Марлоу по-прежнему чувствовал слабость и тошноту, но слез с койки.

— Где Дринкуотер?

— Не знаю. Ушел после твоего приступа хохота.

— А, — Питер Марлоу снова засмеялся. — Я боялся, вдруг это только сон.

— Что? — Эварт пристально посмотрел на него.

— Ничего.

— Не знаю, что на тебя накатило, Питер. Ты в последнее время странно себя ведешь.

Текс ожидал Питера Марлоу под защитой свеса крыши.

— Пит, — прошептал он. — Меня прислал Кинг. Вы опаздываете.

— О, черт! Извини, я отключился.

— Да, он так и подумал. Он просил передать вам: «Нужно разделаться с этим».

Текс нахмурился.

— Вы хорошо себя чувствуете?

— Нормально. Немного слаб. Но со мной будет все в порядке.

Текс кивнул и торопливо ушел. Питер Марлоу потер лицо, потом по лестнице спустился на асфальтированную дорогу и встал под душ. Холодная вода придала сил. Потом он наполнил флягу и, тяжело ступая, прошел к уборным. Он нашел место в конце ряда, поближе к проволоке.

Месяц только нарождался. Он дождался, пока уборная на мгновение опустела, проскользнул через открытое место и пролез под проволокой в джунгли. Он придерживался проволоки, стараясь не наткнуться на часового, который наверняка бродил по тропинке между проволокой и джунглями. Ему понадобился час, пока он нашел место, где он спрятал деньги. Он сел на землю, обернул толстые пачки банкнот тканью и привязал к бедрам. Потом дважды обернул саронг вокруг талии. Теперь саронг не доставал до земли, он был ему только до колен, и его складки помогали скрыть неестественную толщину бедер.

Ему пришлось прождать еще один час напротив уборных, прежде чем он смог проскользнуть под проволоку. Припадая к земле, он пробрался к своему месту, перевел дыхание и подождал, пока сердце успокоится. Потом захватил флягу и ушел из уборной.

— Эй, приятель, — окликнул его Тимсен, выходя из тьмы. — Превосходная ночь, не так ли?

— Да, — согласился Питер Марлоу.

— Прекрасная ночь для прогулки, верно?

— А?

— Не возражаете, если я прогуляюсь вместе с вами?

— Нет. Пойдемте, Тим. Я рад вам. Тогда не будет никаких чертовых грабителей. Верно?

— Верно, приятель. Вы джентльмен.

— Да и вы — надежный парень, старый вы негодяй. — Питер Марлоу хлопнул Тимсена по спине. — Я так и не отблагодарил вас.

— Не думай об этом, приятель. Честное слово, — ухмыльнулся Тимсен, — вы чуть было не обдурили меня. Я решил, что вы просто хохмите.

Кинг помрачнел, увидев Тимсена, но в то же время обрадовался. Ведь деньги снова вернулись к нему. Он пересчитал их и убрал в черный ящик.

— Теперь нам нужен бриллиант.

— Ага, приятель. — Тимсен откашлялся. — Если мы поймаем вора до того или после того, как он придет сюда, тогда я получаю цену, о которой мы договорились, так? Если ты покупаешь у него кольцо и мы его не поймаем, тогда ты выиграл, так? Справедливо?

— Конечно, — сказал Кинг. — Договорились.

— Отлично! Бог да поможет ему, если он попадется нам в руки. — Тимсен кивнул Питеру Марлоу и вышел.

— Питер, садитесь на кровать, — попросил Кинг, садясь на черный ящик. — Вы же мокрый, хоть отжимай.

— Думал, не сумею выполнить своего обещания.

— Побудьте здесь. Мне нужен кто-то, кому я могу доверять. — Кинг нервничал, жар денег из черного ящика, казалось, доходил до него сквозь дерево.

Питер Марлоу лег на кровать, сердце его болело от напряжения. Он заснул, но мозг был настороже.

— Приятель!

Кинг подскочил к окну.

— Сейчас?

— Поторопись. — Маленький человечек был перепуган, глаза его бегали по сторонам. — Давай скорее.

Кинг вставил ключ в замок, быстро откинул крышку, вытащил отсчитанные заранее десять тысяч и бросился обратно к окну.

— Вот. Десять кусков. Я их пересчитал. Где бриллиант?

— Увидишь, когда получу деньги.

— Только, когда буду держать в руках бриллиант, — ответил Кинг, по-прежнему крепко сжимая пачку банкнот.

Маленький человечек посмотрел на него угрожающе, потом разжал кулак. Кинг пристально смотрел на кольцо, рассматривая его, но не делая попытки схватить. «Нужно проверить, — торопливо твердил он себе, — нужно проверить. Да, это то самое кольцо. Думаю, наверняка оно».

— Давай, приятель, — проскрипел человечек. — Забирай!

Кинг расстался с банкнотами только тогда, когда крепко держал кольцо. Маленький человечек метнулся прочь. Кинг, сдерживая дыхание, наклонился к свету и внимательно рассмотрел кольцо.

— Мы сделали это, Питер, дружище, — прошептал он ликующе. — Мы сделали это. У нас и бриллиант, и деньги.

На него навалилась усталость от напряжения нескольких последних дней. Кинг развязал небольшой мешочек с кофейными зернами и сделал вид, что закопал кольцо в зернах. На самом деле он ловко спрятал кольцо в ладони. Даже Питер Марлоу, его ближайший друг, ничего не понял. Как только он запер коробку, на него напал приступ кашля. Никто не видел, как он положил кольцо в рот. Он нашарил чашку с холодным кофе и выпил его, проглотив кольцо. Теперь оно было спрятано в надежном месте. В очень надежном.

Он сел на стул и расслабился. «Ну вот, — твердил он торжествующе. — Ты сделал это».

Тишину пререзал свист, предупреждающий об опасности.

В дверь прокрался Макс.

— Копы, — сказал он и быстро присоединился к играющим в покер.

— Черт! — Кинг заставил себя встать, схватив пачки денег. Сунул пачку, толщиной в дюйм, Питеру Марлоу, другую такой же толщины, запихал в свои собственные карманы, опрометью бросился к карточному столу, где раздал каждому игроку по пачке денег, которые они засунули в карманы. Потом швырнул остаток на стол, подтянул себе стул и присоединился к игре.

— Давайте, сдавайте, ради Бога, — приказал он.

— Хорошо, хорошо, — сказал Макс. — Пять карт. — Он вытащил сто долларов. — Ставлю сотню.

— Ставлю две, — вступил Текс, сияя улыбкой.

— Принял!

Они все включились в игру, веселые и довольные, и Макс снял первые две карты и открыл туза.

— Ставлю четыре сотни!

— Твои четыре и еще четыре, — сказал Текс, который открыл тройку, ничего не имея в прикупе.

— Принял, — согласился Кинг. Оторвавшись от карт, он увидел стоящего в дверях Грея. Между Брафом и Йошимой. За Йошимой стоял Шагата и еще один охранник.

Глава 23

— Встать у своих коек, — приказал Браф. Лицо его было холодным и напряженным.

Кинг бросил убийственный взгляд на Макса, который в этот вечер был часовым. Макс провалил задание. Он сказал «копы» и не заметил японцев. Если бы он сказал «япошки», нужно было действовать по-другому.

Питер Марлоу постарался встать. От этого усилия тошнота усилилась. Он доковылял до стола Кинга и прислонился к нему.

Йошима смотрел на разбросанные по столу деньги. Браф уже заметил их и поморщился. Грей тоже заметил деньги, и пульс его участился.

— Откуда деньги? — спросил Йошима.

Наступила бесконечная тишина.

Потом Йошима заорал.

— Откуда деньги?

У Кинга внутри все оборвалось. Он видел Шагату и видел, что Шагата нервничает. Кинг понял, что находится на волоске от Утрам Роуд.

— Деньги выиграны в карты, сэр.

Йошима пересек хижину и остановился перед Кингом.

— Не с черного рынка? — спросил он.

— Нет, сэр, — ответил Кинг, выдавливая улыбку.

Питер Марлоу почувствовал, как тошнота все ближе подкатывает к горлу. Он пошатнулся и почти упал: перед глазами все поплыло.

— Могу я сесть? Пожалуйста... — попросил он.

Иошима посмотрел в его сторону и заметил нарукавную повязку.

— Что здесь делает английский офицер? — Он был удивлен, поскольку осведомители докладывали, что с американцами дружат очень немногие.

— Я... просто... зашел в гости... — Однако Питер Марлоу продолжать не смог. — Извините... — он нетвердой походкой бросился к окну, и его вырвало.

— Что с ним? — спросил Иошима.

— Думаю... думаю это лихорадка, сэр.

— Ты, — приказал Иошима Тексу, — посади его на тот стул.

— Есть, сэр, — сказал Текс.

Иошима снова посмотрел на Кинга.

— Откуда столько денег, если не с черного рынка, — спросил он вкрадчиво.

Кинг чувствовал взгляды, направленные на него, чувствовал устрашающее молчание, чувствовал тяжесть в желудке и чувствовал Шагату около дверей. Он прокашлялся:

— Просто мы... мы копили деньги для игры.

Рука Иошимы звонко ударила Кинга по лицу, заставив его отшатнуться.

— Лжец!

Удар на самом деле не был болезненным, но в то же время он прозвучал как смертный приговор. «Бог мой, — подумал Кинг, — я покойник. Удача отвернулась!»

— Капитан Иошима. — Браф зашагал по хижине. Он понимал — вмешиваться бесполезно, от этого будет только хуже, но обязан был рискнуть.

— Заткнись! — бросил Иошима. — Этот человек лжет. Все об этом знают. Вонючий янки!

Иошима повернулся спиной к Брафу и посмотрел на Кинга.

— Дай мне твою флягу.

Кинг как во сне снял флягу с полки и протянул ее Иошиме. Японец вылил воду, потряс флягу и заглянул в нее. Потом швырнул ее на пол и двинулся к Тексу.

— Дай мне твою флягу.

Рвотный спазм снова подкатывался к горлу Питера Марлоу. «Что делать с флягами? — кричал его мозг. — А что, если Мака и Ларкина обыщут? И что будет, если Йошима попросит мою флягу?» — Давясь и шатаясь, он пошел к окну.

Йошима методично проверил все фляги в хижине. Наконец остановился напротив Питера Марлоу.

— Покажи твою флягу.

— Я... — начал Питер Марлоу, и его снова затошнило, у него подогнулись колени, говорить он не мог.

Йошима повернулся к Шагате и что-то со злостью сказал по-японски.

— Есть, — ответил Шагата.

— Ты! — Йошима показал на Грея. — Иди с этим человеком и с охранником и принеси его флягу.

— Слушаюсь!

— Извините, сэр, — быстро вмешался Кинг, — но его фляга здесь.

Кинг быстро залез под свою кровать и вытащил запасную флягу, которую он хранил на черный день.

Йошима взял флягу. Она была очень тяжелая. Достаточно тяжелая для того, чтобы вместить приемник или его части. Он вытащил пробку и перевернул флягу. Оттуда посыпался поток рисовых зерен. Он сыпался до тех пор, пока фляга не опустела. Радио внутри не было.

Йошима отшвырнул флягу.

— Где радио? — заорал он.

— Нет никакого... — начал было Браф, моля Бога о том, чтобы Йошима не спросил его, почему англичанин, пришедший в гости, положил свою флягу под кровать.

— Заткнись.

Йошима и охранник обыскали хижину и убедились, что в ней больше нет фляг, потом Йошима еще раз осмотрел фляги.

— Где фляга, в которой спрятано радио? — орал он. — Я знаю, что она здесь. Что она у одного из вас. Где она?

— Здесь нет радио, — повторил Браф. — Если хотите, мы все в хижине перевернем вверх дном.

Иошима понял, что информация ошибочна. На этот раз ему не доложили, где тайник. Известно, что приемник спрятан во фляге или во флягах, и сегодня вечером один из людей, которому принадлежала фляга, будет в хижине американцев. Его глаза обшаривали присутствующих. Кто из них? Конечно, он мог всех обитателей хижины отправить в караульное помещение, но это ничего бы не дало. Генерал не любил неудачи. А без радио... Итак, на этот раз он проиграл. Он повернулся к Грею.

— Поставьте в известность коменданта лагеря — все фляги конфискуются. Они должны быть доставлены в караульное помещение сегодня вечером!

— Есть, сэр, — сказал Грей. Глаза фанатично горели на его лице.

Иошима понимал, что, пока охранники будут собирать фляги по всему лагерю, владельцы фляг с радио успеют закопать или спрятать их. Но это не страшно. Рано или поздно место тайника придется менять, а это не укроется от внимательных глаз. Кто бы мог подумать, что радио можно спрятать внутри фляги?

— Свиньи, янки, — прорычал он. — Вы считаете себя такими умными. Такими сильными. Такими большими. Хорошо, запомните. Даже если эта война будет длиться сто лет, мы разобьем вас. Неважно, что вы разбили немцев. Мы сможем сражаться в одиночку. Вы никогда не победите нас, никогда. Вы можете убить многих из нас, но мы убьем в сто раз больше. Вы никогда не завоюете нас — мы терпеливы и не боимся смерти. Даже если потребуется двести лет — мы в конце концов уничтожим вас.

Закончив страстный монолог, он стремительно выскочил из хижины.

Браф обратился к Кингу:

— Предполагалось, что вы не будете зевать и не позволите этому японскому ублюдку и охранникам войти в хижину, когда здесь столько денег. Надо проверить, все ли у вас в порядке с головой.

— Так точно, сэр. Совершенно с вами согласен.

— И еще одно. Где бриллиант?

— Какой бриллиант, сэр?

Браф сел.

— Меня вызвал к себе полковник Смедли-Тейлор и сообщил, что, по данным капитана Грея, у вас есть кольцо с бриллиантом, которого у вас быть не должно. У вас и у капитана авиации Марлоу. Конечно, при любом обыске я обязан присутствовать. И у меня нет возражений против того, чтобы капитан Грей произвел обыск, поскольку я здесь. Мы только собрались мчаться сюда, задрав хвост, как ворвался Йошима вместе с охранниками и начал квакать, что собирается обыскать эту хижину. Предполагалось, что у одного из вас есть радиоприемник во фляге — какой сумасшедший мог это сделать? Грей и мне приказали идти вместе с ним.

Теперь, когда обыск был позади, он благодарил Бога, что никакой фляги здесь не нашлось. Но он понял, что Питер Марлоу и Кинг участвовали в деле с приемником. Зачем бы тогда Кинг стал притворяться, что американская фляга принадлежит англичанину!

— Хорошо, — сказал Браф Кингу, — раздевайтесь. — Вас подвергнут обыску. И вашу койку, и ваш черный ящик. — Он повернулся к остальным. — Вы, парни, сидите тихо и продолжайте играть. — Он снова посмотрел на Кинга. — Может быть, вы сами хотите отдать бриллиант?

— Какой бриллиант, сэр?

Кинг начал раздеваться. Браф подошел к Питеру Марлоу.

— Могу я чем-нибудь помочь вам, Пит?

— Немного воды.

— Текс, — приказал Браф, — принеси воды. — Потом снова обратился к Питеру Марлоу:

— Вы ужасно выглядите, в чем дело?

— Просто... лихорадка... чувствую себя ужасно. — Питер Марлоу лег на кровать Текса и выдавил из себя слабую улыбку. — Этот проклятый япошка до смерти перепугал меня.

— Меня тоже.

Грей проверил одежду Кинга, черный ящик, полки, пакет с кофейными зернами. Но бриллианта так и не нашел.

— Марлоу! — Грей встал перед ним.

Глаза Питера Марлоу были налиты кровью, он плохо видел.

— Да?

— Я хочу обыскать вас.

— Послушайте, Грей, — вмешался Браф. — Вы имеете право проводить здесь обыск в моем присутствии. Но у вас нет прав...

— Ничего, — отозвался Питер Марлоу. — Я не возражаю. Если я откажусь... он только... подумает... Дайте мне руку.

Питер Марлоу снял саронг, бросил его и пачку денег на кровать.

Грей тщательно проверил подол и сердито отбросил саронг в сторону.

— Где вы взяли эти деньги?

— Выиграл, — объяснил Питер Марлоу, забирая саронг.

— Ты, — рявкнул Грей на Кинга. — Что ты можешь сказать об этом? — Он протянул еще несколько толстых пачек денег.

— Выиграл в карты, сэр, — невинно сказал Кинг, одеваясь, и Браф подавил улыбку.

— Где бриллиант?

— Какой бриллиант, сэр?

Браф встал и подошел к столу, где лежали карты.

— Похоже, здесь нет никакого бриллианта.

— Тогда откуда взялись все эти деньги?

— Человек говорит, что деньги выиграны в карты. Нет закона, который запрещает играть в карты. Я, конечно, тоже не одобряю азартные игры, — добавил он с тонкой улыбкой, не отрывая глаз от Кинга.

— Вы знаете, что это невозможно, — возразил Грей.

— Это не правдоподобно, если вы это имеете в виду. — Ему было жаль Грея с его глазами, излучающими смерть, дергающимся ртом и беспомощными руками, жаль его. — Вы хотели произвести здесь обыск, и вы его провели, но бриллианта здесь нет.

Он замолчал. Питер Марлоу, пошатываясь, поплелся к выходу. Кинг подхватил его в тот момент, когда Питер стал падать.

— Эй, я помогу ему, — сказал Кинг. — Лучше я отведу Питера в его хижину.

— Вы останетесь здесь, — приказал Браф. — Грей, может быть, вы поможете ему?

— Не огорчусь, если он умрет. — Глаза Грея переместились на Кинга. — Тебе желаю того же, но не раньше, чем поймаю тебя. А я это сделаю.

— Если вам удастся, я приговорю его к самому строгому тюремному заключению. — Браф посмотрел на Кинга. — Верно?

— Да, сэр.

Браф снова посмотрел на Грея.

— Но пока вы не нашли ничего против него и пока он не нарушил моих приказов!

— Прикажете ему прекратить заниматься спекуляцией.

Браф сдержался.

— Сделаю все что угодно, лишь бы вы были спокойны, — сказал он, почувствовав презрение своих подчиненных. Но он улыбался в душе. Сукины дети.

— Вы, — сказал он Кингу. — Вам приказано прекратить заниматься спекуляцией. Насколько я понимаю, под спекуляцией понимается продажа еды и вещей, всего чего угодно вашим соседям с целью получения прибыли. Вы не должны продавать ради прибыли.

— Участие в контрабанде — это тоже спекуляция.

— Капитан Грей, продажа с целью получения прибыли или даже кража у врага не является спекуляцией. Мелочная торговля не принесет никакого вреда.

— Но это — нарушение приказов!

— Японских приказов! Я не признаю приказы врага. А они для нас враги. — Браф решил кончать с этой чепухой. — Никакой спекуляции. Это приказ.

— Вы, американцы, все заодно, должен вам заметить.

— Не надо начинать все сначала. На сегодняшний вечер мне достаточно одного Йошимы. Никто здесь не спекулирует и не нарушает никаких законов, насколько мне известно. Сейчас давайте покончим с этим. Если я поймаю кого-нибудь на воровстве, продаже еды или лекарств с целью наживы, сам оторву

тому руку и засуну ее в глотку. Я здесь старший по званию американский офицер, это мои люди и таковы мои распоряжения. Ясно?

Грей уставился на Брафа и пообещал себе, что будет следить и за ним. Отвратительный народ, отвратительные офицеры. Он развернулся и гордо удалился.

— Помоги Питеру добраться до койки, Текс, — приказал Браф.

— Конечно, Дон.

Текс взял Марлоу на руки и ухмыльнулся Брафу.

— Легкий, как ребенок, сэр, — сказал он и вышел с англичанином на руках.

Браф бросил взгляд на деньги, разбросанные по столу.

— Да, — заявил он, качая головой, обращаясь как бы к самому себе, — игра в карты — плохое дело. Чертовски плохое. — Он взглянул на Кинга и ласково сказал:

— Я не одобряю азартные игры, а вы?

«Будь начеку, — насторожился Кинг, — у Брафа появился придирчивый офицерский взгляд. Я всегда чувствую этот чертов взгляд, он сулит неприятности».

— Ну, — ответил Кинг, предлагая Брафу сигарету и давая ему прикурить, — все зависит от того, как смотреть на эти вещи.

— Спасибо. Ничего нет лучше фабричной сигареты. — Глаза Брафа изучали Кинга. — А как вы смотрите на это, капрал?

— Если выигрываю, это выглядит привлекательно. Если проигрываю, то не очень, — и добавил, про себя: «Сукин ты сын, что, черт побери, у тебя на уме?»

Браф хмыкнул и посмотрел на пачки банкнот. Задумчиво покачивая головой, он потрогал банкноты и подержал одну из пачек в руке. Перед ним лежала целая куча денег.

— Похоже, в этом заведении выигрывают все, — задумчиво проговорил он, не обращаясь ни к кому конкретно.

Кинг промолчал.

— Ты мог бы пожертвовать часть этих денег.

— А?

— Да, черт побери! — Браф поднял пачку, — Примерно вот столько. Внести в этот чертов общий котел. Для офицеров и рядовых.

Кинг простонал. Большая часть от четырехсот долларов.

— Господи, Дон...

— Игра в карты — плохая привычка. Как и сквернословие, черт побери. Ты играешь в карты, можешь проиграть эти деньги, и тогда что? А пожертвование сохранит твою душу для более полезных дел.

«Торгуйся, дурак, — твердил себе Кинг. — Договорись на половине».

— Вот здорово, я бы с радостью...

— Отлично. — Браф обратился к Максу. — Ты тоже. Макс.

— Но, сэр... — горячо начал Кинг.

— Ты уже высказался.

Макс старался не смотреть на Кинга, а Браф подначивал:

— Это хороший поступок. Макс. Ты посмотри на него. Хороший парень. Он уже сделал пожертвование, почему ты не можешь последовать его примеру, черт побери?

Браф забрал три четверти от каждой стопки банкнот и быстро пересчитал деньги. Прямо перед ними. Кингу оставалось только сидеть и смотреть.

— Это составляет десять баксов на человека в неделю в течение шести недель, — объявил Браф. — День выплаты денежного содержания — четверг. Ах, да. Макс! Собери все фляги и отнеси их в караулку. Прямо сейчас! — Он запихал деньги в карман и пошел к выходу. У дверей его осенила мысль. Он снова вынул деньги из кармана и вытащил одну пятидолларовую бумажку. Глядя на Кинга, он швырнул ее в центр стола.

— На похороны. — Улыбка его была ангельской. — Спокойной вам ночи, парни!

По всему лагерю собирали фляги.

Мак, Ларкин и Питер Марлоу сидели в бараке. На кровати около Питера Марлоу лежали их фляги.

— Можно вытащить из них радио и выбросить корпуса в выгребные ямы, — предложил Мак. — Сейчас эти чертовы фляги будет трудно спрятать.

— Зачем возиться с радио, можно выбросить и не разбирая, — возразил Ларкин.

— Вы и вправду хотите это сделать, полковник? — спросил Питер Марлоу.

— Нет, приятель. Но я предложил, а мы должны обсудить, что нам делать.

Мак взял одну из фляг.

— Возможно, они вернут остальные через день-другой. Мы не можем спрятать содержимое фляг лучше, чем оно спрятано сейчас. — Он посмотрел на них и злобно сказал:

— Какая же сволочь узнала о флягах?

И они невольно посмотрели на фляги.

— Пора слушать новости! — сказал Питер Марлоу.

— Да, приятель, — ответил Мак и посмотрел на Ларкина.

— Согласен, — ответил тот.

* * *

Кинг еще не спал, когда в окне показался Тимсен.

— Эй, приятель!

— Да?

Тимсен держал пачку банкнот.

— Мы нашли те десять кусков, которые ты заплатил.

Кинг вздохнул, открыл черный ящик и выдал Тимсену то, что ему причиталось.

— Спасибо, приятель, — ухмыльнулся Тимсен. — Слышал, у тебя была стычка с Греем и Йошимой?

— Ну и что?

— Ничего. Просто жаль, что Грей не нашел камня. Я бы не хотел оказаться на твоём месте или на месте Пита. Черт, нет, не хотел. Очень опасно, верно?

— Пошел к дьяволу, Тимсен.

Тимсен рассмеялся.

— Просто дружеское предупреждение, верно? Ах, да... Первая партия сетки — под хижиной, хватит для ста или больше клеток. — Он отсчитал сто двадцать долларов. — Я продал первую партию по тридцать долларов за ногу. Вот твоя доля — пятьдесят на пятьдесят.

— Кто их взял?

— Только мои друзья, — подмигнул Тимсен. — Спокойной ночи, приятель.

Кинг рассмеялся и проверил, плотно ли сетка подоткнута под матрас. Он чувствовал опасность. Он знал, что в деревню он пойдет не раньше, чем через два дня. Теперь за ним будет следить множество глаз, следить и выжидать. Этой ночью сон Кинга был тревожным. Весь следующий день он провел в хижине, окруженный телохранителями.

После завтрака был произведен неожиданный обыск на территории, где стояли бараки. Охранники трижды осматривали крохотные комнатухи.

Ночью Мак прокрался в уборные и вытащил три фляги, которые болтались на бечевке в одной из выгребных ям. Он очистил их, принес домой. Он, Ларкин и Питер Марлоу слушали новости, стараясь запомнить подробности. Он не стал относить фляги обратно в тайник. Он был осторожным человеком, он знал, что за ним следят. Но они втроем решили не прятать больше фляги и не впадать в отчаяние. Они знали, что скоро их поймают.

Глава 24

Кинг торопливо шел через джунгли. Подходя к лагерю, он со всеми предосторожностями добрался до места напротив хижины американцев. Он лежал на земле и позевывал, дожидаясь момента, чтобы проскочить через тропинку, пробраться под проволокой и оказаться в своей хижине. Деньги за бриллиант оттопыривали его карман.

В деревню он пошел один. У Питера Марлоу не было сил, чтобы идти вместе с ним. Кинг встретился с Чен Сеном и отдал ему бриллиант. Потом они устроили празднество, он навестил Кассе, которая обрадовалась ему.

Рассвет окрашивал новый день, когда Кинг прошмыгнул под проволокой и добрался до хижины. Собираясь лечь в кровать, Кинг заметил, что нет его черного ящика.

— Сукины вы дети! — завопил он. — Вам нельзя доверить даже эту чертову вещь!

— Чтоб мне провалиться, — откликнулся Макс. — Он был здесь несколько часов назад. Я видел, когда ходил в уборную.

— Где же сейчас ящик, черт его побери?

Но никто из мужчин ничего не видел и не слышал.

— Приведи Семсена и Брента, — приказал Кинг Макс.

— Господи, — запротестовал Макс, — еще рановато.

— Я сказал — приведи их!

Через полчаса появился полковник Семсен, мокрый от страха.

— В чем дело? Вы же знаете, меня не должны здесь видеть.

— Какой-то сукин сын украл мой ящик. Вы должны помочь мне найти того, кто это сделал.

— Как я могу...

— Мне наплевать, — оборвал его Кинг. — Просто слушайте, что говорят офицеры. Вы не получите монеты до тех пор, пока я не узнаю, кто это сделал.

— Но, капрал, я ничего не знаю.

— Как только вы мне сообщите, кто это сделал, еженедельные выплаты начнутся снова. Сейчас проваливайте.

Через несколько минут появился полковник Брент и получил такой же нагоняй. Затем Кинг приготовил себе завтрак, а в это время обитатели его хижины прочесывали лагерь. Когда он кончил есть, в хижину вошел Питер Марлоу. Кинг рассказал ему о краже черного ящика.

— Все, как на грех, свалилось сразу, — посетовал Питер Марлоу.

Кинг кивнул, подмигивая.

— Неважно. Я получил оставшуюся часть у Чен Сена, поэтому у нас много денег. Просто я хотел на некоторое время расслабиться. Парни распустились, а это вопрос принципиальный.

Затем он протянул Питеру Марлоу небольшую пачку денег.

— Вот ваша доля за бриллиант.

Питеру Марлоу позарез нужны были деньги. Но он покачал головой.

— Оставьте их себе. Я вам должен гораздо больше, чем смогу когда-нибудь отдать. И вы платили еще за лекарство.

— Хорошо, Питер. Но мы по-прежнему партнеры.

— Конечно. — Питер Марлоу улыбнулся.

Открылся люк, и в помещение влез Курт.

— Пока семьдесят, — объявил он.

— Что? — спросил Кинг.

— Сегодня «день Би».

— Черт, — ругнулся Кинг. — Я совсем позабыл об этом.

— Точно также, как я помню об этом, точно? Я зарублю еще десяток через несколько дней. Нет надобности кормить самцов. Там есть пять или шесть достаточно здоровых!

Кинга затошнило, но он согласился:

— Ладно. Я передам Тимсену.

Курт ушел. Питер Марлоу сказал Кингу:

— Думаю, мне не надо приходить сюда несколько дней. Так будет лучше. Мы больше не можем прятать приемник. Мы решили не выходить из хижины.

— Вы идете на самоубийство! Избавьтесь от этой чертовой штуки, вы же на крючке. Если будут допрашивать, все отрицайте.

— Мы думали об этом, но наш приемник — единственный, который остался в лагере. Мы хотим сохранить его как можно дольше. Но нас скоро засекут, это точно.

— Лучше позаботьтесь о себе, дружище.

Питер Марлоу улыбнулся.

— Да, я знаю. Вот почему я не буду приходить сюда некоторое время. Не хочу втягивать вас в эти дела.

— Что вы собираетесь делать, если Йошима начнет подбираться к вам?

— Сбегу.

— Господи, куда?

— Это лучше, чем просто сидеть и ждать.

Дино, который был в карауле, сунул голову в дверь.

— Извините, но сюда идет Тимсен.

— О'кей, — кивнул Кинг. — Я встречу с ним.

Он опять обратился к Питеру Марлоу:

— Это ваша голова, Питер. Мой вам совет, бросьте это дело.

— Хотел бы, но мы не можем.

Кинг понял, что тут он ничего не может сделать.

— Привет, приятель, — появился Тимсен с искаженным от гнева лицом.

— Слышал, тебе здорово не повезло, верно? Я точно знаю, что мне нужны новые сторожевые псы.

— И тебе и мне, обоим! — яростно взорвался Тимсен. — Воры спрятали твой черный ящик под моей чертовой хижинкой. Под моей хижинкой!

— Что?

— Именно так. Он там, под моей хижинкой, без единого пятнышка. Сволочи, вот что это такое! Ни один австралиец не украл бы ящик, чтобы потом свалить его под моей хижинкой. Нет, сэр. Должно быть, это англичане или янки.

— Кто?

— Не знаю. Но моих парней там точно не было. Честное слово.

— Я верю. Но ты можешь пустить слух, что назначено вознаграждение в тысячу баксов тому, кто представит доказательства о мерзавце, который украл мой ящик. — Кинг полез под подушку и намеренно вытащил пачку денег, что отдал Чен Сен при завершении сделки. Он отсчитал триста долларов и протянул их Тимсену, который широко раскрытыми глазами смотрел на толстую пачку. — Мне нужен сахар, кофе, масло — может быть, еще один или два кокосовых ореха. Ты ускоришь это?

Тимсен взял деньги, не отрывая глаз от оставшейся части.

— Ты завершил дело, верно? Честное слово, я не верил, что ты сможешь это сделать! Но ты сделал, верно?

— Конечно, — беспечно сказал Кинг. — Я заработал достаточно, чтобы прожить месяц или два.

— Целый год, приятель, — пробормотал ошеломленный Тимсен. Он медленно пошел к выходу, потом оглянулся и внезапно рассмеялся. — Тысячу, говоришь? Я думаю, это подействует.

— Да, — согласился Кинг. — Это вопрос времени.

Через час известие о вознаграждении распространилось по лагерю. Тысячи глаз стали смотреть на мир с новым интересом. Уши ловили шепот ветра. Люди копались в памяти, думали, думали... Тысяча ждала счастливого случая.

Той ночью, проходя по лагерю, Кинг, как никогда раньше, чувствовал на себе ненавистные, завистливые и напряженные взгляды. От этого ему становилось радостно и даже больше, чем радостно. Он знал, что теперь всем известно — у него есть толстая пачка денег. Таких денег нет ни у кого, он единственный, кто действительно заработал эти деньги.

Семсен искал встречи с ним, и Брент искал, и многие другие. И хотя ему было отвратительно их раболепие, однако это доставляло невыразимое удовольствие, ведь впервые они унижались публично. Он прошел мимо хижины военной полиции, и даже Грей, стоявший снаружи, ответил на его четко отданное приветствие, не остановил, не обыскал. Кинг улыбнулся про себя, зная, что даже Грей думает о пачке денег и о вознаграждении.

Ничего не могло сейчас задеть Кинга. Пачка денег была гарантом его безопасности, жизни и силы. А она была только у него.

Глава 25

На этот раз Йошима подкрался тихо и быстро. Он явился в лагерь не как обычно, по дороге, а в сопровождении охранников пролез через проволоку, и когда Питер Марлоу заметил первых охранников, барак уже был окружен, и бежать было некуда. Мак сидел под противомоскитной сеткой, слушая новости, когда Йошима ворвался в барак.

Питера Марлоу, Ларкина и Мака загнали в один угол. Потом Йошима взял наушник и послушал. Радио все еще работало, и он услышал конец передачи последних известий.

— Очень ловко, — одобрил он, откладывая наушник. — Назовите, пожалуйста, ваши имена.

— Я полковник Ларкин, майор Маккой, капитан авиации Марлоу, — представил всех Ларкин.

Йошима улыбнулся.

— Хотите закурить? — он предложил пачку «Куа».

Каждый из них взял по сигарете и прикурил у Йошимы. Курили в молчании.

— Отключите радио и идите со мной.

Пальцы Мака дрожали, когда он наклонился над приемником. Он нервно оглянулся, когда из ночи возник другой японский офицер. Он взволнованно шептал что-то на ухо Йошимуе. Минуту тот смотрел на него, потеряв дар речи, потом рывкнул на охранника, стоявшего у дверей, и торопливо ушел вместе с офицером и остальными охранниками.

— В чем дело? — спросил Ларкин, не спуская глаз с охранника, который держал их под прицелом винтовки.

Мак стоял около кровати над приемником. Колени его тряслись, он едва дышал. Справившись с волнением, он хрипло сказал:

— Мне, кажется, я знаю. Это из-за новостей. У меня не было времени рассказать вам. Мы... мы сделали новую бомбу. Атомную. Вчера в девять пятнадцать утра ее сбросили на Хиросиму. Весь город уничтожен. Сказали, что число жертв измеряется сотнями тысяч — мужчины, женщины и дети!

— О, Господи!

Ларкин сел. Часовой не ожидал такого нахальства и чуть было не спустил курок. Мак крикнул ему по-малайски:

— Подожди, он ведь просто сел!

— Все садитесь! — прокричал часовой в ответ, ругая их по-малайски. Они выполнили приказ. Тогда он примирительно сказал:

— Вы, придурки! Осторожнее, когда двигаетесь — я отвечаю за вас. Оставайтесь там, где сидите. И не двигайтесь! Я буду стрелять без предупреждения.

Они сидели молча. Через некоторое время сон сморил их. Они спали беспокойным некрепким сном под резким светом электрической лампочки, отгоняя moskitov.

На рассвете часового сменили. Трое друзей по-прежнему сидели в хижине. Мимо барака по тропинке ходили люди, но они старались не смотреть в их сторону и держались подальше от хижины.

День под знойным небом был унылым. Он тянулся долго. Бесконечно долго по сравнению с обычным днем.

В полдень они увидели, как к часовому подошел Грей и отдал ему честь. В руках он держал два котелка.

— Можно дать им? — Он открыл котелки и показал часовому еду.

Тот пожал плечами и кивнул головой.

Грей пересек веранду и поставил еду на входе. Глаза его покраснели, а взгляд пронизывал арестованных.

— Извините, еда холодная.

— Пришли позлорадствовать, Грей, старина? — сказал в ответ Питер Марлоу с невеселой улыбкой.

— Мне не доставляет удовольствия видеть вас арестованными. Да, я хотел поймать вас, но за нарушение законов. Но вас арестовали за то, что вы рисковали жизнью ради нас. Вам просто чертовски везет, ведь вы уходите в сиянии славы.

— Питер, — прошептал Мак, — отвлеките часового.

Питер Марлоу встал и быстро прошел к выходу. Он отдал честь часовому и попросил разрешения пройти в уборную. Часовой показал на землю около барака. Питер Марлоу присел на корточки в грязи и облегчился, ненавидя себя зато, что делает это на виду у всех. Хорошо, что ему не пришлось делать это в хижине!

Пока часовой следил за Питером Марлоу, Мак шепотом пересказывал новости Грею, который побледнел от страха. Грей встал, кивнул Питеру Марлоу и отдал честь часовому. Тот указал на кучу, покрытую мухами, и приказал Грею вернуться с ведерком и прибраться.

Грей передал новости Смедли-Тейлору, который шепотом рассказал остальным. Вскоре все в Чанги знали (задолго до того, как Грей нашел ведерко, убрал кучу и поставил для них другое ведерко).

Смертельный ужас парализовал лагерь. Ужас перед ответными мерами.

* * *

На закате часового сменил Шагата. Питер Марлоу пытался заговорить с ним, но тот молча загнал его штыком в комнатушку.

— Я не могу говорить с тобой. Ты был пойман с радио, которое запрещено. Я пристрелю даже тебя, если один из вас попытается сбежать. Я не хочу стрелять в тебя. — И он повернулся спиной к двери.

— Честное слово, — сказал Ларкин. — Я хотел, чтобы они нас кончили прямо сразу.

Мак поглядел на Шагату.

— Сэр, — сказал он, показывая на свою кровать, — я прошу тебя сделать мне одолжение. Можно мне отдохнуть, пожалуйста? Я мало спал ночью.

— Конечно. Отдыхай, пока у тебя есть время, старик.

— Благодарю тебя. Да будет мир с тобой.

— И с тобой тоже.

Мак подошел к кровати и лег. Он положил голову на подушку.

— Радио все еще подключено к сети, — сообщил он, стараясь говорить спокойно. — Это музыкальная передача. Я хорошо слышу.

Ларкин увидел наушник около головы Мака и неожиданно рассмеялся. Они все начали смеяться. Шагата направил на них винтовку.

— Хватит, — закричал он, напуганный смехом.

— Извини, — попросил Питер Марлоу. — Это нервное, ведь мы стоим на краю вечности.

— Вы действительно стоите на краю могилы. Нужно быть полным дураком, чтобы пойти на нарушение закона. Но я надеюсь, что у меня хватит мужества смеяться, когда придет мое время. — Он бросил в комнату пачку сигарет.

— Держи! Мне жаль, что тебя поймали.

— Я огорчен этим не меньше, — ответил Питер Марлоу.

Он поделил сигареты и взглянул на Мака.

— Что за концерт?

— Бах, паренек, — Мак с трудом боролся с приступом истерического смеха. Он ближе пододвинулся к наушнику. — Заткнитесь сейчас же. Мне хочется послушать музыку.

— Может быть, нам стоит меняться, — предложил Ларкин. — Хотя мне совсем не хочется слушать Баха.

Питер Марлоу докурил сигарету и вежливо поблагодарил Шагату.

Над ведром с неплотной крышкой роились мухи. В полдень прошел дождь. Потом снова вышло солнце, и за несколько минут опять стало жарко.

Кинг прошел вдоль ряда бараков, чувствуя на себе взгляды. Напротив барака обреченных он остановился.

— Табе, Шагата-сан, — окликнул он. — Ичи-бон день, нет? Могу я поговорить со своим ичи-бон, другом?

Шагата непонимающе уставился на него.

— Он просит разрешения поговорить со мной, — перевел Питер Марлоу.

Шагата секунду подумал, потом кивнул.

— Из-за денег, которые я заработал на продаже, я позволю тебе говорить. — Он обратился к Питеру Марлоу. — Если ты дашь мне слово, что не попытаешься бежать.

— Обещаю.

— Быстрее. Я буду следить. — Шагата встал так, чтобы ему была видна дорога.

— Ходят слухи, что охранники собираются в караулке, — начал Кинг нервно. — Будь я проклят, если засну сегодня ночью. Эти сволочи могут перебить нас ночью. — Его губы пересохли, он весь день всматривался в джунгли за проволокой, надеясь, что партизаны подадут знак, после которого можно бежать. Но знака не было.

— Послушайте. — Он понизил голос и рассказал им о своем плане. — Когда начнется бойня, кончайте часового и прорывайтесь поближе к нашей хижине. Я постараюсь обеспечить отход для вас троих, но не очень-то надейтесь.

Потом встал, кивнул Шагате и ушел. В хижине американцев был собран военный совет. Он рассказал о своем плане, но промолчал, конечно, что уйти могут только десять человек. Они обсудили план и решили ждать.

— Делать нечего, — подытожил Браф их общие страхи. — Если попытаемся прорваться сейчас, нас просто перестреляют.

В эту ночь спали только очень больные. Или те, кто решил отдать себя в руки Господа или судьбы. Дейв Девен спал.

— Они сегодня привезли Дейва обратно из Утрам Роуд, — прошептал Грей арестованным, когда принес ужин.

— Как он? — спросил Питер Марлоу.

— Весит всего семьдесят фунтов.

Девен проспал эту ночь и весь следующий переполненный страхом день. Он умер в коме, когда Мак слушал голос комментатора новостей:

«Вторая атомная бомба уничтожила Нагасаки. Президент Трумэн предъявил последний ультиматум Японии — безоговорочная капитуляция или полное уничтожение».

Рабочие команды вышли на следующий день на работу, но вскоре вернулись. Лагерь продолжал получать продовольствие. Семсен публично отвечивал продукты и выкраивал лишние нормы для тех, кто поставил его отвечать за склад. На складе и кухнях по-прежнему был двухдневный запас продуктов, и по-прежнему готовилась еда, и по-прежнему роились мухи, и ничего не менялось.

Клопы кусались, москиты жалили, крысы вскармливали свое потомство. Умерло несколько человек. В палату номер шесть поступило несколько новых пациентов.

Еще день, еще ночь и еще день. Потом Мак услышал святые слова:

«Говорит Калькутта. Радио Токио только что объявило о безоговорочной капитуляции японского правительства. Через три года и двести пятьдесят дней с тех пор, как японцы напали на Перл-Харбор, война кончилась. Боже, храни короля».

Скоро об этом узнали все в Чанги. И эти слова стали частью земли, неба, стен и камер Чанги.

И все же в течение еще двух дней и двух ночей ничего не менялось. На третий день комендант лагеря прошел вдоль бараков с Аватой, японским сержантом.

Питер Марлоу, Мак и Ларкин увидели приближающихся японцев. Они умирали с каждым их шагом. Они сразу поняли, что пришло их время.

Глава 26

— Жаль, — сказал Мак.

— Да, — ответил Ларкин.

Окаменевший Питер Марлоу молча смотрел на Авату.

На лице коменданта лагеря лежал отпечаток сильной усталости, но плечи были расправлены, а шаг тверд. Он как всегда был аккуратно одет, левый рукав его рубашки был заткнут за пояс, на ногах деревянные сандалии, голову украшала

высокая фуражка, от долгого пребывания в тропической жаре ставшая серо-зеленой. Он поднялся по ступенькам на веранду и нерешительно замялся в дверях.

— Доброе утро, — хрипло поздоровался он, когда арестованные встали.

Авата гортанно сказал что-то часовому. Тот поклонился и встал рядом с ним. Еще один отрывистый приказ, и двое мужчин вскинули на плечи винтовки и ушли.

— Все закончилось, — хрипло выговорил комендант. — Берите приемник и следуйте за мной.

Они оцепенело выполнили приказ и вышли из комнаты на солнце. Было приятно снова увидеть солнце и подышать свежим воздухом. Они прошли по улице вслед за комендантом лагеря, под взглядами потрясенных обитателей Чанги.

В кабинете коменданта лагеря их ждали шесть полковников и Браф. Все отдали честь прибывшим.

— Вольно, — сказал комендант, ответив на приветствие. Потом обратился к арестованным:

— Садитесь. Мы в долгу перед вами и выражаем вам признательность!

Ларкин дрожащим голосом спросил:

— Она и вправду кончилась?

— Да. Я только что видел генерала. — Комендант лагеря оглядел присутствующих. — Генерал был с Иошимой. Я сказал: «Война кончилась». Генерал молчал и пристально смотрел на меня, пока Иошима переводил. Я ждал ответа, но он молчал. Я повторил: «Война кончилась. Я требую вашей капитуляции». — Комендант лагеря потер лысину. — Я не знал, что еще сказать. Генерал продолжал молча смотреть на меня. Иошима тоже безмолвствовал.

Потом генерал заговорил, а Иошима стал переводить: «Да, война закончена. Возвращайтесь в лагерь. Я приказал снять охрану лагеря. Теперь они будут охранять вас от любого, кто силой попытается войти в лагерь, чтобы перебить вас. Они будут делать это до получения мной дальнейших приказов. Вы по-прежнему несете ответственность за дисциплину в лагере».

Я не знал, что ответить. Попросил его удвоить рацион и дать нам лекарства — это первое, что пришло мне в голову. На это он ответил: «С завтрашнего дня рационы будут удвоены. Вы получите лекарства. К сожалению, их у нас

немного. Но вы несете ответственность за дисциплину. Мои охранники будут защищать вас от любого, кто захочет убить вас». — «Кто они?» — спросил я. Генерал пожал плечами: «Ваши враги. Встреча закончена».

— Черт побери, — воскликнул Браф. — Может быть, они хотят заставить нас выйти из лагеря, чтобы получить повод перестрелять нас?

— Мы не можем выпустить людей из лагеря, — запротестовал Смедли-Тейлор, — они взбунтуются. Но нам надо что-то делать. Может быть, приказать охране сдать нам оружие?

Комендант лагеря поднял руку.

— Думаю, нам остается только ждать. Мне кажется, кто-нибудь приедет. А до тех пор нам надо поддерживать порядок в лагере. Да, да. Нам разрешено отправлять пленных группами для купанья в море. Пять человек от каждой хижины. По очереди. О, мой Бог, — продолжил он, и это прозвучало как молитва. — Я надеюсь, что никто не наделает глупостей. Нет никакой гарантии, что японцы подчинятся капитуляции. Они могут продолжать воевать. Мы должны надеяться на лучшее, но готовиться к самому худшему.

Он сделал паузу и посмотрел на Ларкина.

— Считаю, приемник следует оставить здесь. — Он кивнул Смедли-Тейлору. — Вы организуете постоянную охрану.

— Есть, сэр.

— Конечно, — обратился комендант лагеря к Ларкину, Питеру Марлоу и Маку, — вы по-прежнему можете слушать радио.

— Если вы не возражаете, сэр, — сказал Мак, — пусть кто-нибудь другой делает это. Я починю приемник, если что-то сломается. Но, как я полагаю, вы хотите, чтобы приемник работал круглые сутки. Мы не можем этого обеспечить... и так или иначе... ну, говоря от себя лично, раз уж приемник разрешен, пусть люди сами слушают передачи.

— Позаботьтесь об этом, полковник! — приказал комендант.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Смедли-Тейлор.

— Теперь давайте обсудим план предстоящих действий.

Около кабинета коменданта начала собираться толпа зевак, желающих узнать, о чем идет речь, что произошло и почему убрали японского часового.

Макс стоял в этой толпе, затем бегом бросился к хижине американцев.

— Эй, парни! — крикнул он.

— Идут япошки? — Кинг уже был готов выпрыгнуть в окно и бежать к проволоке.

— Нет! Господи, — отдувался Макс.

— Ну, в чем тогда дело, черт побери? — спросил Кинг.

— Они убрали японского часового от Пита и от радио! — К Максу вернулось дыхание. — Потом комендант лагеря увел Пита, Ларкина и шотландца вместе с приемником к себе в кабинет. Там прямо сейчас идет большое обсуждение! Там все старшие полковники, даже Браф там!

— Ты уверен? — спросил Кинг.

— Я видел все собственными глазами, но мне тоже не верится.

В напряженной тишине Кинг вытащил сигарету, и тогда Текс сказал то, что ему уже стало понятным.

— Все кончилось. Действительно кончилось. Вот, что это должно означать, если они убрали часового от приемника! — Текс оглянулся. — Разве не так?

Макс тяжело опустился на койку и вытер потное лицо.

— Вот что я думаю. Если они убрали часового, это означает, что они собираются сдаваться, а не сражаться. — Он беспомощно посмотрел на Текса. — Разве нет?

Текс сам находился в замешательстве. Наконец он невозмутимо изрек:

— Все кончилось.

Кинг хладнокровно пыхтел сигаретой.

— Я поверю в это, когда увижу сам. — Воцарилась зловещая тишина, ему вдруг стало страшно.

Дино автоматически бил мух. Байрон Джонс III рассеянно передвинул слона. Миллер взял его и оставил королеву без защиты. Макс смотрел себе под ноги. Текс чесывался.

— Я тоже так думаю, — заявил Дино и встал. — Надо пойти отлить, — и вышел.

— Не знаю, плакать мне или смеяться, — сказал Макс. — Я просто чувствую себя так, как будто меня вышибли из игры.

— Бессмысленно, — пробормотал Текс, обращаясь к самому себе. Он даже не понял, что говорит вслух. — Просто бессмысленно.

— Эй, Макс, — сказал Кинг. — Не сваришь ли кофейку?

Макс автоматически вышел, наполнил кастрюлю водой. Вернувшись, включил плитку и поставил на нее кастрюлю. Потом уже было пошел к своей койке, когда неожиданно повернулся и уставился на Кинга.

— В чем дело. Макс? — неловко спросил Кинг.

Макс продолжал молча смотреть на него, губы его судорожно и беззвучно дергались.

— Какого черта ты уставился на меня?

Макс вдруг схватил кастрюлю и вышвырнул ее в окно.

— Ты спятил? — взорвался Кинг. — Ты меня всего облил!

— Это замечательно, — крикнул Макс, глядя на Кинга вытаращенными глазами.

— А не выпустить ли из тебя кишки? Ты спятил?

— Война кончилась. Сам вари себе твой чертов кофе, — заорал Макс; в уголках губ выступила пена.

Кинг вскочил и двинулся на Макса, лицо его пошло пятнами от ярости.

— Убирайся отсюда, пока я не врезал тебе ногой по морде!

— Сделай это, только сделай это, но не забывай, что я старший сержант! Тебя отдадут под трибунал.

Макс начал истерически смеяться, потом разрыдался, водопад слез полился у него из глаз. Он выскочил из хижины, оставив за собой страшную тишину.

— Сумасшедший, сукин сын, — пробормотал Кинг. — Вскипяти-ка воды, Текс, — и сел в свой угол.

Текс стоял в дверях, глядя вслед Максу. Он медленно оглянулся.

— Я занят, — он мучительно старался перебороть нерешительность.

У Кинга в душе все оборвалось. Он с усилием подавил приступ тошноты и сохранил обычное выражение лица.

— Да, — он мрачно улыбнулся. — Это я заметил, — Он чувствовал эту напряженную тишину. Вынув бумажник, он вытащил банкноту. — Вот десять монет. Давай освобождайся поскорее и вскипяти водички, будь так добр. — Он заставил себя подавить боль в животе и серьезно глядел на Текса.

Но Текс промолчал, нервно вздрогнул и отвернулся.

— Вам все равно надо есть, до тех пор, пока она действительно не кончится, — презрительно сказал Кинг, оглядывая хижину. — Кто хочет кофе?

— Я хочу, — вызывающе сказал Дино. Он сходил за кастрюлей, налил ее водой и поставил на плитку.

Кинг бросил на стол десятидолларовую бумажку. Дино посмотрел на нее.

— Нет, спасибо, — поблагодарил хрипло, трясая головой, — только кофе. — Неуверенными шагами он прошел в конец хижины.

Люди стыдливо отворачивались от затаенного презрения Кинга.

— Я буду очень рад, ради вашего же блага, сукины вы дети, что война действительно кончилась, — тихо проговорил Кинг.

* * *

Питер Марлоу вышел из кабинета коменданта лагеря и торопливо зашагал к хижине американцев. Он автоматически отвечал на приветственные возгласы знакомых, чувствуя на себе недоверчивые взгляды. «Да, — подумал он, — я тоже не верю в это. Снова оказаться дома, снова увидеть своего старика, выпить с ним, посмеяться вместе с ним. И со всей семьей. Господи, вот будет удивительно! Я жив! Я выжил!»

— Привет, парни! — Он, сияя, вошел в хижину.

— Привет, Питер, — ласково сказал Текс, вскакивая и пожимая ему руку. — Парень, мы все обрадовались, узнав, что убрали часового.

— Слишком мягко сказано, — засмеялся в ответ Питер Марлоу.

Они окружили его, и он чувствовал, что согревается теплом этой встречи.

— Что поделявает большое начальство? — спросил Дино.

Питер Марлоу рассказал, что происходило на совещании, и они все осознали возможную опасность. Все, за исключением Текса.

— Черт, не нужно думать о худшем. Война кончилась! — уверенно сказал он.

— Вот уж точно, кончилась, — сказал хрипло Макс, входя в хижину.

— Привет, Макс, я... — Питер Марлоу замолчал. Его удивило выражение глаз Макса.

— У тебя все в порядке? — спросил он тревожно.

— Конечно, в порядке! — вспыхнул Макс. Он протолкался к своей койке. — Какого черта вы уставились на меня? Не может, что ли, парень единственный раз выйти из себя? Что вы все, ублюдки, пялитесь на меня?

— Не переживай, — посочувствовал Текс.

— Слава Богу, скоро выйдем из этой вонючей помойки. — Лицо Макса болезненно потемнело, а рот кривился. — Вас это касается тоже, паршивые ублюдки!

— Заткнись, Макс!

— Пошел к черту! — Макс стер слюну с подбородка, потом полез в карман, вытащил пачку десятидолларовых банкнот, с яростью изорвал их и разбросал как конфетти.

— Что, черт возьми, вселилось в тебя. Макс? — спросил Текс.

— Ничего, сукин ты сын! Бумажки эти ни к черту не годятся.

— Как?

— Я только что из магазина. Да. Думал купить себе кокосовый орех. Но этот чертов китаец не взял мои деньги. Не взял. Сказал, что все продал этому проклятому коменданту лагеря. Под долговое обязательство. «Английское правительство обещает заплатить столько-то малайских долларов!» — поэтому можете подтереть себе задницу этими японскими бумажками — это все, на что они годятся.

— Ого, — воскликнул Текс. — Это говорит о многом. Если китаец не взял монеты, значит, мы и вправду победили, а, Питер?

— Мы и вправду это сделали! — Питер Марлоу был согрет их дружбой. Даже злобный взгляд Макса не мог разрушить его счастья. — Не могу даже передать, как вы мне помогли, вы же понимаете, с вашими шуточками и всем прочим!

— Черт, — проворчал Дино. — Ты нам. — Он шутливо стукнул его кулаком. — Ты не так уж плох для проклятого англичанина!

— Лучше тебе переехать в Штаты, когда выйдешь отсюда. Мы позволим тебе стать американцем! — сказал Байрон Джонс III.

— Тебе стоит посмотреть Техас, Питер, малыш. Если ты приедешь в Штаты, тебе надо попасть именно туда!

— Это маловероятно, — отказался Питер Марлоу под веселое улюлюканье. — Но, если когда-нибудь попаду, можешь на это рассчитывать. — Он посмотрел в угол Кинга. — Где наш бесстрашный вождь?

— Он мертв! — проревел Макс, гнусно рассмеявшись.

— Что? — невольно испугался Питер Марлоу.

— Он еще жив, — утешил Текс. — Но в то же время мертв.

Питер Марлоу пылливо всмотрелся в Текса. Потом заметил выражение их лиц. Неожиданно ему стало очень грустно.

— Вам не кажется, что вы слишком резко переменились?

— Ничего не резко, — сплюнул Макс. — Он мертв. Мы ищали на него, а теперь этот сукин сын мертв.

Питер Марлоу с отвращением накинудся на Макса.

— Когда дела шли плохо, он давал вам еду, деньги и...

— Мы работали за это! — взвизгнул Макс, жилы на его шее надулись. — Я достаточно нажрался дерьма от этого ублюдка! — Его взгляд остановился на нарукавной повязке с обозначением звания Питера Марлоу. — И от тебя, ты, английский ублюдок! Не хочешь поцеловать меня в задницу, как ты его целовал?

— Заткнись, Макс, — предостерегающе крикнул Текс.

— Чтоб ты сдох, ты, техасский сводник! — Макс плюнул в Текса, и плевок растекся по грубому деревянному полу.

Текс вспыхнул. Он бросился на Макса и сильным ударом в лицо отшвырнул его к стене. Макс пошатнулся и слетел с койки, однако, вскочив, схватил с полки нож и кинулся с ним на Питера Марлоу. Текс едва успел схватить Макса за руку, и нож только царапнул по животу Питера Марлоу. Дино обхватил горло Макса и повалил его на койку.

— Ты спятил? — выдохнул вопрос Дино. Вид у Макса был страшным, лицо перекошилось, глаза, не отрываясь следили за Питером Марлоу. Неожиданно он пронзительно закричал, как безумный метнулся с койки и бросился, оскалив зубы, в драку, молотя руками и царапаясь.

Питер Марлоу перехватил его руку, все навалились на Макса и потащили назад на койку. Втроем им удалось удержать его; он брыкался, визжал, дрался и кусался.

— Он рехнулся! — закричал Текс. — Кто-нибудь, врежьте ему!

— Дайте веревку! — отчаянно кричал Питер Марлоу, навалившись на Макса, локтем прижав его подбородок, чтобы спастись от скрежещающих зубов.

Дино ухитрился освободить одну руку и изо всех сил ударил Макса в челюсть так, что тот отключился.

— Господи, — сказал он Питеру Марлоу, когда они встали. — Он чуть было не убил вас!

— Быстрее, — торопливо проговорил Питер Марлоу. — Засуньте ему что-нибудь между зубов, иначе он откусит свой проклятый язык.

Дино нашел деревяшку, они просунули ее между стиснутыми зубами Макса. Потом связали ему руки.

Когда Макс был надежно связан, Питер Марлоу, ослабевший от потасовки, немного успокоился.

— Спасибо, Текс. Если бы ты не перехватил нож, он проткнул бы меня.

— Не вспоминайте. Что мы будем с ним делать?

— Приведите врача. У него припадок, ничего больше. Никакого ножа не было.

Питер Марлоу потер царапину на животе, следя за судорожно дергающимся Максом.

— Бедолага!

— Слава Богу, что ты остановил его, Текс, — очнулся Дино. — Как вспомню, так меня в пот бросает.

Питер Марлоу посмотрел в угол Кинга. Там было пусто, угол выглядел таким покинутым. Сам того не замечая, Питер Марлоу согнул руку, сжал кулак и наслаждался силой.

— Как рука, Питер? — спросил Текс.

Питеру Марлоу потребовалось долгое время, чтобы подыскать правильные слова для ответа.

— Жива, Текс, жива — не мертва. — Потом повернулся и вышел из хижины на солнце.

Когда он в конце концов нашел Кинга, были уже сумерки. Кинг сидел на пне кокосовой пальмы в северной части огорода, наполовину скрытый виноградными лозами. Он угрюмо смотрел в сторону, противоположную лагерю и никак не отреагировал на появление Питера Марлоу.

— Привет, старик, — весело окликнул его Питер Марлоу, но радость исчезла, когда он увидел глаза Кинга.

— Что вы хотите, сэр? — оскорбительным тоном спросил Кинг.

— Хотел повидаться с вами. Просто хотел повидаться.

«О, мой Бог», — подумал он с жалостью, поняв, что творится в душе его друга.

— Ну, повидали. И дальше что? — Кинг повернулся к нему спиной. — Проваливайте!

— Я ваш друг, помните об этом.

— У меня нет друзей. Проваливайте!

Питер Марлоу присел на корточки около пня и нащупал в кармане две сигареты.

— Закуривайте. Я взял их у Шагаты.

— Курите их сами, сэр!

В какой-то момент Питер Марлоу пожалел, что разыскал Кинга. Но не ушел. Осторожно раскурил две сигареты и предложил одну из них Кингу. Кинг не шевельнулся, чтобы взять ее.

— Возьмите, прошу вас.

Кинг выбил сигарету у него из рук.

— К черту вас и вашу проклятую сигарету. Хотите остаться здесь? Ладно! — Он быстро встал, собираясь уйти.

Питер Марлоу схватил его за руку.

— Подождите! Это величайший день в нашей жизни. Ваши товарищи довольно глупо вели себя, но не портите себе этот день.

— Уберите руку, — сквозь зубы прорычал Кинг, — либо я оторву ее.

— Не расстраивайтесь, — снова стал сыпать словами Питер Марлоу. — Война окончена, это главное. Она окончена, и мы выжили. Помните, как вы учили меня? Насчет того, что надо думать о самом себе? Вы правы! Вы так и делали! Какое имеет значение, что они говорят?

— Мне наплевать на них, черт бы их всех взял! Неужели вы думаете, что они выбили меня из колеи. И на вас мне тоже наплевать! — Кинг вырвал руку.

Питер Марлоу беспомощно смотрел на Кинга.

— Я ваш друг, черт побери. Позвольте помочь вам!

— Не нуждаюсь в вашей помощи!

— Я знаю. Но мне хотелось, чтобы мы остались друзьями. Послушайте, — с трудом продолжал он. — Вы скоро будете дома...

— Черта с два, — ответил Кинг, кровь прилила к его ушам. — У меня нет дома.

Ветер шевелил листву. Монотонно трещали сверчки. Над ними роились москиты. Огни в хижинах отбрасывали резкие тени, в бархатном небе плыла луна.

— Не переживайте, старина, — участливо сказал Питер Марлоу. — Все образуется. — Он не дрогнул, когда увидел страх в глазах Кинга.

— Все ли? — с мукой сказал Кинг.

— Да. — Питер Марлоу колебался. — Вам жаль, что война кончилась, верно?

— Оставьте меня в покое. Черт возьми, оставьте меня в покое! — крикнул Кинг, отвернулся и сел на пенёк.

— У вас все будет хорошо, — продолжал Питер Марлоу. — И я ваш друг. Никогда не забывайте об этом. — Он протянул левую руку, дотронулся до плеча Кинга и почувствовал, как плечо дернулось от его прикосновения.

— Спокойной ночи, старина, — спокойно сказал он. — Увидимся завтра. — И ушел огорченный. «Завтра, — пообещал он себе, — я смогу помочь ему».

Кинг поерзал на пне, довольный, что его оставили одного и парализованный сознанием своего одиночества.

Полковник Смедли-Тейлор, Джоунс и Селларс подбирали остатки еды с тарелок.

— Великолепно! — Селларс, облизывал соус с пальцев. Смедли-Тейлор обсосал кость, хотя она уже была обглодана.

— Джоунс, мой мальчик. Я должен отдать вам должное. — Он рыгнул. — Как великолепно мы завершили этот день. Изумительно! Совсем как кролик! Немного волокнистое, жесткое, но вкусное!

— Давно не получал такого удовольствия от еды, — хмыкнул Селларс. — Мясо жирновато, но, ей-богу, просто восхитительно. — Он бросил взгляд на Джоунса. — Можете еще достать? Одной ноги на каждого маловато!

— Возможно, — Джоунс аккуратно подобрал последнюю рисинку с тарелки. Она была вылизана дочи́ста; он чувствовал себя сытым. — Правда, повезло?

— Где вы их достали?

— Мне об этом рассказал Блейкли. Их продавали австралийцы. — Джоунс рыгнул. — Я купил все, что у него было. — Он посмотрел на Смедли-Тейлора. — Хорошо, что у вас были деньги.

Смедли-Тейлор хмыкнул.

— Да. — Он открыл бумажник, вынул из него триста шестьдесят долларов и положил на стол. — Здесь хватит на шесть ног. Нет необходимости ограничивать себя, а, джентльмены?

Селларс посмотрел на деньги.

— Если у вас припрятано столько денег, почему же вы не использовали их раньше?

— Почему в самом деле? — Смедли-Тейлор встал и потянулся. — Потому что я берег их для сегодняшнего дня. И на этом кончим, — добавил он. Его холодные глаза не отрывались от Селларса.

— О, перестаньте, приятель, я не имел ничего в виду. Просто не могу понять, как вам удалось столько скопить, вот и все.

— Это, должно быть, секрет, — улыбнулся Джоунс. — Я слышал, у Кинга был чуть ли не сердечный приступ!

— Что общего Кинг может иметь с моими деньгами? — спросил Смедли-Тейлор.

— Ничего, — Джоунс считал деньги. Там действительно было триста шестьдесят долларов, достаточно, чтобы купить двенадцать задних ног *Rusa tikus* по тридцать долларов за ногу, именно столько они и стоили, а не шестьдесят, как считал Смедли-Тейлор. Джоунс улыбнулся, думая, что Смедли-Тейлор вполне может заплатить вдвое, если у него столько денег. Ему было интересно, как Смедли-Тейлор ухитрился организовать ту кражу, но секреты

есть секреты. Как, например, стремя остальными *Rusa tikus*. Теми, которые он и Блейки сварили и тайком съели сегодня днем. Блейкли съел одну ножку, он две. И те две, вместе с той, которую он проглотил сейчас, насытили его.

— Бог мой, — сказал он, поглаживая себя по животу, — даже не мечтал, что буду есть столько каждый день!

— Привыкнете, — пообещал Селларс. — Я все еще голоден. Попробуйте достать еще мяса, приятель.

— Как насчет роббера? — предложил Смедли-Тейлор.

— Замечательно, — отозвался Селларс. — Кто будет четвертым?

— Семсен?

Джоунс засмеялся.

— Готов поспорить, он очень огорчится, узнав о мясе.

— Как вы думаете, сколько потребуется нашим ребятам, чтобы добраться до Сингапура? — спросил Селларс, пытаясь скрыть беспокойство.

Смедли-Тейлор посмотрел на Джоунса.

— Несколько дней. Максимум неделя. Если японцы, которые дислоцируются здесь, действительно собираются сдаваться.

— Они оставили нам приемник, значит, действительно так и сделают.

— Надеюсь. Бог мой, как я надеюсь, что так и будет.

Они посмотрели друг на друга; возбуждение и чувство довольства от хорошей еды прошло и, их охватила тревога о будущем.

— Не о чем беспокоиться. Все... все должно быть хорошо, —

Успокоил Смедли-Тейлор. В душе он со страхом вспоминал о Мейси, сыновьях и о дочери, задаваясь вопросом: «Живы ли они?»

* * *

Перед рассветом над лагерем пролетел четырехмоторный самолет. Никто не знал, принадлежит ли он союзным силам или японцам, но при первом звуке моторов людей охватил страх перед возможной бомбежкой. Когда же гул самолета растаял вдали, возникла паника. «Возможно, все забыли о нас, никто не придет за нами», — думал каждый.

Эварт на ощупь пробрался в хижину и разбудил Питера Марлоу.

— Питер, прошел слух, что самолет кружил над аэродромом и из него выпрыгнул парашютист.

— Ты видел его?

— Нет.

— Ты говорил с кем-нибудь, кто видел его?

— Нет. Это просто слух. — Эварт старался не показывать страха, — Я до смерти боюсь, что, как только в гавань войдет флот, япошки взбесятся.

— Нет!

— Я ходил к коменданту лагеря. Там целая толпа парней, они сообщают нам новости. Последняя новость... — минуту Эварт не мог говорить, потом продолжил:

— ...число жертв в Хиросиме и Нагасаки больше трехсот тысяч человек. Говорят, люди умирали там как мухи... эта проклятая бомба что-то сделала с воздухом и продолжает убивать. Бог мой, если бы это случилось с Лондоном, а я бы отвечал за такой лагерь... я... я бы перестрелял всех. Клянусь Богом, я бы так и сделал, я бы так сделал.

Питер Марлоу успокоил его, потом вышел из хижины и в свете нарождающегося дня пошел к воротам. В душе ему все еще было страшно. Он знал, Эварт — прав. Эта проклятая бомба была лишней. Да, это так, но он благословил умные головы, которые изобрели эти бомбы. Только эти бомбы спасли Чанги от забвения. «Да, да, — твердил он, — какими бы ужасными ни были эти бомбы, я благословляю их и людей, которые сделали их. Только они спасли меня, когда не было никакой надежды на жизнь. И хотя первые две бомбы истребили множество жизней, но благодаря своей силе они спасли бесчисленное количество сотен других жизней. Наших. И их. Клянусь Господом Богом, это правда».

Он очутился возле главных ворот. Там, как обычно, стояла охрана. Они повернулись к лагерю спинами, держа в руках винтовки. Питер Марлоу с любопытством наблюдал за ними. Он был уверен, что эти люди слепо умрут, защищая пленных, хотя всего день назад те были их презренными врагами.

«Бог мой, — подумал Питер Марлоу, — как удивительно ведут себя люди».

Неожиданно в наступающем рассвете он увидел призрак. Незнакомец, настоящий, совсем не бесплотный мужчина, который выглядел так, как должен выглядеть мужчина. Белый мужчина. На нем была странная зеленая форма,

парашютные ботинки начищены, знак отличия на берете сиял огнем, на широком ремне висел пистолет, а на спине — аккуратный ранец.

Мужчина вышел на середину дороги, каблуки его цокали до тех пор, пока он не оказался перед караульным помещением.

Мужчина — Питер Марлоу увидел, что он носит звание капитана, — остановился, посмотрел на охранников и сказал:

— Отдавайте честь, проклятые ублюдки.

Охранники тупо таращились на него, тогда капитан вырвал у ближайшего охранника винтовку с примкнутым штыком, с яростью воткнул штык в землю:

— Отдавай мне честь, проклятый ублюдок.

Охранники нервно смотрели на него. Тогда капитан вытащил пистолет, выстрелил под ноги охранникам:

— Отдавайте мне честь, проклятые ублюдки.

Авата, японский сержант, Авата Грозный, обливаясь потом и нервничая, сделал шаг вперед и поклонился. Потом поклонились все охранники.

— Так-то лучше, сволочи, — сказал капитан. Потом вырвал винтовки у охранников и бросил их на землю. — Отправляйтесь в вашу чертову караулку.

Авата понял его жест. Он приказал охранникам построиться. Потом по его команде они поклонились снова.

Капитан смотрел на них. Затем ответил на их приветствие.

— Отдавайте честь, проклятые ублюдки, — твердил капитан.

Охранники поклонились.

— Хорошо, — удовлетворился капитан. — И в следующий раз, когда я скажу «отдавайте честь», делайте это быстро.

Авата и остальные поклонились, капитан повернулся и прошел к заграждению.

Питер Марлоу почувствовал взгляд капитана и, движимый страхом, отступил назад.

В глазах капитана он увидел отвращение, потом жалость.

Капитан крикнул охранникам:

— Открывайте эти чертовые ворота, вы, проклятые ублюдки.

Авата быстро выбежал с тремя охранниками и оттащил заграждение в сторону.

Капитан прошел внутрь, охранники принялись закрывать ворота, но он закричал им:

— Оставьте эту чертову штуку в покое.

Они бросили ворота и склонились в приветствии.

Питер Марлоу пытался сосредоточиться. Что-то было не так. Все было не так. Все это во сне или это галлюцинации.

Неожиданно капитан вырос перед ним.

— Привет, — окликнул его капитан. — Я капитан Форсайт. Кто здесь главный?

Он сказал это мягко и очень вежливо. Но Питер Марлоу видел, как капитан оглядывает его с головы до ног.

«Что происходит? Что со мной не так? — отчаянно спрашивал сам себя Питер Марлоу. — Что происходит со мной?» Он испуганно сделал шаг назад.

— Не нужно меня бояться. — Голос капитана был глубоким и участливым. — Война закончилась. Меня прислали сюда присмотреть за вами.

Капитан сделал шаг вперед. Питер Марлоу отпрянул, и капитан остановился. Не торопясь он достал пачку сигарет «Плейерз». Добрый английский «Плейерз».

— Не хотите ли закурить?

Капитан сделал еще шаг вперед, протягивая сигареты, но Питер Марлоу в ужасе убежал.

— Подождите минутку! — закричал ему вслед капитан. Потом направился к другому пленному, но и тот бросился наутек. Вся толпа в минуту скрылась из глаз.

Вторая волна страха затопила Чанги.

Страх за самого себя. Нормален ли я? Нормален ли я после всей этой жизни? Я имею в виду, не потерял ли я рассудок? Прошло три с половиной года. И Бог мой, вспомни, что говорил Ван дёр Зельт об импотенции? Верно ли это? Смогу ли я снова заниматься любовью? Буду ли я здоров? Я видел ужас в глазах капитана, когда он смотрел на меня. Почему? Что было не так? Ты думаешь, я осмелился бы спросить его, спросить... в порядке ли я?

* * *

Когда Кинг впервые услышал об офицере, он лежал на кровати, предаваясь грустным размышлениям. Он, правда, по-прежнему занимал лучшее место около окна, но Площадь его сократилась и была такой же, как и у других, — шесть футов на четыре. Вернувшись с огородов, он обнаружил, что его кровать и стулья сдвинуты. Он ничего не сказал, они тоже молчали, но избегали его прямого взгляда.

И еще — никто не взял, не сберег его ужин. Его просто съели.

— Вот так, — рассеянно сказал Текс. — Мы забыли о тебе. Лучше будь на месте в следующий раз. Каждый отвечает за свою еду сам.

Он приготовил одну из кур. Он ощипал ее, поджарил и съел половину курицы, вторую половину оставил на завтрак. Теперь у него осталось только две курицы. Остальные были съедены за последние дни — он разделил их с людьми, которые забили кур и разделали их.

Вчера он попытался купить еды в лагерном магазине, но пачка денег от сделки с бриллиантом стала бесполезной. В бумажнике у него все еще было одиннадцать американских долларов, и это была твердая валюта. Он понимал, цепenea от страха, что не сможет долго протянуть на одиннадцати долларах и двух курицах.

Он мало спал предыдущую ночь. На рассвете он заставил себя посмотреть на все мужественно. Он вел себя как слюнтяй и дурак, это не соответствовало его положению короля. Не важно, что люди делают вид, как будто не замечают его, а Брент, Праути, Семсен и все остальные проходят мимо, не отвечая на его приветствия. Все вели себя одинаково — Тинкер Белл, Тимсен и полицейские, и его осведомители, и люди, которым он давал работу, люди, которым он помогал или с которыми был знаком и которым продавал или дарил еду, сигареты или деньги. Все они смотрели мимо него, как будто он не существовал. Если раньше его всегда сопровождали взгляды, если раньше, когда он шел по лагерю, его сопровождала ненависть, то теперь не было ничего. Ни взглядов, ни ненависти, ни узнавания.

Было жутко ходить по лагерю как привидение. Возвращаться домой как привидение. Лежать в постели как привидение.

Пустота.

Он слушал, как Текс выкладывал невероятные новости о появлении капитана, и понимал, что новый страх терзает их.

— Ну и что такого? — спросил он. — Почему вы вдруг замолчали? Из-за проволоки прибыл парень, вот и все.

Никто ничего не сказал.

Кинг встал, раздраженный молчанием, ненавидя его. Надел свою лучшую рубашку, чистые брюки, стер пыль с начищенных ботинок, лихо натянул на голову фуражку и секунду постоял в дверях.

— Пойду состряпаю чего-нибудь, — проговорил он, не обращаясь ни к кому конкретно.

Оглянувшись, он заметил голод на их лицах и едва скрываемую надежду в их глазах. Он снова почувствовал тепло в душе, ему стало хорошо, он посмотрел на каждого отдельно.

— Ты будешь сегодня занят днем, Дино? — спросил он наконец.

— Э, нет. Нет, — сказал Дино.

— Нужно застелить кровать и еще кое-что постирать.

— Ты, э, хочешь, чтобы я этим занялся? — неловко спросил Дино.

— Ты сделаешь это?

Дино чертыхнулся про себя, но воспоминание о запахе цыпленка прошлой ночью поколебало его волю.

— Конечно, — торопливо согласился он.

— Спасибо, приятель. — Кинг забавлялся борьбой Дино со своей совестью, затем повернулся и стал спускаться по ступенькам.

— Э, какую из кур ты хочешь зарезать? — крикнул Дино ему вслед.

Кинг не остановился.

— Я подумаю об этом, — сказал он. — Ты сейчас займись уборкой и стиркой.

Дино прислонился к двери, следя за тем, как Кинг прошел по солнцу вдоль стены тюрьмы и скрылся за углом.

— Сукин сын!

— Давай, стирай! — издевался Текс.

— Хватит молоть чушь! Я жрать хочу.

— Он купил тебя, даже без этой проклятой курицы.

— Он съест еще одну сегодня, — тупо сказал Дино. — И я съем ее вместе с ним. Он всегда делится с помощником.

— А как же вчерашний вечер?

— Черт, он был взбешен, ведь мы заняли его место. — Дино думал об английском капитане, о своем доме, о своей подружке, гадая, ждет ли она его или вышла замуж. «Конечно, — говорил он мрачно, — она вышла замуж, и никто меня не ждет. Как, черт побери, мне найти работу?»

— Так бывало раньше, — не согласился Байрон Джонс III. — Я готов поспорить, сукин сын приготовит и съест ее на наших глазах.

Но в мыслях он был дома: «Будь я проклят, если останусь там. Надо будет снять себе собственную квартиру. Точно. Но где, черт побери, взять денег?»

— Ну и что, если он так сделает? — возразил Текс. — Нам осталось ждать два или три дня до отъезда.

«Потом домой в Техас, — думал он. — Смогу ли я опять получить свою работу? Где, я, черт побери, буду жить? Как буду добывать деньги? Смогу ли воспользоваться моментом и выйдет ли что-нибудь из этого?»

— Как насчет этого английского офицера, Текс? Ты думаешь, нам стоит с ним поговорить?

— Да, надо. Но, черт, попозже сегодня или лучше завтра. Нам надо привыкнуть. — Текс подавил дрожь. — Когда он смотрел на меня, я чувствовал себя ярмарочным клоуном. Подумать только! Что, черт возьми, со мной не так? Я выгляжу нормально, разве нет?

Все пристально посмотрели на Текса, пытаясь понять, что же такого увидел в нем офицер. Но они видели перед собой только Текса, Текса, которого знали три с половиной года.

— Я считаю, ты выглядишь нормально, — заключил наконец Дино. — Уж если есть что-то странное, так это он сам. Черт возьми, если бы я один спрыгнул с парашютом в Сингапуре. Когда вокруг одни мерзкие япошки. Нет, сэр! Это он странно выглядит.

Кинг шел вдоль тюремной стены. «Тупой сукин сын, — твердил он. — Какого черта ты так расстроился? Все хорошо в мире. Конечно. И ты по-прежнему Кинг. Ты по-прежнему единственный, кто знает, как справиться с этим».

Он лихо сдвинул фуражку и усмехнулся, вспомнив Дино. Да, этот ублюдок будет ругаться, гадая, получит ли курицу и понимая, что его купили, заставили работать. «Черт с ним, пусть нервничает», — весело подумал Кинг.

Он пересек тропинку между двумя хижинами. Люди стояли группками и смотрели на север в направлении ворот, молчаливые и неподвижные. Он обогнул хижину и увидел того самого офицера, одиноко стоящего спиной к нему на открытом месте и смущенно оглядывающегося вокруг. Он увидел, как офицер пошел к каким-то людям, и злорадно засмеялся, увидев, как они разбегаются.

«Сумасшедшие, — думал он цинично. — Просто сумасшедшие. Чего они боятся? Парень всего лишь капитан. Да, ему, конечно, нужна помощь. Однако не могу понять, почему он сам так боится». Он ускорил шаг, но шел бесшумно.

— Доброе утро, сэр, — сказал он твердо, отдавая честь.

Удивленный капитан Форсайт обернулся.

— А! Привет, — ответил он на приветствие со вздохом облегчения. — Слава Богу, есть хоть кто-то нормальный. — Потом до него дошло, что он сказал. — Ой, извините. Я не хотел...

— Все в порядке, — дружелюбно успокоил его Кинг. — Эта помойка может любого довести до ручки. Парень, мы так рады видеть вас. Добро пожаловать в Чанги!

Форсайт улыбнулся. Он был значительно ниже Кинга, но скроен как танк.

— Спасибо. Я капитан Форсайт. Меня прислали приглядеть за лагерем до прибытия флота.

— Когда это произойдет?

— Через шесть дней.

— Нельзя ли поскорее?

— Полагаю, на это требуется время. — Форсайт кивнул в сторону хижины. — Что происходит со всеми? Они ведут себя так, будто я прокаженный.

Кинг пожал плечами.

— Думаю, они в состоянии шока. Не могут до сих пор поверить своим глазам. Вы же знаете, какие есть люди. И прошло столько времени.

— Да, уж, — медленно согласился Форсайт.

— Сумасшествие, но они испугались вас. — Кинг снова пожал плечами. — Такова жизнь, и это их дело.

— Вы американец?

— Конечно. Нас здесь двадцать пять человек. Офицеры и рядовые. Наш командир — капитан Браф. Его сбили над горами в 1943 году. Может быть, хотите с ним встретиться?

— Конечно. — Форсайт смертельно устал. Он получил задание в Бирме четыре дня назад. Ожидание, полет, прыжок и прогулка к караулке, беспокойство от неизвестности встречи, что будут делать японцы и, как черт возьми, он выполнит полученные приказы, все эти мысли не давали ему заснуть, наполняли кошмаром сны. «Ну, старина, ты просил задание, ты получил его, и вот ты здесь. По крайней мере ты прошел первое испытание у ворот. Чертов дурак, — говорил он себе, — ты был так растерян, что, кроме «Отдавайте честь, проклятые ублюдки», — сказать ничего не мог». Форсайт видел людей, следящих за ним из хижин. Все молчали.

Он видел улицу, делящую лагерь пополам, и за ней уборные. Он видел десятки хижин. В нос ему бил вонючий запах пота, плесени и мочи. Живые мертвецы стояли везде — живые мертвецы в лохмотьях, живые мертвецы в набедренных повязках, живые мертвецы в саронгах — высохшие скелеты.

— Вы хорошо себя чувствуете? — заботливо спросил Кинг. — Что-то вы плохо выглядите.

— Со мной все в порядке. Кто эти бедолаги?

— Просто парни, — сказал Кинг. — Офицеры.

— Что?

— Конечно. Что-то с ними не так?

— Вы хотите сказать, что это офицеры?

— Точно, все это офицерские хижины. В тех бараках живет начальство, майоры и полковники. Около тысячи австралийцев и... англичан, — быстро сказал он, — в хижинах к югу от тюрьмы. Внутри самой тюрьмы живут около семи или восьми тысяч англичан и австралийцев. Все рядовые.

— Они все выглядят подобным образом?

— Не понял, сэр?

— Они все выглядят подобным образом? Они все вот так одеты?

— Конечно. — Кинг рассмеялся. — Догадываюсь, что вы имеете в виду. Они действительно похожи на кучу бродяг. Это меня никогда не волновало.

Потом до него дошло, что Форсайт критически рассматривает его.

— В чем дело? — спросил он, погасив улыбку.

Со всех сторон на них смотрели люди. Среди них был и Питер Марлоу. Но все соблюдали дистанцию. Все они задавались одним и тем же вопросом — действительно ли их глаза видят человека, который похож на настоящего мужчину с пистолетом на поясе и который разговаривает с Кингом.

— Почему вы так отличаетесь от них? — поинтересовался Форсайт.

— Не понял, сэр?

— Почему вы одеты подобающим образом, а они все в лохмотьях?

Улыбка Кинга вернулась на свое место.

— Я следил за своей одеждой. Они, думаю, нет.

— Вы выглядите вполне здоровым.

— Не таким здоровым, как мне хотелось бы быть, но вполне в хорошей форме. Хотите, я покажу вам лагерь? Думаю, вам нужна помощь. Я могу свистнуть сюда некоторых ребят, собрать команду. Лагерные припасы так малы, что о них не стоит и говорить. Но там в гараже есть грузовик. Мы могли бы поехать в Сингапур и освободить...

— Как получилось, что вы здесь — единственный в своем роде? — оборвал его Форсайт, слова били как пули.

— А?

Форсайт грубовато показал пальцем в сторону лагеря.

— Передо мной, наверное, двести или триста человек, но вы единственный, который одет. Все люди не толще бамбука, но вы, — он повернулся и посмотрел на Кинга, взгляд его стал жестким, — вы в хорошей форме.

— Я такой же, как они. Просто я не зевал. И мне везло.

— В такой дыре нельзя говорить о везении!

— Конечно, можно, — не согласился Кинг. — И нет ничего плохого в том, чтобы следить за своей одеждой, и нет ничего дурного, чтобы следить за своим здоровьем. Человек должен заботиться о собственной персоне. В этом нет ничего дурного!

— Вовсе нет ничего дурного, — согласился Форсайт, — при условии, что это делается не за счет других. — Потом пролаял:

— Где казарма коменданта лагеря?

— Вон там. — Кинг показал. — В первом ряду бараков. Не знаю, что это на вас нашло. Я думал помочь вам. Думал, что вам нужен кто-то, кто введет вас в курс дела.

— Мне не нужна ваша помощь, капрал! Как вас зовут?

Кинг пожалел, что влез с предложением о помощи. «Сукин сын, — подумал он в бешенстве, — вот как ты отвечаешь на предложение о помощи!»

— Кинг, сэр!

— Вы свободны, капрал. Я не забуду про вас. И уж будьте уверены, при первой же возможности встречу с капитаном Брафом.

— Что, черт возьми, все это значит?

— Это значит, что я нахожу вас очень подозрительным, — выкрикнул Форсайт. — Я хочу знать, почему вы здоровы, а остальные нет. Для того чтобы быть здоровым в подобном месте, надо иметь деньги, а способы их получения весьма ограничены. Очень ограничены. Первое — это доносы. Потом продажа еды или лекарств...

— Будь я проклят, если соглашусь с подобной чепухой...

— Вы свободны, капрал! Но не забудьте, я с этой минуты считаю своей обязанностью приглядывать за вами!

Кинг совершил над собой невероятное усилие, чтобы не ударить капитана.

— Вы свободны, — повторил Форсайт, потом зло добавил:

— Убирайтесь с моих глаз!

Кинг отдал честь и ушел, кровь застилала ему глаза.

— Привет, — Питер Марлоу преградил ему путь. — Бог мой, хотелось бы мне иметь ваши нервы.

Глаза Кинга прояснились, и он прокаркал.

— Привет, сэр. — Он отдал честь и собрался идти дальше.

— Бог мой, Раджа, что, черт возьми, происходит с вами?

— Ничего. Просто... просто нет настроения разговаривать.

— Почему? Если я чем-то обидел вас или надоел, скажите. Пожалуйста.

— Это не имеет никакого отношения к вам. — Кинг выдавил улыбку, но в душе он кричал. «Господи, что я сделал не так? Я кормил этих ублюдков и помогал им, а теперь они смотрят мимо меня, как будто меня здесь больше нет».

Он оглянулся и увидел, что Форсайт прошел между двумя хижинами и исчез из виду. «И он считает меня доносчиком», — мучительно думал он.

— Что он сказал? — спросил Питер Марлоу.

— Ничего. Он... я собирался... что-нибудь сделать для него.

— Я ваш друг. Позвольте помочь вам. Разве вам мало, что я пришел сюда?

Но Кинг хотел одного — спрятаться. Форсайт и остальные растоптали его достоинство. Он понимал, что погиб. Потеряв достоинство, он потерял мужество.

— Увидимся, — пробормотал он, отдал честь и торопливо ушел. «Господи, — рыдал он в душе, — верни мне уважение. Прошу тебя, верни».

* * *

На следующий день над лагерем прогудел самолет. Из своего брюха он выбросил парашюты с провиантом. Несколько парашютов упали на территорию лагеря. Те, что приземлились над джунглями, искать не стали. Никто не осмелился расставаться с безопасностью Чанги. Все могло быть обманом. Роились мухи, донимала жара, несколько человек умерли. Все было как всегда.

Еще один день. Потом над посадочной полосой начали кружить самолеты. В лагерные ворота вошел полковник. С ним были врачи и санитары. Они привезли лекарства. Все новые самолеты кружили и приземлялись на аэродроме.

Неожиданно в лагерь с воем въехали джипы. Важные мужчины курили сигары. С ними прибыли четыре врача. Все они были американцами. Они ворвались в лагерь, закололи американцев уколами, залили их галлонами свежего апельсинового сока, завалили едой и сигаретами, обнимая без конца — своих ребят, своих героических ребят. Они помогли им сесть в джипы и довезли до ворот Чанги, где их ждал грузовик.

Питер Марлоу с удивлением наблюдал эту сцену. «Они не герои, — думал он, сбитый с толку. — Как и мы. Мы проигравшие. Мы проиграли войну, нашу войну. Разве нет? Мы не герои! Нет!»

Как будто сквозь туман он видел Кинга. Своего друга. Долгие дни он ждал случая поговорить с ним, но всякий раз Кинг уходил от разговора.

— Позже, — обычно отнекивался он. — Сейчас я занят. — До приезда американцев времени у него так и не нашлось.

Итак, Питер Марлоу стоял около ворот вместе со многими другими, следя за отъездом американцев, дожидаясь случая сказать «прощай» своему другу, терпеливо дожидаясь возможности поблагодарить его за спасенную руку, за многое, многое другое, что пришлось им пережить.

Среди любопытных был и Грей.

Форсайт устало дожидался возле грузовика. Он вручил список.

— У вас остается первый экземпляр, — сказал он старшему по званию американскому офицеру. — Здесь ваши люди перечислены с указанием звания, рода войск и личного номера.

— Благодарю, — ответил майор, приземистый парашютист с тяжелым подбородком. Он подписал бумаги и отдал обратно пять экземпляров. — Когда прибывают остальные ваши парни?

— Через пару дней.

Майор огляделся по сторонам и пожал плечами.

— Похоже, вам не помешала бы помощь.

— У вас нет случайно каких-нибудь лишних лекарств?

— Конечно. У нас самолет набит медикаментами. Вот что я вам скажу. Как только я отправлю наших ребят, пришлю сюда лекарства на джипах. Я дам вам врача и двух санитаров на то время, пока не придут ваши.

— Спасибо, — Форсайт устало провел рукой по лицу. — Нам они пригодятся. Я распишусь за лекарства. Командование юго-восточной атлантической группы подтвердит мою подпись.

— Никаких бумаг. Вам нужны лекарства, вы их получите. Они для этого предназначены.

Он повернулся.

— Ладно, сержант, сажайте их в грузовик. — Он подошел к джипу и стал смотреть, как привязывают носилки. — Что вы думаете, док?

— До Штатов он доберется. — Врач бросил взгляд на человека, находящегося без сознания, аккуратно завязанного в смиренную рубашку, — но это конец. Рассудка он лишился окончательно.

— Сукин сын, — устало произнес майор и сделал отметку в списке напротив фамилии Макса. — Несправедливо получается. — Он понизил голос. — Как с остальными?

— Ничего хорошего. В основном симптомы ухода в себя. Тревога за будущее. Только один из них находится в более или менее приличном физическом состоянии.

— Будь я проклят, но не могу понять, как они выжили. Вы были в тюрьме?

— Конечно. Меня хватило на то, чтобы быстро пробежать. Этого достаточно.

Питер Марлоу угрюмо наблюдал за происходящим. Он знал, его угнетенное состояние связано не только с отъездом друга. Причин было больше. Он грустил, что уезжали американцы. В какой-то степени он ссорся с ними, что было не правильно, ведь они — иностранцы. Тем не менее он не чувствовал себя иностранцем, когда находился среди них. «Это зависть? — спрашивал он себя. — Или ревность? Нет, я так не думаю. Не знаю почему, но чувствую себя брошенным здесь, а они уезжают домой».

Он подошел чуть ближе к грузовику, когда раздалась команды и люди начали забираться в кузов: Браф, Текс, Дино и Байрон Джонс III и все остальные — великолепные в своей новой форме. Выглядели они непривычно. Они болтали, перекрикивались и смеялись. Но не Кинг. Он стоял слегка в стороне. Один.

Питер Марлоу был рад, что его друг снова был вместе со своими людьми, и молился, чтобы у него все было хорошо.

— Залезайте в грузовик, ребята.

— Давайте, поторопитесь.

— Следующая остановка за океаном.

Грей не видел, что стоит рядом с Питером Марлоу.

— Говорят, — проговорил он, глядя на грузовик, — приготовлен самолет, чтобы отправить их всех в Америку. Специальный самолет. Разве это возможно? Просто кучка рядовых и нескольких младших офицеров.

Питер Марлоу презрительно оглядел его.

— Вы выглядите таким чертовым снобом. Грей, когда говорите об этом.

Голова Грея дернулась.

— А... а... а, это вы.

— Да. — Питер Марлоу кивнул на грузовик. — Они считают, что один человек ничем не хуже другого. Поэтому приготовили самолет для всех. Отличная мысль, если вдуматься.

— Не говорите мне, что высшие классы наконец поняли...

— Ах, заткнитесь! — Питер Марлоу отодвинулся, начиная раздражаться.

Около грузовика стоял сержант, тучный мужчина со множеством нашивок на рукаве и незажженной сигарой во рту.

— Давайте. Садитесь в грузовик, — терпеливо повторял он.

Кинг остался у грузовика последним.

— Ради Бога, забирайтесь в грузовик! — прорычал сержант. Кинг не пошевелился. Наконец сержант раздраженно отшвырнул сигару и ткнул пальцем. — Ты! Капрал! Забрось свою чертову задницу в грузовик.

Кинг вышел из оцепенения.

— Есть, сержант. Виноват, сержант!

Он смиренно забрался в заднюю часть кузова и стоял там, когда все остальные уже расселись. Вокруг него возбужденные люди разговаривали друг с другом, не обращая на него внимания. Никто, казалось, не замечал его. Он прислонился к борту грузовика, когда тот взревел и поднял в воздух пыль Чанги.

Питер Марлоу как безумный побежал, махая рукой вслед своему другу. Но Кинг не оглянулся. Он никогда не оглядывался.

Питер Марлоу вдруг почувствовал себя очень одиноким здесь, у ворот Чанги.

— На это стоило посмотреть, — злорадно сказал Грей.

Питер Марлоу повернулся к нему.

— Убирайтесь, пока я что-нибудь с вами не сделал.

— Было приятно смотреть, как он уезжал. «Ты, капрал, забрось свою чертову задницу в грузовик». — В глазах Грея играл злобный огонек. — Как и подобает такому подонку.

Но Питер Марлоу помнил только настоящего Кинга. Не того Кинга, который покорно сказал «Есть, сержант». Это был не Кинг. Это был другой человек, вырванный из чрева Чанги, человек, которого так долго воспитывал Чанги.

— Как и подобает вору, — нарочно подчеркнул Грей.

Питер Марлоу сжал здоровый левый кулак.

— Я предупреждал вас прошлый раз.

Он ударил Грея кулаком в лицо, отбросив его назад, но Грей устоял и бросился на Питера Марлоу. Двое мужчин сцепились друг с другом. Внезапно вмешался Форсайт.

— Прекратите, — приказал он. — Из-за чего вы деретесь, черт побери?

— Ни из-за чего, — ответил Питер Марлоу.

— Уберите от меня руки, — взорвался Грей, вырывая у Форсайта свою руку. — Убирайтесь с моей дороги.

— Еще одно движение, и я отправлю каждого из вас под арест в ваши хижины. — Форсайт с удивлением заметил, что один из них был капитаном, другой тоже капитаном, но от авиации. — Стыдно, сцепились как простые солдаты! Давайте вы, оба, убирайтесь отсюда. Ради Бога, война закончена!

— Неужели? — Грей бросил взгляд на Питера Марлоу и ушел.

— Что произошло? — спросил Форсайт.

Питер Марлоу посмотрел вдаль. Грузовик скрылся из виду.

— Вам не понять, — прошептал он и отвернулся. Форсайт провожал его взглядом, пока он не исчез.

«Можно повторять это миллион раз, — утомленно думал Форсайт. — Я не понимаю никого и ничего».

Он зашагал к воротам Чанги. Там, как всегда, стояла группа молчаливых людей. Ворота, как всегда, охранялись. Но охранниками стали офицеры, заменившие японцев и корейцев. Когда он приехал, в тот же день он приказал им уйти и назначил офицера, который отвечал за охрану лагеря. Но охрана была не нужна, никто и не пытался бежать. «Я не понимаю, — устало говорил себе Форсайт. — Это бессмысленно. Здесь все бессмысленно».

Он вспомнил, что не доложил о подозрительном американце — о капрале. У него было столько забот, что он забыл об этом человеке. «Чертов дурак, сейчас слишком поздно!» Потом вспомнил, что американский майор вернется. «Хорошо, — подумал он, — я расскажу ему. Он разберется с ним».

* * *

Двумя днями позже прибыли новые американцы. И настоящий американский генерал. Он был окружен, как пчелиная матка, фотографами, репортерами и

адъютантами. Генерала отвели в барак коменданта лагеря. Питера Марлоу, Мака и Ларкина вызвали туда. Генерал поднес к уху наушник и сделал вид, что слушает радио.

— Подержите так, генерал!

— Еще один раз, генерал!

Питера Марлоу вытолкнули вперед и заставили нагнуться над приемником, как бы объясняя что-то генералу.

— Не так, — пусть будет видно ваше лицо. Да, так, чтобы была видна ваша худоба. Так лучше.

Этой ночью третья и последняя волна страха затопила Чанги.

Страх перед завтрашним днем.

Все обитатели Чанги наконец поверили, что война действительно закончена. Нужно было смотреть в лицо будущему. Будущему вне Чанги. Будущее уже наступило. Уже.

* * *

А люди в Чанги были погружены в себя. Идти было некуда. Спрятаться негде! Только уйти в себя. Души людей были объаты страхом.

Флот союзников вошел в Сингапур. Все больше посетителей слеталось в Чанги.

И начались вопросы.

— Фамилия, звание, личный номер, часть?

— Где вы воевали?

— Кто умер?

— Кто был убит?

— Как насчет зверств? Сколько раз вас избивали? Кого на ваших глазах закололи штыками?

— Никого? Невозможно. Подумайте, приятель. Напрягите голову. Вспомните. Сколько человек умерло? На судне? Три, четыре, пять? Почему? Кто там был?

— Кто остался в живых в вашем соединении? Десять? Из полка? Хорошо, это уже кое-что. Как умерли другие? Да, подробности.

— А вы видели как их закололи штыками?

— Дорога «Три погоды»? А, железная дорога? Да. Мы знаем об этом. Что вы можете добавить? Сколько вы получали здесь? Анестезия? Извините, я, конечно, забыл. Холера?

— Да, я все знаю о лагере номер три. Что насчет номера четырнадцать? Тот, что на границе Сиама и Бирмы? Там умерли тысячи, не так ли?

* * *

Приезжие задавали вопросы, приезжие были в шоке. Люди Чанги слышали, как они перешептывались между собой:

— Вы видели того человека? Бог мой, это невозможно. Он разгуливает голым! При людях!

— А посмотрите вон туда! Мужчина оправляется при людях! И, Боже правый, он не пользуется туалетной бумагой! Он подмывается! Бог мой, они все так делают!

— Посмотрите на эту мерзкую кровать! Бог мой, она вся кишит клопами!

— До какой же степени деградации дошли эти жалкие свиньи, они хуже животных.

— Чувствуешь себя как в сумасшедшем доме! Конечно, япошки довели их до такого состояния, но все равно безопаснее держать их взаперти. Похоже, они забыли, что они — люди, забыли, что можно делать, а что — нет.

— Посмотрите, как они лакают эти помои! Бог мой, ты предлагаешь им хлеб и картошку, а они хотят риса!

— Поскорей бы обратно на корабль. Не могу дождаться, чтобы вывезти парней отсюда. Такой шанс представляется раз в жизни, такого никогда не увидишь.

— Бог мой, эти сестрички испытывают судьбу, расхаживая здесь.

— Чепуха, они в полной безопасности. Сюда приезжало много девчонок посмотреть. Клянусь Юпитером, вон та — потрясающая.

— То, как на них смотрят пленные, вызывает отвращение!

Приезжие отвечали на вопросы.

— Ага, капитан авиации Марлоу? Да, у нас есть для вас каблограмма из адмиралтейства. Капитан Марлоу из военно-морских сил... э... боюсь, что ваш

отец убит. Убит в боях, сопровождая конвой в Мурманск 10 сентября 1943 года. Соболезную. Следующий!

— Капитан Спенс? Да. У нас для вас много писем. Можете получить их в караульном помещении. О, да. Вашу жену и ребенка убило при воздушном налете на Лондон. В январе этого года. Соболезную. Снарядом «Фау-2». Ужасно. Следующий!

— Подполковник Джоунс? Да, сэр. Вы отправляетесь с первой партией завтра утром. Отправляются все старшие офицеры. Следующий!

— Майор Маккой? А, да, мы справлялись о вашей жене и сыне. Дайте-ка посмотреть, они ведь были на «Императрице Шроншира», не так ли? Это судно отплыло из Сингапура 9 февраля 1942 года. Извините, но у нас нет никаких новостей, не считая того, что оно было потоплено где-то недалеко от Борнео. Ходили слухи, что некоторые спаслись, но спаслись ли ваши родные и где они, никто не знает. Вам надо набраться терпения! Мы слышали, что лагеря военнопленных были везде... на Целебсе, на Борнео, вам надо набраться терпения. Следующий!

— А, полковник Смедли-Тейлор? Извините, но у нас плохие новости, сэр. Ваша жена убита во время воздушного налета. Два года назад. Ваш сын, командир эскадрильи П. Р. Смедли-Тейлор, награжденный «Крестом Виктории», пропал без вести над Германией в 1944 году. Ваш сын Джон в настоящее время находится в Берлине в оккупационном корпусе. Вот его адрес. Звание? Подполковник. Следующий.

— Полковник Ларкин? Австралийцами занимается кто-то другой. Следующий.

— Капитан Грей? Ага, ну, тут сложный случай. Видите ли, прошло сообщение, что вы пропали без вести в боях в 1942 году. Ваша жена вышла замуж вторично. Она... э... э..., ну вот ее теперешний адрес. Не знаю, сэр. Вам придется обратиться в министерство юстиции. Законы не по моей части. Следующий.

— Капитан Эварт? Ах, да. Малайский полк. Да, рад сообщить, что ваша жена и трое детей целы и невредимы. Они находятся в лагере Часон в Сингапуре. Да, мы отправляем вас сегодня днем. Извините, что? Ну, не знаю. В справке говорится, у вас трое, а не двое детей. Возможно, это ошибка. Следующий.

Все больше обитателей лагеря соглашалось съездить покупаться. Но внешний мир по-прежнему страшил, и люди радовались, возвращаясь обратно. Шон тоже поехал поплавать. Он дошел до берега вместе с другими мужчинами, держа в руках узелок. На пляже Шон отвернулся, многие стали хохотать и глумиться над извращенцем, который не мог заставить себя раздеться на людях.

— Гомик!

— Педераст!

— Извращенец!

— Гомосек!

Шон шел по пляжу, подальше от насмешек до тех пор, пока не нашел укромное местечко. Он стянул короткие штанишки, рубашку, надел вечерний саронг, лифчик с подкладкой, пояс с чулками, причесался и покрасил лицо. Тщательно, очень тщательно. С песка поднялась девушка, уверенная в себе и очень счастливая. Она надела туфли на высоких каблуках и пошла в море.

Море радостно приняло ее и заставило ее спокойно уснуть, а потом постепенно поглотило ее одежды, тело, покончило счета с жизнью.

* * *

В дверях хижины Питера Марлоу стоял какой-то майор. Его мундир был сплошь покрыт медалями. Он выглядел очень молодым. Он рассматривал хижину, в которой какие-то непотребные личности лежали на койках, переодевались или готовились принять душ. Глаза его остановились на Питере Марлоу.

— Что, черт вас подери, вы пялитесь? — заорал Питер Марлоу.

— Не смейте со мной так говорить! Я майор и...

— Да пусть хоть сам Христос, мне плевать. Убирайтесь отсюда! Убирайтесь!

— Смирно! Я предам вас военно-полевому суду! — огрызнулся майор, глаза его выкатились из орбит, пот тек градом. — Вам должно быть стыдно разгуливать в юбке...

— Это саронг!

— Это юбка, и вы ходите в ней полуголый! Вы, военнопленные, считаете, что вам все может сойти с рук. Слава Богу, не все. Теперь вас научат, как надо уважать...

Питер Марлоу выхватил свой штык с приделанной к нему рукояткой, бросился к двери и сунул нож к лицу майора.

— Убирайся отсюда, или, Богом клянусь, я перережу твою вонючую глотку!..

Майор испарился.

— Полегче, Питер, — пробормотал Фил. — Ты на всех нас навлечешь беду.

— Почему они прячутся на нас? Почему? Почему, черт возьми? — орал Питер Марлоу. Ответа не было.

В хижину вошел врач с нарукавной повязкой Красного Креста, он торопился, хотя притворялся, что не торопится, и улыбнулся Питеру Марлоу.

— Не обращайтесь на него внимания, — сказал врач, показывая на майора, который шел по лагерю.

— Почему, черт побери, все вы прялитесь на нас?

— Закурите и успокойтесь.

Доктор казался милым и спокойным человеком, но он был приезжим, и доверять ему было нельзя.

— «Закурите и успокойтесь». Все вы, ублюдки, говорите одно и то же, — бушевал Питер Марлоу. — Я спросил, почему вы все прялитесь на нас?

Доктор закурил и сел на одну из кроватей, сразу же пожалев об этом. Он знал, что все кровати кишат заразой. Но он хотел помочь.

— Я попытаюсь объяснить, — спокойно сказал он. — Вы все прошли через непереносимое и вынесли невыносимое. Вы — ходячие скелеты. На ваших лицах живы только глаза, а в глазах выражение... — Он запнулся на мгновение, пытаясь подобрать слово, потому что он знал, им нужна помощь, забота и ласка. — Я даже не знаю, как описать это. Это скрытность... Нет, это не то слово, и это не страх. Но у всех одинаковое выражение глаз. И вы все живы, когда по всем законам должны были умереть. Мы не знаем сейчас, почему вы не мертвы или почему вы выжили, я имею в виду каждого, кто находится здесь, не только вас. Мы смотрим потому, что от вас невозможно отвести глаз.

— Я полагаю, как на клоунов в какой-нибудь чертовой интермедии?

— Да, — спокойно ответил доктор. — Можно и так сказать, но...

— Клянусь Богом, я убью следующего мерзавца, который посмотрит на меня, как на обезьяну.

— Держите, — сказал доктор, пытаясь облегчить его страдания. — Вот таблетки. Они помогут вам успокоиться... Питер Марлоу выбил таблетки из рук врача и заорал:

— Мне не нужны ваши чертовы таблетки! Я просто хочу, чтобы меня оставили одного! — И вылетел из хижины.

В хижине американцев никого не было.

Питер Марлоу лег на койку Кинга и заплакал.

* * *

— Пока, Питер, — сказал Ларкин.

— Пока, полковник.

— Пока, Мак.

— Всего хорошего, приятель.

— Пишите.

Ларкин пожал им руки, потом пошел к воротам Чанги. Там по машинам рассаживались австралийцы. Их отвозили на корабли. Домой.

— Когда вы уезжаете, Питер? — спросил Мак, когда Ларкин ушел.

— Завтра. А вы?

— Я уезжаю сейчас, но собираюсь задержаться в Сингапуре. Нет смысла садиться на корабль, пока не решу, куда ехать.

— Новостей по-прежнему нет?

— Нет. Они могут быть где угодно, Индокитай большой. Но, если бы она и Энгус были мертвы, думаю, я бы знал. В душе. — Мак поднял свой рюкзак и непроизвольно проверил — на месте ли последняя банка с сардинами. — Я слышал, как будто бы в одном из лагерей в Сингапуре есть женщины, которые были на «Шроншире». Возможно, кто-нибудь из них что-нибудь знает или даст мне ключ к разгадке. Если бы я смог их найти! — Он выглядел постаревшим, с морщинистым лицом. Но держался молодцом. Мак протянул руку. — Salamat!

— Salamat!

— Puki'mahlu!

— Senderes, — ответил Питер Марлоу, чувствуя, как по щекам текут слезы, но не стыдился их. Как не стыдился своих слез Мак.

— Вы всегда можете написать мне до востребования в банк Сингапура, приятель.

— Напишу. Удачи, Мак.

— Salamat!

Питер Марлоу стоял на улице, которая делила лагерь на две части, и смотрел, как Мак поднимается на холм. На вершине холма остановился, обернулся и помахал рукой. Питер Марлоу помахал в ответ, а потом Мак затерялся в толпе.

И теперь Питер Марлоу остался совершенно один.

* * *

Последний восход в Чанги. Умер последний человек. Некоторые из офицеров из хижины номер шестнадцать уже уехали. Самые больные.

Питер Марлоу лежал под противомоскитной сеткой в полусне. Люди вокруг него просыпались, вставали, выходили облегчиться. Барстерс стоял на голове, занимаясь гимнастикой йогов. Фил Минт одной рукой ковырял в носу, а другой калечил мух, уже началась игра в бридж. Майнер играл гаммы на деревянной клавиатуре, а Томас бранился, что завтрак запаздывал.

— О чем ты думаешь, Питер? — спросил Мак.

Питер Марлоу открыл глаза и внимательно посмотрел на него.

— Ты выглядишь по-другому, вот что я скажу.

Мак потерял верхнюю выбритую губу тыльной стороной руки.

— Я чувствую себя голым. — Он посмотрел на свое отражение в зеркале. Потом пожал плечами. — Ну, нет их, и все тут.

— Эй, жратву принесли, — крикнул Спенс.

— Что там на завтрак?

— Овсянка, тост, мармелад, яичница, бекон, чай.

Некоторые жаловались на скудность порций, другие считали их огромными.

Питер Марлоу взял только яичницу и чай. Он перемешал яйца с рисом, который сберег со вчерашнего дня, и съел его с большим удовольствием.

Он оторвался от еды, когда в хижину суетливо вошел Дринкуотер.

— А, Дринкуотер! — остановил он его. — Можно вас на минутку?

— Ну, конечно, — Дринкуотер был поражен неожиданной приветливостью Питера Марлоу. Бледно-голубые глаза изучали пол хижины. Он боялся, что его ненависть к Питеру Марлоу выплеснется наружу. «Держись, Тео, — твердил он себе. — Ты сдерживался месяцами. Не позволяй, чтобы сейчас это вырвалось наружу. Еще несколько часов, и ты сможешь забыть его и всех остальных. Лилс

и Блоджер не имели права искушать тебя. Совсем никакого права. Ну, они получили то, что заслужили».

— Помните ту кроличью ногу, которую вы украли?

Глаза Дринкуотера сверкнули.

— О чем... о чем вы говорите?

В проходе остановился Фил и, почесываясь, посмотрел на них.

— А, хватит, Дринкуотер, — сказал Питер Марлоу. — Меня это больше не трогает. За каким чертом? Война закончена, и мы выбрались. Но вы помните ту кроличью ногу, не правда ли?

Дринкуотер был слишком умен, чтобы попасться так просто.

— Нет, — ответил он резко, — нет, не помню. — Но ему было очень трудно удержаться и не сказать — вкусная, очень вкусная!

— Знаете, это был не кролик.

— Да? Извините, Марлоу — это был не я. И я не знаю, кто взял ее, что бы это ни было!

— Я скажу вам, что это было, — Питер Марлоу наслаждался моментом. — Это было крысиное мясо. Мясо крысы.

Дринкуотер рассмеялся.

— Вы очень остроумны, — ядовито сказал он.

— Но это и в самом деле была крыса. Действительно крыса. Я поймал крысу. Она была большой, волосатой и вся покрыта коростой! Думаю, у нее была чума.

Подбородок Дринкуотера задрожал, челюсти затряслись.

Фил подмигнул Питеру Марлоу и жизнерадостно кивнул.

— Верно, святой отец. Она была вся в коросте. Я видел, как Питер снял шкурку с ноги...

Вот тут-то Дринкуотера стошнило на его чистую красивую форму; он выбежал из хижины, и его еще раз вырвало, а Питер Марлоу хохотал, и вскоре вся хижина ходила ходуном от хохота.

— О, Боже, — простонал Фил. — Должен пожать тебе руку, Питер. Что за блестящая идея. Придумать, что это была крыса. О, Бог мой! Этот педик получил сполна!

— Но это и вправду была крыса, — сказал Питер Марлоу. — Я подстроил все так, чтобы он украл ее.

— О, да, конечно, — саркастически сказал Фил, автоматически работая хлопушкой для мух. — Не пытайся приукрасить такую замечательную историю. Замечательную!

Питер Марлоу понял, они не поверят ему. Поэтому доказывать что-либо он больше не стал. Никто не поверит ему до тех пор, пока он не покажет им ферму... Господи! Ферма! И у него все перевернулось в груди.

Он надел новую форму. Он — капитан авиации. На левой стороне груди — крылышки. Он осмотрел свои пожитки — кровать, противомоскитная сетка, матрас, одеяло, саронг, рваная рубашка, обтрепанные шорты, две пары деревянных сандалий, нож, ложка и три алюминиевых тарелки. Он сгреб все с кровати, вытащил наружу и поджег.

— Эй, вы... ох, извините, сэр, — сказал сержант. — Костры жечь опасно. — Сержант был чужаком, но Питер Марлоу не боялся чужаков. Сейчас не боялся.

— Пошел вон, — огрызнулся Питер Марлоу.

— Но, сэр...

— Я сказал, пошел вон, черт тебя побери.

— Слушаюсь, сэр, — сержант отдал честь, и Питер Марлоу почувствовал, как он доволен, что больше не боится чужаков. Он отдал честь сержанту и пожалел об этом — ведь он был без фуражки. Неловко вскрикнув: «А, черт возьми, где моя фуражка?» Он торопливо вернулся в хижину, чувствуя, что страх перед чужаками опять берет свое. Но он заставил себя подавить его, твердя себе: «Клянусь Богом, никогда больше не буду бояться. Никогда».

Он нашел фуражку и припрятанную банку сардин. Положив банку в карман, он спустился по ступенькам и пошел по дороге вдоль проволоки. Лагерь был почти пуст. Последние англичане уезжали сегодня, с тем же конвоем, что и он. Уезжали навсегда. Прошло много времени после отъезда австралийцев, и вечность — после отъезда янки. Но именно так и должно было все происходить. Англичане действуют медленно, но верно.

Он остановился около хижины американцев. Брезентовый полог сиротливо свисал с навеса, едва шевелясь на ветру прошлых воспоминаний. В последний раз Питер Марлоу вошел внутрь.

В полумраке хижины он увидел Грея, одетого в отутюженную форму.

— Пришли последний раз взглянуть на место ваших побед? — спросил Грей злобно.

— Это как смотреть на вещи, — Питер Марлоу свернул сигарету и стряхнул остатки табака в коробочку. — Теперь война закончена. Мы равны, вы и я.

— Верно. — Лицо Грея было напряженным, а глаза напоминали глаза змеи. — Я смертельно ненавижу вас.

— Помните Дино?

— А что такое?

— Он был вашим осведомителем, верно?

— Думаю, сейчас можно признаться в этом.

— Кинг знал все о Дино.

— Я не верю вам.

— Дино передавал вам информацию по приказу. По приказу Кинга! — рассмеялся Питер Марлоу.

— Вы — проклятый лжец!

— Зачем мне врать? — Смех Питера Марлоу резко оборвался. — Время лжи кончено. Прошло. Но Дино делал это по приказу. Помните, как вы всегда опаздывали? Всегда.

«О, Бог мой, — подумал Грей. — Да, да. Сейчас все встает на свои места».

Питер Марлоу затянулся.

— Кинг понял, что, если вы не получите настоящей информации, вы наверняка захотите обзавестись осведомителем. Поэтому он вам такого и подсунул.

Грей вдруг почувствовал, что очень устал. Смертельно устал. Многого он не понимал. Слишком все сложно, многое необъяснимо. Он отогнал мысли, поднял голову и увидел Питера Марлоу, его ядовитую насмешку. Все его затаенное горе выплеснулось наружу. Он с грохотом прошел по хижине, перевернул рывком кровать Кинга, разбросал его пожитки, потом набросился на Питера Марлоу.

— Очень умно! Но я видел, как Кинга поставили на место, и я увижу, как это случится с вами. И с вашим вонючим привилегированным классом!

— О!

— Можете поставить против этого свою проклятую жизнь! Я когда-нибудь расправлюсь с вами, даже если мне придется потратить на это остаток жизни. Я разберусь с вами в конце концов. Вашей удаче придет конец.

— Удача здесь совершенно ни при чем.

Грей тряс пальцем у лица Питера Марлоу.

— Вы родились везунчиком. Вы удачно отсидели в Чанги, вы даже спасли свою драгоценную маленькую душонку, если таковая у вас когда-нибудь была!

— О чем вы? — Питер Марлоу оттолкнул палец.

— Разложение. Моральное разложение. Вы спаслись как раз вовремя. Еще несколько месяцев общения со злом, воплощением которого был Кинг, и вы бы переродились навечно. Вы начали превращаться в величайшего лгуна и обманщика — каким был и он.

— Он не был воплощением зла и никого не обманывал. Все, что он делал, — это приспособливался к обстоятельствам.

— Во что превратился бы мир, если бы каждый прикрывался этим. Существует такая вещь, как мораль.

Питер Марлоу бросил сигарету на пол и втоптал ее в пыль.

— Не говорите, что вы скорее бы умерли с вашими чертовыми добродетелями, но не пошли бы на небольшой компромисс. Ради спасения своей жизни.

— Небольшой? — резко рассмеялся Грей. — Вы распродали все. Честь, честность, гордость — и все за подачку от худшего из ублюдков в этой вонючей дыре!

— Если уж вы заговорили о чести, то у Кинга было очень высокое понятие о чести. Но вы правы в одном. Он действительно изменил меня. Он показал мне, что человек может оставаться человеком, независимо от происхождения и обстоятельств. И я это понял. Поэтому я не прав, насмехаясь над тем, чем вы просто не обладали от рождения. Приношу вам свои извинения. Но я презираю вас как человека.

— В конце концов, я не продавал свою душу! — Форма Грея пропиталась потом, он злобно глядел на Питера Марлоу. Но в душе он задыхался от ненависти к самому себе. «А со Смедли-Тейлором? — спрашивал он сам себя. — Верно, я тоже продался. Я сделал это. Но, по крайней мере, я знаю, в чем я был не прав. Я знаю. И я знаю, почему я это сделал. Я стыдился своего

происхождения и хотел принадлежать к благородному классу. К вашему проклятому классу, Марлоу. К армии. Но сейчас мне на это наплевать».

— Вы, мерзавцы, получили мир даром, — вслух сказал он, — но ненадолго, клянусь Богом, не навсегда. Мы собираемся сквитаться с вами, мы, люди, подобные мне. Мы не для того дрались на войне, чтобы в нас плюнули. Мы собираемся свести счеты!

— Удачи вам в этом!

Грей пытался справиться с дыханием. Он с усилием разжал кулаки и стер пот со лба.

— Но с вами даже не стоит драться. Вы мертвы!

— Все дело в том, что мы оба живы-живехоньки.

Грей повернулся и пошел к двери. Стоя на верхней ступеньке, он оглянулся.

— Я должен благодарить вас и Кинга за одну вещь, — злобно сказал он. — Ненависть к вам обоим спасла мне жизнь. Потом он широким шагом ушел, ни разу не оглянувшись. Питер Марлоу бросил взгляд на лагерь, потом на хижину и на разбросанные вещи Кинга. Он поднял тарелку, на которой жарили яйца, и заметил, что она уже покрыта пылью. Думая о своем, он рассеянно поднял стол и поставил на него тарелку. Он думал о Грее, Кинге, Семсене, Шоне, Максе и о Тексе. Думал, где жена Мака, и не была ли Нья просто сном, о генерале и о чужаках в лагере, и о доме, и о самом Чанги.

«Я не могу понять, не могу понять, — беспомощно думал он. — Неужели приспособливаться к обстоятельствам — плохо. Что дурного в том, если ты стараешься выжить? Что бы я сделал, будь я Греем? Что бы сделал Грей на моем месте? Что есть добро, а что зло?»

И Питер Марлоу, терзаемый мучительными мыслями, знал, что единственный человек, который, вероятно, мог бы объяснить ему это, погиб в ледяном море в походе на Мурманск.

Глаза его скользили по предметам из прошлого — столу, на котором покоилась его рука, кровати, на которой он выздоравливал после болезни, скамейке, которую они делили с Кингом, стулья, на которых они хохотали, — почти развалившиеся и заплесневелые.

В углу валялась пачка японских долларов. Он подобрал их и стал разглядывать. Потом стал бросать их один за одним. Когда бумажки улеглись, их снова облепили тучи мух. Питер Марлоу встал на пороге.

— Прощайте, — сказал он всему, что принадлежало его другу. — Прощайте и спасибо.

Он вышел из хижины и пошел вдоль стены тюрьмы к цепочке грузовиков, которые терпеливо ждали у ворот Чанги.

Форсайт стоял у последнего грузовика, он был счастлив, что его работа закончена. Он был измучен, и в его глазах Чанги оставил свою отметину. Он командовал конвоем отправляться.

Тронулся первый грузовик, за ним второй, потом третий и наконец все грузовики выехали из Чанги, и только один раз Питер Марлоу оглянулся назад. Когда он уже был далеко.

Когда Чанги был похож на жемчужину в изумрудной устричной раковине, белоглазый под сводом тропического неба, Чанги стоял на небольшом подъеме, а вокруг был зеленый пояс джунглей, а дальше джунгли переходили в синезеленую морскую гладь, уходящую в бесконечность до самого горизонта.

Больше он не оглядывался назад.

* * *

Этой ночью Чанги опустел. Ушли люди. Но остались насекомые.

И крысы.

Они были по-прежнему там. Под хижинкой. И многие сдохли, забытые своими тюремщиками. Но самые сильные были по-прежнему живы.

Адам рвал сетку, чтобы достать еду, сражаясь с проволокой, с которой он дрался с тех пор, как был посажен в клетку. И его настойчивость была вознаграждена. Боковая часть клетки оторвалась, он набросился на еду и стал пожирать ее. Потом отдохнул и с новой силой стал рвать другую клетку и в конце концов сожрал крыс внутри нее.

Ева присоединилась к нему, и они удовлетворили свою страсть, а потом вместе стали искать еду. Позже вся сторона траншеи рухнула, многие клетки раскрылись и живые пожирали мертвых, и слабые становились добычей сильных, до тех пор, пока победители не оказались все одинаково сильными. И тогда они дрались между собой и становились добычей друг для друга.

И правил Адам, потому что он был Королем. До тех пор, пока его желание быть королем не покинуло его. Тогда он сдох, став добычей для более сильного. И самая сильная крыса всегда оставалась Королем, не только благодаря своей силе, но и потому, что быть Королем означало быть хитрым, удачливым и сильным одновременно. Среди крыс.

Примечания

- {1} Юнион Джек — название государственного флага Великобритании.
- {2} Гуркхи — непальские солдаты в индийской армии или в Гуркхском полку английской армии.
- {3} Помми — англичанин, иммигрировавший в Австралию.
- {4} Кинг — король (англ.).
- {5} Мандалай — город в Бирме.
- {6} Лусон — северный остров Филиппин.
- {7} Пиджин-инглиш — англо-китайский гибридный язык.
- {8} «Куа» — местные сигареты.
- {9} Капок — растительный пух.
- {10} Стрит — карты, подобранные подряд по достоинству в покере.
- {11} Стад — разновидность покера. Три и две карты одного достоинства.
- {12} Бери-бери — болезнь, вызываемая отсутствием витамина В, распространенная среди людей, питающихся в основном рисом.
- {13} Санни — «солнечный».
- {14} Bushido — самурайский кодекс чести.
- {15} Аллеганы — горы на северо-востоке США.
- {16} Caveat emptor (лат.) — качество на риске покупателя.
- {17} Паранг — короткая сабля, распространенная в Малайе.
- {18} Шекспир В. Макбет. Пер. с англ. Ю. Корнеева.
- {19} День Би — день рождения.
- {20} «День товарообмена» и «день рождения» — в сокращении звучат «день Би».
- {21} Кокни — уроженец восточных окраин Лондона.
- {22} Джон Буль — прозвище типичного англичанина.
- {23} 1 стоун = 14 фунтам = 6,34 кг.